947
B19

П. Г. Васенко, профессоръ С. Ѳ. Платоновъ,
Е. Ф. Тураева-Церетели

НАЧАЛО ДИНАСТІИ
РОМАНОВЫХЪ

ИСТОРИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ

Съ 12 портретами и рисунками

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ИЗДАНІЕ Я. БАШМАКОВА и К°
1912

R+

13 VIII 250

28/VIII 395

56 до 28/X-61

~~125~~ 574 und 118 IX 62

657 до 16/II 69

37

191 549 до 18/II 74

10 2092 до 11/VIII 74

1149 до 17/I-76

(редкий фонд Минаков до 20/III-83 г.

Колич. предыд. выдач. _____

...ветерская мысль", М. Сухаревская 9. Зак. 1265

НА ДОМ НЕ ВЫДАЕТСЯ

На дом не выдавать

МОСКОВСКИЙ ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КУСТОВОЙ БИБЛИОТЕЧНЫЙ
СКОП. РЕАЛ. УЧ.
3480.

П. Г. Васенко, профессоръ С. Ѳ. Платоновъ,
Е. Ф. Тураева-Церетели

Ко
п 34 г.
Московская Губернская Центральная Библиотека
СКОП. РЕАЛ. УЧ.
3480.
ЭК
8830

НАЧАЛО ДИНАСТІИ РОМАНОВЫХЪ

ИСТОРИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ

49777
49
947
№ инв. кат. В19н

Съ 12 портретами и рисунками

947
В19
Московская Губернская Центральная Библиотека
РЕДКАЯ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ИЗДАНІЕ Я. БАШМАКОВА и К°
1912

Типографія М. Волковича. Садовая 60 (уг. Б. Подъяческой).

СКОП. РЕАЛ. УЧ.

ОТЪ АВТОРОВЪ.

Предлагаемая вниманію читателей книга «Начало династіи Романовыхъ» представляетъ собой результатъ коллективной работы трехъ лицъ. Первая и вторая, пятая и шестая главы книги написаны П. Г. Васенко, третья и четвертая—Е. Ф. Тураевою, седьмая глава — профессоромъ С. Ѳ. Платоновымъ. Редакція «Приложеній» принадлежитъ Е. Ф. Тураевой.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

СТР.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Родоначальники дома Романовыхъ—бояре Кошкины-Захарьины и родство ихъ съ династіей Калиты 1

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Дѣти Никиты Романовича и ихъ судьба до 1611 г. 43

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Разрушеніе и возстановленіе государственнаго порядка 103

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Избраніе въ цари Михаила Ѳеодоровича Романова и царское вѣнчаніе 135

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Отъ воцаренія Михаила Ѳеодоровича до возвращенія изъ плѣна государева отца 154

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Патріархъ Филаретъ Никитичъ. Послѣдніе годы царствованія Михаила Ѳеодоровича. Возвращеніе Смоленска при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ 192

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

„Вся Земля“ 220

Приложенія 235

НАЧАЛО ДИНАСТІИ

РОМАНОВЫХЪ

Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ, всея Россіи самодержецъ.

Костромская Губернская

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Родоначальники дома Романовыхъ — бояре Кошкины - Захарьины и родство ихъ съ династіей Калиты.

I.

Первый государь нынѣ царствующей въ Россіи династіи, царь Михаилъ Ѳеодоровичъ, происходилъ изъ одного изъ древнѣйшихъ и славнѣйшихъ нашихъ боярскихъ родовъ. Происхожденіе этого знатнаго рода теряется во мракѣ вѣковъ, что породило съ теченіемъ времени легендарныя преданія объ его родоначальникѣ. Въ этихъ преданіяхъ очень мало исторической правды, за то много домысловъ и фантастическихъ предположеній, принимавшихся въ свое время безъ надлежащей повѣрки и обоснованій. Намъ надо все же познакомиться съ этими домыслами и преданіями, чтобы понять всю ихъ несостоятельность и малоцѣнность для исторіи рода Романовыхъ.

Въ наиболѣе цѣльномъ видѣ легенда о родоначальникѣ популярнѣйшей боярской семьи XVI вѣка находится въ сочиненіи барона Кампенгаузена, чиновника русской службы, который въ 1705 году издалъ на нѣмецкомъ языкѣ „Генеалогически-хронологическую исторію Всесвѣтлѣйшаго Дома Романовыхъ и его болѣе стараго коренного рода“. Въ этой исторіи есть нѣкоторыя здравыя соображенія и мысли, когда рѣчь заходитъ о болѣе близкихъ къ намъ временахъ. Но происхожденіе рода Романовыхъ изложено въ ней слѣдующимъ образомъ: „Первый водворившійся въ Россіи родоначальникъ прародительскаго рода Романовыхъ былъ Пруссо-Самогитскій князь или державецъ по имени Гландалъ (или Гланда) Камбила Дивоновичъ, происходившій отъ древнѣйшихъ языческихъ Пруссо-Литовско-Самогитскихъ царей, князей, или державцевъ. Изгнанный изъ своихъ на-

Московский Центральная библиотека

слѣдственныхъ владѣній въ Самогитіи и Судавіи Нѣмецкимъ Рыцарскимъ Орденомъ, порабощавшимъ Прусскія земли, онъ, въ послѣдней четверти XII вѣка, бѣжалъ вмѣстѣ со своимъ малолѣтнимъ сыномъ въ Россію. Здѣсь, въ 1287 году, онъ былъ крещенъ съ именемъ Іоанна, какъ все это будетъ подробнѣе изложено въ послѣдующей спеціальной генеалогической исторіи. Вышеупомянутый его сынъ, названный въ Россіи Андреемъ Ивановичемъ Камбилою (а искаженно Кабыла или Кобыла) оставилъ послѣ себя многочисленное потомство, которое по прозвищамъ его и его отца получило названіе рода Кабылиныхъ или Кобылиныхъ".

На первый взглядъ, изложенная Кампенгаузеномъ исторія происхожденія родоначальника семьи Романовыхъ и многихъ другихъ знаменитыхъ русскихъ боярскихъ и дворянскихъ фамилій, должна внушать, казалось бы, полное довѣріе къ себѣ по обилію именъ и точной датѣ крещенія вышеупомянутаго князя Гландала. Но, если мы посмотримъ, на чемъ основываются всѣ эти имена и хронологическія указанія, мы принуждены будемъ измѣнить свое первоначальное мнѣніе. Мы узнаемъ, что имени „Гландалъ" нѣтъ среди именъ князей той страны и той эпохи, къ какимъ принадлежалъ этотъ, по утвержденію Кампенгаузена, родоначальникъ нашей Царской фамиліи. А главное основаніе для всѣхъ построеній названнаго писателя состоитъ въ довѣріи къ преданію, которому, по его убѣжденію, „нельзя не придавать вѣры особенно въ области генеалогическихъ данныхъ", и къ изысканіямъ предшествующихъ изслѣдователей XVIII вѣка.

Въ виду того, что всѣ эти „изслѣдованія" въ основѣ своей имѣютъ произведеніе герольдмейстера первой четверти XVIII столѣтія Ст. Андр. Колычева и что Колычевъ происходилъ отъ того же предка, отъ котораго ведутъ свое начало Романовы, трудъ его пріобрѣтаетъ для насъ извѣстный интересъ. Въ немъ повѣствуется о прусскомъ королѣ Прутено, отдавшемъ въ 373 году по Р. Хр. „для старости своей" „въ вѣчное обладательство свое королевство брату своему Вейдевуту". Одинъ изъ потомковъ Вейдевута Гландосъ Камбила Дивоновъ сынъ въ 1283 году „пріиде къ Московскому великому князю Данилу Александровичу всеа Россіи самодержцу, и тотъ его крестилъ въ законъ греческаго ис-

повѣданія. А что того славнаго Камбилу или Гланда Камбиліона стали нарицать Кобыла, и то, мню, учинено съ недозрѣнія особы его. Въ томъ вѣку нарещи иноземческихъ прозваній многіе не умѣли и съ истиною того прозванія знатно распознавать не умѣли или не хотѣли, а наипаче древніе писари Русскіе, недовольные въ граматическихъ ученіяхъ, вельми иноземныя прозванія и имена отмѣняли, не дописуя вѣрно, или съ прибавкой отъ незнанія писали"... Разсказъ Колычева основывается, какъ намъ извѣстно изъ изслѣдованія А. П. Барсукова „Родъ Шереметевыхъ", на показаніяхъ позднихъ и любившихъ прибѣгать къ смѣлымъ и малообоснованнымъ догадкамъ писателей. Поэтому онъ не внушаетъ намъ никакого довѣрія. Правда, указанный Колычевымъ фактъ искаженій иностранныхъ словъ и названій, своеобразная руссификація ихъ, общеизвѣстенъ. Но не менѣе извѣстны и обратные случаи, когда досужіе книжники придумывали миѳическихъ лицъ для объясненія географическихъ названій. Такъ въ хронографахъ пресерьезно разсказывается, какъ нѣкій царь Визъ „роди... дщерь, нарече ей имя Антія", а затѣмъ построенный имъ городъ назвалъ „во имя дщере своея и въ свое, Византія". И подобныхъ примѣровъ можно привести десятки, если не сотни.

Поэтому мы не можемъ повѣрить въ реальность существованія князя Гланды Камбиліона. Правда, объ немъ разсказываетъ одинъ изъ потомковъ родоначальника семьи Колычевыхъ. Но мы имѣемъ болѣе раннее показаніе, показаніе конца XVII вѣка, принадлежащее тоже одному изъ представителей потомства родоначальника Романовыхъ. Это показаніе находится въ началѣ поколѣнной росписи Шереметевыхъ, которая была составлена бояриномъ Петромъ Васильевичемъ Большимъ Шереметевымъ и за собственноручной подписью представлена имъ 23-го мая 1686 года въ Разрядъ. Въ ней мы читаемъ: „Родъ Прусскаго княженія владѣтеля Андрея Ивановича, а прозваніе было ему Кобыла: Пріѣхалъ изъ Пруссъ отъ своихъ предѣловъ владѣтель Андрей Ивановичъ, а у него былъ сынъ Ѳедоръ Андреевичъ".

Показаніе Шереметева характерно по отсутствію въ немъ имени Гланды Камбиліона. Боярину, который составилъ „Роспись" для внесенія ея въ извѣстную Бархатную книгу

было крайне важно и выгодно сообщить о своихъ предкахъ возможно болѣе полныя свѣдѣнія. Мы можемъ ожидать поэтому въ словахъ Шереметева какихъ нибудь добавленій, говорящихъ въ пользу знатности его предка, но никакъ не умолчанія объ настоящемъ имени „владѣтеля Андрея Ивановича“. Это умолчаніе говоритъ, конечно, не въ пользу домысловъ Колычева. Притомъ въ Разрядѣ отнеслись безъ полнаго довѣрія и къ показанію „Росписи“ о происхожденіи Андрея Ивановича изъ владѣтельнаго рода и не занесли его въ Бархатную Книгу.

Подобный случай имѣлъ мѣсто, быть можетъ, и потому, что въ родословныхъ книгахъ, ведущихъ свое начало отъ XVI вѣка, нѣтъ указаній на княжеское происхожденіе выѣхавшаго „изъ Пруссъ“ родоначальника Дома Романовыхъ и фамилій Шереметевыхъ, Колычевыхъ и многихъ другихъ знатнѣйшихъ семей. Но подобное преданіе существовало несомнѣнно уже въ XVI вѣкѣ. Такъ князь Андрей Курбскій, политическій бѣглецъ временъ Грознаго, говоритъ въ своей „Исторіи“, представляющей памфлетъ на царствованіе Ивана IV, о прародителѣ Колычевыхъ и Шереметевыхъ, что „прародитель ихъ, мужъ свѣтлый и знаменитый, отъ Нѣмецкіе земли выѣхалъ, ему же имя было Михаилъ: глаголютъ его быти съ роду княжатъ Решскихъ“, т. е. имперскихъ. Любопытное извѣстіе Курбскаго указываетъ, что преданіе о властительномъ происхожденіи родоначальника Романовыхъ возникло поздно, такъ какъ оно сообщаетъ искаженно его имя и затѣмъ говоритъ о немъ, какъ объ имперскомъ князѣ. Между тѣмъ Пруссія въ XIII вѣкѣ не входила въ составъ имперскихъ земель. Поэтому нельзя опираться на это преданіе. И вообще XV-ый вѣкъ не знаетъ его. По крайней мѣрѣ одинъ изъ потомковъ родоначальника Романовыхъ, дѣдъ царицы Анастасіи, бояринъ Юрій, не вспомнилъ, мѣстничаясь со своимъ соперникомъ, княземъ Даніиломъ Щенятемъ, ни о владѣтельномъ положеніи своего предка, ни о выѣздѣ его „изъ Пруссъ“. Откуда же взялось такое преданіе? Что было причиной его возникновенія? Что было поводомъ повести родоначальника многихъ русскихъ знатныхъ фамилій изъ чужеземной Пруссіи?

Для правильнаго отвѣта на поставленные нами вопросы

нужны нѣкоторыя историческія справки. Предстоитъ припомнить, что переживала Москва въ концѣ XV—началѣ XVI вѣковъ. Времена удѣльнаго періода русской исторіи, времена Москвы Ивана Калиты отходили очень быстро въ область преданій. Объединеніе сѣверо-восточной Руси шло впередъ гигантскими шагами. Великіе князья Московскіе не по титулу только становились князьями всея Руси. Этого достигли они благодаря своимъ собственнымъ усиліямъ и помощи своихъ вѣрныхъ слугъ и помощниковъ, исконныхъ московскихъ бояръ. Но тотъ самый процессъ, который такъ возвысилъ великихъ Московскихъ князей, принизилъ ихъ многолѣтнихъ слугъ. Дѣло въ томъ, что при дворѣ Московскаго государя стали появляться все въ большемъ числѣ „князья“, бывшіе прежде самостоятельными великими или удѣльными князьями или ихъ потомками. Они благодаря своей „великой породѣ“ „заѣзжали“ не титулованныхъ Московскихъ бояръ и мало-по-малу оттѣснили почти всѣхъ ихъ на второй планъ. Только очень немногіе наиболѣе стойкіе и знатные роды въ томъ числѣ и потомки родоначальника Дома Романовыхъ держались не безъ нѣкотораго труда на поверхности. Ласкаемые своими князьями эти боярскіе роды терпѣли много уколовъ и обидъ отъ гордаго и высокомѣрнаго „княжья“, попрекавшаго старыхъ, извѣчныхъ слугъ Московскаго государства ихъ „рабскимъ“ происхожденіемъ. Надо было какъ-нибудь обороняться отъ подобныхъ обидъ и попрековъ. Давность службы, исконная знатность, занятіе важнѣйшихъ должностей при дворѣ государей все это наводило на мысль о происхожденіи отъ великороднаго предка. Къ тому же постоянные выѣзды къ Москвѣ великихъ и удѣльныхъ князей и знатныхъ иноземцевъ изъ Греціи и другихъ странъ невольно заставляли искать такого предка гдѣ-нибудь на чужбинѣ. Такъ какъ за знатнѣйшими потянулись, какъ это чрезвычайно часто бываетъ, и менѣе родовитые, то къ концу XVII вѣка у насъ въ Россіи не оказалось почти ни одной дворянской туземной фамиліи: всѣ вели свой родъ или отъ князей русскихъ или отъ выѣзжихъ родовитыхъ иностранцевъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что и родоначальникъ Романовыхъ обратился вслѣдствіе указанной причины въ знатнаго выходца изъ чужихъ краевъ.

Но что заставило потомковъ „Андрея Ивановича“, отъ котораго велъ свой родъ въ 1686 г. Шереметевъ, вывести своего прапредка изъ Пруссіи? На это они имѣли свою причину. Прежде чѣмъ говорить о ней, замѣтимъ, что цѣлый рядъ извѣстныхъ дворянскихъ фамилій считалъ себя потомками выѣзжихъ „изъ Нѣмецъ“ или „изъ Пруссъ“ людей. А примѣръ имъ подали сами ихъ государи, великіе князья Московскіе и всея Руси, съ радостью повѣрившіе въ свое мнимое происхожденіе отъ миѳическаго Прусса, брата Августа Кесаря, который былъ будто бы прямымъ предкомъ нашего перваго князя Рюрика.

Въ настоящее время никто не вѣритъ „сей баснѣ“ и считаетъ ее наивной и нелѣпой выдумкой. Однако надо признать, что она вполнѣ соотвѣтствовала запросамъ и тщеславію тѣхъ, для кого была придумана, и даже имѣла для невѣжественныхъ и довѣрчивыхъ людей той эпохи признаки достовѣрности. Слѣдуетъ не забывать, что конецъ XV-го вѣка былъ періодомъ начала политической самостоятельности и большого внѣшняго могущества Московской Руси. Государи ея освободили наконецъ свою страну отъ тягостнаго и унизительнаго татарскаго ига, соединили въ своихъ рукахъ владѣніе почти всей восточной половиной тогдашней Россіи и имѣли еще болѣе широкія и великія задачи. Имъ предстояло окончательно объединить русскую землю, покорить татарскія ханства, или, какъ ихъ называли наши предки, царства, принять царскій титулъ, пробиться къ берегамъ Балтійскаго моря и т. д. Но и къ началу 1500-хъ годовъ русскіе великіе князья почувствовали себя на головокружительной высотѣ. Паденіе Византійской имперіи возвышало нашего государя, который становился отнынѣ политическимъ главой и покровителемъ всего православнаго міра. Тогда и зародилось и получило громадную извѣстность горделивое представленіе о Москвѣ—третьемъ Римѣ, который къ тому же будетъ и послѣднимъ, такъ какъ „два убо Рима падоша, а третій, (т. е. Москва), стоитъ, а четвертому не быти“.

Но, если государи, да и весь народъ русскій, притязали на міровую роль своего государства, то очень пріятно было привести въ оправданіе своихъ историческо-жизненныхъ правъ какія-либо историко-юридическія основанія. Конечно,

женитьба великаго Московскаго князя Ивана III на греческой принцессѣ Софіи Палеологъ предоставляла этому государю нѣкоторую возможность счесть себя преемникомъ Восточно-Римскихъ или Византійскихъ императоровъ. Однако этого было мало; хотѣлось совершенно независимо отъ византійцевъ явиться законными наслѣдниками ихъ всемірно-исторической роли. Чтобы достичь этого, „оставалось“,—по справедливому замѣчанію извѣстнаго ученаго И. Н. Жданова,—„перенести вопросъ на почву генеалогическихъ отношеній и историческихъ связей, отыскать для перенесенія имперіи въ Москву какія-нибудь основанія въ быломъ. Нужно было предъявить права на наслѣдство и представить при этомъ оправдательные документы. Такіе, оправдательные документы“ возникали уже и по подобнымъ же поводамъ въ Болгаріи и Сербіи. Къ моменту возвышенія этихъ государствъ было придумано, что болгарскій Асѣнь происходилъ отъ нѣкоего знатнаго римскаго рода, а сербскій Нѣманя—отъ самого Константина Великаго. Надо признать, что составитель русской генеалогіи, по не лишенному основанія предположенію И. Н. Жданова извѣстный писатель Пахомій Сербинъ, „перещеголялъ своихъ предшественниковъ“. Онъ разсказалъ, что Пруссъ, братъ Кесаря Августа, который обладалъ всей вселенной, получилъ отъ названнаго императора „властодержество въ березехъ Вислы рѣки“ съ городами Торномъ, Магдебургомъ, Данцигомъ и многіе другіе города „по реку глаголемую Нѣманъ, впадшую въ море, иже и донынѣ зовется Прусская земля“. Отъ этого Прусса произошелъ въ 14-мъ поколѣніи Рюрикъ, первый князь русскій и его потомство.

Легко разобраться, какъ могла возникнуть и получить значеніе подобная легендарная родословная. Названіе Пруссіи дало жизнь миѳическому Пруссу, какъ Византія породила Виза и Антію и т. д. Идея о Римѣ—всемірной монархіи и постоянный тогда фактъ дробленія государства—вотчины между родственниками естественно приводили къ мысли о раздѣлѣ Римской имперіи въ пользу императорской родни, къ которой принадлежалъ и Пруссъ. Далѣе лѣтопись говорила о племени Руси, жившемъ на берегахъ Балтійскаго моря и имѣвшемъ княземъ Рюрика. Созвучіе словъ

Русь (Руссія) и Пруссія дѣлало для книжниковъ XV—XVI вѣковъ, очень плохихъ филологовъ, не имѣвшихъ представленія о невозможности подобной этимологіи, сопоставленіе ихъ весьма соблазнительнымъ и естественнымъ.

Можно въ настоящее время съ улыбкой снисхожденія отнестись къ разсказаннымъ домысламъ. Тѣмъ не менѣе нельзя никакъ отрицать того факта, что легенда о Пруссѣ, отвѣчавшая горделивымъ замысламъ русскихъ великихъ князей и чаяніямъ народа, пользовалась полнымъ почетомъ въ нашей древней письменности. Наши предки XVI—XVII вѣковъ вполнѣ ей вѣрили и на нее не разъ ссылались. Какъ заманчиво было стародавнимъ слугамъ и помощникамъ Московскихъ князей вывести и себя изъ той страны, изъ которой явились ихъ „извѣчные“ государи. При томъ не лишено нѣкотораго вѣроятія и то предположеніе, что предки Романовыхъ происходили изъ Новгорода и „подъ Пруссами“ разумѣли или сохранили смутное воспоминаніе о Прусской улицѣ этого города. Во всякомъ случаѣ всѣ толки о Пруссіи, какъ предполагаемой родинѣ прапредка Романовыхъ навсегда, думается намъ, останутся не болѣе, какъ очень и очень гадательными предположеніями.

II.

Если отъ этихъ предположеній обратиться къ точнымъ извѣстіямъ нашей лѣтописи и родословцевъ XVI—XVII вѣковъ, то мы окажемся обладателями очень немногихъ фактовъ изъ жизни родоначальника нынѣ царствующей династіи. Сводя эти факты въ одно, мы можемъ придти къ слѣдующему результату. Въ XIV вѣкѣ однимъ изъ Московскихъ бояръ былъ Андрей Ивановичъ Кобыла, родоначальникъ Колычевыхъ, Кошкиныхъ Захарьиныхъ, Шереметевыхъ и многихъ другихъ знаменитыхъ фамилій Московскаго боярства и дворянства. Въ 1347 году онъ былъ посланъ, какъ сватъ, за невѣстой Московскаго великаго князя Симеона Гордаго, Тверской великой княжной Маріей Александровной. Если принять во вниманіе, что въ 1347 году прошло всего какихъ-нибудь 6—7 лѣтъ со дня смерти Іоанна

Калиты и что за невѣстой великаго князя ѣздилъ, конечно, человѣкъ облеченный полнымъ его довѣріемъ и старый слуга его рода, не трудно придти къ одному любопытному выводу. Можно будетъ думать, что Андрей Кобыла служилъ уже первому собирателю русской земли и былъ однимъ изъ ревностныхъ его помощниковъ. И потомки его честно и вѣрно служили своимъ государямъ и родинѣ, пока волей судебъ одинъ изъ этихъ потомковъ не былъ излюбленъ народомъ и избранъ на престолъ русскихъ царей. Потомки Андрея Кобылы стали близко къ трону Московскихъ государей и удержались въ этой близости несмотря на заѣзжихъ „княжатъ“. Въ первое же время процвѣтанія Москвы они безспорно занимали виднѣйшее положеніе въ Московскомъ княжествѣ и выполняли важнѣйшія порученія своихъ государей, очень цѣнившихъ своихъ способныхъ и вѣрныхъ слугъ.

Такъ Ѳеодоръ Андреевичъ Кошка, послѣдній изъ пяти сыновей боярина Андрея Ивановича, игралъ большую и значительную роль при великихъ князьяхъ Димитріи Ивановичѣ Донскомъ и сынѣ его, Василіи Димитріевичѣ. Надо думать, что его служебная дѣятельность началась еще при дядѣ или отцѣ знаменитаго героя Куликовской битвы и что онъ былъ однимъ изъ тѣхъ замѣчательныхъ московскихъ бояръ, которые въ малолѣтство Донского совмѣстно съ святымъ митрополитомъ Алексѣемъ достойно оберегли интересы своего князя и русской земли. Ѳеодоръ Андреевичъ выполнялъ и впослѣдствіи видныя порученія своего князя: „вытягалъ“ въ пользу своего государя „Товь и Медынь у Смольнянъ“, подписывался на его духовныхъ, быть можетъ, оберегалъ Москву во время Мамаева нашествія. Во всякомъ случаѣ онъ присутствовалъ при кончинѣ великаго князя, „иже за Дономъ надъ варвары преславную побѣду показавшаго“ и съ полнымъ удовлетвореніемъ, хотя и искренней скорбью, слушалъ трогательныя слова умирающаго государя: „Родихся передъ вами и при васъ возрастохъ и съ вами царствовахъ... Великое княженіе свое вельми укрѣпихъ... отьчину свою съ вами соблюдохъ... И вамъ честь и любовь даровахъ, подъ вами грады держахъ и великія власти... И веселихся съ вами, съ вами и поскорбѣхъ. Вы не нарекостеся у мене боляре, но князи земли моей“.

И по смерти великаго князя Димитрія Ѳеодоръ Андреевичъ пользовался большимъ значеніемъ въ Москвѣ. Такъ въ 1392—1393 годахъ онъ во главѣ посольства ѣздилъ въ Великій Новгородъ для того, чтобы утвердить, или, какъ говорятъ въ настоящее время, ратифицировать, мирный договоръ новгородцевъ съ московскимъ государемъ. Да и въ прочихъ дѣлахъ онъ былъ однимъ изъ вліятельнѣйшихъ совѣтниковъ великаго князя Василія Димитріевича. Онъ отличался при этомъ умомъ и осторожностью. Это вспоминалъ впослѣдствіи татарскій мурза Эдигей. Въ началѣ XV столѣтія этотъ ордынскій вельможа сдѣлалъ удачнѣйшій набѣгъ на Русь, разграбилъ и опустошилъ рядъ русскихъ городовъ и послѣ этого прислалъ укорительную грамоту великому князю Василію Димитріевичу. Въ этой грамотѣ гордый своимъ недавнимъ успѣхомъ татаринъ писалъ высокомѣрно: „Добрые нравы и добрая дума и добрыя дѣла были къ Орде отъ Ѳедора отъ Кошки—добрый былъ человѣкъ,—которые добрые дѣла Ординскіе, то и тебѣ воспоминалъ, и то ся минуло“. Слова Эдигея ясно указываютъ на огромное значеніе боярина Кошки у своего государя. Неудивительно, что онъ собралъ огромныя богатства, которыя переходили изъ рода въ родъ. Неудивительно также, что съ Ѳеодоромъ Андреевичемъ искали случая породниться русскіе князья. Съ нимъ вступилъ въ близкое свойство даже великій князь Тверской, Михаилъ Александровичъ, женившій одного изъ своихъ сыновей на Аннѣ Ѳ., дочери Ѳ. А. Кошки. Когда скончался знаменитый бояринъ, неизвѣстно. Его подписи нѣтъ на духовномъ завѣщаніи великаго князя Василія Димитріевича, составленной въ 1406 году. Есть основаніе предполагать, что Ѳ. А. Кошка кончилъ свою жизнь въ монашествѣ, постригшись подъ именемъ Ѳеодорита ранѣе 1406 года.

Потомство первостепеннаго Московскаго боярина конца XIV вѣка было могуче и славно. Намъ извѣстны три сына Ѳ. А. Кошки: Иванъ, Ѳедоръ Голтяй и Александръ Беззубецъ. Отъ внука Беззубца Андрея Шеремета пошли старинные и знаменитые бояре Шереметевы, потомки которыхъ процвѣтаютъ и въ наши дни, образовавъ двѣ вѣтви: графовъ и дворянъ Шереметевыхъ. Но наиболѣе славная судьба предстояла прямому потомству боярина Ивана Ѳедоровича. Онъ

имѣлъ одно время исключительное значеніе при дворѣ своего государя, великаго князя Василія Димитріевича. Ставъ казначеемъ у сына Димитрія Донского, Иванъ Ѳеодоровичъ мало-по-малу сдѣлался довѣреннѣйшимъ лицомъ при немъ. Названный бояринъ отличался большей смѣлостью въ отношеніи къ Ордѣ, чѣмъ его отецъ. Онъ принадлежалъ къ поколѣнію, выросшему подъ обаяніемъ славной Куликовской битвы. Поэтому Иванъ Ѳеодоровичъ, можно думать, совѣтовалъ своему князю не посылать дани татарскимъ ханамъ. Такая политика была отмѣчена въ Ордѣ, и Эдигей въ извѣстномъ уже намъ письмѣ къ великому князю выговаривалъ ему: „а нынѣ у тебя сынъ его (т. е. Ѳеодора Кошки) Иванъ, казначей твой и любовникъ, старѣйшина и ты нынѣ ис того слова, ис того думы не выступаешь. Ино того думою учинилась твоему улусу пакость, крестьяне изгибоша, и тыбъ опять тако недѣлалъ, а молодыхъ не слушалъ“. Долго ли продолжалось такое чрезвычайное вліяніе И. Ѳ. Кошкина на великаго князя, мы не знаемъ. Но служилъ онъ своему государю очень долго, до самой смерти Василія Димитріевича, занимая по отечеству четвертое мѣсто среди другихъ бояръ. Это могло, конечно, не мѣшать боярину Ивану Ѳ. Кошкину быть первымъ по значенію въ Московскомъ великокняжескомъ дворцѣ.

Сыновья „казначея и любовника“ великаго князя Василія Димитріевича почти неизвѣстны въ исторіи. Впрочемъ объ одномъ изъ нихъ, Захаріи Ивановичѣ, родномъ прадѣдѣ царицы Анастасіи и пращурѣ царя Михаила Ѳеодоровича, лѣтописный разсказъ сохранилъ любопытное преданіе. Дѣло происходило въ 1433 году, во время свадьбы великаго князя Василія II, Темнаго. Извѣстно, что первые годы княженія этого Московскаго государя ознаменовались междоусобной враждой его съ роднымъ дядей, княземъ Юріемъ, и его сыновьями. Во время этихъ междоусобій князья и ихъ приверженцы грабили и разоряли другъ друга. Разграблена была казна и у боярина Захарія Ивановича, причемъ въ числѣ другихъ вещей пропалъ золотой поясъ, унизанный драгоцѣнными каменьями. На свадьбѣ Василія Темнаго Зах. Ив. Кошкинъ, двоюродный дядя невѣсты великаго князя, дочери Маріи Ѳеодоровны, княгини Мало-Яро-

славецкой, урожденной Голтяевой-Кошкиной, замѣтилъ свой поясъ на князѣ Василіѣ Юріевичѣ Косомъ. Не долго думая, гордый московскій бояринъ схватился за этотъ поясъ со словами: „тотъ поясъ пропалъ у меня, коли крали казну мою“. Мать великаго князя, Софія Витовтовна, взяла сторону Захарія Ивановича. Она приказала снять поясъ съ князя Василія Косого. Тотъ, оскорбленный и разгнѣванный, уѣхалъ вмѣстѣ съ братьями съ свадебнаго пира, и междоусобіе снова возгорѣлось. Нельзя сказать, насколько этотъ разсказъ соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Во всякомъ случаѣ онъ рисуетъ намъ, какъ богатъ и силенъ при дворѣ своего свойственника былъ бояринъ Захарій Ивановичъ.

Его сыновья тоже не затерялись среди наплыва титулованнаго боярства. Имъ довелось жить въ эпоху знаменитаго великаго князя Ивана III Васильевича, въ очень интересное въ жизни московскаго государства и высшаго служилаго класса на Руси время. Въ эту именно эпоху стало проявляться то политическое противорѣчіе въ русской дѣйствительности XV и XVI столѣтій, которое сдѣлалось однимъ изъ важнѣйшихъ источниковъ Смуты начала XVII вѣка. Великій князь всея Руси все болѣе и болѣе стремился къ демократическому полновластію и пользовался въ этомъ отношеніи безусловнымъ сочувствіемъ широкихъ народныхъ массъ и даже среднихъ классовъ московскаго общества. Между тѣмъ высшая администрація принимала все болѣе и болѣе аристократическій оттѣнокъ. Прежніе московскіе бояре, несмотря на всю свою близость къ великому князю и сравнительную независимость отъ него все-таки не ставили себя на одинъ уровень съ государемъ, такъ какъ основывали свое положеніе и благосостояніе на службѣ своему державному господину и на заслугахъ своихъ предковъ. Быстрое присоединеніе „удѣловъ“, а среди нихъ были и великія княженія, заставило бывшихъ ихъ государей поступать на службу къ своему болѣе счастливому, чѣмъ сами они, родичу, на котораго они смотрѣли, какъ на свою „ровню“. Если такой взглядъ и не всегда высказывался, то онъ постоянно существовалъ. Великій князь Московскій ласкалъ своихъ новыхъ слугъ, впослѣдствіи холоповъ. Онъ не хотѣлъ доводить ихъ до отчаянія: это было бы ему невыгодно.

Сверхъ того Московскаго государя прельщала мысль, что ему служатъ князья, недавно бывшіе владѣтельными. Эти князья, поступая на службу къ Московскому великому князю, благодаря знатности своего происхожденія систематически оттѣсняли прежнихъ его слугъ, такъ какъ по ихъ отечеству имъ принадлежали всюду первыя мѣста, внося въ управленіе свои старыя удѣльныя замашки и смотря на себя какъ на полноправныхъ участниковъ верховной власти. Такое титулованное боярство, князья-бояре, готовы были „высокоумничать“ при каждомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ. Это порождало большія неудовольствія на нихъ со стороны московскаго великаго князя. Такое неудовольствіе выразилось сперва нѣсколькими опалами и казнями при князѣ Иванѣ III, повело къ нѣкоторому удаленію „княжья“ отъ придворнаго вліянія при Василіи III и разразилось страшной опричниной Ивана IV, Грознаго. Но и опричнина не вырвала съ корнемъ титулованнаго боярства и не отняла у него первыхъ по почету мѣстъ въ Боярской Думѣ и при княжескомъ дворѣ. А до опричнины князья, какъ мы сказали уже, съ успѣхомъ „заѣзжали“ нетитулованныхъ бояръ, на которыхъ смотрѣли съ обиднымъ высокомѣріемъ. Тѣ же, кто, хоть и съ трудомъ, удерживалъ свое прежнее положеніе при дворѣ и на службѣ у исконныхъ своихъ государей, заслужили еще и острую нелюбовь „княжатъ“. Къ такимъ немногимъ боярскимъ родамъ принадлежали и Кошкины, платившіе боярамъ-князьямъ той же монетой. Правда, борьба за вліяніе и взаимная враждебность не мѣшали боярскимъ фамиліямъ и титулованнымъ, и нетитулованнымъ, перероднiться между собой. Но вражда все же таилась, что и обнаружилось впослѣдстви, когда потомки Кошкиныхъ — Юрьевы-Захарьины породнились съ царствовавшей династіей. При такихъ то условіяхъ жили и служили государю русской земли знаменитые бояре и воеводы Яковъ и Юрій Захарьичи Кошкины.

И тотъ и другой братъ очень часто упоминаются въ лѣтописяхъ нашей родной исторіи. Старшій изъ нихъ, Яковъ Захарьевичъ, былъ однимъ изъ самыхъ выдающихся сотрудниковъ великаго князя Ивана III, умѣвшаго выбирать и цѣнить людей. Онъ выдается и какъ администраторъ, намѣст-

никъ нѣсколькихъ важныхъ городовъ Руси и какъ воевода, водившій московскія рати къ побѣдамъ надъ врагами. Онъ же долго и съ честью засѣдалъ въ Думѣ своего государя, занявъ въ ней впослѣдствіи третье мѣсто и ставъ выше многихъ князей-бояръ. Достигъ такого виднаго положенія бояринъ Яковъ Захарьевичъ не только вслѣдствіе своей долговременной службы, но и благодаря ряду своихъ великихъ заслугъ. Такъ онъ былъ назначенъ намѣстникомъ въ Великій Новгородъ черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ окончательнаго его присоединенія къ Москвѣ. Яковъ Захарьевичъ пробылъ въ этомъ городѣ около 10-ти лѣтъ. Ему пришлось водить новгородскую рать противъ Твери, которая впрочемъ покорилась великому князю безъ вооруженнаго сопротивленія. Затѣмъ Яковъ Захарьевичъ участвовалъ въ войнѣ Москвы со Швеціей и не безъ успѣха предводительствовалъ ополченіемъ Великаго Новгорода при опустошеніи окрестностей Выборга. Эти походы не мѣшали внутренней дѣятельности Новгородскаго намѣстника. Надо отмѣтить, что онъ управлялъ Новгородскимъ краемъ при очень трудныхъ условіяхъ. Во-первыхъ, городъ былъ только что подчиненъ Москвѣ, и естественно въ немъ было много людей, мечтавшихъ о былой независимости. Во-вторыхъ, въ Новгородѣ въ тѣ времена развивалась очень опасная ересь жидовствующихъ. Якову Захарьевичу пришлось бороться съ обоими указанными явленіями.

Противъ возможнаго сепаратизма (т. е. стремленія къ отдѣленію) Новгорода Московское правительство предприняло послѣдовательно рядъ мѣръ, осуществленіе которыхъ выпало на долю энергичному новгородскому намѣстнику. Прежде всего изъ Новгорода было выведено около 50-ти богатѣйшихъ семей, которыя были поселены главнымъ образомъ во Владимірѣ. Такое распоряженіе не понравилось новгородцамъ, и они составили заговоръ на жизнь Якова Захарьевича. Заговоръ былъ раскрытъ, и виновные жестоко поплатились за свою преступную попытку. Многіе были казнены. Затѣмъ въ два пріема до 8.000 „житьихъ“ людей и другихъ новгородцевъ было выселено въ старыя московскія области, а вмѣсто ихъ въ Новгородѣ и его области было поселено приблизительно столько же москвичей, владимірцевъ и т. д.

Благодаря этой мѣрѣ, потребовавшей большой планомѣрности и распорядительности, Великій Новгородъ быстро сросся съ центромъ государства. Это была несомнѣнная заслуга боярина Я. З. Кошкина. И въ искорененіи ереси жидовствующихъ ему пришлось принять дѣятельное участіе.

Послѣ Новгорода Яковъ Захарьевичъ управлялъ нѣкоторое время Костромой, а затѣмъ былъ назначенъ однимъ изъ главныхъ военачальниковъ въ войнѣ съ Литвой изъ-за отъѣхавшихъ отъ Литовскаго государя русскихъ князей. Яковъ Захарьичъ во главѣ сильной Московской рати вторгся въ литовскіе предѣлы и взялъ благодаря своимъ умнымъ дѣйствіямъ Брянскъ и Путивль. Въ новомъ походѣ уже при великомъ князѣ Василіи III Іоанновичѣ престарѣлый боринъ и воевода довелъ свои рати почти до Вильны, но былъ вынужденъ отступить къ Брянску, задерживаясь у Орши и Смоленска. Отступалъ Яковъ Захарьевичъ съ боемъ подъ напоромъ превосходныхъ непріятельскихъ силъ. Этотъ походъ былъ послѣдней выдающейся службой знаменитаго Московскаго полководца и администратора: онъ умеръ около 1510 года.

Младшій братъ Якова Захарьевича, Юрій, дѣдъ царицы Анастасіи, скончался раньше его. Онъ походилъ на своего брата способностями и энергіей, хотя былъ и менѣе извѣстенъ, позже вступивъ на служебное поприще и раньше его покинувъ. Тѣмъ не менѣе мы знаемъ рядъ службъ боярина Юрія Захарьевича. Такъ намъ извѣстно, что онъ помогалъ Якову Захарьевичу въ управленіи Новгородомъ и былъ тамъ вторымъ намѣстникомъ во время разслѣдованія ереси жидовствующихъ и наказанія наиболѣе упорныхъ еретиковъ. Слѣдуетъ отмѣтить и два похода въ Казань, въ которыхъ принималъ участіе Юрій Захарьевичъ, какъ воевода одного изъ „полковъ“: такъ назывались въ Кіевское и Московское время отдѣльныя отряды большой рати; „полкъ“ соотвѣтствовалъ до извѣстной степени нашему современному корпусу.

Однако свои таланты военачальника, а вмѣстѣ съ тѣмъ и умѣнье постоять за себя и свой родъ обнаружилъ Юрій З. Кошкинъ во время войны съ Литвой, въ 1500 году. Этотъ бояринъ предводительствовалъ тогда самостоятельно одной изъ Московскихъ ратей и, одержавъ рядъ побѣдъ въ стычкахъ съ врагами, осадилъ и взялъ городъ Дорогобужъ.

Противъ русскаго войска была выслана тогда сильная литовская армія подъ главнымъ предводительствомъ знаменитаго полководца гетмана князя Константина Острожскаго. Тогда московскій великій князь Иванъ III отправилъ къ Юрію Захарьевичу сильную подмогу подъ предводительствомъ боярина князя Даніила Васильевича Щеняти. Искусный полководецъ и въ служебномъ отношеніи и въ силу своего знатнаго происхожденія былъ выше, чѣмъ Юрій Захарьевичъ. Поэтому онъ былъ назначенъ главнымъ воеводой. Юрій З. Кошкинъ долженъ былъ занять болѣе скромное положеніе воеводы сторожевого полка. Недавній побѣдитель подъ Дорогобужемъ счелъ себя обиженнымъ и обойденнымъ. Онъ отказался отъ командованія сторожевымъ полкомъ на томъ основаніи, что ему никакъ нельзя принять этого назначенія и такимъ образомъ „стеречи князя Данила“. Великій князь Иванъ III цѣнилъ заслуги Юрія Захарьевича и понималъ, что неудовольствіе его имѣло свои основанія. Въ то же время великій князь умѣлъ постоять за авторитетъ своей власти и указать каждому его мѣсто. Поэтому онъ отправилъ къ строптивому боярину сказать, что тому не можетъ быть унизительно командованіе сторожевымъ полкомъ, такъ какъ всякій воевода исполняетъ не свое, а государево дѣло. Понялъ Юрій Захарьевичъ правоту взглядовъ своего государя и вмѣстѣ съ княземъ Даніиломъ Щенятемъ командовалъ Московскими войсками въ знаменитомъ сраженіи при рѣкѣ Ведрошѣ. Благодаря умѣлымъ дѣйствіямъ нашихъ вождей литовская армія была разбита на голову, причемъ самъ главнокомандующій ея сдался на милость побѣдителей.

Юрій Захарьевичъ оставилъ послѣ себя нѣсколькихъ сыновей. Изъ нихъ выдѣлился старшій, Михаилъ Юрьевичъ Захарьинъ-Кошкинъ, родной дядя царицы Анастасіи Романовны. Этотъ бояринъ былъ однимъ изъ выдающихся дипломатовъ своего времени. Его посылали не разъ съ важными порученіями въ Литву и Казань и назначали вести переговоры съ пріѣзжими послами. Дѣйствовалъ Михаилъ Юрьевичъ и на другихъ поприщахъ: командовалъ войсками, сидѣлъ на воеводствѣ, засѣдалъ въ Боярской Думѣ. Онъ пользовался большимъ расположеніемъ своего государя, великаго князя Василія III Іоанновича. Послѣдній, какъ из-

вѣстно, не любилъ высокоумничавшаго княжья и часто стремился рѣшать важнѣйшія дѣла „запершись самъ третей у постели“ съ довѣренными людьми, преимущественно съ дьяками. Изъ бояръ особымъ его расположеніемъ пользовался Михаилъ Юрьевичъ.

Это расположеніе проявилось и во время предсмертной, тяжкой и длительной, болѣзни великаго князя Московскаго. На разсказѣ объ обстоятельствахъ кончины князя Василія Ивановича намъ и предстоитъ теперь нѣсколько остановиться, такъ какъ изъ него выясняются многія любопытныя московскія отношенія и становится очевиднымъ, какъ близки были бояре Кошкины-Захарьины къ великимъ князьямъ дома Калиты. Василій III захворалъ осенью 1533 года, когда на ногѣ у него образовалась какая-то злокачественная болячка. Великій князь долго скрывалъ свою болѣзнь отъ второй своей жены, Елены Глинской, и своихъ братьевъ: первую онъ боялся огорчить, а послѣднимъ, въ особенности одному изъ нихъ, не вполнѣ довѣрялъ. Онъ по-прежнему занимался государственными дѣлами и „тѣшился“ охотой, но недугъ бралъ свое и силы больного видимо слабѣли. Тогда Василій III рѣшилъ подумать устроить дѣла государства на случай своей смерти. Не говоря никому ни слова, московскій великій князь послалъ за духовными грамотами своихъ дѣда и отца. Когда эти грамоты были привезены, Василій III призвалъ къ себѣ своихъ довѣреннѣйшихъ совѣтниковъ Ивана Юр. Шигону и дьяка Меньшого Путятина. На ихъ совѣтѣ рѣшено было призвать къ государю „для думы“ о духовныхъ грамотахъ и „приказа“ по нимъ. Послали за боярином Михаиломъ Юрьевичемъ Захарьинымъ, котораго не было тогда при великомъ князѣ. По пріѣздѣ его былъ обсужденъ вопросъ о переѣздѣ въ Москву, что и было исполнено 23-го ноября. Послѣ этого переѣзда состоялось важное интимное совѣщаніе, на которомъ у князя собрались бояре князь Вас. Вас. Шуйскій, Михаилъ Юрьевичъ, Тверской дворецкій Ив. Юр. Шигона и дьяки Меньшой Путятинъ и Ѳедоръ Мишуринъ. Съ этими то лицами и обсудилъ Василій III важнѣйшіе и наиболѣе волновавшіе его вопросы „о своемъ сынѣ о князѣ Иваннѣ и о своемъ великомъ княженіи и о своей духовной грамотѣ, понеже сынъ его еще

Российская Государственная Библиотека

младъ, токмо трехъ лѣтъ на четвертый и како строитися царству послѣ него“.

Наконецъ духовная была написана и подписана. Князь Василій III пособоровался и причастился святыхъ таинъ. Ослабѣвшій умирающій съ трудомъ при этомъ поднялся на ноги, поддерживаемый бояриномъ Михаиломъ Юрьевичемъ. Послѣ причастія великій князь призвалъ къ себѣ своихъ братьевъ, высшее духовенство, бояръ и другихъ высшихъ служилыхъ людей и торжественно объявилъ своимъ наслѣдникомъ своего старшаго сына Ивана IV. Болѣзнь между тѣмъ прогрессировала. Рана, повидимому, омертвѣла: „князь... болѣзни... не чюяше, а раны у него не пребываше, но токмо духъ отъ нея тяжекъ, идуще изъ нея нежидъ смертный“. Великій князь, желая заглушить зловоніе отъ раны, призвалъ къ себѣ дядю своей жены, Михаила Глинскаго и Михаила Юрьевича, а также „дохтуровъ своихъ“, и просилъ ихъ дать какое-нибудь средство. Тогда бояринъ Михаилъ Юрьевичъ, видимо очень любившій и жалѣвшій своего государя, сказалъ: „тѣшачи“ больного: „государь князь великій, чтобы водка нарядити и въ рану пущати и выжимати; ино, государь, видячи тебя, государя, такова истомна, чтобы, государь, спустити съ день или з два, чтобы было, государь, хотя мало болѣзни твоей облегченіе, ино бы тогда и водка спустити“.

Умирающій великій князь спросилъ одного изъ врачей, можетъ ли быть облегченіе въ его болѣзни. На это „дохтуръ“ отвѣтилъ, что не можетъ вылечить Московскаго государя. Василій сообщилъ объ этомъ окружающимъ, причемъ стряпчіе и дѣти боярскіе, искренне привязанные къ великому князю, разразились громкими рыданіями, но постарались заглушить ихъ, чтобы не огорчить ими умирающаго.

Между тѣмъ смерть стерегла Московскаго великаго князя. Михаилъ Юрьевичъ, можно сказать, не отходилъ отъ него, и, повидимому, получилъ порученіе распоряжаться похоронами своего государя. За день до своей кончины Василій III призвалъ къ себѣ еще нѣсколькихъ приближенныхъ людей, которые „бышя у него тогда“ „отъ третіаго часа и до седмаго и приказавъ имъ о своемъ сыну великомъ князѣ Иванѣ Василіевичѣ и о устроеніи земскомъ, како бы пра-

вить послѣ его государьство". Послѣ этого великій князь оставилъ при себѣ лишь Михаила Ю. Захарьина, князя Мих. Вас. Глинскаго и И. Ю. Шигону, „и быша у него тѣ бояре и до самыя нощи. И приказалъ имъ о своей великой княгинѣ Еленѣ, какъ ей безъ него быти и какъ къ ней боярамъ ходити и о всемъ имъ приказалъ, какъ безъ него царству строитися". Затѣмъ состоялось трогательное прощаніе умирающаго великаго князя съ своей супругой, великой княгиней Еленой и малютками дѣтьми, Иваномъ и Юрьемъ. И при этомъ прощаніи присутствовалъ вѣрный бояринъ Михаилъ Юрьевичъ Захарьинъ-Кошкинъ, который игралъ дѣятельную роль и здѣсь, получивъ отъ своего князя порученіе „отнести тотъ крестъ (которымъ великій князь благословилъ младшаго сына) по преставленіи" Василія III его вдовѣ-княгинѣ.

Простившись съ дорогими сердцу женой и дѣтьми, Московскій великій князь простился и съ міромъ. Онъ рѣшилъ принять постриженіе, о чемъ постоянно думалъ и раньше. Къ его желанію отнеслись съ полнымъ сочувствіемъ митрополитъ Даніилъ и бояринъ Михаилъ Юрьевичъ. Но другіе стали возражать. „И бысть промежь ими пря велика". Обрядъ постриженія все-таки состоялся. Умирающій лишился тѣмъ временемъ послѣднихъ силъ, такъ что бояринъ Михаилъ Юрьевичъ и здѣсь всячески помогалъ ему. Кончился „постригъ", великаго князя причастили. Онъ вытянулся, лицо его просвѣтлѣло, и Василій III тихо отошелъ въ вѣчность.

Вѣрный и любящій бояринъ М. Ю. Захарьинъ и по смерти своего государя продолжалъ выполнять его волю. Онъ распоряжался приготовленіемъ къ похоронамъ великаго князя и шелъ за его гробомъ. Онъ же, не щадя слабѣвшихъ силъ, продолжать служить малюткѣ великому князю Ивану IV. Такъ Михаилъ принималъ живѣйшее участіе въ переговорахъ Литовскихъ пословъ съ Московскими боярами. Это было за годъ до смерти дѣятельнаго боярина, скончавшагося въ 1537—1538 году.

III.

Одинъ изъ младшихъ братьевъ Михаила Юрьевича, Романъ, пережилъ его всего лишь на какіе-нибудь пять-шесть лѣтъ. Онъ умеръ, вѣроятно, въ сравнительно нестарыхъ годахъ, не достигнувъ боярскаго сана. Романъ Юрьевичъ все же присутствовалъ въ Боярской Думѣ по званію окольничаго (второй чинъ думныхъ людей), бывалъ на службахъ на Окскомъ берегу и исполнялъ въ 1530-хъ годахъ должность второго воеводы въ Нижнемъ-Новгородѣ. Онъ скончался около 1543 года и былъ погребенъ въ Московскомъ Новоспасскомъ монастырѣ, родовой обители бояръ Кошкиныхъ. По смерти Романа Юрьевича вдова его „боярыня Іуліанія“ съ дѣтьми Даніиломъ, Долматомъ, Никитой, Анной и Анастасіей осталась жить въ Москвѣ. Не знаемъ, конечно, кто и какъ повліялъ на молодыхъ бояръ и боярышень Юрьевыхъ, но вышли они исключительно хорошими и добрыми людьми. Надо думать, что строгая и чистая нравственная атмосфера семьи воспитала въ добрыхъ нравахъ царицу Анастасію и ея братьевъ, изъ которыхъ особенно выдѣлился Никита Романовичъ. Къ сожалѣнію древнерусская письменность очень скупа на біографическія подробности дѣйствовавшихъ въ ея время лицъ, какъ бы высоко они не стояли. Поэтому обо многомъ можно лишь догадываться и многое лишь намѣтить. Такъ о дѣвической жизни первой русской царицы совсѣмъ почти нѣтъ указаній. По догадкамъ Анастасія Романовна родилась въ 1530—1531 годахъ. Съ дѣтства она была рукодѣльницей, скромной и тихой дѣвочкой, а выросши расцвѣла и стала красивой, здоровой, умной и кроткой дѣвушкой. Когда, повидимому, шли уже въ Москвѣ разговоры о женитьбѣ молодого царя Ивана IV, святой Геннадій Костромской, посѣтивъ столицу, побывалъ и у боярыни Іуліаніи Ѳеодоровны, которой по преданію предсказалъ, что дочь ея Анастасія будетъ русской царицей.

Юному Ивану IV было въ годъ его женитьбы 17-ть лѣтъ. Непривѣтливо и бурно прожиты были имъ дѣтство и юность. Сирота великій князь несмотря на весь внѣшній блескъ и пышность былъ долгое время заброшенъ и одинокъ. Правда, самые первые годы своей жизни Иванъ IV былъ окруженъ

лаской и нѣгой любящаго отца. Рожденіе его ожидалось всѣми съ напряженнымъ вниманіемъ и сопровождалось разными прорицаніями и пожеланіями: говорили, что родится „Титъ широкій умъ“, что онъ покоритъ Казань и смиритъ „исконное во отечествіи его любопрѣнное и гордынное о благородствѣ мятежное шатаніе“. Какъ это ни странно на первый взглядъ, всѣ чаянія и предвѣщанія, подсказанныя, отчасти правда, тогдашней дѣйствительностью, сбылись: Казань была покорена, опричнина сломила „гордынныя“ притязанія титулованной знати, а самъ государь безспорно выдѣлялся широтой и остротой своего ума. Но умъ царя не былъ культивированъ надлежащимъ воспитаніемъ, его чуткая душа была полна необузданныхъ страстей, а неизбѣжная и въ общемъ необходимая борьба съ высшимъ слоемъ боярства, „княжатами“, велась подчасъ безсмысленно жестоко и болѣзненно-нервно.

Разбираясь въ причинахъ этой жестокости и нервности, мы вслѣдъ за С. М. Соловьевымъ должны будемъ признать, что „подъ мрачными чертами мучителя“ выступаютъ въ личности Грознаго „скорбныя черты жертвы“. Отецъ его, великій князь Василій III, не даромъ тревожился за судьбу своего сына и наслѣдника. Онъ, правда, повидимому, ожидалъ еще худшаго и боялся, быть можетъ, насильственной смерти малютки Ивана. Эти опасенія не сбылись: Іоаннъ IV выросъ и „учинился на государствѣ государь“, но много уколовъ и униженій перенесла его юная, пылкая, чувствительная и гордая душа. Бояре-княжата, захватившіе послѣ смерти великой княгини Елены въ свои руки власть, пользовались ею самовластно и неумѣренно. Они съ неуваженіемъ относились къ памяти покойныхъ родителей своего ребенка-государя и совершенно не обращали вниманія на Грознаго. За то на торжественныхъ пріемахъ пословъ и въ другихъ подобныхъ случаяхъ раболѣпству окружающихъ малютку великаго князя не было границъ. Когда же Іоаннъ сталъ подрастать, его стали развращать заискиваніемъ, угодливостью, лестью и потворствомъ дурнымъ и жестокимъ выходкамъ.

Между тѣмъ Іоаннъ былъ уменъ и наблюдателенъ не по лѣтамъ. Предоставленный самому себѣ онъ пристрастился

къ чтенію и сталъ изумительнымъ „книгочіемъ“ своего времени. Въ книгахъ онъ нашелъ подтвержденіе занимавшей его, повидимому, съ очень ранняго возраста мысли о святости и высотѣ верховной власти. Можно думать, что нѣкоторое вліяніе на подрастающаго государя великаго князя Московскаго и всея Руси оказалъ митрополитъ Макарій, одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ русскихъ іерарховъ, человѣкъ выдающагося интереса къ произведеніямъ тогдашней письменности, составитель Великихъ Четьи-Миней.

Когда Іоанну IV исполнилось 16-ть лѣтъ, онъ рѣшилъ торжественно вѣнчаться на царство и принять царскій титулъ не только для внѣшнихъ, но и для внутреннихъ сношеній. Въ этомъ фактѣ видятъ, и совершенно правильно, подтвержденіе усилившагося положенія Москвы. Но, можно думать, Іоаннъ IV желалъ въ то же время выдѣлить себя изъ среды другихъ князей: тѣхъ было много, а царь былъ одинъ и высоко стоялъ надъ ними. Въ то же время юный государь пожелалъ вступить въ законный бракъ и притомъ съ русской и православной дѣвушкой.

Свои намѣренія Іоаннъ IV объявилъ въ самый торжественной обстановкѣ. Въ присутствіи митрополита Макарія, заранѣе посвященнаго въ дѣло, молодой государь держалъ рѣчь къ созваннымъ боярамъ. Въ этой рѣчи онъ объявилъ сперва о намѣреніи своемъ жениться. „А помышлялъ есми жениться въ иныхъ царствахъ“—говорилъ великій князь, обращаясь къ митрополиту,—„у короля, у котораго и у царя у котораго; и я, отче, тое мысль отложилъ, въ иныхъ государствахъ не хочу жениться для того, что язъ отца своего государя великаго князя Василія и своей матери остался малъ: привести мнѣ за себя жену изъ иного государства, и у насъ нѣчто норовы будутъ розные, ино между нами тщета будетъ, и язъ, отче, умыслилъ и хочу жениться въ своемъ государствѣ, у кого мнѣ Богъ благоволитъ по твоему благословенію“. Слова государя произвели живѣйшее впечатлѣніе на присутствующихъ. Іоаннъ продолжалъ между тѣмъ свою рѣчь и заявилъ также о желаніи „напредъ своей женитьбы поискать прежнихъ своихъ прародительскихъ чиновъ“ и „на царство на великое княженіе... сѣсть“.

Митрополитъ Макарій благословилъ молодого государя,

и тотъ торжественно вѣнчался на царство 17-го января 1547 года. Черезъ двѣ съ половиной недѣли состоялся и бракъ юнаго царя. Передъ тѣмъ какъ жениться, Іоаннъ разослалъ повсюду приказанія вести въ столицу красивѣйшихъ и здоровыхъ дѣвушекъ со всего государства. При этомъ по разнымъ областямъ были разосланы особыя лица, которымъ было поручено производить предварительный смотръ. Когда состоялся окончательный смотръ невѣстъ самимъ государемъ, почему остановилъ онъ свой выборъ на Анастасіи Романовнѣ, сказать точно не можемъ. Есть предположеніе, что царемъ или его родственниками руководили при этомъ и политическія соображенія: государь выбралъ жену изъ искони-великородной, преданной дому Калиты, не титулованной боярской семьи. Нельзя отрицать, что подобныя соображенія могли возникать у Ивана IV. Но вѣрнѣе всего въ немъ заговорила сердечная склонность къ красивой и привлекательной боярышнѣ. Во всякомъ случаѣ выборъ царя былъ необыкновенно удаченъ. Онъ всѣмъ сердцемъ привязался къ доброй, ласковой, щедрой, милостивой, кроткой и обаятельной „юницѣ“. Анастасія Романовна сумѣла понять и успокоить мятущуюся душу своего царственнаго супруга. Она имѣла безспорное и благотворное вліяніе на его характеръ. Даже послѣ разрыва царя съ его „избранной радой“ мы не встрѣчаемъ указаній на массовыя казни и опалы до самой смерти царицы Анастасіи. Она была тѣмъ „предобрымъ сокровищемъ“, которое „аки свѣтлый бисеръ или аѳраксъ, камень драгій“ „изобрѣте себѣ“ богато одаренный, но опальчивый, гнѣвливый и болѣзненно-подозрительный царь Иванъ. По мнѣнію нѣкоторыхъ современниковъ и ближайшихъ потомковъ Анастасія Романовна „честнаго и благороднаго супруга своего“ „на всякія добродѣтели наставляя и приводя“; послѣ же смерти „тихой и милостивой“ царицы „аки чюжая буря велія припаде къ тишинѣ благосердія его“.

Время царицы Анастасіи было эпохой счастія въ жизни Іоанна. Наслаждаясь радостями семейной жизни, онъ въ сотрудничествѣ „съ избранной радой“ провелъ рядъ крупныхъ мѣръ по государственному управленію. Въ то же время Іоаннъ IV покорилъ Казань и Астрахань, чѣмъ окру-

жилъ свое имя безсмертнымъ ореоломъ въ народѣ. Въ покореніи Казани самъ царь принялъ непосредственное участіе. Устроивъ все для удачнаго окончанія задуманнаго славнаго предпріятія, Иванъ IV самъ отправился въ дальній и опасный походъ. Онъ оставлялъ дома нѣжнолюбимую супругу, которая готовилась подарить ему сына. Долго и нѣжно было прощаніе, не безъ реторики описанное въ одной изъ нашихъ лѣтописей. Лѣтописецъ повѣствуетъ, какъ молодой царь наставлялъ свою жену „никако скорбѣти“ объ его „отшествіи“, „но пребывати... въ велицыхъ подвизѣхъ духовныхъ и часто приходити къ святымъ Божіимъ церквамъ“... и „многую милостыню творити убогимъ“. Анастасія Романовна въ отвѣтъ на прощальныя слова любящаго и любимаго супруга „не можаше отъ великія печали стояти“ и были поддержана растроганнымъ царемъ. Тогда, горько плача, царица отвѣчала горячей рѣчью: „Ты убо, благочестивый государю мой, заповѣди хранишь Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа, еже ти хотящу душу свою положити за православную вѣру и за православныя христіане, азъ же како стерплю отшествіе своего государя? или кто ми утолитъ горькую сію печаль? или кто ми принесетъ и повѣдаетъ великую сію милость отъ Бога“, когда царь одержитъ побѣду надъ врагомъ. „О всемилостивый Боже! услыши слезы и рыданіе рабы своея, дай ми сіе услышати“.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ Казань сдалась русскому царю. Безмѣрна была радость Іоанна IV и всего войска. Царь поспѣшилъ обрадовать горячо любимую жену. Къ ней теперь стремились его помыслы. Онъ отправилъ своего шурина, Даніила Романовича, возвѣстить царицѣ и всѣмъ столичнымъ жителямъ радостную вѣсть, а черезъ нѣсколько дней и самъ поспѣшилъ туда, распустивъ большую часть своего войска, но оставивъ все же въ Казани необходимую воинскую силу и снабдивъ ее военными и иными припасами. Князь Курбскій въ своей „Исторіи“ горячо и ѣдко нападаетъ за это на царя Ивана. Онъ разсказываетъ, что на военномъ совѣтѣ, созванномъ Грознымъ, „всѣ мудрые и разумные“ совѣтовали ему перезимовать въ Казани и, докончивъ покореніе этого государства, вернуться въ Москву. Но царь не послушалъ „совѣта мудрыхъ воеводъ своихъ“, „по-

слушалъ же совѣта шурьевъ своихъ, они ибо шептаху ему во уши, да поспѣшится къ царицѣ своей, сестрѣ ихъ". Итакъ Іоаннъ IV не послушалъ „мудрыхъ и разумныхъ" и поступилъ совершенно основательно: окончательное покореніе цѣлаго края нельзя было совершить въ одинъ годъ, сколько бы войскъ ни было употреблено для этой цѣли, а главное было уже достигнуто. Затѣмъ ополченіе было таково, что нуждалось въ отдыхѣ и возвращеніи къ своимъ хозяйствамъ; вспомнимъ помѣстную систему и двойственную задачу помѣщиковъ: военную и хозяйственную; и та и другая важна была для государства. Такимъ образомъ содержаніе громадной рати, очень дорогое, не оправдывалось никакими основательными соображеніями. Если же рѣшено было возвращеніе главныхъ ратныхъ силъ домой, то вполнѣ естественно было, что царь поспѣшилъ вернуться въ столицу. Конечно, онъ очень хотѣлъ поскорѣе повидаться съ больной женой, но не забудемъ, что его призывали въ Москву, оставя въ сторонѣ всякія иныя, и чисто государственныя соображенія.

Грозный очень спѣшилъ возвращеніемъ, но выѣхалъ туда не ранѣе, чѣмъ приведя въ порядокъ дѣла въ новопокоренномъ краѣ и сдѣлавъ необходимыя распоряженія. Онъ оставилъ Казань 12-го октября 1552 года, спустя 10-ть дней по ея взятіи. На пути царь получилъ радостное извѣстіе о рожденіи у него сына Димитрія. Государь щедро наградилъ вѣстника, горячо, со слезами на глазахъ возблагодарилъ Бога за ниспосланное счастье и радостно продолжалъ свой путь. Какъ ни спѣшилъ Грозный домой, все же онъ не миновалъ многихъ обителей и заѣзжалъ въ нихъ для благодарственныхъ молитвъ. Лишь въ концѣ октября царь прибылъ въ столицу, гдѣ его ожидали торжественныя встрѣчи и свиданье съ горячо любимой женой. Іоаннъ не помнилъ себя отъ радости, раздавалъ щедрыя награды и устраивалъ веселые пиры. Въ декабрѣ мѣсяцѣ царственные супруги поѣхали на богомолье въ Троице-Сергіевъ монастырь и окрестили тамъ своего маленькаго сына.

Все шло хорошо; казалось, всѣ сочувствовали молодому царю и его кроткой царицѣ, но въ началѣ весны 1553 года Іоаннъ IV опасно занемогъ. Онъ метался „въ огневицѣ", и

можно было подумать, что царь не перенесетъ тяжкаго и внезапнаго недуга. Въ это время вскрылась та затаенная вражда, которую „княжата“ и ихъ сторонники питали къ новой царской роднѣ, и это обстоятельство въ значительной мѣрѣ повліяло на дальнѣйшее царствованіе Грознаго. Обнаружилась вся непріязнь многихъ „княжатъ“ къ „Захарьинымъ“ такимъ образомъ. Государю становилось все хуже и хуже. Онъ временами лишался сознанія и лежалъ въ забытьи. Тогда по совѣту приближеннаго къ нему дьяка Михайлова, смертельно больной государь приказалъ составить духовную грамоту, а вечеромъ привелъ къ крестному цѣлованію на имя царевича Димитрія нѣкоторыхъ изъ приближеннѣйшихъ къ нему бояръ и другихъ сановниковъ. Здѣсь то и обнаружилась „шатость“. Дѣло въ томъ, что у Ивана IV кромѣ шестимѣсячнаго сына было два брата: родной братъ Юрій Васильевичъ и двоюродный—Владимиръ Андреевичъ Старицкій. Юрій Васильевичъ былъ слабъ умомъ и не имѣлъ поэтому никакихъ шансовъ на престолъ. Владимиръ Андреевичъ былъ способенъ и предпріимчивъ. Мать его Евфросинія была рѣшительна и честолюбива. Видя приближеніе смерти царя Ивана, князь Владимиръ Андреевичъ и его мать не теряли времени даромъ. Они роздали большія деньги въ жалованье своимъ дѣтямъ боярскихъ и стали вербовать себѣ приверженцевъ. Ихъ старанія увѣнчались нѣкоторымъ успѣхомъ: такъ бояринъ князь Шкурлятевъ и казначей Никита Фуниковъ уклонились отъ присяги царевичу Димитрію подъ предлогомъ болѣзни. Самъ князь Палецкій, тесть князя Юрія Васильевича, далъ понять князю Старицкому и его матери, что онъ на ихъ сторонѣ и не будетъ препятствовать воцаренію Владимира Андреевича.

Такое поведеніе князя Старицкаго, княгини Евфросиніи и ихъ друзей не укрылось отъ взоровъ вѣрныхъ Ивану и его семьѣ бояръ. Они указали, во-первыхъ, князю Владимиру Андреевичу на всю непристойность его поведенія: „государь недомогаетъ, а онъ людей своихъ жалуетъ“. Во-вторыхъ, эти бояре перестали пускать „часто“ князя Старицкаго къ больному государю, котораго тотъ, повидимому, разстраивалъ. Между двумя партіями начались ссоры и взаимные упреки. Въ дѣло вмѣшался всесильный въ то время

царскій любимецъ, священникъ Благовѣщенскаго собора Сильвестръ. Этотъ умный и властный человѣкъ, „иже все мога“, придерживался несомнѣнно взглядовъ „княжатъ“. Къ тому же онъ былъ издавна благосклонно настроенъ по отношенію къ князю Старицкому и княгинѣ Евфросиніи. Сильвестръ рѣзко заявилъ боярамъ, сторонникамъ царевича: „Про что вы ко государю князя Володимера не пущаете? братъ васъ, бояръ государю доброхотнѣе“. Несправедливое обвиненіе раздражило бояръ, и они съ достоинствомъ отвѣтили царскому любимцу, что выполняютъ присягу и „дѣлаютъ какъ бы“ „государству было крѣпче“.

Въ подобныхъ распряхъ и взаимныхъ попрекахъ прошелъ весь день, а на слѣдующее утро Грозный приказалъ позвать къ себѣ всѣхъ бояръ и предложилъ имъ цѣловать крестъ царевичу Димитрію. Присяга въ виду крайне болѣзненнаго состоянія государя должна была происходить въ Передней избѣ. Принимать ее должны были знатнѣйшіе бояре, князья Мстиславскій и Воротынскій. Но бояре не пошли въ Переднюю избу. Не стѣсняясь тѣмъ, что въ комнатѣ находился смертельно больной государь, князья бояре Шуйскій, Пронскій, Нѣмой Оболенскій и другіе сторонники князя Старицкаго затѣяли жестокій споръ съ вѣрными царю боярами. Прежде всего князь Шуйскій гордо заявилъ, что „имъ не передъ государемъ цѣловати не мочно“. Это было формальное возраженіе, легко устранимое, но отецъ государева любимца, окольничій Ѳеодоръ Адашевъ, вскрылъ настоящую причину отказа. „Вѣдаетъ Богъ да ты, государь: тебѣ, государю, и сыну твоему царевичу князю Димитрею крестъ цѣлуемъ, а Захарьинымъ намъ Данилу з братіею не служивати, сынъ твой, государь нашъ, ещо въ пеленицехъ, а владѣть нами Захарьинымъ Данилу з братіею; а мы уже отъ бояръ до твоего возрасту бѣды видѣли многія?“ Адашевъ высказалъ то, что было на умѣ у многихъ бояръ. Послѣ его словъ поднялся между боярами ропотъ и волненіе. Слышались изступленные выкрики о томъ, что никто не желаетъ „пеленечнику служити“, обвиненія Захарьиныхъ въ желаніи овладѣть властью и т. д. Вѣрные царевичу бояре не оставались въ долгу, и „мятежъ“ все болѣе и болѣе разгорался. Неприличная до возмутительности сцена произвела

на царя подавляющее впечатлѣніе. Иванъ IV черезъ силу обратился къ боярамъ съ увѣщаніемъ. Онъ сказалъ имъ, что, очевидно, у нихъ есть въ виду другой государь, если они не хотятъ присягнуть царевичу Димитрію. Грозный напомнилъ строптивымъ боярамъ о неоднократной присягѣ ихъ не искать себѣ мимо него „иныхъ государей". Заявилъ царь и о томъ, что бояръ приводятъ къ крестному цѣлованію и велятъ имъ служить „Дмитрею, а не Захарьинымъ". „И я съ вами говорить много не могу",—продолжалъ разгнѣванный и опечаленный царь,—„а не служити кому которому государю въ пеленицахъ, тому государю тотъ и великому не захочетъ служити, и коли мы вамъ не надобны, и то на вашихъ душахъ".

Пристыдивъ непокорныхъ бояръ, Грозный обратился къ вѣрнымъ своимъ слугамъ и просилъ ихъ, если его не станетъ и враждебная сторона возьметъ верхъ, не дать „боярамъ сына моего извести никоторыми обычаи", а „побѣжать" „съ ними въ чюжую землю, гдѣ Богъ наставитъ". Послѣ этого царь нашелъ въ себѣ силы ободрить и оробѣвшихъ бояръ Захарьиныхъ: „А вы, Захарьины, чего испужалися? Али, чаете, бояре васъ пощадятъ? Вы отъ бояръ первыя мертвецы будете! И вы бы за сына за моего да и за матерь его умерли, а жены моей на поруганіе не дали!"

Рѣчи больного Іоанна очень любопытны. Они показываютъ, какъ много выстрадалъ нравственно за свою болѣзнь, молодой 23-лѣтній царь, сколько онъ пережилъ разочарованій за это время; видна въ нихъ и горячая любовь и опасеніе за жену и сына; ясна и причина болѣзненной подозрительности, переходившей впослѣдствіи по временамъ въ какую-то манію преслѣдованія. Повторяемъ, разгадка многихъ дальнѣйшихъ событій коренится въ обстоятельствахъ, сопровождавшихъ тяжкую болѣзнь Грознаго. Во всякомъ случаѣ слова царя имѣли непосредственное слѣдствіе: непокорные бояре смирились и принесли требуемую присягу, хотя и не безъ возраженій. Еще болѣе возражалъ и спорилъ князь Владимиръ Андреевичъ Старицкій. Раздраженный исходомъ своей затѣи онъ наотрѣзъ отказался отъ дачи присяги на имя царевича Димитрія. Тогда нѣкоторые изъ ревностныхъ приверженцевъ царя съ угрозой заявили: „Не учнетъ князь

креста цѣловати, и ему оттудова не выйти“. Владимиръ Андреевичъ смирился и поцѣловалъ крестъ. И честолюбивая княгиня Евфросинія съ трудомъ примирилась съ мыслью о неудачѣ своихъ замысловъ. Она „одва велѣла печать приложити“ къ тексту присяги и сказала при этомъ: „Что то де за цѣлованіе, коли неволное“.

Грозный благодаря своей молодости и выносливости выздоровѣлъ отъ своего смертнаго недуга и до поры до времени затаилъ свое негодованіе на шаткихъ и дерзкихъ сановниковъ. Мы склонны видѣть въ этомъ вліяніе, тихой и милостивой царицы. Вскорѣ по выздоровленіи царя онъ съ Анастасіей Романовной и сыномъ, царевичемъ Димитріемъ, отправился по обителямъ, совершать благодарственныя богомолья. Во время этого путешествія царственную чету постигло большое горе: скончался ихъ сынъ и наслѣдникъ-малютка Димитрій.

Велика была скорбь царя и царицы. Какъ въ радости, такъ и въ горѣ они прибѣгли къ горячей молитвѣ и были утѣшены. Впослѣдствіи у нихъ родилось еще двое сыновей: Іоаннъ, погибшій такъ трагически отъ руки своего отца, и Ѳеодоръ, послѣдній государь изъ династіи Ивана Калиты.

Не знаемъ подробностей интимной жизни царственной четы. Но по всему можно заключить, что они жили въ атмосферѣ счастья, любви и согласія. Царь любилъ свою „юницу“ и оберегалъ ее. Любима была царица Анастасія и народомъ. Но „княжата“ и ихъ сторонники не жаловали супругу своего царя. Они считали ее низкородной и выводили изъ себя своими выходками. Царь „истѣснилъ насъ“,—говорили князья „полоумы“,—„понялъ рабу свою“, сдѣлалъ царицей женщину незнатнаго происхожденія, приблизилъ къ себѣ „молодыхъ людей“. Сильвестръ, обиженный какимъ-то ничтожнымъ замѣчаніемъ царицы Анастасіи, дерзнулъ сравнивать ее съ императрицей Евдокіей, гонительницей св. Іоанна Златоуста, и нашелъ сочувственниковъ среди членовъ „избранной рады“.

Между тѣмъ кроткая царица продолжала свое малозамѣтное, но важное дѣло. Любовью и ласками смягчала она гнѣвливую душу своего царственнаго супруга, и правленіе его, разумное и справедливое, не омрачалось казнями и опалами.

Такъ продолжалось до 1560 года. Въ этомъ году царицы Анастасіи Романовны не стало. Пораженная смертельнымъ недугомъ еще съ осени 1559 года, она тихо скончалась въ августѣ слѣдующаго года къ отчаянію обезумѣвшаго отъ горя ея мужа. Грозный, заливаясь слезами и громко рыдая, шелъ за гробомъ безвременно почившей своей „юницы“, поддерживаемый подъ руки своими приближенными. Вслѣдъ за царемъ плакали искренними слезами безчисленныя толпы народа, провожавшія любимую царицу: „бѣ бо милостива и беззлобива ко всѣмъ“.

Однако тяжелѣе всѣхъ отозвалась смерть кроткой Анастасіи Романовны на ея недругахъ „княжатахъ“ и ихъ сторонникахъ. Они первые и болѣе всего пострадали вслѣдствіе страшной нравственной перемѣны въ царѣ Иванѣ Грозномъ. Не станемъ останавливаться на этой эпохѣ изъ жизни перваго русскаго царя. Многія ужасныя явленія ея не имѣли бы мѣста при жизни царицы Анастасіи. Тѣ же событія, которыя явились слѣдствіемъ исторической необходимости, обошлись бы, вѣроятно, безъ тѣхъ ненужныхъ жестокостей и излишествъ, которыя заслонили надолго ихъ истинный смыслъ. Мы разумѣемъ главнымъ образомъ знаменитую опричнину Грознаго. Лишь недавно въ одномъ капитальномъ изслѣдованіи о Смутѣ мы получили разъясненіе этого очень страннаго на первый взглядъ явленія. Теперь намъ хорошо извѣстно, что опричнина имѣла цѣлью сломить или обезвредить притязательную титулованную знать, бояръ-княжатъ. Выяснено также, что опричнина достигала этой цѣли путемъ отобранія у князей-вотчинниковъ ихъ извѣчныхъ земель, гдѣ они были сильны исконной связью съ мѣстнымъ населеніемъ. При этомъ мы узнали, что опричнина въ значительной мѣрѣ демократизировала землевладѣніе, передавая огромныя вотчины въ распоряженіе гораздо большаго числа лицъ. Мало того въ настоящее время можно утверждать, что Іоаннъ, проводя свои мѣры, заимствовалъ ихъ принципъ изъ стародавней практики Московскихъ государей, такимъ именно способомъ уничтожавшихъ проявленіе сепаратизма въ присоединяемыхъ къ Москвѣ областяхъ. Не скрыты отъ насъ и тѣневыя стороны опричнины. Она, ломая насиженныя и богатыя хозяйства вносила извѣстное раз-

стройство въ экономическую жизнь Руси. Но главное зло опричнины заключалось въ неслыханныхъ жестокостяхъ, которыми она сопровождалась. За эти то жестокости народъ, любившій и цѣнившій Грознаго, какъ государя, который, искореняетъ „худой разумъ“ въ боярахъ, ненавидѣлъ опричниковъ.

Но жестокости опричнины были лишь „накипью“ и „кровавой пѣной“ на ея поверхности. Можно думать, что этой пѣны было бы гораздо меньше, если бы царица Анастасія не умерла такъ рано.

Во всякомъ случаѣ казни и ужасы, послѣдовавшіе за смертью царицы Анастасіи, повели къ одному несомнѣнному слѣдствію. Образъ „беззлобивой и милостивой“ Анастасіи Романовны, добраго генія царя Ивана, засіялъ еще ярче и пріобрѣлъ еще большую привлекательность. Народная любовь переходила и къ ближнимъ роднымъ усопшей государыни. Тѣмъ болѣе ее заслужилъ царскій шуринъ Никита Романовичъ, соединявшій съ добродушіемъ твердость, съ справедливостью умъ и энергію.

IV.

У царицы Анастасіи Романовны были 3 брата и сестра. Жизнь послѣдней, бывшей за княземъ Сицкимъ, намъ совершенно неизвѣстна. Изъ братьевъ Далматъ Романовичъ умеръ въ молодыхъ годахъ. Старшій, Даніилъ игралъ видную роль въ первую половину царствованія Грознаго и умеръ бояриномъ и дворецкимъ. Послѣ него осталась вдова и нѣсколько дѣтей. Всѣ они погибли въ страшный для Москвы день 24-го мая 1571 года, когда крымскій ханъ Дивлетъ-Гирей сдѣлалъ приступъ къ русской столицѣ и выжегъ ее.

Пережившій своихъ братьевъ царскій шуринъ Никита Романовичъ былъ безспорно исключительно хорошимъ человѣкомъ. Правда, и противъ него слышались обвиненія. Такъ князь Курбскій въ своей исторіи обвиняетъ „шурьевъ“ царя въ клеветничествѣ, насильственныхъ поступкахъ, наушничествѣ, склонности къ чародѣйству и т. п. Но во-первыхъ,

обвиненія черезъ-чуръ общи и бездоказательны, во-вторыхъ, высказаны человѣкомъ партійноослѣпленнымъ. Наконецъ, неизвѣстно, кто именно подразумѣвается подъ именемъ „шурьевъ“: родные ли только, или и двоюродные братья царицы Анастасіи. Въ послѣднемъ случаѣ, можетъ быть, Никита Романовичъ и не имѣлся въ виду Курбскимъ. Опредѣленнѣе обвиненіе, взведенное на царскаго шурина англійскимъ купцомъ и посланникомъ Боусомъ. По его словамъ Никита Романовичъ не благоволилъ къ англичанамъ потому, что вошелъ въ соглашеніе съ голландцами и далъ имъ 20.000 рублей въ займы, получая 25% прибыли ежегодно. Но, если мы примемъ во вниманіе высоту % въ тогдашней Руси, державшуюся около названной Боусомъ цифры, то у насъ не будетъ основаній въ этомъ долгѣ видѣть, какъ это стремится выставить Боусъ, замаскированной взятки. При томъ Боусъ не разсказалъ, что англичане перестали пользоваться расположеніемъ русскихъ людей потому, что злоупотребляли выгодами своего положенія, стремились поприжать Русь, помогали ея врагамъ; это и было указано Боусу во время его переговоровъ съ боярами.

Другихъ данныхъ, неблагопріятныхъ для ближняго царскаго боярина и шурина, у насъ нѣтъ. Наоборотъ, все говоритъ въ его пользу: и народная любовь, и преданіе, и факты его многолѣтней дѣятельности. Никита Романовичъ Юрьевъ, выросшій въ тѣсной семейной обстановкѣ, рано попалъ во дворецъ. Онъ сразу полюбился своему царственному зятю, котораго врядъ ли на много превосходилъ годами. Царь приблизилъ его къ себѣ, давалъ ему разныя придворныя порученія, сдѣлалъ его окольничьимъ, потомъ бояриномъ и дворецкимъ. И до конца дней Никита Романовичъ сумѣлъ сохранить расположеніе Грознаго, которому вѣрно служилъ, но не прислуживался. Онъ не пошелъ въ опричнину: это, быть можетъ, объясняется тѣмъ, что для опричнины Никита Романовичъ былъ уже заслуженъ, да и въ земщинѣ царю важно было имѣть безусловно преданнаго и надежнаго человѣка. Но царскій шуринъ не принималъ участія и въ грязныхъ оргіяхъ Грознаго, не смотря на все приближеніе къ нему. Въ народѣ сохранилось даже впечатлѣніе, что Никита Романовичъ дерзалъ возражать своему

царственному зятю и оберегалъ его отъ грѣха. Въ то же время онъ постоянно сопровождалъ царя въ его походахъ, часто былъ „съ государемъ“ и по должности дворецкаго и послѣ оставленія ея.

Семейная жизнь Никиты Романовича намъ мало извѣстна. Знаемъ мы, что онъ былъ женатъ дважды: на Варварѣ Ивановнѣ Головиной и Евдокіи Александровнѣ Горбатой-Шуйской, тоже происходившей отъ Головиныхъ. По-видимому, первый бракъ былъ бездѣтнымъ, а отъ второго осталось многочисленное потомство. Дружба и привязанность братьевъ Никитичей другъ къ другу свидѣтельствуетъ, можно думать, что они выросли въ хорошей и прочной семьѣ.

Если интимная жизнь Никиты Романовича скрыта отъ насъ, за то мы лучше знаемъ его государственную дѣятельность. Мы знаемъ, что царскій шуринъ и ближній бояринъ, пользовавшійся огромнымъ значеніемъ въ Думѣ и при дворѣ, былъ человѣкомъ разностороннихъ дарованій. Онъ съ честью предводительствовалъ войсками и отличился въ Ливонской войнѣ взятіемъ города Пернау. При этомъ онъ кромѣ отваги и искусства выказалъ также и великодушіе, мало извѣстное въ тѣ суровыя времена. Объ этомъ великодушіи съ восторгомъ разсказываютъ ливонскія лѣтописи. Онѣ передаютъ, что Ник. Ром. Юрьевъ разрѣшилъ жителямъ взятаго города удалиться изъ него со всѣмъ своимъ имуществомъ. Чего же они не могли захватить съ собой, то позволилъ взять послѣ.

Если въ случаѣ съ жителями Пернау царскій шуринъ обнаружилъ большую человѣчность и доброту сердца, то во время завѣдыванія имъ обороной такъ называемаго тогда Юга и Поля ближній бояринъ и воевода выказалъ справедливость и большой административный тактъ. Ему приходилось дѣйствовать среди исключительной обстановки, которая создалась на нашей тогдашней южной окраинѣ, лежавшей въ бассейнахъ верхней Оки и Дона и граничившей съ дикимъ Полемъ, т. е. огромнымъ степнымъ пространствомъ, доходившимъ почти до Крыма. Прежде чѣмъ говорить о дѣятельности на этой окраинѣ Никиты Романовича Юрьева, слѣдуетъ ознакомиться хотя бы въ самыхъ краткихъ чертахъ съ условіями, среди которыхъ онъ дѣйствовалъ и распоряжался. Оборона южной окраины издавна озабочивала

русское правительство. Въ древнихъ разрядахъ мы постоянно встрѣчаемся съ указаніями на „береговую“ службу, т. е. на стояніе ратей на Окскомъ берегу. Эти рати оберегали Русь и ея столицу отъ нападенія хищныхъ Крымцевъ, безпрестанно тревожившихъ нашу родину своими дерзкими набѣгами, несмотря на большіе „поминки“, посылавшіеся Московскимъ государемъ Крымскому хану. Послѣ покоренія Казани и Астрахани въ Москвѣ возникъ вопросъ о завоеваніи Крыма. Вліятельнѣйшіе совѣтники Ивана IV стояли за это. Удачный набѣгъ Даніила Адашева, казалось, оправдывалъ ихъ предложеніе и сулилъ успѣхъ предпріятію. Но Іоаннъ IV устоялъ передъ соблазномъ. Онъ прекрасно понималъ огромную разницу между удачнымъ набѣгомъ и прочнымъ завоеваніемъ. Для перваго достаточно было нѣсколькихъ тысячъ легкой конницы. Для второго необходимо было двинуть тяжелую артиллерію и громоздкое московское дворянское ополченіе. Это ополченіе нельзя было подвергать тягостямъ изнурительнаго и долгаго похода по степи. Да и подвозъ огромнаго количества припасовъ и запасовъ всякаго рода были бы почти невозможенъ. Не надо забывать, что при покореніи Казани у насъ была такая база (мѣсто, гдѣ сосредоточиваются подкрѣпленія, припасы и т. д.) дѣйствія, какъ близлежащій Свіяжскъ. И то походъ былъ крайне труденъ. Затѣмъ, покоривъ Крымъ, пришлось бы держать въ немъ большую военную силу, чего Русь тогда сдѣлать была не въ состояніи. При томъ за Крымомъ стоялъ его суверенъ, турецкій султанъ. Ему, столь могучему и грозному въ то время, легко было бы, пользуясь Чернымъ моремъ, какъ удобнѣйшимъ путемъ сообщенія, истребить нашу армію въ Крыму и такимъ образомъ причинить намъ страшный уронъ. Безрезультатный походъ Голицына и почти безплодный походъ Миниха—лучшее доказательство того, что совѣтники Іоанна были неправы. Да и въ томъ невѣроятномъ случаѣ, если бы Крымъ остался за русскими, мы не могли бы выйти въ открытое море, такъ какъ Дарданеллы были бы для насъ заперты. Руси же необходимо было сближеніе съ Западомъ, усвоеніе западно-европейской культуры. Поэтому Грозный съ полнымъ основаніемъ обратилъ свои взоры на Ливонію, которая представлялась легкой

добычей и открывала намъ доступъ къ Балтійскому морю. Ливонская война кончилась неудачей, но за Иваномъ IV остается заслуга постановки Балтійскаго вопроса въ число очередныхъ задачъ Московскаго государства.

Употребляя громадныя усилія на борьбу за обладаніе Ливоніей, по отношенію къ Крыму продолжали держаться прежней политики. Ее съ полнымъ правомъ можно назвать оборонительно-наступательной. Ея сущность состояла въ медленномъ осваиваніи и заселеніи степи, въ постепенномъ приближеніи къ Черному морю. Достигалось это такъ. По южной границѣ были расположены 2 линіи городовъ-крѣпостей. Въ первой изъ нихъ къ веснѣ сосредоточивались значительныя военныя силы, которыя осенью уходили и кадры ихъ распускались по домамъ на отдыхъ. Изъ первой линіи высылались въ степь станицы и сторожи; первыя были разъѣзжими, схватывая довольно большой раіонъ, вторыя находились на опредѣленныхъ наиболѣе опасныхъ пунктахъ. Задачей тѣхъ и другихъ было стоять „усторожливо“, чтобы „Крымскіе люди“ не пришли на Русь „изгономъ“ или „искрадомъ“. Замѣтивъ приближеніе врага, станичники и сторожи давали объ этомъ знать въ угрожаемые пункты, населеніе которыхъ „садилось въ осаду“, и воеводамъ „полковъ“, т. е. большихъ ратей. Послѣдніе и выступали противъ непріятелей. Тяжелая задача станичниковъ и сторожей облегчалась тѣмъ, что крымцы приходили обыкновенно по протореннымъ дорогамъ, такъ называемымъ „сакмамъ“ или „шляхамъ“. Но случилось, что отыскивались новые, неизвѣстные еще русскимъ пути, и тогда наша окраина страдала отъ татарскаго набѣга.

Съ теченіемъ времени въ степь выдвигалась новая линія городовъ, прежняя первая пріобрѣтала значеніе второй, а та заживала болѣе мирной жизнью. Условія жизни служилыхъ людей на окраинѣ, въ особенности на ея границѣ, были очень нелегки. Постоянно приходилось жить подъ страхомъ внезапныхъ нападеній со стороны враговъ, участвовать въ несеніи трудной развѣдочной службы и заготовлять хлѣбъ не только для себя, но и для тѣхъ отрядовъ, которые стояли въ ближайшихъ городахъ и приходили сравнительно издалека. Мы знаемъ, что населеніе юж-

ной окраины очень тяготилось этой „государевой пашней“. При томъ тяжелая служба вознаграждалась далеко не щедро. Украинные города низко стояли на служебной лѣстницѣ, по которой распредѣлялись Московскіе города и потому жители ихъ служили не съ высокихъ окладовъ. Поэтому Московское правительство не было особенно разборчиво при пополненіи кадровъ своихъ служилыхъ людей на „Югѣ“. Оно прибирало на эту службу всѣхъ, кто только шелъ на нее. При томъ же въ виду тягостей жизни на окраинѣ ее сдѣлали и мѣстомъ ссылки. Сюда посылали не только за провинности и проступки, но и за преступленія. Понятно, что на южной окраинѣ собиралось довольно безшабашное, склонное къ смутѣ и волненіямъ населеніе. Съ такими служилыми людьми имѣть дѣло было далеко не легко. Тѣмъ болѣе трудно было пріобрѣсти ихъ любовь, не поступаясь при этомъ интересами государственной обороны и строгими требованіями службы. Однако Никита Романовичъ Юрьевъ блестяще справился со своей задачей. Этого достигъ онъ справедливостью, заботливостью, вниканьемъ въ нужды служилыхъ людей, привѣтливостью въ обращеніи и неустаннымъ рвеніемъ къ службѣ. Назначенный послѣ выдающагося полководца, князя М. И. Воротынскаго, реорганизатора станичной и сторожевой службы на южной окраинѣ, бояринъ Н. Р. Юрьевъ въ теченіе ряда долгихъ лѣтъ завѣдывалъ обороной этого края. Есть извѣстіе, по которому почти до самой смерти царскій шуринъ интересовался дѣлами окраины и принималъ въ нихъ дѣятельное участіе.

Распоряженія Никиты Романовича, дошедшія до насъ далеко не всѣ, относятся къ разнымъ сторонамъ его дѣятельности. Онъ тщательно вникалъ въ условія обороны, назначалъ новые станичные и сторожевые пункты, изучалъ направленіе новыхъ путей, по которымъ являлись на Русь татары, назначалъ сроки начала и конца сторожевой и станичной службы и т. д. Въ то же время Никита Романовичъ близко къ сердцу принималъ нужды ввѣренныхъ ему служилыхъ людей. Онъ распредѣлилъ сроки ежегодной службы такимъ образомъ, что она стала менѣе утомительной, выхлопоталъ выдачу жалованья для безпомѣстныхъ и малопо-

мѣстныхъ дѣтей боярскихъ, увеличилъ въ два съ половиной раза земельный окладъ сторожевыхъ казаковъ, добился „приговора“ и „указа“ о выдачѣ имъ нѣкотораго денежнаго вознагражденія за службу и издалъ рядъ подобныхъ распоряженій.

Такая дѣятельность Никиты Романовича доставила ему необыкновенную популярность среди населенія „Юга“. Да и вообще царскій шуринъ, ласковый и отважный бояринъ Юрьевъ-Захарьинъ, былъ очень любимъ народомъ. На это указываютъ нелицемѣрные свидѣтели—народныя пѣсни. Не въ одной изъ нихъ вспоминается „старый“ „дядюшка“ „Микита Романовичъ“. Такъ вспоминаетъ народъ подвиги князя Михаила Васильевича Скопина Шуйскаго и тутъ же начинаетъ воспѣвать Никиту Романовича. Пѣсня не смущается анахронизмами, и Скопинъ, по этому преданію современникъ Грознаго, умоляетъ Никиту Романовича помочь Москвѣ, такъ какъ ее осадили литовцы. Тотъ сначала сокрушается о томъ, что молодость его уже прошла и силы ослабѣли. Затѣмъ Никита Романовичъ рѣшается оказать помощь осажденнымъ. Пользуясь своимъ знаніемъ волшебства, онъ обернулся бѣлымъ горностаемъ и „выщелкиваетъ“ замочки у ружей въ оружейныхъ „магазеяхъ“ непріятеля. Этимъ не довольствуется храбрый и хитроумный витязь. Онъ обращается въ сѣраго волка. Въ такомъ видѣ Никита Романовичъ „выторкалъ“ „глотки“ у вражескихъ коней. Лишь послѣ этого богатырь идетъ сражаться съ дерзкими врагами.

Въ только что изложенномъ отрывкѣ рисуется сверхестественный умъ и волшебная „хитрость-мудрость“ любимаго народомъ боярина. Другая пѣсня о Мамстрюкѣ Темврюковичѣ еще болѣе любопытна. Мамстрюкъ Темврюковичъ—тоже царскій шуринъ, братъ второй жены Грознаго, черкасской княжны Маріи. Выѣзжій черкесъ не былъ по сердцу народу, и тотъ отмстилъ ему слѣдующей пѣсней. Мамстрюкъ закручинился, что ему не съ кѣмъ помѣряться силой и такимъ образомъ „загонять силно царство Московское“. Тогда Никита Романовичъ, слыша похвальбу чужеземнаго княжича, докладываетъ о ней царю Ивану Васильевичу. Царь въ отвѣтъ на это приказываетъ своему боярину сѣсть „на добра

коня“ и побѣжать „по всей Москвѣ по широкимъ улицамъ“. Никита Романовичъ немедля исполняетъ приказаніе царя. „Дядюшка“ ѣдетъ по Москвѣ, скликаетъ кличъ и находитъ 2-хъ борцовъ, 2-хъ удалыхъ братьевъ Борисовичей. Онъ представляетъ „бойцовъ“ Грозному и получаетъ новое приказаніе свести ихъ съ Мамстрюкомъ. Въ бою Борисовичи побѣждаютъ хвастливаго черкеса и издѣваются надъ нимъ. Царь беретъ ихъ сторону, приговаривая, что не бѣда, „коли русакъ тѣшится“. Въ этомъ любопытномъ произведеніи народнаго творчества намъ въ данную минуту особенно интересна та роль, которую народъ отводитъ Никитѣ Романовичу. Любимый „дядюшка“ очень близокъ и царю, который ему довѣряетъ и даетъ важныя порученія, и народу.

Мы видимъ, что и въ пѣсняхъ, посвященныхъ другимъ лицамъ, Никита Романовичъ играетъ выдающуюся роль, иногда даже заслоняя собой главнаго героя. Но есть пѣсня, и при томъ въ двухъ значительно разнящихся другъ отъ друга варіантахъ, въ которой царскій шуринъ особенно возвеличивается и прославляется. Царь Иванъ Васильевичъ Грозный,—разсказывается въ этой пѣснѣ,—задалъ веселый пиръ. На немъ царь порасхвастался, что помимо покоренія славныхъ городовъ онъ „вывелъ измѣну“ изъ русской земли. На это царевичъ Иванъ, сидѣвшій близъ отца, замѣтилъ громко, что главный измѣнникъ живъ и невредимъ. Распалился гнѣвомъ царь и потребовалъ, чтобы царевичъ назвалъ имя злодѣя. Долго отказывался царевичъ и наконецъ заявилъ, что главный измѣнникъ—младшій сынъ Грознаго, Ѳеодоръ. Царь Иванъ Васильевичъ приходитъ въ ярость. Онъ приказываетъ схватить Ѳеодора и казнить его. Опричникъ Малюта Скуратовъ, любимецъ Грознаго, съ полной готовностью выполняетъ повелѣніе своего государя. Онъ хватаетъ младшаго царевича и ѣдетъ съ нимъ на Поганую лужу, чтобы тамъ предать его смерти. Царица Анастасія въ ужасѣ бѣжитъ къ своему брату, „старому“ Никитѣ Романовичу. Не теряетъ времени Никита Романовичъ. Онъ бѣжитъ на конюшню, сѣдлаетъ тамъ добраго коня (по одному любопытному варіанту „клячу водовозную“) и мчится въ погоню за Малютой. Никита Романовичъ успѣваетъ отнять у Малюты царевича. При этомъ онъ бьетъ лютаго опричника,

говоря: „не за свой кусъ ты собака хватаешься, и этимъ кусомъ самъ, собака, подавишься“.

Избавивъ племянника отъ вѣрной смерти, Никита Романовичъ возвращается въ Москву и везетъ царевича въ свой домъ. Тамъ Грозный глубоко опечаленъ смертью сына и всѣмъ приказалъ облечься въ черныя одежды. Никита Романовичъ одѣваетъ на себя лучшее праздничное платье и идетъ къ царю. Тотъ гнѣвается на своего шурина и съ радостью узнаетъ, что тотъ спасъ царевича отъ смерти, а его— отъ сыноубійства. Грозный сулитъ на радостяхъ „старому Никитѣ Романовичу“ города съ селами. Но царскій шуринъ отказывается отъ этихъ наградъ, а проситъ у царя такой милости: „А ты пожалуйка Микитину вотчину: кто коня угналъ, кто жену увелъ, да ушелъ въ Микитину вотчину, того въ Микитиной вотчинѣ не взыскивати“.

Въ болѣе поздней обработкѣ эта пѣснь извѣстна была въ далекой Сибири. Она отличается нѣкоторыми подробностями. Царевича Іоанна въ ней мы не встрѣчаемъ, за то самъ Ѳеодоръ непосредственно навлекаетъ на себя гнѣвъ отца тѣмъ, что, упомянувъ о трехъ главныхъ измѣнникахъ— боярахъ Годуновыхъ, не называетъ ихъ именъ. Когда Малюта по приказу царя спѣшитъ увезти царевича на казнь, „старый“ Никита Романовичъ догоняетъ „палача“ Скуратова и уговариваетъ Малюту казнить вмѣсто царевича Ѳеодора другого человѣка. Онъ жертвуетъ при этомъ своимъ любимымъ конюхомъ. Пріѣхавъ затѣмъ съ Ѳеодоромъ въ свою Романовскую вотчину, Никита Романовичъ въ честь племянника устраиваетъ веселый пиръ. Годуновы доносятъ объ этомъ пирѣ царю, не зная причины веселья. Царь между тѣмъ опечаленъ смертію сына. Онъ гнѣвается на Никиту Романовича, спѣшитъ къ нему въ домъ и въ порывѣ ярости ранитъ своего шурина въ ногу своимъ жезломъ. Дѣло все же разъясняется, и Грозный на радостяхъ жалуетъ своего шурина. Онъ даритъ ему „погребъ золота и серебра“, затѣмъ „питья разнова“ и кромѣ того „грамота тарханная: кто церкву покрадетъ, мужика ли убьетъ а хто у жива мужа жену уведетъ и уйдетъ весело во боярское ко старому Никите Романовичу и тамъ быть имъ не в выдаче“.

Нельзя не отмѣтить, что пѣсня о Никитѣ Романовичѣ

очень характерна. Онъ показываетъ, какъ народъ смотрѣлъ на любимаго боярина. Конечно, мы не принимаемъ ея легендарныхъ показаній не только о главномъ фактѣ, но и „о тарханной грамотѣ“. Все же личность ближняго боярина, какъ смѣлаго, вѣрнаго царскаго слуги и защитника угнетенныхъ, рисуется въ ней очень ярко и выпукло.

Интересно также указаніе и „на погребъ злата и серебра“. Здѣсь заманчиво видѣть указаніе на огромное богатство Никиты Романовича.

Мы лишены возможности собрать болѣе или менѣе точныя свѣдѣнія объ этихъ богатствахъ. При опалѣ, постигшей Никитичей при Борисѣ, ихъ имѣніе было конфисковано и далеко не все было возвращено впослѣдствіи. По воцареніи Михаила Ѳеодоровича, можно догадываться, значительная часть его земель была присоединена къ дворцовымъ имуществамъ. Но во всякомъ случаѣ не трудно заключить уже по первому взгляду, что богатства эти были велики. Прежде всего мы знаемъ, что Ѳедоръ Андреевичъ Кошка былъ колоссально богатъ. По крайней мѣрѣ одна изъ его невѣстокъ наградила своего любимаго правнука, сына Василія Темнаго, громадными земельными вотчинами. Затѣмъ вспомнимъ о большихъ богатствахъ, которыми владѣли другіе потомки боярина Кошки, напр. Шереметевы. Припомнимъ также и преданіе о драгоцѣннѣйшемъ поясѣ прадѣда Никиты Романовича, Захарія Ивановича Кошкина. Подобныя дорогія вещи были на перечетъ въ тѣ времена и у великихъ князей. Правда, съ теченіемъ времени богатства дробились между наслѣдниками, но за то и возрастали благодаря долговременной службѣ членовъ рода Кошкиныхъ-Захарьиныхъ. Въ частности можно думать, что Никита Романовичъ унаслѣдовалъ въ концѣ концовъ все состояніе своего старшаго брата, семейство котораго погибло, какъ мы уже знаемъ, вскорѣ послѣ его смерти. Не забудемъ, что какъ Даніилъ, такъ и Никита Романовичи были братьями любимой жены царя и что Грозный, умѣя казнить, умѣлъ и награждать.

Богатства Никиты Романовича заключались главнымъ образомъ въ обширныхъ его вотчинахъ. По приблизительному опредѣленію этихъ вотчинъ число ихъ было колоссаль-

Палаты бояръ Романовыхъ въ Москвѣ.

нымъ. И гдѣ только не было этихъ вотчинъ?! Въ самой столицѣ ближній царскій свойственникъ владѣлъ между прочимъ огромной усадьбой въ Китай-городѣ, на Варваркѣ. Часть этой усадьбы занята въ настоящее время палатами бояръ Романовыхъ. Затѣмъ подъ Москвой и въ ближайшихъ окрестностяхъ Никитѣ Романовичу принадлежалъ цѣлый рядъ крупныхъ селъ и деревень. Были владѣнія у названнаго боярина въ Муромскомъ, Владимирскомъ, Юрьево-Польскомъ (знаменитое въ исторіи рода село Клины) и Ярославскомъ уѣздахъ. Далѣе Никита Романовичъ былъ вотчинникомъ громадныхъ земель въ Костромскомъ краѣ. Были у него также владѣнія въ Твери, Бѣжецкомъ верху и даже Новгородской области. На западъ отъ Москвы намъ извѣстна лишь одна вотчина Романовыхъ въ Вязьмѣ. Зато въ тогдашней южной окраинѣ Никитѣ Романовичу принадлежали обширныя земли въ Калужскомъ, Епифанскомъ, Ряжскомъ, Данковскомъ и Елецкомъ уѣздахъ. Слѣдуетъ отмѣтить, что наиболѣе крупныя владѣнія Никиты Романовича сосредоточивались въ Костромскомъ краѣ, особенно по рѣкѣ Унжѣ и на „Югѣ“. Послѣднее обстоятельство находитъ себѣ объясненіе въ долговременной службѣ царскаго шурина въ южныхъ областяхъ.

Итакъ земельныя владѣнія Никиты Романовича были очень велики. Не даромъ въ офиціальной біографіи патріарха Филарета упоминается, что царь Борисъ „отнемъ“ у Никичей „премногая“ „имѣнія“. Такому земельному богатству, повидимому, соотвѣтствовали и большія денежныя средства. Мы уже указали, какъ народъ вѣрилъ въ то, что царь пожаловалъ Никитѣ Романовичу „погребъ злата и сребра“. Въ другой народной пѣсни родъ Романовыхъ прямо называется „славнымъ и богатымъ“. Припомнимъ и слова Боуса. Не зная степени ихъ достовѣрности, всетаки извлекаемъ изъ нихъ указаніе на большой денежный капиталъ Никиты Романовича.

Могучъ и силенъ былъ царскій шуринъ при жизни Грознаго. Но смерть этого государя должна была еще болѣе возвысить его. Никита Романовичъ былъ роднымъ дядей преемнику царя Ивана Васильевича, мягкому и доброму, но малоспособному къ дѣламъ правленія царю Ѳеодору Ивано-

вичу. Существуетъ нѣсколько извѣстій, гласящихъ, что умирающій Грозный, зная неспособность своего наслѣдника, учредилъ надъ нимъ нѣчто въ родѣ опеки. Приводятъ при этомъ имена царскихъ опекуновъ. При разногласіи относительно всѣхъ другихъ лицъ эти источники единодушно называютъ Никиту Романовича во главѣ правленія въ началѣ царствованія Ѳеодора Ивановича.

И дѣйствительно, никто не сомнѣвается, что въ первое время по вступленіи молодого царя на престолъ, его родному дядѣ, умудренному годами и опытомъ, даровитому и заслуженному принадлежало „безспорное первенство“ въ дѣлахъ государственнаго правленія. Но такое положеніе дѣла продолжалось очень недолго. Въ августѣ 1584 года тяжкая болѣзнь постигла дѣятельнаго боярина. Долго прохворалъ онъ и скончался въ апрѣлѣ 1586-го или 1585 года, передъ смертью принявъ монашество съ именемъ Нифонта.

Мы прослѣдили въ общихъ чертахъ исторію родоначальниковъ нынѣ царствующаго Дома Романовыхъ. Мы видѣли, что они въ теченіе двухъ съ половиной вѣковъ вѣрой-правдой служили князьямъ-собирателямъ Руси, знали ихъ думу, выполняли ихъ волю и способствовали ихъ великому дѣлу. Породившись съ угасающей династіей, бояре Романовы-Юрьевы-Захарьины-Кошкины оказались на высотѣ положенія. Кроткая царица Анастасія была добрымъ геніемъ своего царственнаго супруга, а ея братъ, умный и добрый бояринъ Никита Романовичъ былъ вѣрнымъ другомъ, совѣтникомъ и слугой Грознаго, но не унизился до роли его потатчика и льстеца. Онъ заслужилъ общую любовь народа. И, конечно, Романовымъ принадлежало историческое право наслѣдовать той династіи, которой они вѣрно служили и съ которой близко породнились.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Дѣти Никиты Романовича и ихъ судьба до 1611 г.

I.

Никита Романовичъ оставилъ послѣ себя многочисленное потомство. Отъ брака съ княжной Евдокіей Александровной Горбатой онъ имѣлъ 6 сыновей и 7 дочерей, и почти всѣ они пережили своихъ родителей, изъ которыхъ мать умерла за нѣсколько лѣтъ до смерти отца. Страдая во время своего тяжкаго, смертельнаго недуга, престарѣлый царскій дядя особенно былъ озабоченъ участью, ожидавшей его любимыхъ дѣтей. Правда, они были способны и энергичны, особенно старшій изъ нихъ любознательный, даровитый и умный Ѳеодоръ Никитичъ, но были еще слишкомъ молоды, и къ тому же ихъ со всѣхъ сторонъ окружали недоброжелательные къ нимъ бояре. Не даромъ Никита Романовичъ былъ свидѣтелемъ сценъ 1553 года, разыгравшихся въ Кремлевскомъ дворцѣ. Онъ отлично помнилъ крики, что бояре не желаютъ надъ собой власти Захарьиныхъ.

Конечно, многое перемѣнилось съ тѣхъ поръ. Надъ строптивыми боярами-княжатами пронеслась грозой опричнина. Она сломила и подавила княжатъ, но не уничтожила ихъ гордости и не заглушила ихъ непріязненнаго и высокомѣрно пренебрежительнаго чувства къ новой царской роднѣ. Надо было поэтому обратиться къ содѣйствію человѣка, который самъ былъ въ аналогичномъ положеніи и которому выгодно было заручиться расположеніемъ Никитичей. И такой человѣкъ былъ на лицо. Это былъ шуринъ царя Ѳеодора, его любимецъ, Борисъ Ѳеодоровичъ Годуновъ. Онъ рано былъ приближенъ ко двору и въ молодости, повидимому, пользовался покровительствомъ Никиты Романовича Юрьева. Долгое время привыкли думать объ исконной враждѣ Романовыхъ

и Годунова. Нѣтъ ничего болѣе ошибочнаго, чѣмъ это мнѣніе. До вражды существовала самая тѣсная дружба, обусловленная общностью интересовъ и, быть можетъ, симпатій.

Въ самомъ дѣлѣ положеніе Годунова и Романовыхъ было сначала очень сходно. Они одинаково были нелюбимы боярствомъ. Притомъ, если даже Захарьины были „рабами“ въ глазахъ спесивыхъ бояръ-княжатъ, то менѣе родовитый Борисъ Годуновъ былъ по ихъ представленію совсѣмъ уже ничтожнымъ выскочкой. Дьякъ Иванъ Тимоѳеевъ, полный аристократическихъ взглядовъ и предразсудковъ, не обинуясь называетъ Бориса Ѳеодоровича Годунова „средородным и средочиннымъ по всему“. Поэтому Борисъ Годуновъ былъ бы очень одинокъ среди высшей знати того времени, если бы не встрѣтилъ поддержки со стороны родственника Грознаго, боярина Никиты Романовича.

Во время предсмертной болѣзни дяди царя Ѳеодора братъ царицы Ирины поднялся на недосягаемую высоту. Онъ былъ бояриномъ и конюшимъ, а также и правителемъ государства. Тѣмъ не менѣе ему выгодно было поддерживать старую дружбу съ семьей Никиты Романовича. Вслѣдствіе этого онъ охотно далъ слово умирающему царскому дядѣ имѣть „соблюденіе“ о „его чадѣхъ“. И нѣтъ сомнѣнія, что между царскими родными долго длился нерушимо тотъ „завѣщательный союзъ дружбы“, о которомъ впослѣдствіи упоминалъ одинъ изъ близкихъ къ Романовымъ людей. Царскій шуринъ и конюшій былъ въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ съ двоюродными братьями царя Ѳеодора. Молодые Романовы въ свою очередь не пошли противъ Годунова, когда Шуйскіе и ихъ друзья сплели интригу съ цѣлью расторгнуть бракъ царя съ Ириной Ѳеодоровной и тѣмъ уничтожить вліяніе Годунова.

Держась вмѣстѣ съ Борисомъ, Никитичи быстро подвигались по дорогѣ почестей. Вскорѣ послѣ смерти царскаго дяди старшій изъ двоюродныхъ братьевъ царя былъ пожалованъ въ званіе боярина. Слѣдующему Никитичу, Александру, одновременно было пожаловано „крайчество“. Остальные братья были еще очень молоды. Они упоминаются иногда въ документахъ той поры какъ стольники. Два изъ нихъ: Левъ и Никита Никитичи, умерли еще при царѣ Ѳеодорѣ

Ивановичѣ. Отношенія у братьевъ Никитичей къ правителю государства, Борису Ѳеодоровичу Годунову, оставались по наружности мирными, хотя и были иногда между ними, вѣрнѣе ихъ дворней, кое-какія ссоры.

Существуетъ по этому поводу разсказъ, передаваемый голландскимъ писателемъ, извѣстнымъ географомъ Исаакомъ Массой. Онъ подросткомъ пріѣхалъ въ Россію въ началѣ 1600-хъ годовъ по торговымъ дѣламъ и прожилъ здѣсь до 1610 года. И позже этого года Масса бывалъ въ Московскомъ государствѣ. Этотъ писатель очень благосклонно относится къ Романовымъ еще до воцаренія Михаила Ѳеодоровича, такъ что его можно обвинять иногда въ легковѣріи, но у него не замѣтно желанія подслужиться къ этой семьѣ. Между повѣствованіями о другихъ событіяхъ Масса передаетъ о такомъ случаѣ. Царь Ѳеодоръ Ивановичъ со своей свитой шелъ на богомолье въ Троице-Сергіевъ монастырь. Въ селѣ Воздвиженскомъ предполагалась остановка. Холопы Александра Никитича желали занять одинъ изъ домовъ въ этомъ селеніи. Но люди Бориса Годунова, выбравшіе этотъ домъ для своего боярина напали на нихъ, избили и прогнали. Когда Александръ Никитичъ узналъ объ этомъ поступкѣ челяди всесильнаго правителя, онъ строго приказалъ имъ всегда уступать въ такихъ случаяхъ. Однако онъ разсказалъ о случившемся царю Ѳеодору, и тотъ укоризненно замѣтилъ Годунову: „Борисъ, Борисъ, ты уже слишкомъ много позволяешь себѣ въ царствѣ; всевидящій Богъ взыщетъ на тебѣ“. Этотъ кроткій упрекъ очень „уязвилъ Бориса“, который поклялся отомстить и сдержалъ свое слово послѣ своего воцаренія.

Мы привели разсказъ Массы, какъ образчикъ тѣхъ сплетенъ, которыя ходили тогда по поводу ссоры Бориса съ Никитичами и гоненія на нихъ, но мало вѣримъ тому, чтобъ такое мелочное происшествіе могло разорвать давнюю связь двухъ семействъ. Быть можетъ, отношенія и поохладѣли ко времени смерти царя Ѳеодора, но это обстоятельство нисколько не отразилось на судьбѣ Никитичей въ царствованіе ихъ двоюроднаго брата. По прежнему Никитичи были въ большомъ приближеніи ко двору и счастливо устраивали свою семейную жизнь. Они переродились или возобновили и

упрочили путемъ браковъ родственныя связи съ многими знатнѣйшими фамиліями въ государствѣ, какъ то: Черкасскими, Голицыными, Сицкими, Лыковыми, Шереметевыми и многими другими.

Между собой Никитичи были необыкновенно дружны. Здѣсь сказались завѣты семьи и положеніе ея среди остального боярства. По замѣчанію Массы они принадлежали „къ самому знатному, древнѣйшему и могущественнѣйшему“ роду „въ землѣ Московской. Тѣмъ не менѣе они жили очень скромно и были всѣми любимы“. Масса прибавляетъ при этомъ, что „каждый изъ нихъ держалъ себя съ царскимъ достоинствомъ“. Въ пользу братьевъ говорила при этомъ и красивая, привлекательная важность.

Первенствовалъ въ дружной семьѣ Никитичей старшій изъ сыновей боярина Никиты Романовича Ѳеодоръ Никитичъ. Это былъ красивый мужчина, очень ласковый ко всѣмъ и такъ хорошо сложенный, что московскіе портные обыкновенно говорили, когда платье сидѣло на комъ нибудь хорошо: „вы второй Ѳеодоръ Никитичъ“. При томъ „онъ такъ хорошо сидѣлъ на конѣ, что всѣ видѣвшіе его приходили въ изумленіе“. Другой иностранный наблюдатель разсказываетъ намъ, что бояринъ Ѳеодоръ Никитичъ отличался большой любознательностью. Онъ непремѣнно желалъ выучиться латынскому языку и заказалъ себѣ для этого книгу, гдѣ латинскія слова были написаны русскими буквами.

Такая пытливость, свидѣтельствующая о широтѣ ума, подтверждается до извѣстной степени послѣдующей правительственной дѣятельностью Ѳеодора Никитича, когда онъ сталъ уже смиреннымъ Филаретомъ, патріархомъ Московскимъ и всея Руси. Портреты же, изображающіе намъ его уже старикомъ-патріархомъ, говорятъ о былой замѣчательной красотѣ боярина Ѳеодора Никитича. Что этотъ русскій красавецъ-богатырь съ длиннымъ открытымъ лицомъ и большими блестящими голубыми глазами, очень любилъ охоту, мы имѣемъ показаніе одного донесенія изъ Антоніево-Ейскаго монастыря, гдѣ томился при царѣ Борисѣ невольный постриженникъ Филаретъ (Никитичъ Романовъ). Донесеніе сообщаетъ, что узникъ-инокъ сталъ часто разговаривать „про мірское житье, про птицы ловчіе и про собакъ, какъ онъ въ мірѣ жилъ“.

И, правда, хорошо и привольно жилось „въ мірѣ“ будущему иноку Филарету. Двоюродный братъ царя, всѣми уважаемый и ласкаемый, популярный за свою ласковость и привѣтливость въ низшихъ слояхъ населенія, Ѳеодоръ Никитичъ извѣдалъ, кажется, и большое семейное счастье, выпавшее ему на долю. Онъ былъ женатъ на Ксеніи Ивановнѣ Шестовой, происходившей изъ хорошей дворянской фамиліи, родственной Салтыковымъ и Морозовымъ. Отецъ ея, заслуженный воинъ временъ Грознаго, владѣлъ землями въ Костромскомъ краѣ и между прочимъ знаменитымъ селомъ Домнинымъ, столь извѣстнымъ благодаря подвигу Ивана Сусанина. Бракъ Ѳеодора Никитича не былъ безплоденъ, но старшія дѣти умерли въ нѣжномъ дѣтствѣ. Въ живыхъ остались лишь дочь Татьяна Ѳеодоровна и сынъ Михаилъ Ѳеодоровичъ. Татьяна Ѳеодоровна была впослѣдствіе замужемъ за однимъ изъ знатнѣйшихъ московскихъ людей, князь Иваномъ Михаиловичемъ Катыревымъ-Ростовскимъ, оставившимъ намъ интересное въ литературномъ и историческомъ отношеніи произведеніе о Смутѣ, и умерла въ очень молодыхъ годахъ.

Она не была свидѣтельницей того, какъ воля судьбы возвеличила ея младшаго брата. Михаилъ Ѳеодоровичъ родился 12-го іюня 1596 года и былъ младшимъ въ семьѣ. Къ величайшему сожалѣнію намъ ничего неизвѣстно, какъ протекли первые годы жизни будущаго великаго государя, царя и великаго князя всея Руси. Въ палатахъ бояръ Романовыхъ показываютъ нѣсколько предметовъ, по преданію, принадлежавшихъ Михаилу Ѳеодоровичу: колыбельку, туфельки, игрушки изъ серебра и кости и т. п. Нельзя поручиться, насколько преданіе въ данномъ случаѣ соотвѣтствуетъ истинѣ. Но можно быть увѣреннымъ, что нѣжный и любящій отецъ всячески баловалъ, ласкалъ своихъ дѣтей и заботился о нихъ. Не даромъ впослѣдствіе невольный инокъ и узникъ Филаретъ со слезами въ голосѣ говорилъ, вспоминая свою семью: „Милыя мои дѣтки, маленькія бѣдныя осталися; кому ихъ кормить и поить? таково ли имъ будетъ нынѣ, каково имъ при мнѣ было?“ Изъ этихъ словъ можно съ увѣренностью заключить, какъ привольно и уютно жилось маленькому Михаилу Ѳеодоровичу до того чернаго дня, когда надъ его семьей разразилась царская опала.

Итакъ малютка внукъ Никиты Романовича безмятежно росъ въ родительскомъ домѣ, не предчувствуя ни тяжкихъ невзгодъ, ни славной будущности: ему предназначено было послѣ многихъ испытаній стать въ ранней молодости основателемъ великой нынѣ царствующей династіи. Это случилось въ 1613 году, а до этого времени и невинному ребенку, сыну боярина Ѳеодора Никитича, и всей Руси пришлось многое перенесть и много пострадать. Малютку Михаила Ѳеодоровича Романова ожидала нежданная разлука съ родителями и жизнь въ далекой ссылкѣ, Русскую землю—ужасы самозванщины и междуцарствія. Чтобы ясно уразумѣть послѣдующую судьбу семьи Никиты Романовича, намъ предстоитъ по временамъ обращаться къ событіямъ русской исторіи XVI и начала XVII столѣтій.

Кореннымъ событіемъ нашей исторіи въ названное время была, конечно, Смута и „разруха“. Къ ней и обратимся. Смутная пора въ Московскомъ государствѣ совпала съ угасаніемъ дома Ивана Калиты, и очень соблазнительно поставить ее въ причинную связь съ этимъ событіемъ. Такъ это и дѣлаютъ очень многіе до настоящаго времени и въ томъ числѣ одинъ изъ авторитетнѣйшихъ знатоковъ русской исторіи, академикъ и профессоръ В. О. Ключевскій. У извѣстнаго ученаго есть своя излюбленнѣйшая имъ, во многихъ отношеніяхъ безусловно вѣрная теорія о вотчинномъ взглядѣ на государство. При этомъ этотъ взглядъ былъ достояніемъ не только государя, но и населенія. Въ силу этого нельзя было возстать противъ государя, какъ нельзя въ настоящее время поднять мятежъ квартиранту противъ домовладѣльца. И подобно тому какъ жильцы, недовольные собственникомъ дома, выѣзжаютъ изъ послѣдняго, мѣняютъ квартиру, такъ и населеніе древней Руси, недовольное положеніемъ дѣла „брело розно“, но не поднимало бунта противъ государя вотчинника. Такой взглядъ, чрезвычайно выгодный для монархической идеи, могъ оказаться и пагубнымъ для всего государства: населеніе Московскаго государства никакъ не могло освоиться съ идеей о выборномъ царѣ. Поэтому всѣ выборные властители такъ старались выдвинуть на первый планъ фиктивное или дѣйствительное родство съ прежней династіей. Поэтому и стала очень опасной идея самозван-

чества, нашедшая себѣ столь многихъ послѣдователей. Поэтому „смута прекратилась только тогда, когда удалось найти царя, котораго можно было связать родствомъ, хотя и не прямымъ, съ угасшей династіей: царь Михаилъ утвердился на престолѣ не столько потому, что былъ земскимъ всенароднымъ избранникомъ, сколько потому, что доводился племянникомъ послѣднему царю прежней династіи".

И безпорно взглядъ на государство, какъ на вотчину государя, былъ распространенъ на Руси и безспорно также, что онъ имѣлъ очень большое вліяніе и при избраніи на царскій престолъ Михаила Ѳеодоровича.

Тѣмъ не менѣе удача самозванчества, положившаго начало открытой Смутѣ, и даже самое зарожденіе мысли о немъ находитъ себѣ объясненіе не только во взглядѣ на государя, какъ на вотчинника своего государства, но и въ рядѣ другихъ причинъ, которыя не были приняты въ данномъ случаѣ во вниманіе В. О. Ключевскимъ. Надо помнить, что представленіе о носителѣ верховной власти было необыкновенно высокимъ въ душѣ и сознаніи древне-русскихъ людей. Государь русскій—помазанникъ Божій; поэтому онъ— „властію достоинства приличенъ есть Богу". Такое воззрѣніе, не разъ повторявшееся въ нашей древнерусской письменности, нашло себѣ выраженіе и въ извѣстной народной поговоркѣ: „Вѣдаетъ Богъ, да великій государь". Указанное представленіе въ сочетаніи съ распространеннымъ убѣжденіемъ о томъ, что Богъ въ награду хорошимъ людямъ посылаетъ имъ добраго царя, а желая наказать дурныхъ и грѣшныхъ—злого, дѣлало возстаніе противъ царской власти очень труднымъ въ древней Руси. Но, если нельзя поднять возстанія противъ законно царствующаго государя, то всегда возможно оказать сопротивленіе похитителю верховной власти. Въ такомъ случаѣ самозванчество представляетъ собой то знамя, подъ прикрытіемъ котораго только и возможно широкое народное движеніе противъ верховной власти при существованіи остраго народнаго неудовольствія и непоколебленности идеи монархизма. Положимъ, что Лжедимитрій имѣлъ успѣхъ въ связи съ невполнѣ уясненной въ наукѣ кончиной святого царевича Димитрія. Но успѣхъ этотъ по

объясненію, принятому и самимъ В. О. Ключевскимъ, имѣлъ и другія причины.

По нашему личному мнѣнію, эти то причины, наиболѣе полно и всесторонне изученныя въ трудѣ профессора Платонова „Очерки по исторіи Смуты въ Московскомъ государствѣ“, и явились главными источниками Смутной эпохи. Вотъ какъ надо, полагаемъ мы, представлять себѣ стеченіе обстоятельствъ, повлекшихъ за собой это полное драматизма событіе нашей исторіи. Московское государство выросло съ чисто сказочной и непонятной на первый взглядъ быстротой. Въ какихъ-нибудь 250—270 лѣтъ оно изъ маленькой сравнительно вотчины Іоанна Калиты, владѣвшаго бассейномъ Москвы рѣки, обратилось въ обширнѣйшую, могущественную державу. Ко времени кончины послѣдняго изъ династіи государей—собирателей Руси, царя Ѳеодора Іоанновича, Московское государство занимало почти всю Восточно-европейскую равнину и перешло уже за Камень (т. е. Уралъ) въ Азію. Такой быстрый ростъ не могъ не вызвать болѣзненныхъ явленій въ государственномъ организмѣ. Къ такимъ болѣзненнымъ явленіямъ слѣдуетъ отнести два противорѣчія русской дѣйствительности XVI столѣтія, съ необходимостью вытекавшія изъ обстоятельствъ, создавшихъ московскую государственную мощь. Первое изъ нихъ было политическимъ; оно состояло въ томъ, что одинъ и тотъ же историческій ходъ вещей, приведшій къ поглощенію Москвой остальныхъ великихъ и удѣльныхъ княжествъ, создалъ сильную единоличную и стремившуюся къ демократическому полновластію верховную власть, и высшую администрацію, очень аристократическую по настроенію и происхожденію, такъ какъ громадное большинство ея состояло изъ потомковъ владѣтельныхъ государей, „княжья“. Второе противорѣчіе русской дѣйствительности XVI вѣка, соціальное, возникло вслѣдствіе треній и борьбы между собой служилаго и тяглаго общественныхъ классовъ. Указанныя болѣзненныя явленія не были скрыты отъ носителей московской верховной власти. Они пытались даже бороться съ ними и въ первомъ случаѣ боролись чрезмѣрно напряженно и съ ненормальнымъ раздраженіемъ. Опасаясь, что титулованная знать можетъ стать слишкомъ притязательной и служить помѣхой для вер-

ховной власти, царь Иванъ IV Васильевичъ, замыслилъ и сумѣлъ, какъ мы знаемъ, организовать свою извѣстную опричнину. Она не была безплодной мѣрой. Во время опричнины Грозный отобралъ „княженецкія“ старинныя вотчины на свой „государевъ обиходъ“, „перебралъ“, по его собственному выраженію, „людишекъ и землишки“ и испомѣстилъ строптивыхъ „княжатъ“ на окраинахъ государства, а прежнія огромныя ихъ владѣнія роздалъ гораздо болѣе многочисленнымъ и гораздо менѣе притязательнымъ опричникамъ. Благодаря этимъ мѣрамъ былъ достигнуты очень значительные результаты, въ корнѣ подорвано значеніе старой титулованной знати и въ довольно большой степени демократизировано землевладѣніе.

Все же Грозный не могъ окончательно подавить „княжатъ“, и долгое время традиціи ихъ жили среди представителей титулованной русской аристократіи и дали себя почувствовать въ Смутную эпоху. Кромѣ того, осуществляя на практикѣ прекрасно замышленную и теоретически разработанную реформу, Грозный не сумѣлъ ее выполнить безъ страшныхъ и безцѣльныхъ жестокостей, исказившихъ и затемнившихъ ея истинное значеніе; при этомъ своевольные опричники позволили себѣ рядъ вопіющихъ насилій, озлоблявшихъ и развращавшихъ населеніе. Въ то же время демократизація землевладѣнія, въ конечномъ итогѣ не безвыгодная для государства, повлекла за собой ломку прекрасно налаженныхъ и очень большихъ хозяйствъ. Это обстоятельство тяжело дѣйствовало на экономическіе устои Московской Руси и еще болѣе усиливало и безъ того сильную общественную рознь помѣщиковъ и крестьянской массы. Помѣщики всѣми способами старались закрѣпостить крестьянъ, такъ какъ нужда въ рабочихъ рукахъ становилась все болѣе острой. Крестьяне въ свою очередь употребляли всевозможныя усилія освободиться отъ все болѣе и болѣе тяжелыхъ условій своего существованія, „брели розно“, стремились уйти на окраины государства и даже бѣжали за рубежъ, въ дикое поле, и тамъ образовывали дружины вольнаго казачества или примыкали къ существовавшимъ и ранѣе „станицамъ“. Въ борьбѣ крестьянъ и помѣщиковъ правительство было нейтральнымъ, или брало сторону помѣщиковъ,

такъ какъ по условіямъ тоздашней жизни особенно нуждалось въ этомъ именно классѣ для обороны государства отъ враговъ. Такое положеніе дѣлъ не нравилось крестьянской массѣ и подготовляло участіе ея въ событіяхъ Смуты. Да и служилому классу, особенно низшимъ его слоямъ, жилось очень не легко въ тяжелыхъ служебныхъ и экономическихъ условіяхъ. Ливонская война и ея неудача еще болѣе приблизили Смуту тѣмъ, что еще болѣе ухудшили условія народнохозяйственной жизни страны. Нуженъ былъ лишь поводъ для того, чтобы Смута проявилась открытымъ образомъ. Конецъ дома Ивана Калиты и былъ необходимымъ толчкомъ для этого обстоятельства.

Изложенная картина условій, подготовившихъ Смуту, расходится съ утвержденіемъ В. О. Ключевскаго въ одномъ очень существенномъ отношеніи. Считая прекращеніе дома Калиты лишь толчкомъ къ Смутѣ, приходится придавать особенное значеніе выясненію условій общественно-хозяйственной жизни, приведшихъ Московское государство къ тяжкой и длительной „разрухѣ“; большого значенія этихъ явленій въ дѣлѣ Смуты не отрицаетъ даже и самъ В. О. Ключевскій. Припомнимъ одинъ фактъ изъ исторіи Смутной эпохи: „разруха“ не проявилась на Сѣверо-востокѣ и Сѣверѣ страны, гдѣ не было общественной и экономической розни. Это обстоятельство даетъ возможность утверждать, что именно указанныя выше явленія и породили у насъ Смуту. Вотчинный укладъ государственныхъ отношеній, взглядъ на государя, какъ на вотчинника, не могъ бы помѣшать Борису Годунову стать основателемъ новой династіи, такъ какъ онъ былъ братомъ царицы Ирины, естественной и единственной наслѣдницы бездѣтнаго царя Ѳеодора Ивановича, у котораго не было родственника по мужской линіи.

Наша мысль можетъ вызвать противъ себя возраженіе такого рода: безъ внутреннихъ осложненій и треній Смута бы не разыгралась; но она не возникла бы и безъ прекращенія династіи Калиты; ей помѣшалъ бы возникнуть или распространиться взглядъ на государство, какъ на вотчину, и представленіе о царѣ, какъ о земномъ Богѣ, замѣстителѣ Небеснаго Царя на землѣ. Конечно трудно, да и без-

цѣльно, гадать, какъ проявилась бы наша „разруха“, если бы династія Калиты не прекратилась со смертью царя Ѳеодора. Но намъ представляются возможными два исхода: или, все же, появленіе самозванца, или разграбленіе государства скопищами „воровъ“ (преступниковъ), не преслѣдующихъ никакихъ цѣлей кромѣ разбоя. На возможность перваго исхода указываютъ намъ народные толки о царѣ Петрѣ, какъ самозванцѣ; отсюда — одинъ шагъ до появленія самозванца, который бы заявилъ о себѣ, какъ настоящемъ царѣ. При Петрѣ такой самозванецъ не могъ бы разсчитывать на большой успѣхъ вслѣдствіе особыхъ дарованій и энергіи этого государя, но въ другое время можно было бы ожидать и другихъ результатовъ. Но гораздо болѣе вѣроятенъ другой изъ указанныхъ нами возможныхъ исходовъ нашего кризиса, еслибъ старая династія не прекратилась въ 1598 году. Припомнимъ прежде всего о существованіи разбойничьихъ или полуразбойничьихъ шаекъ въ древней Руси. Ихъ всегда было много, и они сильно тревожили мирныхъ жителей. Но къ царствованію Бориса Годунова ихъ стало особенно много, главнымъ образомъ на южной окраинѣ Московскаго государства. Подъ вліяніемъ страшныхъ голодовокъ начала XVII вѣка разбойники еще болѣе озвѣрѣли и осмѣлѣли.

Ряды ихъ пополнились бѣдствующими отъ голода людьми. Тогда подъ самой Москвой появилось скопище извѣстнаго разбойничьяго атамана Хлопа. Разбойники совершали такія неистовства надъ жителями, что самъ царь былъ встревоженъ дѣйствіями этихъ дерзкихъ и свирѣпыхъ „воровъ“. Въ засѣданіи боярской Думы рѣшено было послать противъ Хлопа сильную рать. Разбойники дали царскимъ войскамъ правильный бой и убили главнаго воеводу посланной противъ нихъ рати. Однако они были побѣждены. Хлопъ, израненный и избитый, попалъ въ плѣнъ и былъ казненъ. Шайки его были частью перебиты, частью разсѣяны. Такъ кончилось движеніе, въ которомъ самозванщина не играла никакой роли и которое этимъ напоминаетъ гораздо болѣе сильный „бунтъ“ Стеньки Разина.

Отрицательныя стороны Московской дѣйствительности бросались въ глаза наблюдательнымъ иностранцамъ. Флет-

черъ, сгущая, правда, краски, опредѣленно указывалъ на неизбѣжность катастрофы. Впрочемъ по наружности все было благополучно и даже въ первые годы царствованія Бориса Годунова „всѣми благинями Россія цвѣтяше“. Что же касается момента прекращенія старой династіи, то онъ прошелъ совершенно спокойно, и крѣпость заведенныхъ въ Москвѣ порядковъ выдержала на этотъ разъ съ полной честью трудное испытаніе. Это обстоятельство, впрочемъ, вполнѣ понятно. При жизни царя Ѳеодора Ивановича всѣ государственныя дѣла зависѣли отъ его шурина и правителя, конюшаго боярина и слуги, Бориса Ѳеодовича Годунова. Умѣлой рукой держалъ онъ кормило государственнаго правленія. Не потерялся онъ и по смерти государя, давно уже имъ предвидѣнной и учтенной. Намъ неизвѣстно, кому умирающій Ѳеодоръ „приказалъ царство“. Но сейчасъ же послѣ кончины царя весь его „синклитъ“ съ „изряднымъ правителемъ“ во главѣ въ присутствіи патріарха торжественно присягнулъ на вѣрность царицѣ-вдовѣ. Насколько мы знаемъ, никто не не оказалъ сопротивленія этой присягѣ, да и не имѣлъ бы къ тому основаній. При взглядѣ на государство, какъ на вотчинное владѣніе государя, единственной наслѣдницей царя Ѳеодора была царица Ирина. Она пользовалась при этомъ народнымъ расположеніемъ, напоминая своей добротой и кротостью царицу Анастасію Романовну. До такой степени права вдовы царя Ѳеодора на престолъ казались безпорными, что и по ея скоромъ удаленіи въ монастырскую тишь и принятіи иночества, на имя ея, теперь иноки-царицы Александры, продолжали поступать офиціальныя „отписки“ (такъ назывались донесенія высшимъ лицамъ).

Царица Ирина не пожелала „учиниться государыней“ на государствахъ Московскаго царствія и предпочла удалиться въ монастырь. Этотъ совершенно естественный въ ея положеніи поступокъ велъ за собой вопросъ, кому быть государемъ Московскимъ и всея Руси. Для того, что бы произвести „царское обиранье“, былъ созванъ въ Москвѣ земскій соборъ обычнаго въ тѣ времена состава. Въ противность долго державшемуся даже въ научной литературѣ мнѣнію нельзя, какъ это и доказали новѣйшія изысканія по исторіи Смуты, подмѣтить въ составѣ избирательнаго собора 1598 года слѣ-

довъ какой-бы то ни было подтасовки и подбора представителей, которые раньше приписывались Борису Годунову. Подобная подтасовка и не имѣла бы смысла. Во первыхъ, высшее духовенство имѣло во главѣ своей патріарха Іова, расположеннаго къ правителю и само склонялось на его сторону. Такимъ образомъ, освященный соборъ былъ въ общемъ благопріятенъ Борису. Среди „синклита“ Борисъ имѣлъ и друзей и многихъ враговъ. Но синклитъ былъ необходимой частью собора и устранить его было немыслимо, еслибъ этого и хотѣлось. Третья часть членовъ собора—„люди изъ городовъ“—былъ какъ разъ такимъ элементомъ, который наиболѣе сочувствовалъ „изрядному правителю“. Конечно, была нѣкоторая агитація, чтобы подготовить избраніе, но она велась безъ излишествъ и ничѣмъ, повторяемъ, не повліяла на составъ членовъ собора, повліявъ, быть можетъ, на ихъ настроеніе.

У Бориса Годунова не могло быть очень опасныхъ соперниковъ по кандидатурѣ на престолъ. Казалось, что ихъ и вовсе не должно было бы быть. Вѣдь онъ—ближайшій родственникъ и наслѣдникъ правъ царицы Ирины, которой столь недавно была принесена торжественная присяга на вѣрность. При томъ Борисъ Годуновъ былъ долговременнымъ и умѣлымъ правителемъ государства, привычной и много поработавшей въ немъ властью. Правда, любой изъ „княжатъ“ Рюриковичей былъ по родословцу ближе къ угасшей династіи, такъ какъ былъ родственъ ей по мужской линіи. Но вѣтви нѣкогда единаго княжескаго рода далеко „поразошлись“ въ разныя стороны, и возстановить степень ихъ родственной близости къ носителямъ Мономахова вѣнца не представлялось возможнымъ. Въ народѣ сознаніе такой связи совсѣмъ не проявлялось, чему способствовало и „захуданіе“ многихъ княжескихъ фамилій. При томъ гордое и высокомѣрное „княжье“ не пользовалось большой популярностью въ населеніи, а опричнина еще болѣе ослабила авторитетъ „княжатъ“. Было и еще одно обстоятельство, парализовавшее возможныя въ другомъ случаѣ притязанія княжескихъ семей на престолъ. Дѣло въ томъ, что огромное большинство княжескихъ родовъ въ наиболѣе видныхъ семьяхъ было очень молодо къ 1598 году. Шуйскіе же, которые были къ тому

времени боярами съ высокимъ внѣшнимъ положеніемъ, имѣли во главѣ рода „лукаваго царедворца“, князя Василія Ивановича, типичнаго въ политическомъ отношеніи хамелеона, и брата его, неспособнаго и изнѣженнаго Дмитрія, свояка Бориса Годунова. Такимъ образомъ Шуйскіе въ описываемое время по крайней мѣрѣ по виду играли „второстепенную роль знатной Годуновской родни“. Это могло не мѣшать имъ подъ рукой интриговать противъ Бориса Годунова, но, конечно, очень осторожно и скрытно.

Такимъ образомъ Борисъ Ѳеодоровичъ Годуновъ, начавшій подготовлять свое избраніе на царскій престолъ скоро по смерти маленькой царевны Ѳеодосіи, своей племянницы, и дѣйствовавшій въ этомъ направленіи съ обычнымъ умомъ и тактомъ, могъ считать свое избраніе обезпеченнымъ. И дѣйствительно, земскій соборъ не обманулъ его, тщательно скрываемыхъ имъ, ожиданій.

Но это избраніе не обошлось такъ гладко, какъ хотѣлось бы осторожному и умному боярину и конюшему своего царственнаго зятя. У Годунова нашлись соперники, и одинъ изъ нихъ оказался довольно сильнымъ и могъ внушить извѣстныя опасенія. Не будемъ, конечно, говорить о кандидатурѣ эрцгерцога Максимиліана Австрійскаго. Мысль о ней зародилась въ умѣ выдающаго дипломата XVI вѣка дьяка Андрея Щелкалова и не была распространена. Она можетъ насъ интересовать только, какъ показатель того, что идея о „выборномъ царѣ“ могла возникнуть на Руси и несмотря на господство въ ней „вотчиннаго“ взгляда на государство, Князь Ѳ. И. Мстиславскій, не желавшій мѣнять перваго мѣста среди бояръ на тяготы царской власти, также не привлекаетъ нашего вниманія, хотя и объ его кандидатурѣ ходили тогда довольно упорные слухи. Болѣе интересна попытка оружничего Богдана Бѣльскаго. Бывшій любимецъ Грознаго пытался пользоваться удобной минутой, произвести суматоху и захватить во время нея власть. И по воцареніи Бориса Годунова Бѣльскій, повидимому, продолжалъ питать чрезмѣрно честолюбивые замыслы, за что подвергся опалѣ и унизительному наказанію.

До сихъ поръ рѣчь шла о такихъ кандидатурахъ, которыхъ нечего было опасаться и съ которыми нечего было

считаться. Однако у Бориса Ѳеодоровича былъ и еще соперникъ, и при томъ очень серьезный. Это былъ прежній другъ Бориса Годунова, старшій изъ двоюродныхъ братьевъ царя, умный и популярный бояринъ Ѳеодоръ Никитичъ Романовъ. На него мы имѣемъ рядъ указаній, идущихъ изъ современныхъ разсказываемымъ событіямъ иностранныхъ источниковъ, которые опираются на русскіе вѣсти и слухи. Въ этихъ извѣстіяхъ—масса неправдоподобныхъ и нелѣпыхъ вымысловъ. Выбравъ изъ нихъ вполнѣ достовѣрныя извѣстія, получаемъ нѣсколько интереснѣйшихъ наблюденій. Можно, напримѣръ, принять за достовѣрное, что кандидатура Ѳеодора Никитича пользовалась предпочтеніемъ передъ годуновской среди московской знати; это вполнѣ понятно, такъ какъ родъ Романовыхъ-Захарьиныхъ былъ и древнѣе и знаменитѣе, чѣмъ потомство мурзы Чета. Затѣмъ становится яснымъ, что легенда о скипетрѣ, будто бы переданномъ умирающимъ царемъ Ѳеодоромъ Ивановичемъ своему двоюродному брату, сложена была въ это именно время, какъ очень пригодная для цѣлей агитаціи. Такимъ же образомъ получилъ тогда распространеніе невыгодный для Бориса слухъ о его виновности въ смерти царевича Дмитрія.

Послѣдній слухъ, пагубный впослѣдствіи для Годуновыхъ, въ то время впрочемъ не помѣшалъ Борису Ѳеодоровичу восторжествовать надъ всѣми преградами и быть избраннымъ на Московскій престолъ. Умный царь и заботливые его приверженцы постарались всѣми мѣрами обезпечить положеніе новой династіи. Избранный земскимъ собраніемъ новый государь заставилъ себя усиленно просить принять предложенный ему царскій вѣнецъ, а въ избирательной грамотѣ приведенъ былъ цѣлый рядъ основаній, по которымъ народное избраніе остановилось на Борисѣ Ѳеодоровичѣ, и доказательства, почему оно имѣетъ силу непререкаемости. Не останавливаясь подробно на этомъ вопросѣ, отмѣтимъ только, что первой причиной поставлено родство „по свойству“ новаго государя съ только что угасшей династіей.

Повидимому, все было предусмотрѣно для того, чтобы новая династія окрѣпла и процвѣла. И новый царь былъ безусловно чрезвычайно даровитъ и уменъ, обладая къ тому же огромной правительственной опытностью. Тѣмъ не менѣе

государственная и общественная „разруха“ были неминуемы, и „Углицкое дѣло“ мало-по-малу опрокинуло всѣ расчеты Бориса. Мы давно уже придерживаемся мнѣнія, что Борисъ въ этомъ дѣлѣ является „подозрѣваемымъ на основаніи самыхъ шаткихъ и сомнительныхъ уликъ“. Но Смута, разыгравшаяся въ странѣ, въ первую очередь погубила Годуновыхъ почти сейчасъ же за смертью царя Бориса.

Однако новый государь и его родня ревниво оберегали доставшуюся въ ихъ руки власть отъ мнимыхъ, возможныхъ и дѣйствительныхъ на нее посягательствъ. Такое поведеніе Годуновыхъ вполнѣ понятно и его никакъ нельзя считать признакомъ „мелкодушія“, о которомъ несправедливо на этотъ разъ говорилъ знаменитый русскій историкъ С. М. Соловьевъ. Царь Борисъ зналъ, что противъ него зрѣетъ какое-то движеніе, зналъ, что избраніе его на царскій престолъ встрѣтилось съ нѣкоторой оппозиціей, и, конечно, становился чрезмѣрно недовѣрчивымъ и подозрительнымъ. Отъ этой подозрительности Годунова пострадали жестоко и его прежніе благопріятели, дѣти Никиты Романовича.

Воцарившись, Борисъ Ѳеодоровичъ ничѣмъ не обнаружилъ своего неудовольствія Романовыми. Онъ даже пожаловалъ боярскій санъ „крайчему“ Александру Никитичу. Но въ самомъ концѣ 1600—началѣ 1601 года надъ Никитичами и ихъ родными разразилась тяжкая царская опала. Ѳеодоръ Никитичъ, жена его и теща были сосланы по дальнимъ мѣстамъ и пострижены въ иночество. Остальные подверглись дальнимъ ссылкамъ и заточенію, столь суровому, что нѣкоторые не вынесли его тягости. Дѣло это къ сожалѣнію неизвѣстно намъ во многихъ своихъ подробностяхъ. Новый Лѣтописецъ, составленный при дворѣ патріарха Филарета, и несомнѣнно односторонній, рисуетъ намъ всю исторію въ такихъ приблизительно чертахъ. Царь Борисъ Годуновъ не удовлетворился умерщвленіемъ царевича Димитрія. Онъ замыслилъ по смерти царя Ѳедора Іоанновича „царское послѣднее сродствіе известь“. Разъяснивъ затѣмъ, въ какомъ близкомъ родствѣ были молодые Романовы къ прежней династіи, Новый Лѣтописецъ продолжаетъ свое повѣствованіе. Годуновъ, по его словамъ, чтобы достигнуть намѣченной цѣли, сперва организовалъ доносы на Романовыхъ. По этимъ

доносамъ у дѣтей Никиты Романовича брали многихъ ихъ вѣрныхъ холоповъ и „пытали ихъ многими пытками“. Тѣ, любившіе своихъ господъ, оставались имъ вѣрными тѣмъ болѣе, что и сказать про нихъ ничего худого нельзя было. Но нашелся и среди нихъ низкій предатель. Это былъ казначей Александра Никитича Второй Бартеневъ (къ слову сказать, самъ бывшій сыномъ боярскимъ и пошедшій затѣмъ въ холопство къ Романовымъ). Онъ отправился къ завѣдывавшему политическимъ сыскомъ Семену Годунову и предложилъ тому свои услуги. О предателѣ было доложено царю, который „ему повелѣ сказати многое свое жалованіе“. Тогда Семенъ Годуновъ уговорился съ Бартеневымъ о томъ, какъ погубить Романовыхъ и далъ ему „мѣшки“ „съ кореньемъ“. „Мѣшки“ были подложены въ казну Александра Никитича. А затѣмъ въ домѣ названнаго боярина произвели обыскъ. Найдя злополучные мѣшки, „иново ничего не искаху: вѣдаху бо, что у нихъ въ дому ничего неправедного нѣтъ“.

Послѣ обыска у второго изъ Никитичей призвали къ допросу боярина Ѳедора Никитича „з братьею“. Не подозрѣвая за собой никакой вины, Романовы смѣло явились къ отвѣту. Здѣсь, въ Боярской Думѣ они встрѣтились съ крайне враждебнымъ и пристрастнымъ къ себѣ отношеніемъ. „Бояре-же на нихъ, аки звѣріе пыхаху и кричаху“. Это не дало возможности молодымъ Романовымъ отвѣчать вслѣдствіе страшнаго шума и крика. За допросомъ заподозрѣнныхъ арестовали и неоднократно приводили ихъ къ пыткѣ. Пытали и многочисленныхъ „рабъ и рабынь“ ихъ. Тѣ терпѣли страшныя мученія, отъ которыхъ иные „и помираху“, но были „тверди и“ „государей своихъ не оклеветаху“. Наконецъ участь Романовыхъ и ихъ близкихъ была рѣшена Борисомъ Годуновымъ. Трое изъ нихъ были пострижены, остальные подверглись ссылкѣ, въ которой по приказу царя нѣкоторые и умерщвлены.

О бѣдствіяхъ заточенныхъ бояръ Романовыхъ мы разскажемъ нѣсколько ниже. Здѣсь же необходимо отмѣтить, что въ приведенномъ только что повѣствованіи Новаго Лѣтописца мы встрѣчаемся, во-первыхъ, съ тенденціей представить Бориса Годунова въ самомъ мрачномъ цвѣтѣ, а

Романовыхъ изобразить въ видѣ жертвъ, не только невинныхъ, но и сознательно погубленныхъ своимъ злымъ и лицемѣрнымъ врагомъ, во-вторыхъ, съ рядомъ умолчаній объ очень существенныхъ пунктахъ.

Такъ оставлено безъ объясненія, почему Годуновы придали такое значенье „коренью“ и что это было за „коренье“. Не говоритъ Лѣтописецъ и о томъ, почему пострадали всѣ Романовы да еще и со всей многочисленной родней, если пресловутое „коренье“ найдено было только у одного Александра Никитича. Кромѣ того оставлено въ сторонѣ, отчего наиболѣе строгая кара постигла въ такомъ случаѣ именно Ѳеодора Никитича, его жену и ея мать. Всѣ отмѣченныя нами особенности въ повѣствованіи Новаго Лѣтописца заставляютъ къ его разсказу отнестись съ извѣстной осторожностью, а показанія его принять съ большими оговорками и исправленіями. Прежде всего основная тенденція повѣствованія Новаго Лѣтописца показать, что Борисъ умышленно искалъ возможности погубить семью Романовыхъ какъ ближайшихъ родственниковъ угасшей династіи, опровергается при болѣе пристальномъ разсмотрѣніи дѣла. Царю Борису было очень легко, если онъ приказалъ предать смерти нѣкоторыхъ изъ Романовыхъ, истребить и остальныхъ. Но это не было имъ сдѣлано. Мало того онъ вернулъ впослѣдствіи изъ ссылки Ивана Никитича и облегчилъ участь многихъ его родныхъ. Не менѣе сомнительно, по нашему мнѣнію, извѣстіе, что и до обыска у второго изъ Никитичей поощряли доводы на дѣтей Никиты Романовича со стороны ихъ холоповъ и подвергали пытки ихъ вѣрныхъ „людей“. Думается, что въ такомъ случаѣ не было бы особой надобности устраивать комедію съ подбрасываніемъ „кореньевъ“. Да и изъ словъ Ѳеодора Никитича и Василія Никитича, говорившихъ въ ссылкѣ и заточеніи „о недругахъ боярахъ“ и о томъ, что онѣ „погибли“ „въ наносѣ отъ своей братьи бояръ“, можно заключить, что не отъ Бориса Годунова исходилъ починъ въ дѣлѣ преслѣдованія дѣтей Никиты Романовича.

Не считая Бориса виновнымъ въ злонамѣренномъ гоненіи на Романовыхъ, мы приходимъ къ вопросу, въ чемъ обвинялись и подозрѣвались они Годуновымъ. Намъ кажется,

что именно въ томъ, въ чемъ укорилъ одного изъ нихъ, Василія Никитича „простоумный“ царскій приставъ.

Какъ думалось царю Борису Ѳеодоровичу, Романовы „хотѣли царство достать вѣдовствомъ и кореньемъ“. И несомнѣнно, что подобное обвиненіе было извѣстно въ тогдашнемъ Московскомъ обществѣ, по всей вѣроятности, со словъ сторонниковъ Годунова. Это свидѣтельствуютъ показанія извѣстнаго уже намъ Исаака Массы. „Разсказываютъ, что жена Ѳеодора Никитича“, — повѣдалъ намъ этотъ очень расположенный къ Романовской семьѣ и ближайшій ихъ современникъ, — „совѣтовалась съ братьями своего мужа, Иваномъ и Александромъ, и ихъ родственниками о томъ, какъ-бы извести царя и весь домъ его“. „Но это извѣстіе не вѣрно, ибо основывается на ложномъ свидѣтельствѣ, сдѣланномъ съ цѣлью найти поводъ къ тому, чтобы погубить. Все это, какъ мы потомъ узнаемъ, было сдѣлано по внушенію Годуновыхъ“. Обративъ надлежащее вниманіе на то, что наиболѣе суровая кара, т. е. невольное постриженіе, постигла Ѳеодора Никитича, его жену и его мать, то придется признать за показаніемъ голландскаго писателя о томъ, въ чемъ состояла сущность обвиненія предъявленнаго Романовымъ и ихъ роднѣ, значительную долю вѣроятности. Тогда и опала, постигшая весь Романовскій кругъ, станетъ совершенно понятной и объяснимой.

Принимая показаніе Массы о томъ, какое обвиненіе предъявлено было Романовымъ, никакъ не можемъ согласиться съ его мнѣніемъ, будто все происшествіе было лишь поводомъ, чтобы погубить эту знатную семью и было „сдѣлано по внушенію Годуновыхъ“. Напротивъ дошедшее до насъ и напечатанное въ Актахъ Историческихъ „Дѣло о ссылкѣ Романовыхъ“ выясняетъ съ очевидностью, какъ искренне опасался Борисъ уже сосланныхъ и униженныхъ имъ дѣтей Никиты Романовича. Онъ приказалъ всѣхъ братьевъ разлучить и лишь впослѣдствіи сдѣлалъ исключеніе для Василія и Ивана Никитичей. Кромѣ того всѣ ссыльные были отданы подъ самый строгій надзоръ, цѣлью котораго было не допустить сношеній ихъ между собою или съ внѣшнимъ міромъ. Наказы, данные приставамъ Никитичей и ихъ родныхъ и дошедшіе до нашего времени, всѣ

полны самыми мелочными и обстоятельными, въ Московскомъ вкусѣ, предписаніями на этотъ именно счетъ. Такъ на мѣстѣ пребыванія ссылки нужно было озаботиться пріисканіемъ такого именно пункта для поселенія, который былъ бы далекъ отъ центровъ жизни даннаго города. Затѣмъ надо было построить особенную избу съ городьбой и зорко слѣдить, чтобы къ сосланному или его человѣку никто „не подходилъ и не разговаривалъ съ нимъ ни о чемъ, и письма какого не поднесъ“. Въ случаѣ, если обнаружится кто нибудь, пытающійся вступить въ сношеніе съ сосланнымъ, его надо будетъ схватить, допросить, подвергнуть даже пыткѣ, „если того доведется“, и прислать къ государю съ подробнымъ донесеніемъ о случившемся.

Такимъ образомъ мы думаемъ, что Борисъ Годуновъ не сомнѣвался въ томъ, что семья Романовыхъ злоумышляетъ противъ него. На чемъ же, однако, основана была подобная увѣренность царя Бориса Ѳеодоровича и насколько соотвѣтствовала она дѣйствительнымъ фактамъ.

Мы представляемъ себѣ, что Годуновъ разсуждалъ приблизительно такъ. Бояринъ Ѳеодоръ Никитичъ Романовъ явился однимъ изъ претендентовъ на царскій престолъ. Романовы были связаны узами кровнаго и близкаго родства съ угасшей династіей Ивана Калиты. Они имѣли благодаря этому не меньшія, если не большія права на наслѣдованіе ей, чѣмъ Борисъ Годуновъ—всего лишь „родичъ по свойству“ Ѳеодору Ивановичу. Борисъ взялъ верхъ надъ своимъ соперникомъ, такъ какъ былъ ближайшимъ родственникомъ царицы Ирины, которой незадолго передъ этимъ присягали думные люди. Кромѣ того онъ былъ искуснымъ правителемъ Московскаго государства и признанной властью въ немъ. Но Ѳеодоръ Никитичъ былъ двоюроднымъ братомъ скончавшагося царя, пользовался расположеніемъ въ народѣ, былъ уменъ, дѣятеленъ и честолюбивъ. Поэтому царь Борисъ неминуемо долженъ былъ относиться съ нѣкоторой предвзятой подозрительностью къ Романовымъ и стремился принять необходимыя, по его мнѣнію мѣры предосторожности. Слѣдствіемъ этой предосторожности и могъ быть извѣстный надзоръ за дѣтьми Никиты Романовича и ихъ родственниками.

Когда дѣло приняло такой неблагопріятный для Романовыхъ оборотъ, подоспѣлъ доносъ Второго Бартенева, Борисъ Годуновъ не могъ не отнестись съ полнымъ довѣріемъ къ этому „извѣту“ одного изъ довѣреннѣйшихъ холоповъ семьи Никитичей тѣмъ болѣе, что онъ вполнѣ на его взглядъ подтвердился найденными въ казнѣ боярина Александра Никитича „мѣшками съ кореньемъ“. Какъ попало это „коренье“ къ второму изъ братьевъ Никитичей и что оно собой представляло, является вопросомъ темнымъ и, по нашему убѣжденію, едва ли не праздным. Новый Лѣтописецъ и другія, непріязненныя царю Борису свидѣтельства, единогласно утверждаютъ, что мѣшки были подброшены Александру Никитичу по подговору самихъ Годуновыхъ и въ особенности самого царя. Но, какъ мы имѣли уже случай убѣдиться, царь Борисъ искренно и непритворно былъ взволнованъ дѣломъ бояръ Романовыхъ. Это — знакъ, что онъ совершенно непричастенъ къ указанному происшествію съ „кореньемъ“. Остаются возможными два предположенія: или самъ Второй Бартеневъ, желая войти въ милость къ царю, подложилъ злополучные „мѣшки“ въ казну къ своему „государю“, боярину Александру Никитичу, или что пресловутое „коренье“, дѣйствительно, было собственностью этого сына Никиты Романовича. Если послѣднее предположеніе и было бы вѣрно, оно всё же не свидѣтельствовало бы о виновности Романовыхъ въ томъ преступленіи, въ которомъ ихъ обвинили. Оно только показало бы намъ, что и дѣти Никиты Романовича раздѣляли суевѣрную увѣренность своихъ современниковъ въ силу разныхъ травъ и т. п. Но что „коренье“ нужно было для того, чтобы „вѣдовствомъ“, или еще болѣе преступнымъ образомъ „достать царство“, это нисколько недоказуемо. Притомъ и все прошлое дѣтей Никиты Романовича не позволяетъ намъ съ легкимъ сердцемъ возвести на нихъ обвиненіе въ подобныхъ замыслахъ. Притомъ надо принять во вниманіе, что при Годуновѣ они были въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ царскаго двора. Какимъ образомъ могли они покуситься на приписанное имъ черное дѣло. Вѣдь бояре Романовы были безспорно людьми разсудительными и умными.

Подозрительный царь Борисъ взглянулъ на все проис-

шествіе другими глазами. Находка „коренья“ въ его представленіи явилась важной и тяжкой уликой. Она вызвала допросъ заподозрѣнныхъ, а также пытку или по крайней мѣрѣ „приводъ къ ней“ нѣкоторыхъ изъ нихъ и многихъ холоповъ семей Романовыхъ и ихъ родственниковъ. Не знаемъ, что говорили на допросѣ и пыткѣ заподозрѣнные и ихъ „рабы и рабыни“. Во всякомъ случаѣ въ результатѣ всего дѣла явилось обвиненіе, указанное выше и сообщенное Исаакомъ Массой. Мы, согласно съ этимъ писателемъ, не вѣримъ правильности даннаго обвиненія, но не вѣримъ и мнѣнію, по которому оно явилось слѣдствіемъ злокозненныхъ ухищреній Бориса Годунова и его присныхъ. Мы лично представляемъ все данное дѣло, приблизительно, такимъ образомъ. Романовы, а въ особенности, кажется, Шестовы не вполнѣ примирились съ воцареніемъ Годуновыхъ и позволяли себѣ въ бесѣдахъ въ родственномъ кругу выражать свое неудовольствіе результатами царскихъ выборовъ, говорить о несомнѣнныхъ правахъ на царскій престолъ старшаго изъ двоюродныхъ братьевъ умершаго царя, высказывать надежду на наступленіе лучшихъ временъ. Подобные неосторожные разговоры были подхвачены недоброжелателями Романовыхъ и съ разными прикрасами, искаженіями и преувеличеніями доведены были до свѣдѣнія Годуновыхъ. Это то и было причиной царской опалы.

Ставъ на высказанную точку зрѣнія, мы не можемъ очень строго отнестись къ политикѣ царя Бориса Ѳеодоровича по отношенію къ Романовымъ. Но въ то же время нельзя не сказать, что дѣти Никиты Романовича пострадали или почти невинно, или по крайней мѣрѣ незаслуженно тяжко. Ихъ вины не доказаны; по нѣкоторымъ признакамъ не считались вполнѣ доказанными и въ то время. Однако ихъ лишили всего: радостей семейной жизни, почестей, богатства, свободы и отправили въ тяжкую ссылку, изъ которой нѣкоторые изъ нихъ не вернулись, не вынеся ея суровости и погибнувъ во время ея. О страданіяхъ несчастныхъ родственниковъ угасшей династіи и предстоитъ намъ теперь вести рѣчь.

III.

Ссылка Романовыхъ была тѣмъ болѣе тягостна для нихъ, что ихъ постарались разлучить другъ съ другомъ. Ѳеодоръ Никитичъ былъ постриженъ подъ именемъ Филарета въ отдаленномъ Антоніево-Сійскомъ монастырѣ, гдѣ и протомился въ теченіе всего царствованія Бориса Годунова. Насильственно пострижена была и жена Ѳеодора Никитича, Ксенія Ивановна, въ монашествѣ инокиня Марѳа, сосланная въ Заонежье. Та же участь была удѣломъ и тещи Ѳеодора Никитича, Маріи Шестовой, постриженной въ Никольскомъ дѣвичьемъ монастырѣ въ Чебоксарахъ. Дѣтей старшихъ изъ Романовыхъ, въ томъ числѣ и будущаго царя, малютку Михаила Ѳеодоровича, съ ихъ теткой, княгиней Черкасской, сослали въ заключеніе въ Бѣлозерскъ. Прочіе Романовы были отправлены въ ссылку: Александръ Никитичъ на берегъ Бѣлаго моря, къ Усолью, Михаилъ Никитичъ — въ Пермскій край, Василій Никитичъ — въ Яранскъ и Иванъ Никитичъ—въ Пелымь. И остальныхъ родственниковъ бояръ Романовыхъ: князей Черкасскихъ, Сицкихъ и т. д. разослали въ ссылку и подвергли опалѣ.

Тягость ссылки, страшныя физическія лишенія, душевныя муки заключенныхъ, грубое и жестокое обращеніе съ ними не въ мѣру старательныхъ приставовъ отразились самымъ неблагопріятнымъ образомъ на многихъ изъ сосланныхъ, а трехъ изъ Никитичей свели въ преждевременную могилу. Преданіе, которое распространено было и среди Романовыхъ, пенесшихъ ужасы царской опалы, обвиняло въ смерти трехъ братьевъ Ѳеодора Никитича самого царя Бориса. Между прочимъ въ Новомъ Лѣтописцѣ мы встрѣчаемся съ самымъ категорическимъ утвержденіемъ, что Александръ Никитичъ былъ удушенъ „по повелѣнію“ Бориса Годунова. А Масса, повидимому, бывшій подъ вліяніемъ доброжелателей семьи Никитичей, сообщаетъ и такой неправдоподобный фактъ. Александра Никитича увезли на Бѣлоозеро съ маленькимъ сыномъ. „Здѣсь ихъ томили въ горячей банѣ“. Но ребенокъ спасся чудомъ: „онъ заползъ въ уголъ, гдѣ могъ свободно дышать черезъ маленькую щель и остался живъ“. Нашлись добрые люди. Они взяли къ себѣ малютку и „сберегли его“

И Михаилъ Никитичъ, отправленный въ далекій Пермскій край, погибъ въ мѣстѣ заточенія, близъ села Ныроба. По извѣстію Новаго Лѣтописца для узника была по приказанію царя устроена темница „отъ града семь поприщъ“. Не довольствуясь тѣснымъ заточеніемъ ненавистнаго ему человѣка, Борисъ приказалъ его удавить. „И погребенъ бысть тамъ въ пустѣ мѣстѣ, надъ гробомъ же его выросли два древа, именуетца кедръ: едино древо въ головахъ, другое въ ногахъ“. Таково извѣстіе Лѣтописи, составленной около 1630 года. Позднѣйшее народное преданіе о заточеніи и смерти Михаила Никитича было записано побывавшимъ въ Ныробѣ Берхомъ, который передалъ свои записки Н. М. Карамзину. По этому преданію, разсказанному въ одномъ изъ примѣчаній къ знаменитой „Исторіи Государства Россійскаго“, узника привезли на мѣсто заточенія зимой въ сопровожденіи пристава и 6-ти сторожей. „Въ то время какъ копали землянку, Романовъ, вышедши изъ саней, обѣими руками схватилъ ихъ и кинулъ въ сторону шаговъ на десять“. Землянку для Михаила Никитича вырыли тѣсную, сырую и темную. Въ ней устроили маленькую печку и небольшое отверстіе для свѣта. Ѣсть узнику давали только хлѣбъ, а для питья—воду. Сострадательные жители Ныроба „научили дѣтей своихъ носить въ дудочкахъ квасъ, масло и проч.: какъ будто играя у землянки, они опускали въ оную дудочки и питали его“. Но приставъ, наконецъ, узналъ о такихъ хитростяхъ, схватилъ шестерыхъ изъ ныробцевъ и послалъ ихъ, какъ злоумышленниковъ въ Москву. Оттуда вернулись двое, уже при царѣ Василіи Шуйскомъ. Остальныхъ замучили въ пыткахъ. По сообщаемому преданію „сторожа, ведя жизнь скучную, умертвили сего несчастнаго“. Сохранились въ Ныробѣ, въ церкви, и тяжкія „желѣза“, которыми былъ скованъ Михаилъ Никитичъ: „плечныя или такъ называемый стулъ, вѣсомъ въ 39 ѳунтовъ, ручныя въ 12, кандалы или нижнія (быть можетъ, ножныя?) въ 19, замокъ въ 10-ть ѳунтовъ“.

Только что разсказанное преданіе рисуетъ намъ слѣдующую тягостную картину: Михаила Никитича держали на хлѣбѣ и водѣ, въ тяжелыхъ цѣпяхъ, въ сырой и темной землянкѣ. Не можемъ отрицать вѣрности многихъ

изъ сообщаемыхъ преданіемъ фактовъ. Но на кого падаетъ вина въ этомъ? Нѣтъ основаній винить въ этихъ тягостныхъ условіяхъ жизни злосчастнаго страдальца Михаила Никитича самого царя Бориса. До насъ къ сожалѣнію не дошли распоряженія, сдѣланныя Годуновымъ по отношенію къ Александру и Михаилу Никитичамъ. Однако изъ „Дѣла о ссылкѣ Романовыхъ“ извѣстно намъ, какъ по предписанію должны были содержаться въ ссылкѣ Василій и Иванъ Никитичи и какъ исполняли пристава данные имъ „наказы“ и „памяти“. Вотъ какъ, напримѣръ, долженъ былъ поступать стрѣлецкій сотникъ Иванъ Некрасовъ, приставленный къ ссыльному Василію Никитичу. Изъ „памяти“, данной ему 1-го іюня 1601 года узнаемъ, что „Василію Романову“ было разрѣшено взять съ собой въ ссылку одного изъ своихъ „людей“. Въ дорогѣ приставъ долженъ былъ имѣть самое пристальное наблюденіе, чтобы „государевъ злодѣй“ „съ дороги не утекъ и лиха никоторого надъ собою не учинилъ“. Некрасовъ обязанъ былъ также зорко наблюдать, чтобы Василій Никитичъ ни съ кѣмъ не сносился; заподозрѣнныхъ въ такихъ сношеніяхъ названный сотникъ долженъ былъ задержать и, въ случаѣ найдетъ необходимымъ, подвергнуть пыткѣ. Въ „памяти“ указано было, какъ слѣдовало поступить пріѣхавъ на мѣсто ссылки Василія Никитича, въ Яранскъ. Надо было поставить себѣ избу на дворѣ, который былъ бы отъ другихъ дворовъ подальше и который бы не былъ въ центрѣ города, въ многолюдномъ мѣстѣ. Некрасовъ долженъ былъ такъ поступить для того, чтобы ему легче было наблюдать за ссыльнымъ Василіемъ Никитичемъ. Въ инструкціи, данной приставу не оставлено было безъ указаній и то количество пищи, которое слѣдовало ежедневно выдавать Василію Никитичу и его „дѣтинѣ“. Приказано было давать: „по калачу да по два хлѣба денежныхъ да въ мясные дни по двѣ части говядины да по части баранины, а въ рыбные дни по два блюда рыбы, какова гдѣ лучится, да квасъ житный“. На пріобрѣтеніе этого „корма“ приставу была дана большая по тому времени сумма денегъ: „сто рублей“. Некрасовъ обязанъ былъ доносить о всѣхъ своихъ разговорахъ „съ Василіемъ“ въ Москву.

Прибывъ въ Яранскъ, приставъ Василія Никитича при-

слалъ въ столицу подробное донесеніе. Благодаря этой „отпискѣ“ намъ становится извѣстнымъ, что ссыльный поѣхалъ въ Яранскъ одинъ, такъ какъ при немъ не оказалось въ моментъ задержанія, никого изъ его людей. Во время пути „государевъ злодѣй и измѣнникъ“ старался избѣгать разговоровъ съ Некрасовымъ. „Только ѣдучи, укралъ онъ... на Волгѣ чепной ключь, да и въ воду кинулъ“, что бы приставъ „его не ковалъ... и хотѣлъ... утечь“... Донося объ этомъ царю Борису, Некрасовъ пишетъ: „И я, холопъ твой, и другой ключъ прибралъ и на него чѣпь и желѣза, за его воровство положилъ“. Кромѣ того приставъ сообщилъ, какъ онъ съ отданнымъ подъ его надзоръ Василіемъ Никитичемъ устроился въ Яранскѣ.

Черезъ какихъ-нибудь два мѣсяца послѣ ссылки Романовыхъ, 9-го августа 1601 года, состоялось приказаніе перевезти Василія Никитича въ Пелымь и поселить въ этомъ городѣ вмѣстѣ съ Иваномъ Никитичемъ подъ надзоромъ его пристава, стрѣлецкаго головы Смирного-Маматова. Сдавъ ему Василія Никитича и „кормовыя деньги“, отпущенныя на содержаніе ссыльнаго, Некрасовъ долженъ былъ съ отпиской отъ Маматова ѣхать въ Москву и явиться въ „приказѣ“.

Исполняя предписаніе, приставъ Василія Никитича отправился съ нимъ въ Пелымь, куда и прибылъ послѣ утомительнѣйшаго и труднѣйшаго пути 20 ноября 1601 года. Самъ Некрасовъ поспѣшилъ своимъ отъѣздомъ въ Москву, гдѣ ожидали его непріятности и даже допросъ. Это явилось слѣдствіемъ привезенной имъ отписки Маматова о томъ, что Василій Никитичъ находится въ самомъ жалкомъ и болѣзненномъ состояніи. Какъ доносилъ царю приставъ Ивана Никитича, онъ „взялъ... государева измѣнника Василія Романова, больна, только чуть жива, на чѣпи“. Взялъ Маматовъ у Некрасова и „кормовыя деньги девяносто рублевъ десять алтынъ двѣ деньги“. Затѣмъ братьевъ Никитичей „посадили“ въ одной избѣ.

Съ такой отпиской явился Некрасовъ „въ приказъ“ 1-го января 1602 года, а спустя нѣсколько дней бояринъ Семенъ Ник. Годуновъ и дьякъ Вылузгинъ чинили ему допросъ по слѣдующему поводу: „по государеву наказу велѣно ему вести Василія Романова, а ковати его не велѣно,

и онъ, Иванъ, почему такъ воровалъ, мимо Государева наказу велъ его скована и на чѣпи и отдалъ его толко чѣмъ жива Смирному-Маматову?“ Понятно, что Некрасовъ старался всячески выгородить себя отъ взведеннаго на него обвиненія. Приставъ Василія Никитича объяснилъ на допросѣ, что онъ послѣдовалъ примѣру Смирнаго-Маматова, который повезъ изъ Москвы Ивана Никитича, сковавъ его. Опасаясь, какъ бы Василій Никитичъ „съ дороги не утекъ“, и Некрасовъ заковалъ ввѣреннаго ему „государева измѣнника“ и „посадя въ телѣгу повезъ съ Москвы“. По прибытіи въ Чебоксары стрѣлецкій сотникъ сдѣлалъ попытку расковать Василія Никитича. Но тотъ злоупотребилъ свободой: „укралъ ключь замочный“, „чтобъ его не ковали“; за такой проступокъ онъ снова былъ скованъ. Послѣ этого они прибыли въ Яранскъ, гдѣ и прожили около шести недѣль. Оттуда по царскому приказу Некрасовъ повезъ Василія Никитича въ Пелымь.

Во время этого пути приставъ имѣлъ интереснѣйшую бесѣду съ опальнымъ Василіемъ Никитичемъ, о чемъ и непреминулъ сообщить на допросѣ. „Кому Божьимъ милосердіемъ, и постомъ, и молитвою, и милостынею Богъ далъ царьство, а вы злодѣи“,—вызывающимъ тономъ сталъ говорить Некрасовъ,—„измѣнники хотѣли достать царьство вѣдовствомъ и кореньемъ“. Такія разсужденія не остались безъ отвѣта. Съ язвительной улыбкой Василій Никитичъ замѣтилъ: „Свята та милостыня, что мечутъ по улицамъ, добра та милостыня, дати десною рукою, а шуйца бы не слыхала“. Путь былъ, какъ мы уже отмѣтили, труденъ и изнурителенъ. Большую часть его пришлось идти пѣшкомъ. Василій Никитичъ шелъ безъ цѣпей, но на ночь его сковывали. По прибытіи въ Верхотурье несчастный Василій Никитичъ очень занемогъ. „И онъ Иванъ везъ его въ санѣхъ простого; а какъ ему полегчѣло, и онъ на него опять чѣпь клалъ“. Въ Пелыми приставъ сдалъ Василія Никитича Маматову, который не снялъ съ него цѣпи и посадилъ его въ избу, гдѣ сидѣлъ тоже скованный Иванъ Никитичъ. Давъ такія показанія, Некрасовъ приносилъ повинную царю Борису въ томъ, что онъ позволилъ себѣ „мимо государеву указу“ сковать „Василья“ „блюдяся отъ него побѣгу“.

Показанія, данныя Иваномъ Некрасовымъ, очень интересны. Они показываютъ намъ съ очевидностью, что пристава ссыльныхъ Никитичей были усердны не по разуму и позволяли себѣ прямыя отступленія отъ полученныхъ ими царскихъ приказаній. Неизвѣстно намъ, и это очень жаль, какимъ взысканіемъ поплатился за это Некрасовъ. Однако знаемъ, что Маматову за такія отступленія отъ полученнаго имъ предписанія былъ сдѣланъ отъ имени царя выговоръ: „и вы (т. е. Некрасовъ и Маматовъ) то сдѣлали мимо нашего указу". Кромѣ того допросъ, учиненный приставу Василія Никитича, имѣлъ благопріятныя слѣдствія для ссыльныхъ Никитичей. Такъ Маматову немедленно было предписано расковать обоихъ братьевъ, продолжая зорко слѣдить за ними. „А кормъ бы еси давалъ, по нашему указу доволенъ",—приказано было въ концѣ царской грамоты, отправленной въ январѣ мѣсяцѣ на имя стрѣлецкаго головы.

Вѣроятно, что эта грамота не застала въ живыхъ несчастнаго, многострадальнаго Василія Никитича. Отписка, присланная по случаю его смерти Маматовымъ въ Москву, сообщаетъ нѣкоторыя подробности объ его кончинѣ. Василій Никитичъ привезенъ былъ въ Пелымь, какъ намъ уже извѣстно, 20 ноября 1601 года. Привезли его при смерти: „опохъ съ ногъ". Маматовъ распорядился въ виду его болѣзни снять съ Василія Никитича цѣпи. При больномъ находился братъ его Иванъ Никитичъ и „человѣкъ" послѣдняго Семенъ, „прозваніемъ Натирка". Самъ Маматовъ тоже навѣщалъ больного „и попа къ нему пущалъ". Скончался Василій Никитичъ 15-го февраля 1602 года. За похороны его было заплачено „тремъ попамъ да дьячку, да понамарю двадцать рублевъ". Такова была смерть Василія Никитича. Двоюродный братъ царя Ѳеодоръ Ивановича не вынесъ тягостей ссылки и суровыхъ желѣзъ, въ которыя самовольно заковывалъ его чрезмѣрно усердствовавшій приставъ.

И младшему изъ сыновей боярина Никиты Романовича, Ивану Никитичу, выпало на долю много страданій въ ссылкѣ. По свидѣтельству Новаго Лѣтописца Ивана Никитича „моряху гладомъ. Богъ же, видя его правду, и душу его ук-

рѣпи“. Нельзя провѣрить, на сколько правъ въ данномъ случаѣ Лѣтописецъ. Намъ извѣстно, что „кормъ“ ссыльнымъ было предписано „давать доволенъ“. Но какъ выполняли это приказаніе, въ особенности въ первое время ссылки, не можемъ сказать. Однако изъ показаній Некрасова, узнаемъ, что по конецъ ноября 1601 года, если не по февраль 1602 года, Иванъ Никитичъ „мимо царскаго указа“ содержался скованнымъ или по меньшей мѣрѣ прикованнымъ къ цѣпи. Послѣдствія такого обращенія не замедлили сказаться. „Иванъ Романовъ“,—доносилъ о немъ Маматовъ,—„боленъ старою болѣзнію: рукою не владѣетъ, на ногу маленко приступаетъ“.

Но все же младшій изъ сыновей Никиты Романовича былъ счастливѣе своихъ злополучныхъ страдальцевъ братьевъ. Во-первыхъ, при немъ съ самаго начала ссылки находился „дѣтина“, упомянутый уже нами „Сенька Ивановъ“ „Натирка“. Во-вторыхъ, по смерти Василія Никитича и, какъ намъ представляется, подъ вліяніемъ впечатлѣнія отъ нея, тяжесть ссылки для его младшаго брата была сильно облегчена. Смирному Маматову предписано было ѣхать съ Иваномъ Никитичемъ на житье въ Уфу, при чемъ надзоръ оставался по прежнему неусыпнымъ, но „кормъ“ сталъ болѣе обильнымъ. Вскорѣ за первымъ облегченіемъ послѣдовало и болѣе существенное. Въ концѣ мая 1602 года Ивану Никитичу и его племяннику, князю Ивану Борисовичу Черкасскому, разрѣшено было ѣхать въ Нижній Новгородъ и быть тамъ „на службѣ“. Надзоръ оставался прежнимъ, но жилось все же свободнѣе. Ѣда и питье стали гораздо болѣе разнообразными. Затѣмъ послѣдовало повелѣніе ѣхать Ивану Никитичу и князю Черкасскому къ Москвѣ. По словамъ Новаго Лѣтописца Иванъ Никитичъ былъ отправленъ въ Клины, гдѣ и поселился подъ надзоромъ Маматова. Ничѣмъ не можемъ повѣрить подобнаго указанія, такъ какъ официальныя донесенія Маматова сообщаютъ о прибытіи его съ Иваномъ Никитичемъ въ мѣсто, находившееся въ 80 верстахъ отъ столицы. Дальнѣйшихъ „отписокъ“ не имѣемъ.

Во всякомъ случаѣ участь младшаго изъ сыновей Никиты Романовича была значительно облегчена. Получила извѣстное облегченіе и одна изъ сестеръ Ивана Никитича

и ея „товарищи“. Въ числѣ ихъ были и дѣти Ѳеодора Никитича. Всѣмъ имъ въ сентябрѣ 1602 года было дозволено ѣхать въ одно изъ селъ старшаго изъ Никитичей, родовую вотчину Романовыхъ „Клины“. При этомъ выяснилось, что приставъ ссыльныхъ боярынь и ихъ дѣтей и племянниковъ выдавалъ имъ „молока и яицъ не отъ велика“. Такимъ образомъ и будущій „Великій Государь всея Руси“ испытывалъ въ своемъ дѣтствѣ лишенія въ необходимомъ. Надо замѣтить въ интересахъ справедливости, что царь Борисъ, узнавъ объ этомъ, былъ очень недоволенъ и принялъ самыя энергичныя мѣры, чтобы подобныя явленія не повторялись.

Мы видѣли, что одни изъ ссыльныхъ не выдержали тяготъ своей жизни, и благодѣтельная въ данномъ случаѣ смерть прекратила ихъ страданія. Другіе получили значительное облегченіе условій своего существованія; нѣкоторые даже были обрадованы возвращеніемъ въ столицу. Лишь участь Ѳеодора Никитича, его жены и ея матери оставалась по прежнему очень тяжелой, и впереди не было видно просвѣта и надежды на лучшую будущность. Какъ жилось въ царствованіе Бориса Годунова бабкѣ и матери будущаго царя всея Руси, намъ ничего неизвѣстно. Болѣе знаемъ „о смиренномъ инокѣ старцѣ Филаретѣ“, бывшемъ „великомъ бояринѣ Ѳеодорѣ Никитичѣ“. Новый Лѣтописецъ, говоря о постриженіи старшаго изъ Никитичей, ограничивается краткой, но не лишенной выразительности и силы фразой: „Онъ же, государь, неволею бысть постриженъ, да волею и съ радостію веліею и чистымъ сердцемъ ангельскій образъ воспрія и живяше въ монастырѣ въ постѣ и молитвѣ“. Нѣтъ сомнѣнія, что искренняя и горячая вѣра, которой были крѣпки наши предки, укрѣпляла и поддерживала насильственно постриженнаго Филарета. Но несомнѣнно также, что старшій изъ сыновей Никиты Романовича долженъ былъ много и мучительно перестрадать въ ссылкѣ въ отдаленной и глухой обители, находясь подъ строгимъ, мелочнымъ и стѣснительнымъ наблюденіемъ. Первый щеголь и красавецъ въ Москвѣ, видный, статный, ловкій и бодрый, невольно напоминающій намъ своего великаго правнука, императора Петра, бояринъ внезапно лишился семьи, радостей счастливой жизни, исключительно высокаго положенія, свободы и очутился въ тѣсной

и убогой монастырской кельѣ. Единственнымъ утѣшеніемъ невольнаго инока былъ его „малый“, т. е. одинъ изъ его холоповъ, котораго Филарету разрѣшено было имѣть при себѣ. Съ этимъ преданнымъ ему человѣкомъ „старецъ“ жилъ „душа въ душу“. Боясь, что, „малаго“ у него отберутъ, инокъ Филаретъ прибѣгнулъ къ хитрости. Онъ сталъ говорить приставленному къ нему Богдану Воейкову о неприличіи бѣльцу жить въ одной кельи съ чернцомъ, а надо бы, по словамъ Филарета, старцу жить со старцами. Но такая уловка оказалась безполезной. Воейковъ догадался, что всѣ эти разсужденія притворны, и о своей догадкѣ донесъ въ Москву. Приставъ „старца Филарета“ добавилъ при этомъ, что изъ-за „малаго“ ничего нельзя вывѣдать про невольнаго постриженника. Тщетны были разспросы, которыми Воейковъ осыпалъ „малаго“. Тотъ на все отвѣчалъ, что его бывшій „бояринъ“ смертельно скорбитъ о своей семьѣ. Вотъ что говорилъ, между прочимъ, горевавшій о женѣ и дѣтяхъ Филаретъ: „А жена моя бѣдная? На удачу уже жива ли? Чаетъ, она гдѣ близко таково жъ спрячена, гдѣ и слухъ не зайдетъ; мнѣ ужъ что надобно? Лихо на меня жена да дѣти; какъ ихъ помянешь, ино что рогатиной въ сердце толкнетъ. Многое иное они мнѣ мѣшаютъ. Дай, Господи, слышать, чтобы ихъ ранѣе Богъ прибралъ, и язъ бы тому обрадовался. А чаю, жена моя и сама рада тому, чтобы имъ Богъ далъ смерть, а мнѣ бы ужъ не мѣшали. Я бы сталъ промышлять одной своей думою. А братья ужъ всѣ далъ Богъ на своихъ ногахъ“.

Богданъ Воейковъ безстрастно выслушивалъ такія трогательныя рѣчи „старца“ Филарета и съ неменьшимъ безстрастіемъ сообщалъ ихъ царю Борису. Пристава гораздо болѣе, повидимому, интересовали трудности надзора: въ монастырь приходили захожіе богомольцы и мѣстные жители. Между тѣмъ въ ноябрѣ 1602 года „старцу Филарету“ дали „повольность“ и онъ пожелалъ ею воспользоваться и „стоять на крылосѣ“. Такимъ образомъ недоумѣнія Воейкова имѣли свое основаніе. Этотъ взглядъ раздѣляли и въ Москвѣ, гдѣ дали на всѣ запросы пристава старшаго изъ Романовыхъ самый обстоятельный отвѣтъ. Въ этомъ отвѣтѣ заключалось во-первыхъ, подтвержденіе, чтобы „старцу Фи-

ларету“ ни въ чемъ „нужи“ не было. Во вторыхъ, были даны слѣдующія указанія: на крылосѣ Филарету стоять разрѣшили, но подъ условіемъ, чтобы никакихъ разговоровъ съ нимъ никто бы не начиналъ; прохожіе „богомольцы“ и мѣстные жители имѣли право войти въ церковь, въ которой стоялъ „старецъ“, но должны были находиться въ ней подъ неусыпнымъ надзоромъ самого Воейкова. Въ третьихъ, какъ бы въ отвѣтъ на желаніе самого постриженника, „малый“ былъ удаленъ, а съ Филаретомъ былъ поселенъ старецъ Антоніево-Сійскаго монастыря, „въ которомъ воровства бы не чаять“. Нельзя не признать, что послѣднее распоряженіе было тяжкимъ ударомъ для опальнаго „инока“. Ему не съ кѣмъ было подѣлиться теперь своей печалью и скорбью. Филаретъ съ тѣхъ поръ сталъ совершенно одинокъ.

Такъ тянулись утомительные въ своемъ однообразіи, вынужденномъ бездѣйствіи и одиночествѣ годы. Въ Россіи назрѣвали большія перемѣны. Власть царя Бориса колебалась, смерть этого государя была уже близка, а въ положеніи „старца“ Филарета ничего не измѣнилось. За то въ поведеніи его замѣтна громадная перемѣна. Хотя лишеніе свободы и любимой семьи и не сломили мощной и властной природы Филарета, но все же эти бѣдствія оставили тяжелый слѣдъ на его характерѣ Филаретъ Никитичъ сдѣлался чрезвычайно раздражительнымъ и вспыльчивымъ. При томъ несмотря на всю мелочность и придирчивую подозрительность наблюденія за „старцемъ“, до него все же доходили вѣсти и слухи со стороны. Повидимому, онъ услыхалъ про успѣхи Самозванца и получилъ надежду, что царя Бориса скоро свергнутъ съ престола. Тогда неминуемо должна была быть облегчена и его участь. Все это возбуждало невольнаго инока и доставляло большія непріятности его надзирателямъ. Поэтому въ мартѣ 1605 года Богданъ Воейковъ долженъ былъ донести царю Борису, что „живетъ старецъ не по монастырскому чину, всегда смѣется невѣдомо чему и говоритъ про мірское житье... и къ старцамъ жестокъ“. Такъ 3-го февраля 1605 года Филаретъ „старца Илинарха лаялъ, и съ посохомъ къ нему прискакивалъ и изъ кельи его выслалъ вонъ“. При этомъ невольный инокъ говорилъ другимъ старцамъ: „увидятъ они, каковъ онъ впередъ бу-

детъ“. Въ своемъ донесеніи Воейковъ винилъ во многомъ монастырскіе порядки, пріемъ всякаго рода прохожихъ людей и т. п. и добился царской грамоты на имя игумена Антоніево-Сійской обители. Въ ней царь Борисъ строго выговаривалъ монастырскимъ властямъ за ихъ упущенія. Но вскорѣ самъ Годуновъ отошелъ въ вѣчность. Когда же воцарился Самозванецъ, то Филаретъ былъ освобожденъ, а затѣмъ и получилъ большія почести.

Тяжко отозвалась ссылка на дружной семьѣ дѣтей Никиты Романовича. Она взяла у нихъ много силъ, здоровья и самыхъ жизней. Но она дала этому старинному и любимому роду новую популярность, что отразилось и на великомъ событіи 21-го февраля 1613 года, когда двоюродный племянникъ царя Ѳеодора Ивановича, юный Михаилъ Ѳеодоровичъ Романовъ, былъ всенародно избранъ на русскій царскій престолъ.

IV.

Борисъ Годуновъ, стремясь стать государемъ русской земли, обрекалъ себя на очень тяжелую, оказавшуюся невыполнимой задачу. Онъ былъ одаренъ громаднымъ государственнымъ умомъ и исключительной опытностью въ дѣлѣ управленія страной. Но даже его способности были не въ силахъ спасти Русь отъ надвигавшихся на нее неизбѣжныхъ ужасовъ „разрухи“ и безвластья, къ счастью для нашей родины скоро миновавшихъ. Трагизмъ положенія царя Бориса заключался въ томъ, что средніе слои населенія Руси, опора его власти, не были къ тому времени надлежащимъ образомъ сорганизованы и укрѣплены. Поэтому, когда на Годунова возстали верхи и низы общества, дѣло его династіи стало безнадежнымъ. Благодаря именно указанному обстоятельству и успѣлъ Самозванецъ въ своемъ предпріятіи, которое могло при другихъ условіяхъ показаться безумно дерзкимъ и обреченнымъ на полную неудачу. Но все было на руку отважному и нелишенному ума и способностей искателю приключеній: его поддержало и общее глухое, но сильное неудовольствіе въ народѣ на сложив-

шійся въ государствѣ хозяйственный и общественный укладъ, и страшныя голодовки начала XVII-го столѣтія, еще болѣе обострившія указанное чувство неудовлетворенности, и умѣло пущенный въ оборотъ разсказъ о чудесномъ спасеніи царевича Димитрія отъ смерти. Все это учитывалъ первый Лжедимитрій и съ небольшими силами вторгся въ предѣлы тогдашней южной русской окраины. Однако при жизни Бориса Самозванецъ не могъ похвастаться рѣшительнымъ успѣхомъ, хотя и дѣйствовалъ очень удачно. Но опытный правитель внезапно скончался въ серединѣ апрѣля 1605 года. Тогда дни его династіи были сочтены. Неопытный, хотя и многообѣщавшій юноша, царь Ѳеодоръ Борисовичъ не могъ удержаться на престолѣ въ такихъ исключительно тяжелыхъ условіяхъ. Онъ былъ сверженъ и умерщвленъ, а въ іюнѣ мѣсяцѣ Самозванецъ уже занималъ престолъ московскихъ государей.

Всѣ опальные царствованія Бориса Годунова были осыпаны щедрыми милостями. Самозванецъ хотѣлъ показать себя „прямымъ царскимъ сыномъ“ и вознаградить всѣхъ тѣхъ, кого осмѣлился преслѣдовать невѣрный и преступный „рабъ“ его отца и старшаго брата. Не были забыты и сыновья Никиты Романовича. Они были приглашены въ Москву, гдѣ Иванъ Никитичъ былъ пожалованъ боярствомъ и богатыми вотчинами, а старшій его братъ получилъ посвященіе въ высокій санъ митрополита Ростовскаго Ярославскаго. Филаретъ долго не соглашался стать митрополитомъ, такъ что его усердно молили „священнымъ соборомъ“ не отказываться отъ предложеннаго сана. Была возвращена изъ ссылки и инокиня Марѳа (въ мірѣ боярыня Ксенія Ивановна Романова, жена Ѳедора Никитича). Она вмѣстѣ съ своимъ сыномъ, десятилѣтнимъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ, поселилась въ Ростовѣ, гдѣ они жили до 1608 года, а около этого времени отправились въ Москву; тамъ ихъ ожидали ужасы кремлевской осады въ 1611—1612 годахъ.

Вполнѣ понятно и не возбуждаетъ никакого сомнѣнія, почему Лжедимитрій, разыгрывая роль настоящаго царевича Димитрія, ласкалъ и жаловалъ Романовыхъ. Но по какой причинѣ они потакали Самозванцу и всенародно не обличили его? Это щекотливое обстоятельство всячески старались

Патріархъ Филаретъ Никитичъ).

обойти молчаніемъ люди XVII вѣка. Но въ нѣкоторыхъ памятникахъ совершенно вѣрно объясняется намъ причина этого факта. Это были „страхъ и великая нужда“. И несомнѣнно, въ первое время воцаренія Лжедимитрія рѣшиться выступить въ роли обличителя его самозванства, значило быть исключительнымъ по мужеству человѣкомъ и выступить борцомъ за почти безнадежное дѣло. Тѣмъ понятнѣе, что подобное выступленіе врядъ-ли могли позволить себѣ недавніе опальные, дѣти Никиты Романовича, старшему изъ сыновей котораго пришлось томиться въ подневольномъ и мрачномъ уединеніи Антоніево-Сійскаго монастыря до самаго вступленія на русскій престолъ Самозванца. Конечно, впослѣдствіи митрополитъ Филаретъ доказалъ, что онъ можетъ возвыситься до самоотверженнаго патріотическаго подвига, но это случилось тогда, когда обстоятельства были иными и явная опасность грозила самому дорогому достоянію нашихъ предковъ, православной церкви и вѣрѣ. При вступленіи-же на престолъ перваго Самозванца никто и не представлялъ себѣ, что подобная опасность близка.

Но стоило пройти нѣсколькимъ мѣсяцамъ, какъ въ настроеніи москвичей произошла рѣзкая перемѣна. Новый царь держалъ себя болѣе чѣмъ двусмысленно, неуважалъ русскихъ обычаевъ, позволялъ себѣ смѣяться надъ ними и, наконецъ, рѣшился на вступленіе въ бракъ съ иновѣркой, Мариной Мнишекъ. Приверженцы Лжедимитрія, во множествѣ шатавшіеся по столицѣ, позволяли себѣ всякаго рода безчинства и буйства. Они всячески оскорбляли москвичей, требовали преклоненія передъ собой, ругались надъ московскими святынями. Все это мало по малу озлобило жителей столицы и открыло имъ глаза на истинныя стремленія Лжедимитрія, тайно принявшаго католицизмъ, и возбудили народное негодованіе противъ него. Такимъ настроеніемъ Московскаго населенія воспользовался великій искусникъ въ политическихъ происках князь Василій Ивановичъ Шуйскій. Этотъ бояринъ уже въ первые дни царствованія Самозванца сдѣлалъ попытку поднять противъ него русскихъ людей. Тогда эта попытка потерпѣла неудачу. Шуйскій и его ближайшая родня были осуждены на казнь, но на самой плахѣ получили помилованіе и были отправлены въ ссылку.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ опала съ Шуйскихъ была снята, и они были возвращены въ столицу, въ которой заняли прежнее выдающееся положеніе. Князь Василій Ивановичъ Шуйскій воспользовался этимъ обстоятельствомъ, чтобы устроить все необходимое для устройства движенія противъ Лжедимитрія. Дѣло увѣнчалось полнымъ успѣхомъ, и 17-го мая, спустя девять дней послѣ женитьбы Самозванца на Маринѣ Мнишекъ, вспыхнулъ въ Москвѣ открытый мятежъ. Лжедимитрій былъ свергнутъ съ престола и убитъ. Его тесть, молодая жена, многіе знатные поляки были схвачены и посажены въ заключеніе, менѣе знатныхъ постигла смерть отъ расходившейся и разсерженной московской черни. Послѣ переворота главный руководитель его, князь Василій Ивановичъ Шуйскій, при помощи своихъ приверженцевъ былъ провозглашенъ царемъ, не дождавшись подтвержденія своего избранія общеземскимъ соборомъ.

Мы не знаемъ точно, какая роль выпала на долю Филарета Никитича въ дѣлѣ сверженія перваго Самозванца. Но нѣтъ основаній думать, что онъ стоялъ въ сторонѣ отъ всенароднаго движенія. Мы знаемъ, что, напримѣръ, Иванъ Никитичъ примкнулъ въ данномъ случаѣ къ руководителямъ возстанія противъ Лжедимитрія. При этомъ не слѣдуетъ упускать изъ виду, что митрополитъ Ростовскій и Ярославскій былъ, безъ всякаго сомнѣнія, очень преданнымъ своей родной вѣрѣ человѣкомъ. Поэтому онъ не могъ остаться долго приверженцемъ Лжедимитрія, который столь явно относился съ полнымъ пренебреженіемъ къ требованіямъ русскихъ людей. Вслѣдствіе отрицательнаго отношенія Филарета Никитича къ Самозванцу, надо думать, и былъ онъ предназначенъ царемъ Василіемъ Шуйскимъ къ возведенію въ санъ патріарха.

Такое назначеніе имѣло свои выгоды для царя Василія. Это обстоятельство дало бы Шуйскому возможность опереться на вліятельный кругъ близкихъ къ Филарету людей Романовскаго круга. Не желая терпѣть подлѣ себя патріарха Игнатія и не имѣя возможности вернуть удаленнаго на покой полуслѣпого старца Іова, Шуйскій со свойственной ему проницательностью остановилъ свой выборъ на знатномъ, полномъ силъ и способностей, умномъ, дѣятельномъ и вліятельномъ ростовскомъ и ярославскомъ митрополитѣ. Фила-

Великая инокиня Марѳа Ивановна, мать царя Михаила Ѳѳодоровича.

ретъ Никитичъ въ качествѣ нареченнаго патріарха отправленъ былъ въ Угличъ открывать мощи св. царевича Димитрія, а въ это время въ Москвѣ произошли событія, заставившія Шуйскаго измѣнить свое первоначальное намѣреніе. На Руси пошли толки о томъ, что кто-нибудь изъ Романовыхъ долженъ теперь царствовать въ Московскомъ государствѣ. Въ то же время 25-го мая 1606 года въ самой столицѣ произошло уличное движеніе, направленное противъ Шуйскаго; руководителемъ этого движенія оказался П. И. Шереметевъ, бояринъ Романовскаго круга. Все это возбудило въ царѣ Василіи неосновательныя, какъ мы думаемъ, подозрѣнія относительно Филарета Никитича. Къ нимъ присоединилась и давняя вражда „княжатъ“ къ Захарьинымъ. Поэтому Шуйскій отмѣнилъ свое первоначальное рѣшеніе и оставилъ Филарета на каѳедрѣ митрополита Ростовскаго и Ярославскаго. На патріаршескій же престолъ былъ возведенъ митрополитъ Казанскій Гермогенъ, возведенный въ патріархи 3-го Іюля 1606 года.

Нельзя не признать выборъ Гермогена вполнѣ удачнымъ. Патріархъ Гермогенъ возвысился исключительно вслѣдствіе своихъ несомнѣнныхъ дарованій. Этотъ архипастырь, казалось, самой судьбой былъ посланъ нашей родинѣ въ годину ея безмѣрныхъ испытаній. Гермогенъ соединялъ съ пламеннымъ краснорѣчіемъ кипучую энергію, а съ ревностной любовью къ православію—горячую привязанность къ родной землѣ. Онъ былъ русскимъ по духу человѣкомъ и поэтому стойкимъ и умѣлымъ борцомъ за нашу религіозную и политическую самостоятельность. Онъ рано со свойственной ему проницательностью понялъ, въ чемъ спасеніе родины, однако былъ слишкомъ одинокъ, чтобы противостать съ успѣхомъ стеченію обстоятельствъ, пагубныхъ для всей русской земли. Но время шло, русскіе люди прозрѣли и поняли, что патріархъ Гермогенъ правъ. Тогда-то великому страдальцу за родину удалось воочію доказать своимъ соотечественникамъ, въ чемъ таилась страшная опасность. И подвигъ незабвеннаго патріарха спасъ погибавшую отъ „разрухи“ и „лихолѣтья“ нашу родину и сохранилъ ея самобытность.

Несомнѣнны громадныя, неоцѣнимыя заслуги передъ родиной, одного изъ лучшихъ, самоотверженнѣйшихъ ея

сыновъ, патріарха Гермогена. Но нельзя не признать и того факта, что Василій Шуйскій, отмѣнивъ свое первоначальное рѣшеніе, пошатнулъ свое положеніе въ государствѣ. Онъ оскорбилъ сильнаго и умнаго Филарета Никитича и его многочисленныхъ и знатныхъ родныхъ. Этимъ царь Василій еще болѣе поколебалъ и безъ того шаткое и трудное свое положеніе. Между тѣмъ безспорно, что никогда еще русскому государю не приходилось управлять страной въ такихъ сложныхъ и затруднительныхъ обстоятельствахъ. Соціальный разладъ все болѣе и болѣе изнурялъ государственный организмъ, и вмѣшательство въ русскую Смуту иностранцевъ становилось все болѣе неотвратимымъ и угрожающимъ бѣдствіемъ.

Почти съ первыхъ дней своего царствованія царю Василію Ивановичу пришлось бороться съ зловѣщимъ движеніемъ Ивана Болотникова, показавшимъ, какъ глубоко Смута проникла въ государственный строй. Въ движеніи Болотникова приняли участіе очень разнообразные слои московскаго общества. Къ общественнымъ низамъ этого общества, бѣглымъ холопамъ и крестьянамъ, примкнули не только мелкопомѣстные украинные дѣти боярскіе, но и хорошо поставленное въ служебномъ отношеніи и очень замѣтное „городовое“ (теперь бы сказали „провинціальное“) дворянство. Мятежники подошли почти къ самой Москвѣ и доставили много непріятностей царю Василію и его правительству. Но пестрый составъ пошедшихъ войной противъ царя Василія людей, и ихъ глубокая соціальная рознь облегчили Шуйскому трудную борьбу съ ними. Войска Болотникова разслоились. Сперва отъ нихъ перешло къ царю Василію Ивановичу крупное дворянство, за нимъ потянулись и мелкопомѣстные дѣти боярскіе. Болотниковъ, и соединившійся съ нимъ самозванецъ, царевичъ Лжепетръ, отступили къ Тулѣ, были осаждены и принуждены къ сдачѣ.

Не успѣлъ Шуйскій отпраздновать свою полную побѣду надъ однимъ движеніемъ, какъ поднялось второе, еще болѣе грозное. Оно погубило царя Василія и ввергнуло страну въ ужасы трехлѣтняго междуцарствія. Это движеніе пошло подъ знаменемъ второго Самозванца, прослывшаго впослѣдствіе подъ очень удачнымъ именемъ Вора (т. е. государ-

ственнаго преступника). Его появленію задолго предшествовали и получили самое широкое распространеніе въ народѣ слухи, что „царь Дмитрій Ивановичъ“ 17-го мая спасся отъ грозившей ему смерти и скоро дастъ о себѣ знать, появившись съ вѣрными ему людьми снова добывать „царство“. Многіе изъ недовольныхъ Шуйскимъ охотно прислушивались къ подобнаго рода толкамъ и начинали въ нихъ вѣрить. Поэтому, когда въ одномъ изъ городовъ „преждепогибшей Сѣверской украйны“ появился человѣкъ, выдавшій себя за ожидаемаго царя Дмитрія, то онъ съ восторгомъ былъ встрѣченъ мѣстнымъ населеніемъ, цѣлыми массами стекавшимся къ нему въ войско. Одни искренне вѣрили при этомъ въ подлинность новаго „Дмитрія Ивановича“, другіе съ охотой пользовались имъ, какъ удобнѣйшимъ предлогомъ для грабежей и разгульной жизни, третьи, наконецъ, увидали въ появленіи его возможность лично возвыситься. Благодаря всѣмъ этимъ обстоятельствамъ второй Самозванецъ быстро почувствовалъ себя окруженнымъ грозной силой изъ польскихъ и русскихъ отрядовъ. Вскорѣ, впрочемъ, онъ и самъ попалъ въ руки предводителей этихъ отрядовъ, такъ какъ не былъ похожъ на своего предшественника и значительно уступалъ ему въ умѣ и ловкости. Это не мѣшало ему пользоваться знаками наружнаго почтенія, разсылать повсюду отъ своего имени „прелестныя“ грамоты и привлечь на свою сторону рядъ городовъ и уѣздовъ. Воръ скоро продвинулся къ самой Москвѣ, гдѣ занялъ большое село Тушино, отъ котораго и получилъ свое прозваніе Тушинскаго. Станъ второго Лжедимитрія въ самомъ скоромъ времени обратился почти въ такую же столицу, какой была Москва. И Марина Мнишекъ, захваченная на обратномъ пути въ Польшу шайками Тушинскаго Вора, не погнушалась признать его своимъ мужемъ. Около второго Самозванца образовалось также и правительство, имѣвшее всѣ признаки настоящаго. Въ немъ находился цѣлый рядъ способныхъ людей. Въ числѣ ихъ можно было встрѣтить множество родовитыхъ и знатныхъ людей, и московскихъ умныхъ приказныхъ дѣльцовъ. Близость двухъ враждебныхъ правительствъ вызвала къ жизни крайне безнравственное явленіе. Недовольные царемъ Василіемъ отправлялись къ

Вору, а неужившіеся у Вора ѣхали къ Шуйскому. Но хуже всего было то, что такихъ „перелетовъ“ особенно ласкали и жаловали. Ясно, какъ деморализація все глубже и глубже внѣдрялась въ московскіе нравы.

Руководители Тушинскаго „царика“ проявили между тѣмъ несомнѣнную широту замысловъ и умѣлое ихъ выполненіе. Кажется, главную роль при этомъ игралъ способный полякъ, гетманъ Рожинскій. Онъ мало по малу отрѣзалъ доступъ къ Москвѣ съѣстныхъ припасовъ, создалъ такимъ образомъ блокаду столицы, осадилъ первоклассную крѣпость Московскаго государства и величайшую русскую святыню, Троице-Сергіевъ монастырь, и неустанно склонялъ на сторону „царя Дмитрія Ивановича“ населеніе Московскаго государства. Нельзя не признать, что старанія правительства второго Самозванца имѣли несомнѣнный успѣхъ въ этомъ отношеніи. Тѣмъ не менѣе разбойничьи привычки, которыми было пропитано громадное большинство рядовыхъ тушинцевъ, скоро охладили многіе изъ приставшихъ къ движенію русскихъ городовъ.

Царь Василій дѣйствовалъ тѣмъ временемъ съ неослабной энергіей. Онъ возложилъ двойную и отвѣтственную задачу на своего молодого, безусловно даровитаго и многообѣщавшаго двоюроднаго племянника, князя Михаила Васильевича Скопина-Шуйскаго. Тотъ былъ отправленъ въ Великій Новгородъ просить помощи у Шведскаго короля Карла IX и въ тоже время организовать движеніе въ сѣверныхъ городахъ, глубоко враждебныхъ Вору и его шайкамъ. Между тѣмъ бояринъ Ѳеод. Ив. Шереметевъ былъ посланъ въ Понизовые города для усмиренія и „очищенія“ Поволжья. Оба боярина и полководца вполнѣ успѣшно справились съ порученнымъ имъ дѣломъ и съ двухъ сторонъ двинулись противъ Тушинскаго Вора и его приверженцевъ.

Походъ Скопина и Шереметева имѣлъ очень неожиданное для Шуйскаго, хотя и вполнѣ естественное послѣдствіе. Сигизмундъ III, польскій король, давно уже искалъ повода вмѣшаться въ русскую Смуту и захватить важный городъ Смоленскъ. Онъ не преминулъ воспользоваться появленіемъ враждебныхъ ему шведовъ, какъ удобнымъ предлогомъ для начатія военныхъ дѣйствій, поспѣшно втор-

гнулся въ предѣлы Московскаго государства и осадилъ Смоленскъ. Онъ отправилъ въ Тушино приказаніе полякамъ, служившимъ „царю Димитрію Ивановичу“ немедленно явиться къ нему въ станъ. Большинство „рыцарства“ исполнило приказаніе своего короля и поспѣшило къ нему на службу. Тогда Тушино стало распадаться. Тушинскіе вожди должны были оставить осаду Троице-Сергіева монастыря и послѣ пораженія своихъ войскъ подъ Калязиномъ покинуть свой укрѣпленный станъ. Самъ Воръ еще въ февралѣ мѣсяцѣ 1610 года бѣжалъ изъ Тушина на тогдашній Югъ и сталъ „Калужскимъ Воромъ“. Князь М. В. Скопинъ-Шуйскій къ великой радости избавленныхъ имъ отъ тягостей блокады москвичей вступилъ въ столицу, и царь Василій, повидимому, могъ спокойно смотрѣть на будущее. Но близка была катастрофа. Любимый народомъ кн. М. В. Скопинъ-Шуйскій скончался послѣ недолгой, нежданно-негаданно налетѣвшей болѣзни. Главное начальство перешло въ руки бездарнаго князя Дм. Ив. Шуйскаго. Тотъ позорнымъ образомъ проигралъ сраженіе подъ Клушинымъ и тѣмъ самымъ окончательно и безповоротно подорвалъ положеніе своего царственнаго брата.

Во время указанныхъ событій, разыгравшихся съ необыкновенной быстротой въ теченіе 1606—1610 годовъ, Филаретъ Никитичъ, митрополитъ Ростовскій и Ярославскій, тоже очень много пережилъ и перечувствовалъ. До октября 1608 года онъ управлялъ своей епархіей и жилъ въ Ростовѣ, гдѣ успѣлъ проявить себя, какъ одинъ изъ выдающихся архипастырей. По крайней мѣрѣ онъ заслужилъ такой отзывъ отъ современника: „Филаретъ... разуменъ въ дѣлѣхъ и словесѣхъ и твердъ въ вѣрѣ христіанской и знаменитъ во всякомъ добросмыслствѣ“. Ростовъ долгое время оставался вѣрнымъ Шуйскому, но въ октябрѣ 1608 года шайки Тушинскаго вора и примкнувшіе къ нимъ переяславцы подступили къ нему, желая взять и разграбить этотъ древній городъ. Митрополитъ Филаретъ, какъ разсказываетъ о немъ Новый Лѣтописецъ, держалъ себя въ этомъ случаѣ съ большимъ достоинствомъ и величайшимъ мужествомъ. Онъ не поддался общей паникѣ, охватившей и властей и обыкновенныхъ жителей города. Напротивъ, онъ всячески

увѣщевалъ ихъ сохранить вѣрность царю Василію Шуйскому и не оставлять ни въ какомъ случаѣ Ростова. Когда же большинство жителей и воинскихъ людей всетаки смалодушествовали и бѣжали изъ города, митрополитъ и тутъ проявилъ большой подъемъ духа. Онъ приготовился встрѣтить смерть и приготовилъ къ этому и немногихъ мужественныхъ людей, пожелавшихъ раздѣлить участь своего архипастыря. Тѣмъ временемъ воровскія шайки успѣли ворваться въ городъ. Часть ихъ занялась грабежомъ, другіе бросились къ соборному храму. Въ немъ находился митрополитъ Филаретъ. Онъ пытался увѣщевать грабителей и обратился къ нимъ съ краткой, но сильной рѣчью. Однако приверженцы Вора не были доступны словамъ увѣщанія. Съ дикими криками бросились они къ дверямъ храма, выломали ихъ и разграбили соборъ. Самого же митрополита Филарета схватили, сорвали съ него святительскія ризы и, одѣвъ въ рубище, отвели въ Тушино.

Здѣсь оцѣнили по достоинству значеніе плѣнника и принудили его согласиться на принятіе имъ титула патріарха. Впрочемъ Филаретъ, содержавшійся къ тому же несмотря на весь внѣшній почетъ подъ строжайшимъ наблюденіемъ, старался не принимать участія въ Тушинскомъ правительствѣ. Поэтому и патріархъ Гермогенъ продолжалъ смотрѣть на ростовскаго митрополита, какъ на плѣнника Тушинскаго Вора. Такъ въ одной изъ грамотъ 1609 года верховный русскій архіерей писалъ: „А которые взяты въ плѣнъ, какъ и Филаретъ митрополитъ и прочіе, не своею волею, но нужею и на христіанскій законъ не стоятъ и крови православныхъ братій своихъ не проливаютъ, на таковыхъ мы не порицаемъ, но и молимъ о нихъ Бога“. И по возвращеніи Филарета изъ Тушинскаго плѣна въ Москву отношенія обоихъ іерарховъ русской церкви были вполнѣ хорошими.

Во время пребыванія ростовскаго митрополита въ Тушинѣ онъ мало по малу сгруппировалъ около себя тѣхъ изъ родовитыхъ приверженцевъ Самозванца, которые происходили изъ старинныхъ боярскихъ и дворянскихъ фамилій нетитулованной знати. Среди этого кружка зародилась мысль, которой сочувствовалъ Филаретъ, бывшій даже, какъ

намъ кажется, однимъ изъ ея иниціаторовъ. Дѣло въ томъ, что Филаретъ, какъ и большинство нетитулованнаго боярства не могъ сочувственно относиться къ Василію Шуйскому, являвшемуся выразителемъ реакціонно настроеннаго княжья. При томъ, какъ мы видѣли, у ростовскаго митрополита были свои причины глубокаго неудовольствія царемъ Василіемъ. Но кромѣ указанныхъ причинъ, такъ сказать, личнаго свойства, было и другое, болѣе общее соображеніе. Филаретъ со свойственной ему проницательностью не могъ не видѣть, что Шуйскій недостаточно силенъ для водворенія порядка и борьбы съ сильнымъ внѣшнимъ врагомъ, Рѣчью Посполитой. Не вѣрилъ также ростовскій митрополитъ и въ торжество Тушинскаго Вора; да и повадки Тушинцевъ не могли быть пріятны Филарету. И вотъ въ виду угрожающаго положенія, занятаго Польско-Литовскимъ государствомъ, естественно было прійти къ мысли попытаться вступить въ тѣсный союзъ съ нимъ, и изъ враговъ обратить поляковъ и литовцевъ въ друзей. Этого можно было достигнуть путемъ династической уніи обоихъ государствъ. Избраніе королевича Владислава на русскій престолъ и казалось въ такихъ обстоятельствахъ тѣмъ единственнымъ выходомъ, который могъ возстановить колеблющійся и склонный къ паденію порядокъ въ Московскомъ государствѣ. При этомъ выборъ иноземца, представлялось тогда Филарету и его политическимъ единомышленникамъ, могъ примирить всѣ партіи, возникшія тогда на Руси и выставлявшія каждая своего кандидата. Однако, выбирая иноземца—иновѣрца, надлежало позаботиться объ огражденіи своей вѣры и своего общественнаго самобытнаго уклада. И, приходится признать, что авторы того договора, проектъ котораго былъ выработанъ въ январѣ 1610 года и подписанъ Сигизмундомъ 4 февраля тогоже года, стояли на высотѣ пониманія условій момента. Не даромъ покойный В. О. Ключевскій, изучая этотъ договоръ, пришелъ къ заключенію, что „ни въ одномъ актѣ Смутнаго времени русская политическая мысль не достигаетъ такого напряженія, какъ въ договорѣ М. Салтыкова (онъ привезъ съ нѣсколькими другими тушинцами проектъ этого договора къ королю) и его товарищей съ королемъ Сигизмундомъ“.

Разсмотрѣніе этого договора, извѣстнаго въ исторіи подъ названіемъ договора 4 февраля, приводитъ насъ къ заключенію, что въ немъ, дѣйствительно, сказалась опредѣленная тенденція. Вступая съ Польско-Литовскимъ государствомъ „въ тѣсный военный союзъ“, иниціаторы соглашенія въ основу его постарались положить „сохраненіе полной автономіи Московскаго государства“. Эта автономія явилась такимъ образомъ необходимѣйшимъ условіемъ призванія королевича Владислава на русскій престолъ. Лица, вырабатывавшія проектъ соглашенія, тщательно разработали тѣ основы, на которыхъ королевичъ Владиславъ долженъ былъ царствовать надъ русской землей. Во первыхъ, православная религія оставалась неприкосновенной отъ притязаній на ея цѣлость со стороны католицизма. Во-вторыхъ, новый царь обязанъ былъ о всѣхъ важнѣйшихъ государственныхъ дѣлахъ совѣтоваться „з Московскаго звычаю“ съ патріархами, освященнымъ соборомъ, боярами „и со всею землею“. По первому впечатлѣнію Московскіе люди, заключая договоръ съ Владиславомъ, хотѣли провести въ жизнь новую систему управленія, ограничивавшую царскую власть. Но, какъ справедливо отмѣчено однимъ изъ авторитетнѣйшихъ изслѣдователей Смуты, такое „ограниченіе единоличной власти Владислава“ „вытекало въ договорѣ не изъ какой-либо теоріи, а изъ обстоятельствъ минуты, приводившихъ на московскій престолъ иноземнаго и иновѣрнаго государя. Это ограниченіе имѣло цѣлью не перестройку прежняго государственнаго порядка, а, напротивъ охрану и укрѣпленіе его. Совершенно ясна и та среда, представители которой работали надъ выработкой условій договора 4 февраля. Это были люди, принадлежавшіе къ дворцовой знати эпохи Грознаго и Годунова. Предъявивъ требованіе справедливаго суда и отмѣны групповой отвѣтственности за преступленія, такъ какъ при ней весь родъ или по крайней мѣрѣ семья обвиненнаго подвергались опалѣ или наказанію, составители договорныхъ статей озабочены въ то же время проведеніемъ въ жизнь принципа выслуги, личной заслуги. Они ставятъ также пожеланія свободнаго выѣзда русскихъ людей за границу для изученія наукъ и производства торговли. Всѣ эти нововведенія какъ разъ носятъ на себѣ отпечатокъ взглядовъ Грознаго и

царя Бориса. Но вводя нѣкоторыя либеральныя новинки, договоръ 4 Февраля желаетъ сохраненія въ полной мѣрѣ прежнихъ соціальныхъ отношеній на Руси, крѣпостныхъ порядковъ, устанавливавшихся тогда на нашей родинѣ. Мало того, авторы не прочь поставить вопросъ о полномъ уничтоженіи вольнаго казачества, кадры котораго въ значительной мѣрѣ пополнялись бѣглыми крѣпостными людьми.

Изъ всего сказаннаго съ несомнѣнностью выясняется, что договоръ 4 февраля, хотя и составленный въ Тушинѣ, никоимъ образомъ не отражалъ на себѣ пожеланій рядовыхъ тушинцевъ, т. е. массы приверженцевъ Самозванца. Эти приверженцы жили главнымъ образомъ грабежемъ и насиліемъ всякаго рода и были противниками какого-бы то ни было порядка. Авторы договора, наоборотъ, были проникнуты желаніемъ какъ можно прочнѣе устроить и обезпечить порядокъ въ Московскомъ государствѣ. Стремились ли при этомъ они къ насажденію новыхъ порядковъ на Руси? Отнюдь нѣтъ. Договоръ 4 февраля полонъ консервативныхъ и націоналистическихъ взглядовъ. Авторы его, конечно, отнюдь не примыкали къ реакціонерамъ „княжатамъ“, интересы и взгляды которыхъ раздѣлялъ царь Василій. Однако тѣ новинки, которыя встрѣчаются въ договорѣ 4-го февраля, были, какъ уже отмѣчены, плодомъ взглядовъ и даже политики наиболѣе даровитыхъ правителей XVI столѣтія. Въ то же время стремленія къ ограниченію верховной властью объясняются, какъ слѣдствіе стремленія сохранить свой стародавній строй отъ тѣхъ нарушеній, которыя были возможны со стороны поляковъ и литовцевъ.

Мы видимъ, какимъ недовѣріемъ были проникнуты авторы договора 4-го февраля 1610 года къ полякамъ. Нельзя не сказать, что это недовѣріе имѣло свои вѣсскія причины. Поэтому соглашеніе не могло разсчитывать на прочность и продолжительность. Но сначала обѣ стороны льстили себя надеждой на его осуществимость. Польскій король старался объ его распространеніи среди жителей Москвы и другихъ русскихъ городовъ. Въ свою очередь главнѣйшіе изъ тушинцевъ не отправились вслѣдъ за Воромъ въ Калугу а переѣхали въ станъ къ королю. Тушино распалось. Митрополитъ Филаретъ Никитичъ, очевидно, медлилъ окончатель-

нымъ рѣшеніемъ. Онъ не хотѣлъ ѣхать къ своему недругу Шуйскому, но и не торопился отъѣздомъ въ станъ къ Сигизмунду. Кончилось тѣмъ, что въ маѣ 1610 года онъ былъ отбитъ русскими войсками отъ польскихъ отрядовъ, выступившихъ изъ Тушина по направленію къ Смоленску и прибылъ въ Москву за два мѣсяца до сверженія царя Василія.

Незадолго до времени появленія въ столицѣ ростовскаго и ярославскаго митрополита Василій Шуйскій потерялъ главную опору своего царствованія, умнаго, даровитаго и популярнаго князя М. В. Скопина-Шуйскаго. Замѣстившій его въ должности полководца братъ царя, князь Дм. Ив. Шуйскій, былъ бездарнымъ, трусливымъ, изнѣженнымъ и корыстолюбивымъ человѣкомъ. Онъ задерживалъ выдачу жалованья вспомогательнымъ шведскимъ войскамъ, хотя и имѣлъ необходимыя для этого средства, и этимъ потерялъ ихъ расположеніе, пріобрѣтенное умѣвшимъ внушать къ себѣ довѣріе и любовь Скопинымъ. Къ своимъ русскимъ войскамъ князь Дм. Ив. Шуйскій относился высокомѣрно и съ пренебреженіемъ. При томъ этого вождя заботили пиры и попойки, а не воинское дѣло. Неудивительно, что талантливый польскій полководецъ, гетманъ Станиславъ Жолкевскій безъ труда одержалъ надъ русскими войсками полную побѣду при селѣ Клушинѣ. Когда вѣсть объ этомъ пораженіи, имѣвшемъ мѣсто 10 іюля 1610 года, дошла до Москвы, Василій Шуйскій былъ сведенъ съ престола. Въ этомъ сверженіи приняли участіе два круга лицъ, враждебныхъ между собой, но объединявшихся въ нелюбви къ царю Василію. Первый кругъ имѣлъ своимъ главой одного изъ знатнѣйшихъ и способнѣйшихъ „княжатъ“, князя Вас. Вас. Голицына. Пополнялся этотъ кругъ дворянствомъ средней руки съ братьями Ляпуновыми во главѣ. Другой кругъ состоялъ по преимуществу изъ сторонниковъ Романовыхъ и другихъ нетитулованныхъ бояръ. Его вдохновителемъ, по всей вѣроятности, былъ Филаретъ Никитичъ, не выступавшій впрочемъ открыто. Обѣ партіи стремились къ одной ближайшей цѣли: сверженію Шуйскаго. Но послѣ этого пути ихъ расходились. Первая желала возвести на престолъ тоже одного „изъ княжатъ“, а именно князя Вас. Вас. Голицына. Слѣдова-

тельно, дѣло шло о лицѣ, а не о правительственной системѣ. Второй кругъ лицъ имѣлъ въ виду воцареніе королевича Владислава; вмѣстѣ съ этимъ должны были возвыситься представители нетутилованной знати. Поэтому эта партія стремилась къ перемѣнѣ самого способа управленія государствомъ. Во всякомъ случаѣ обѣ партіи послѣ Клушина получили возможность дѣйствовать, и царю Василію былъ „обрядъ“. По одному изъ современныхъ извѣстій это событіе ускорили сторонники Калужскаго Вора, предложившіе москвичамъ свести съ престола обоихъ царей, а затѣмъ договориться о совмѣстныхъ дѣйствіяхъ противъ внѣшнихъ враговъ. Но когда царь Василій былъ сведенъ съ престола, сторонники Лжедимитрія съ наглымъ смѣхомъ предложили обманутымъ жителямъ столицы подчиниться „истинному прямому царю Дмитрію Ивановичу“. Но за исключеніемъ нѣкотораго числа черни москвичи, хорошо знакомые съ грабительскими повадками воровскихъ дружинъ, вовсе не желали подчиниться Вору; произошла поэтому паника. Патріархъ Гермогенъ далъ тогда совѣтъ вернуть царя Василія Шуйскаго на престолъ. „Заводчики“ возстанія и низложенія Шуйскаго приняли противъ этого свои мѣры и поспѣшно постригли только что сведеннаго съ престола царя.

Такимъ образомъ важный вопросъ, кому быть царемъ на Руси, требовалъ немедленнаго разрѣшенія. Это понимало и то временное правительство, которое стало впослѣдствіи извѣстно подъ названіемъ „семибоярщины“. Оно принялось обсуждать этотъ вопросъ. Въ это время Гермогенъ, искренне болѣвшій душой за родную землю и желавшій всѣми силами возстановленія въ ней порядка, выступилъ съ новымъ, очень любопытнымъ предложеніемъ. Свѣдѣнія объ этомъ предложеніи сообщилъ намъ хорошо освѣдомленный и умный наблюдатель, заинтересованный въ вопросѣ о царскомъ избраніи гетманъ Станиславъ Жолкевскій. Побѣдитель въ битвѣ подъ Клушинымъ, Жолкевскій съ своими войсками подступилъ къ Москвѣ и велъ здѣсь переговоры о признаніи кандидатуры королевича Владислава на русскій престолъ. Тогда то онъ и узналъ, что Гермогенъ предложилъ народу двухъ кандидатовъ на московскій престолъ: князя

Вас. Вас. Голицына и „Никитича Романова, сына Ростовскаго митрополита, это былъ юноша, можетъ быть, пятнадцати лѣтъ“. Самъ Гермогенъ при этомъ предпочиталъ кандидатуру Михаила Ѳеодоровича, „потому что митрополитъ Ростовскій, отецъ его, былъ двоюродный братъ (по матери) царя Ѳеодора: потому что царь Ѳеодоръ родился отъ царя Іоанна тиранна и отъ родной сестры Никиты Романовича, Ростовскій же митрополитъ сынъ сего послѣдняго“.

Сообщивъ о предложеніи Гермогена, Жолкевскій прибавляетъ: „однакожъ къ патріаршему мнѣнію болѣе склонялся народъ, а все почти духовенство было на сторонѣ Голицына“. Извѣстіе, приводимое знаменитымъ польскимъ вождемъ и политикомъ, стоитъ быть отмѣченнымъ. Изъ него мы ясно видимъ, что вопросъ объ избраніи юнаго Михаила Ѳеодоровича Романова на русскій престолъ впервые былъ поставленъ на очередь еще въ 1610 году. При этомъ лицомъ, возбудившимъ его и сторонникомъ кандидатуры именно „Никитича Романова“, былъ уважаемый и вліятельный патріархъ Гермогенъ. Надобно запомнить и причину, по которой Гермогенъ предпочиталъ Михаила Ѳеодоровича. Это—родство патріаршаго кандидата съ недавно угасшей династіей. Интересно также и то обстоятельство, что предложеніе патріарха встрѣчено было сочувственно въ народѣ; здѣсь сказалась и „фамильная популярность“ Никитичей. Но почему „все почти духовенство“ предпочитало кандидатуру князя Вас. Вас. Голицына? Выразилась ли въ этомъ любовь къ этому умному и энергичному боярину или нежеланіе видѣть „владительнаго“ ростовскаго митрополита во главѣ правленія? Не имѣемъ данныхъ для рѣшенія этого вопроса.

Но самое предложеніе патріарха Гермогена не возбуждаетъ нашихъ сомнѣній. Очевидно, патріархъ не хотѣлъ видѣть царемъ ни иноземца, ни Вора. Поэтому въ виду существованія въ Москвѣ двухъ вліятельныхъ группъ, только что свергшихъ Шуйскаго, Гермогенъ и предложилъ кандидатуры главы одной изъ этихъ партій и сына руководителя другой. Лично же онъ, какъ человѣкъ изъ народа, предпочиталъ ближайшаго родственника угасшей династіи.

Какъ мы уже видѣли, предложеніе Гермогена нашло

себѣ нѣкоторый откликъ въ духовенствѣ и народѣ и до извѣстной степени сказалось, быть можетъ, и въ 1613 году. Однако это предложеніе натолкнулось на сильныя препятствія и не было въ концѣ концовъ принято. Жолкевскій разсматривалъ это обстоятельство, какъ результатъ своей изворотливости и ловкости. Мы не склонны отрицать существованія у умнаго и даровитаго польскаго полководца и дипломата этихъ качествъ и думаемъ, что они сыграли и въ данномъ случаѣ извѣстную роль. Но Жолкевскому сильно содѣйствовало благопріятное для него стеченіе обстоятельствъ. Дѣло въ томъ, что руководящая роль въ столицѣ принадлежала, какъ уже и отмѣчено выше, такъ называемой „семибоярщинѣ“. По изысканіямъ профессора Платонова въ „Очеркахъ по исторіи Смуты“ эта „семибоярщина“ имѣла слѣдующій составъ: въ ней было „5-ть княжатъ отборныхъ фамилій и два боярина изъ стариннаго боярскаго рода Ѳеодора Кошки“. Такимъ образомъ „семичисленные бояре“ представляли собой взгляды и интересы реакціоннаго „княжья“, а отчасти выражали и стремленія Никитичей и ихъ многочисленныхъ сторонниковъ. Эти то временные правители Руси опредѣленно не хотѣли государя изъ русскихъ людей, сильно опасаясь Вора и борьбы враждебныхъ другъ другу партій. Въ то же время они охотно шли на признаніе для всѣхъ одинаково чужого королевича Владислава тѣмъ болѣе, что условія договора съ королемъ, уже подписаннаго Сигизмундомъ, представлялись имъ вполнѣ удачными и удобными. Чтобы понять и отчасти извинить поведеніе „семи бояриновъ“ и тѣхъ, кто за ними пошелъ, достаточно припомнить положеніе вещей въ Москвѣ въ іюнѣ—августѣ 1610 года. Беззащитной столицѣ, почти лишенной войскъ, при измѣнчивомъ настроеніи легко волнующейся и увлекающейся черни, угрожали два врага: Воръ и Жолкевскій. Вотъ и казалась заманчивой мысль примириться съ однимъ врагомъ съ тѣмъ, чтобы обратить его силы на другого. Голицынъ какъ будто думалъ одно время о престолѣ, но долженъ былъ отказаться отъ этой мысли, быть можетъ, подъ давленіемъ временнаго правительства. Другой кандидатъ былъ слишкомъ молодъ. Отецъ же его, повидимому, одинъ изъ вдохновителей договора 4-го февраля, искренне не желалъ, чтобы

юный Михаилъ Ѳеодоровичъ сталъ государемъ при такихъ трудныхъ и грозныхъ обстоятельствахъ.

Итакъ выборъ Владислава былъ предрѣшенъ. Надо было оформить его и созвать для этой цѣли земскій соборъ. Но событія шли такъ быстро и бурно, что приходилось очень спѣшить съ тѣмъ важнымъ дѣломъ. Москвѣ угрожала новая блокада, да и теперь уже доступъ къ ней былъ затрудненъ. Сзывать и ожидать пріѣзда представителей изъ городовъ было опасно и трудно. Тогда рѣшили составить соборъ, привлекши на него въ качествѣ уѣздныхъ представителей тѣхъ изъ провинціальныхъ видныхъ по положенію и вліянію жителей, которые находились въ то время въ столицѣ. Такимъ образомъ составленный соборъ не замедлилъ избрать Владислава на русскій престолъ, но нѣсколько видоизмѣнилъ условія этого избранія. Изучая эти перемѣны, видимъ, какія новыя вліянія сказались на нихъ. Договоръ 17-го августа 1610 года—такъ называется онъ въ исторіи—испыталъ на себѣ вліяніе патріарха Гермогена, и реакціонеровъ „княжатъ“. Благодаря патріарху въ договоръ ввели условіе о непремѣнности принятія королевичемъ Владиславомъ православной вѣры. Княжата старательно вычеркнули изъ договора либеральныя новинки о свободномъ веденіи торговли и выѣздѣ русскихъ людей заграницу для ученія наукамъ; за то предусмотрительно вставили условіе о ненарушимости положенія при новомъ царѣ „княженецкихъ родовъ“.

Когда договоръ 17-го августа былъ выработанъ, гетманъ Жолкевскій не преминулъ его подписать. При этомъ осторожный и ловкій политикъ съ замѣчательнымъ умѣньемъ оставилъ въ сторонѣ до уговора короля Сигизмунда съ русскими людьми всѣ сколько-нибудь сомнительныя съ его точки зрѣнія статьи, въ томъ числѣ, конечно, и вопросъ о крещеніи королевича въ православную вѣру. Правда, подъ рукой Жолкевскій не скупился на обѣщанія, но дѣлалъ это такъ, что они его ни къ чему не обязывали и во всякомъ случаѣ ничѣмъ не были съ его стороны подкрѣплены. Тогда же гетманъ озаботился, по его собственному признанію, употребить всѣ способы, чтобы во главѣ великаго посольства, которое должно было отправиться подъ Смоленскъ въ станъ къ королю Сигизмунду „прошати“ у него „на царство

королевича Владислава“, стали князь Вас. Вас. Голицынъ и митрополитъ Филаретъ, отецъ юнаго Михаила Ѳеодоровича Романова. И дѣйствительно, главными великими послами къ Сигизмунду поѣхали митрополитъ ростовскій и ярославскій Филаретъ Никитичъ и бояринъ князь Вас. Вас. Голицынъ.

Не отрицая усилій Жолкевскаго, замѣтимъ, что посылка этихъ именно людей къ королю была вполнѣ естественна: для такого важнаго и почетнаго дѣла, само собой разумѣется, слѣдовало отправить наиболѣе родовитыхъ и почетныхъ государственныхъ лицъ. Такими именно и были Филаретъ Никитичъ и князь В. В. Голицынъ. Впрочемъ, расчеты Жолкевскаго, очень хитроумные, не оправдались, подтвердивъ только лишній разъ вѣрность пословицы: „гдѣ тонко, тамъ и рвется“. Голицынъ, правда, скончался въ польской неволѣ, за то выборъ Михаила Ѳеодоровича на русскій престолъ все-же состоялся, несмотря на отсутствіе и даже плѣнъ его отца. Въ то же время главы великаго посольства показали такое „крѣпкостоятельство“ за интересы родины, какое было совсѣмъ не въ видахъ поляковъ.

Кромѣ двухъ названныхъ лицъ въ составъ великаго посольства вошли и другіе „духовныя власти“, сановники и „всякихъ чиновъ люди“. Благодаря этому посольство представляло собой какъ бы часть того самаго земскаго собора, который его отправлялъ отъ своего имени. Чрезвычайно важное по своей цѣли и составу посольство могло быть названо великимъ и въ силу своей многочисленности. Вмѣстѣ со свитой пословъ оно состояло изъ 1100—1200 человѣкъ. Посольству по московскому обычаю былъ данъ очень подробный наказъ. Въ этомъ наказѣ было указано 10-ть главныхъ пунктовъ, о которыхъ должны были договориться послы съ польскими уполномоченными и которые не были приняты въ договорѣ 17 августа: 1) возможно скорое крещеніе Владислава въ православную вѣру; надо было настаивать, чтобъ королевичъ крестился въ Смоленскѣ или во всякомъ случаѣ, до вступленія его въ Москву; 2) прекращеніе всякихъ сношеній о вѣрѣ Владислава съ римскимъ папой; 3) установленіе смертной казни всѣмъ тѣмъ изъ русскихъ людей, которые „похотятъ своимъ малодушіемъ отъ греческой вѣры отступить къ римской

вѣре“; 4) немногочисленность (не болѣе 500 человѣкъ) королевичевской свиты при пріѣздѣ его въ Москву; 5) безусловное сохраненіе королевичемъ Владиславомъ полнаго и обычнаго царскаго титула; 6) вступленіе королевича въ бракъ съ русской и православной; 7) очищеніе всѣхъ московскихъ городовъ отъ воровскихъ шаекъ или польскихъ войскъ; 8) надѣленіе польскихъ и литовскихъ слугъ Владислава землями во внутреннихъ, а не въ порубежныхъ городахъ во избѣжаніе неизбѣжныхъ въ послѣднемъ случаѣ споровъ и ссоръ; 9) отпускъ на свободу безъ платы выкупа русскихъ плѣнныхъ; 10) отступленіе короля Сигизмунда отъ Смоленска. Постановивъ вести переговоры на основаніи такихъ „статей“, наказъ понималъ, что поляки будутъ на нихъ всячески возражать и разрѣшилъ даже дѣлать имъ нѣкоторыя уступки. Но всѣ эти уступки не должны были имѣть рѣшительнаго значенія и главнымъ образомъ могли отсрочить обсужденіе этого или иного изъ спорныхъ вопросовъ. А самой важной задачей великаго посольства признавалось—убѣдить Сигизмунда, чтобы онъ какъ можно скорѣе отпустилъ Владислава въ Москву.

11-го Сентября 1610 года великіе послы со свитой отправились въ свой трудный и опасный путь. Передъ своимъ отбытіемъ они слушали напутственное молебствіе въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ. Во время него краснорѣчивый Гермогенъ со свойственнымъ его подъемомъ духа сказалъ отъѣзжающимъ пламенную рѣчь. Въ этомъ обращеніи къ великимъ посламъ патріархъ указывалъ имъ на необходимость стойкости и ревности къ православію въ столь тяжелую для родины пору. Послы были до слезъ тронуты словами великаго старца-святителя. Филаретъ Никитичъ и князь Голицынъ единодушно отвѣчали, что они предпочтутъ „мучительную смерть“ измѣнѣ родинѣ и вѣрѣ. Простившись затѣмъ со своими близкими, которыхъ митрополитъ Филаретъ увидѣлъ лишь черезъ девять долгихъ, исполненныхъ испытаній лѣтъ, послы двинулись въ путь къ Смоленску.

Слова Гермогена пали на добрую почву. По крайней мѣрѣ Филаретъ и Голицынъ проявили въ порученномъ имъ великомъ дѣлѣ изумительную стойкость, большое нравственное мужество и горячій патріотизмъ. Никакія испытанія не устра-

шили и не поколебали ихъ благородной рѣшимости грудью стоять за интересы родной земли и вѣры. Съ самаго начала пути великое посольство встрѣтилось съ разнаго рода невзгодами и непріятностями. Мѣстности, по которымъ ѣхали послы были разорены и разграблены. Отвсюду доходили до пословъ самыя тревожныя извѣстія о вѣроломствѣ и коварствѣ польскаго короля, расширявшаго тѣмъ временемъ районъ враждебныхъ дѣйствій и добивавшагося, при томъ очень успѣшно, присяги на свое имя. Послы получили также очень грустныя сообщенія о томъ, что поляки, не взирая на договоръ 17-го Августа 1610 года, не посылаютъ своихъ войскъ противъ Калужскаго Вора и его шаекъ.

Угнетаемые мрачными предчувствіями, великіе послы пріѣхали въ началѣ Октября 1610 года въ станъ польскаго короля подъ Смоленскъ. Поляки съ самаго начала встрѣтили ихъ очень нерадушно. Первое время имъ отказали даже въ противность тогдашнимъ международнымъ обычаямъ въ выдачѣ необходимаго продовольствія, ссылаясь на то, что король стоитъ во вражеской землѣ и не имѣетъ излишнихъ запасовъ. Между тѣмъ въ разоренной странѣ почти невозможно было даже за очень дорогую цѣну купить себѣ что-нибудь съѣстное. Нельзя было достать и фуража для лошадей; съ трудомъ посламъ удалось настоять, чтобы имъ выдали, „кормовые запасы“, но и тѣ были скудны и ихъ далеко нехватало на все посольство.

На состоявшейся затѣмъ аудіенціи великаго посольства, послѣ того какъ Филаретъ, Голицынъ и ихъ „товарищи“ вручили королю Сигизмунду свои „вѣрющія“ грамоты и сказали соотвѣтствующія случаю привѣтствія, имъ предстояло волей-неволей выслушать высокомѣрную и хвастливую рѣчь канцлера Льва Сапѣги, который говорилъ отъ имени своего государя.

Въ половинѣ октября приступили, наконецъ, къ веденію переговоровъ. Начались знаменитые съѣзды нашихъ великихъ пословъ съ радными панами. И на первомъ же такомъ съѣздѣ сразу же обнаружилось глубочайшее противорѣчіе, какое раздѣляло двѣ народности. Не станемъ подробно описывать всѣ многочисленныя совѣщанія великихъ пословъ съ поляками. Остановимся только на выясненіи роли въ

нихъ митрополита Филарета Никитича. Все же слѣдуетъ указать, чего добивались договаривающіяся стороны. При этомъ легко замѣтить, что и поляками и нашими соотечественниками были проявлены при этомъ величайшая стойкость въ отстаиваніи своихъ выгодъ и очень большое дипломатическое искуство.

Говоря о съѣздахъ подъ Смоленскомъ, надо признать, что обѣ стороны были по своему правы. Дѣйствительно, поляки имѣли полное основаніе считать, что ихъ извѣчная непріятельница Русь стоитъ на краю гибели и разложенія. Понятно, что невозможно было бы требовать отъ нихъ особеннаго великодушія. Имъ представлялось, что для пользы своей отчизны они обязаны какъ можно полнѣе использовать всѣ выгоды своего исключительно благопріятнаго положенія. Нашимъ великимъ посламъ выпала трудная, но славная обязанность защищать всѣми силами самобытное существованіе дорогой родины. Искренняя любовь къ ней заставляла ихъ подниматься до героизма, до самоотверженія. Конечно, мы невольно сочувствуемъ Филарету и Голицыну. Они отстаивали наше русское, и притомъ чистое, правое дѣло. Но въ интересахъ справедливости мы должны соблюсти безпристрастіе и къ польскимъ уполномоченнымъ. Они вѣдь не обязаны были соглашаться на условія, выставленныя русскими. Правда эти условія въ большинствѣ случаевъ были упомянуты въ договорѣ 17-го августа 1610 года, но хитроумный и ловкій Жолкевскій не даромъ снабдилъ ихъ разнаго рода оговорками. И польскіе паны на этомъ основали свои притязанія. Выставили они и новыя требованія. Чего же они потребовали на своихъ съѣздахъ съ великими послами?

Припомнимъ обстановку начала переговоровъ. Когда великіе послы прибыли подъ Смоленскъ, этотъ важный городъ осаждали уже войска Сигизмунда, но крѣпость стойко держалась благодаря мужественному сопротивленію осажденныхъ, предводимыхъ храбрымъ бояриномъ Шеинымъ, отличному состоянію своихъ обширныхъ укрѣпленій и выгодности своего мѣстоположенія. Владѣть въ описываемыя времена Смоленскомъ, значило имѣть ключъ къ обладанію областью верхняго Днѣпра и подступами къ Москвѣ. Польскіе уполномоченные, желая добиться пере-

хода Смоленска въ польскія руки, стали настаивать на передачѣ его въ распоряженіе короля Сигизмунда. Но такъ какъ наши великіе послы прекрасно оцѣнивали значеніе столь важнаго для Московскаго государства города, они ни за что не соглашались на сдачу его Сигизмунду.

И требованіе присяги на имя самого польскаго короля встрѣтилось съ рѣшительнымъ отпоромъ со стороны великихъ пословъ. И Сигизмунду и остальнымъ полякамъ представлялось, что безусловное господство надъ Московской Русью вполнѣ достижимо. Но для того, чтобъ это случилось, надо было добиться признанія царемъ въ Московскомъ государствѣ стараго, опытнаго и преданнаго католицизму короля Сигизмунда, а не его молодого и потому болѣе податливаго сына. Отсюда—второе требованіе радныхъ пановъ: они стали добиваться отъ нашихъ великихъ пословъ приказанія смольнянамъ присягнуть на имя короля. Мало того, польскіе и литовскіе уполномоченные старались объяснить все дѣло такимъ образомъ, что присяга, данная русскими людьми королевичу Владиславу неминуемо приводила ихъ къ обязательству присягнуть и королю Сигизмунду. Великіе русскіе послы превосходно сообразили, къ чему клонились всѣ подобныя разсужденія, и очень рѣшительно, хотя и въ вполнѣ вѣжливой формѣ, не согласились съ ихъ правильностью. Напрасны были всѣ заявленія радныхъ пановъ, что ихъ король явился на Русь для успокоенія Московскаго государства и что смоленскіе сидѣльцы наносятъ позоръ королевскому имени, отказывая ему въ покорности и въ сдачѣ своего города. Паны прибавляли, что нельзя разлучать и раздѣлять отца съ сыномъ, какъ это дѣлаютъ русскіе. Послы на всѣ доводы пановъ сумѣли найти основательныя и вѣскія возраженія. Такъ они заявили, что успокоенія Московскаго государства польскій король скорѣе и проще всего достигнетъ, если сообразно договору русскихъ людей съ Жолкевскимъ выведетъ изъ предѣловъ Руси свои войска и отпуститъ въ Москву на царскій престолъ своего сына. При этомъ наши послы добавили, что смольняне не наносятъ никакого ущерба королевскому имени, отказываясь давать присягу на его имя. При томъ же жители Смоленска съ полной готовностью

дадутъ присягу на имя королевича: для этого полякамъ стоитъ только отступить отъ города.

Не оставили великіе наши послы безъ возраженія и послѣдняго замѣчанія уполномоченныхъ Рѣчи Посполитой о томъ, что не слѣдуетъ раздѣлять отца съ сыномъ. Филаретъ и Голицынъ „съ товарищами“ даже разсердили родныхъ пановъ исторической справкой объ обстоятельствахъ воцаренія самого Сигизмунда на польскій престолъ при жизни его отца, шведскаго короля Іоанна, причемъ Рѣчь Посполитая сохранила полную независимость отъ Швеціи.

Когда шли переговоры, наши великіе послы не преминули заявить польско-литовскимъ уполномоченнымъ, что ими предложены русскимъ людямъ совершенно новыя условія, о которыхъ членамъ великаго посольства нельзя договариваться. Великіе послы присланы всей землей и не имѣютъ права вести переговоры безъ полученія отъ нея новыхъ полномочій. Поэтому ни грамоты патріарха безъ боярскихъ, ни грамоты бояръ безъ патріарховыхъ, равно какъ и никакія другія, однѣ сами по себѣ не могутъ заставить пословъ перемѣнить свое рѣшеніе.

Такія заявленія русскихъ великихъ пословъ были очень неудобны и непріятны для польско-литовскихъ притязаній. Они заключали въ себѣ ту опасность, что наше великое посольство было, какъ мы уже отмѣтили въ свое время, составной частью того самаго земскаго собора, къ защитѣ авторитетомъ котораго охотно прибѣгали митрополитъ Филаретъ и князь В. В. Голицынъ, а также и ихъ товарищи. Поэтому, чтобы разрѣшить встрѣченныя затрудненія, надобно было великимъ посламъ вернуться въ Москву и тамъ принять участіе въ новыхъ засѣданіяхъ „совѣта всей земли“. Поляки и рѣшили подъ тѣмъ или инымъ предлогомъ вернуть великое посольство въ столицу. Не имѣя при этомъ возможности и надежды сломить упорство главныхъ пословъ и желая, быть можетъ, держать ихъ у себя, какъ заложниковъ, стали дѣйствовать на второстепенныхъ членовъ посольства. При этомъ дѣйствовали самымъ разнообразнымъ образомъ. Не давали имъ достаточнаго количества съѣстныхъ припасовъ, уговаривали ихъ вернуться, суля и раздавая имъ отъ имени Сигизмунда на русскій же счетъ

разныя пожалованія. Многіе поддались на эту удочку. Тѣмъ болѣе поддались тогда, когда узнали, что русскіе люди впустили поляковъ въ Кремль. Въ числѣ лицъ, повинныхъ въ этомъ, поляки называютъ Ивана Никитича Романова, брата митрополита Филарета и одного изъ „семичисленныхъ бояръ“. Послѣ того, какъ польскій гарнизонъ занялъ московскій Кремль, русское дѣло стало казаться на вѣки проиграннымъ. Поэтому могло быть выгоднымъ возможно скорѣе выслужиться у новыхъ господъ родины.

Но къ чести и достоинству Руси, главы посольства, митрополитъ Филаретъ и князь В. В. Голицынъ не могли разсуждать подобнымъ образомъ. Они любили свое отечество, его благоденствіе и самостоятельность. Поэтому они съ удивительной стойкостью переносили и матеріальныя невзгоды всякаго рода и нравственную пытку. Всюду встрѣчали они противодѣйствіе и нигдѣ не находили поддержки. Ихъ покинули собственные ихъ товарищи по посольству. Русскій вельможа, предавшій интересы родной страны, И. М. Салтыковъ, встрѣтясь съ послами въ польскомъ станѣ, сталъ кричать на нихъ и бранился при этомъ въ непристойныхъ выраженіяхъ. Польско-литовскіе уполномоченные грозили имъ тяжкой неволей. Наконецъ, московскіе бояре, очутившіеся польскими плѣнниками въ Москвѣ, предписывали имъ во всемъ рѣшительно положиться на волю короля Сигизмунда и сдать ему осажденный поляками Смоленскъ. При этомъ отвсюду послы получали самыя тревожныя извѣстія объ успѣхахъ поляковъ и другихъ непріятелей. Даже Гермогенъ, поддержавшій бы, конечно, великихъ пословъ, не имѣлъ возможности пересылать къ нимъ вѣсти изъ Москвы въ виду установленнаго за нимъ и посольствомъ надзора.

Итакъ послы были предоставлены самимъ себѣ и очень одиноки. Только въ своей собственной душѣ нашли тѣ нравственныя силы, которыя явились ихъ поддержкой въ столь тяжкую и трудную эпоху. Помогла имъ и горячая любовь къ родной странѣ и глубокая вѣра въ ея будущность. И у Филарета Никитича и у князя Голицына были моменты слабости нравственнаго малодушія, не были чужды они раньше и политической интригѣ. Но ихъ ничемъ непоколебленная душевная твердость, проявленная подъ Смо-

ленскомъ, и пламенная любовь къ родинѣ искупили ихъ прежнія проступки передъ отечествомъ, котораго, впрочемъ, они никогда не предавали, и вознесли Филарета и Голицына на исключительную высоту.

Великіе послы своимъ мужественнымъ поведеніемъ подъ Смоленскомъ уже въ то время оказали родинѣ огромную услугу. Они, во-первыхъ, воочію доказали полякамъ, что Русь богата еще стойкими и преданными людьми, не торгующими своей вѣрой и родиной и не опасающими угрозъ Рѣчи Посполитой. Во-вторыхъ, они давали благодѣтельный примѣръ для многихъ нашихъ соотечественниковъ, поселяя въ нихъ бодрость духа въ такую, повидимому, безотрадную пору. Что это было именно такъ, подтверждаетъ одно изъ интереснѣйшихъ произведеній временъ Смуты и „разрухи“, извѣстная „Новая повѣсть“... Она написана была въ декабрѣ 1610—началѣ 1611 года и имѣла цѣлью поднять жителей Москвы противъ угнетавшихъ тогда нашу родину и сидѣвшихъ въ самой нашей столицѣ поляковъ. Описывая бѣдствія родины и наглость враговъ ея, талантливый и живой авторъ „Повѣсти“ сѣтуетъ на малодушіе русскихъ людей. Только немногіе изъ нихъ, по его мнѣнію, представляютъ собой примѣръ высокой нравственной доблести. Къ числу этихъ немногихъ самоотверженныхъ людей послѣ главнаго своего героя, патріарха Гермогена, сочинитель „Новой повѣсти“ относитъ осажденныхъ смольнянъ и „двухъ вящщихъ самыхъ пословъ“, т. е. митрополита Филарета и князя В. В. Голицына. „Новая повѣсть“ осыпаетъ неустанными похвалами этихъ пословъ, считая ихъ „спасителями родины“ и „крѣпкостоятелями“ за нее. Авторъ „Повѣсти“ разсказалъ своимъ согражданамъ, какія бѣдствія стойко переносятъ Филаретъ и Голицынъ, какъ они страдаютъ за интересы православія и родины. „Что есть того похвальнѣе и дивнѣе и безстрастнѣе: въ рукахъ будучи у своего злаго сопостата и врага, и у смерти стоячи, и всякую нужу терпячи, и лицъ своихъ противу его сопостата, не стыдятъ и въ очи ему говорятъ, что отнюдь ево воли не бывати и самому ему у насъ не живати, да не токмо ему, но и рожденному отъ него, аще не освятится тако, яко же мы, Божіею благодатію“. Подобная героическая стойкость, по мнѣнію автора „Новой повѣсти“

имѣетъ и практическое значеніе, поддерживая душевныя силы осажденныхъ смольнянъ.

Великіе послы между тѣмъ переживали суровое время. Послѣ того какъ значительнѣйшая часть великаго посольства уѣхала въ Москву, оно „теряло значеніе части земскаго собора, превращалось въ случайную группу политическихъ упрямцевъ, съ которыми можно было болѣе не церемониться“. И поляки, дѣйствительно, окончательно перестали хоть-сколько нибудь „церемониться“ съ оставшимися послами, нанося имъ все болѣе и болѣе тяжкія оскорбленія.

Тѣмъ не менѣе великіе послы до конца сохранили въ себѣ душевную бодрость и стойко держались своихъ взглядовъ и убѣжденій. И Голицынъ, и одинъ изъ второстепенныхъ членовъ посольства, оставшійся ему вѣрнымъ, думный дьякъ Томило Луговскій отличились при этомъ умѣньемъ держать русское имя „честно и грозно“. Но особенно интересна для насъ роль формальнаго главы посольства и одного изъ дѣятельнѣйшихъ и вліятельнѣйшихъ его членовъ, митрополита ростовскаго и ярославскаго Филарета. И какъ высокое духовное лицо и какъ очень умный и полный энергіи, къ тому же родовитый человѣкъ, Филаретъ Никитичъ по праву занялъ въ великомъ посольствѣ высокое мѣсто и умѣло пользовался своимъ огромнымъ значеніемъ. Онъ обнаружилъ даже нѣкоторую начитанность въ святоотческой литературѣ во время переговоровъ съ поляками. Но главная сила ростовскаго митрополита заключалась, безспорно, въ его знаніи Руси и умѣньи вести дипломатическія переговоры. Дѣйствуя во всѣхъ важныхъ случаяхъ вполнѣ согласно съ княземъ Голицынымъ Филаретъ принималъ участіе во всѣхъ значительныхъ дѣлахъ посольства, какъ совѣтами, такъ и удачными выступленіями на съѣздахъ.

Нѣсколько мѣсяцевъ прожили великіе послы подъ Смоленскомъ, терпя въ интересахъ любимой родины всякаго рода обиды, застращиванья и неудобства. Ихъ взяли, наконецъ, въ послѣднихъ числахъ марта 1611 года подъ стражу и потребовали, чтобы они безотговорочно ѣхали въ Вильну. На это послы отвѣтили съ полной твердостью, до конца сохраненной ими, что ихъ повезутъ въ Литву лишь неволей. Тогда поляки, истощивъ всѣ усилія побороть упор-

ство великихъ пословъ, рѣшили привести въ исполненіе свою постоянную угрозу.

Они сдѣлали это 12-го апрѣля 1611 года. Въ этотъ день объявлено было посламъ, что ихъ 13-го (т. е. на другой день) повезутъ „на одномъ суднѣ“ въ Польшу. Тщетно послы протестовали противъ подобнаго насилія. На другой день ихъ отправили въ Польшу, причемъ ограбили ихъ и перебили ихъ людей. Такъ кончилось знаменитое великое посольство подъ Смоленскъ. Наши великіе послы отправились въ далекую и долгую неволю, терпя при этомъ „крайнія“ „утѣсненія“. Не всѣ вернулись изъ нея. Да и вернувшіеся много перестрадали на чужой сторонѣ.

Въ безотрадную для родины и себя минуту ѣхалъ митрополитъ Филаретъ въ тяжелый польскій плѣнъ. Русь переживала годину „лихолѣтья“ и „разрухи“. Инокиня Марѳа и юный Михаилъ Ѳеодоровичъ страдали въ Москвѣ, гдѣ ихъ держали вмѣстѣ съ семьями другихъ знатнѣйшихъ людей, какъ своего рода заложниковъ. Но близилось отрадное для Руси время.

Очищенье Москвы отъ враговъ и избраніе Михаила Ѳеодоровича на престолъ было вопросомъ недалекаго будущаго. И несомнѣнно, что благородное поведеніе митрополита Филарета подъ Смоленскомъ, его доблестная стойкость и тяжкій плѣнъ еще болѣе увеличили популярность любимой народомъ семьи родственниковъ прежней династіи и способствовали до извѣстной степени всенародному избранію Михаила Ѳеодоровича государемъ родной земли.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Разрушеніе и возстановленіе государственнаго порядка.

I.

Къ концу XVI вѣка русскій народъ сковалъ послѣ долгихъ и тяжелыхъ усилій сильное государство. Московское царство охватило обширную территорію отъ устья Невы до уходящей за Уралъ восточной границы, отъ Студенаго моря до постоянно двигающейся впередъ южной сторожевой линіи. Московское царство усвоило себѣ не менѣе широкое историческое призваніе—быть центромъ православнаго Востока, Москвою—III Римомъ, послѣ того какъ оно въ дѣйствительности собрало вокругъ себя этнографически всю Великороссію. Но территоріальный ростъ требовалъ напряженія экономическихъ силъ народа и особыхъ соціальныхъ условій—что не могло не отразиться на интересахъ личности и отдѣльныхъ сословныхъ группъ. Но историческая миссія требовала соотвѣтствующей политической программы, напряженія общественной мысли и народнаго чувства, чему не всегда отвѣчала дѣйствительность и мѣшали внутреннія причины. Реальныя условія жизни не соотвѣтствовали, а создавшіяся противорѣчія въ политическомъ и сословномъ укладѣ даже мѣшали величію преслѣдуемыхъ государствомъ историческихъ задачъ и силѣ духа, сознаваемаго въ себѣ народомъ.

И вотъ на рубежѣ XVI и XVII в. в. Московское государство пережило кризисъ, пережило ту эпоху, что со словъ древнихъ памятниковъ носитъ названіе „Смутныхъ временъ“, эпоху, которая всколыхнула жизнь до самаго основанія и показала съ одной стороны возможную глуби-

ну паденія, съ другой всю высоту религіознаго и національнаго подъема древней Руси.

За пережитымъ кризисомъ наступилъ XVII в. и начало государствованія новой династіи. Пережитое и прошлое оказало свое вліяніе, и современный изслѣдователь можетъ наблюдать развитіе и видоизмѣненіе государственной жизни Московскаго царства. Историки обыкновенно отмѣчаютъ съ XVII в. новый періодъ русской исторіи, отличный отъ предыдущихъ, какъ по быстрому расширенію этнографическихъ границъ, такъ и по новому строю правительственной и общественной жизни, по новому складу народнаго хозяйства. Но Русь XVII в. еще исповѣдовала однако завѣты до Смутнаго времени и тѣмъ цѣпче и мелочнѣе держалась за древнія традиціи, чѣмъ сильнѣе отрывали ее отъ нихъ новыя задачи. Въ области политическихъ идеаловъ, народныхъ чаяній, въ основаніи своего міросозерцанія Москва XVII в. стояла твердо на базѣ, выработанной XVI в. Первые цари дома Романовыхъ, подчеркивавшіе свою близость къ послѣднимъ представителямъ дома Рюрика, проводили во внѣшней политикѣ завѣщаніе Іоанна III и Іоанна IV. Территорія Московскаго государства расширялась къ востоку и югу и бѣглый взглядъ на карту покажетъ колоссальныя пріобрѣтенія XVII в. Восприняли они и идею исторической миссіи Россіи. Изъ устъ царя Алексѣя Михайловича, убѣжденнаго грекофила, мы слышимъ исповѣданіе надежды увидѣть во Св. Софіи четырехъ восточныхъ патріарховъ и сослужащаго съ ними патріарха Никона. Освободить порабощенные турками народы и стать царемъ во вселенной, самодержцемъ христіанскимъ—вотъ политическая мечта юнаго царя. Идея Москвы III Рима воспринята и развита царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ въ его стремленіяхъ къ церковному единенію и въ политическихъ мотивахъ, о которыхъ онъ никогда не забывалъ и говорилъ, что Господь Богъ взыщетъ съ него въ день суда, если онъ не исполнитъ этого историческаго долга. Въ XVII в. политическія идеи Московской публицистики и чаянія православнаго востока и славянства дотянулись другъ до друга и слились въ обмѣнѣ рѣчей царя Московскаго и патріарха Константинопольскаго, въ мысляхъ съ другой стороны за-

паднаго панслависта и русскаго дѣятеля-патріота. Патріархъ Константинопольскій говорилъ царю Алексѣю: „да сподобитъ Богъ васъ благополучно воспріяти превысочайшій престолъ великаго царя Константина, прадѣда вашего“, а сербъ-выходецъ, лишенный родины, Крижаничъ обращался къ тому же царю съ указаніемъ: „тебѣ, пречестной царь, выпалъ жребій промышлять обо всемъ народѣ славянскомъ, ты, царь, одинъ данъ намъ отъ Бога, чтобы пособить задунайцамъ, чехамъ и ляхамъ, чтобы сознали они свое униженіе отъ чужихъ“. Русскій же знаменитый дипломатъ Ордынъ-Нащокинъ въ пламенной рѣчи развивалъ уже польскимъ посламъ въ 1667 г. мечты о томъ, какой великой славой покрылись бы всѣ славянскіе народы, если бы племена, говорящія по славянски отъ Адріатическаго моря до Нѣмецкаго и до Сѣвернаго океана, объединились и оба государства, стоя во главѣ ихъ, соединились подъ одной державой. Такъ бережно перенесена была черезъ Смуту изъ XVI въ XVII в. идея о политическомъ значеніи Московскаго царства.

На ряду съ этой идеей политическаго значенія Московскаго царства XVI вѣкъ выработалъ и другую о значеніи власти Московскаго государя. И если первой идеѣ объ историческомъ значеніи Россіи нужно было только сохраниться и не забыться среди событій Смутнаго времени, то второй—о значеніи царской власти—пришлось пройти рядъ сложныхъ явленій и подвергнуться анализу.

Въ исторической наукѣ разобрано содержаніе власти Московскаго государя, какъ она сложилась къ концу XVI в., и отчетливо выяснено, что въ понятіе этой власти входило два признака, одинаково существенныхъ и характерныхъ для нея. Во 1) Московскій государь былъ выразителемъ народнаго единства, его власть отличалась національнымъ характеромъ. Благодаря этому онъ сталъ внѣ интересовъ отдѣльныхъ классовъ, получилъ оттѣнокъ демократичности. Во 2) Московскій государь былъ вотчинникъ подобно предкамъ своимъ удѣльнымъ князьямъ, но понятіе наслѣдственной собственности своего хозяйства перенесъ на все Московское государство настоящее и будущее: „не то одно наша отчина, говоритъ великій предокъ Грознаго царя,

кои городы и волости нынѣ за нами, а вся Русская земля наша отчина". Но вотчина эта принадлежала роду Рюрика и потому вотчинникъ всей Русской земли долженъ былъ быть изъ этого рода, который велъ свое происхожденіе отъ Августа Кесаря, связалъ себя родственными и духовными связями съ царями Византіи. Такимъ образомъ пріобрѣло значеніе начало родовое, а вліяніе Византіи черезъ бракъ Іоанна III и черезъ усвоеніе политическихъ идеаловъ Имперіи способствовало развитію представленія, что власть великаго князя есть самодержавная, абсолютная: „жаловати своихъ холоповъ вольны, а и казнити вольны", развитію, наконецъ, взгляда на обязанности государя, какъ блюстителя православія, какъ судьи, чей судъ не посужался развѣ судомъ Божіимъ. Таковое понятіе о власти Московскаго царя было выражаемо оффиціально не одинъ разъ, но особенно полно и ярко послѣднимъ царемъ XVI в. Іоанномъ Грознымъ.

Таковое же понятіе сдѣлалось общепризнаннымъ въ Московскомъ обществѣ, отражаясь то въ словахъ народной пѣсни, то въ рѣчахъ книжниковъ. „Ты не будь грозенъ, ты будь милостивъ до всего народа православнаго", поетъ народъ. Съ „домомъ некоего сильножителя" сравниваетъ государство вдумчивый писатель XVI в. Иванъ Тимофеевъ. Однако взаимоотношенія сложившейся царской власти и отдѣльныхъ группъ Московскаго общества вызвали рядъ жизненныхъ вопросовъ и не однажды затрагивались публицистикой XVI в., то съ сочувствіемъ, то, наоборотъ, съ отрицаніемъ. Представителю боярства князю Курбскому казалось, что царю необходимо слѣдовать совѣту „мудрыхъ синклитовъ", казалось гибельнымъ ученіе, чтобы онъ не держалъ мудрѣйшихъ совѣтниковъ, дабы быть твердымъ на престолѣ. Анонимный авторъ одной „Бесѣды" совѣтуетъ со своей стороны царю имѣть „единомышленный вселенскій совѣтъ, состоящій изъ представителей отъ всякихъ мѣръ всякихъ людей изо всѣхъ градовъ и ихъ уѣздовъ"— любопытный намекъ на развивавшійся еще тогда (60-е годы XVI в.) земскій соборъ. Въ свою очередь служилая масса, оппозиціонная боярству, устами писателя Ивашки Пересвѣтова говорила, что „царь долженъ быть грозенъ и са-

моуправливъ и мудръ безъ воспрашиванія“, что не надо давать воли и силы вельможамъ. Можно бы привести еще рядъ другихъ примѣровъ, но мы ограничимся вышеприведенными. Всѣ эти разнорѣчія касались, опять таки повторяемъ, частныхъ вопросовъ въ связи съ положеніемъ той или другой группы населенія, но и кн. Курбскій и Ивашка Пересвѣтовъ не расходились въ основномъ взглядѣ на государя, какъ на національнаго вождя и на самодержавнаго хозяина земли—своей вотчины.

Мы не собираемся ни излагать событій Смутнаго времени во всемъ объемѣ, ни слѣдить за сложнымъ процессомъ борьбы, какъ внѣшней съ сосѣдями, сторожившими часъ бѣдствій русской земли, такъ и внутренней, начавшейся въ царскомъ дворцѣ и кончавшейся въ средѣ бездомнаго гулящаго люда. Мы остановимъ наше вниманіе на одномъ только вопросѣ, какъ постепенно разстраивался и наконецъ рухнулъ сложившійся вѣками государственный порядокъ и какъ возсоздавался онъ силами народа, пока не воплотился на соборѣ 1613 г. Мы обратимъ вниманіе на то, какой эволюціи подвергалось понятіе о власти государевой, выработанное русской мыслью XVI в. Паденіе и возсозданіе государственнаго порядка и политическіе идеалы XVII в. показываютъ, что глубоко и прочно проникли въ народное самосознаніе идеи XV и XVI в. в.

II.

Угасаніе и близкій конецъ династіи Рюрикова дома поставили на очередь вопросъ объ избраніи царя. Между тѣмъ незадолго передъ этимъ Московскій государь Іоаннъ IV гордо заявлялъ Польскому королю Стефану Баторію, что онъ царь „наслѣдникъ прародительскихъ земель, Божіимъ изволеніемъ, а не многомятежнаго человѣчества хотѣніемъ“. Теперь же слабость царя Ѳеодора, отсутствіе послѣ убійства царевича Дмитрія родственниковъ изъ царствующаго дома стали грозить призракомъ безгосударнаго времени. Надъ сознаніемъ Московскаго общества тяготѣло предчувствіе Смуты: въ одномъ публицистическомъ произведеніи XVI в. „Бесѣдѣ

Валаамскихъ Чудотворцевъ“ читаемъ предсказаніе: „царіе на своихъ степеняхъ царскихъ не возмогутъ держатися и почасту премѣнятися будутъ за свою царскую простоту, за иноческіе грѣхи и за мірское невоздержаніе“. Въ сообщеніяхъ иностранцевъ конца XVI в. передаются слухи и наблюденія объ ожидаемыхъ междоусобіяхъ. Занимала умы мысль: кто будетъ царемъ и какимъ образомъ поставится царь? Не только вопросъ по какому праву вступитъ новый государь на престолъ, но и вопросъ о достойнѣйшемъ кандидатѣ порождалъ слухи, споры, борьбу. Борисъ Годуновъ вѣрнымъ, постепеннымъ ходомъ задолго укрѣплялъ свое положеніе и подготовлялъ почву для избирательной борьбы. Недовольные Борисомъ бояре втихомолку и съ опаской заводили рѣчь о кандидатурѣ австрійскаго эрцгерцога Максимиліана. Несомнѣнны надежды и желаніе короны въ родѣ бояръ Романовыхъ. А менѣе предусмотрительные люди еще цѣплялись за мысль, что по смерти царя на „всѣхъ государствахъ его царствія“ останется жена его, царица Ирина. Способъ же, которымъ произойдетъ поставленіе въ цари, былъ уже подготовленъ XVI в. Это—земскій соборъ. Правда, въ XVI в. мы еще не встрѣчаемъ того земскаго собора съ его выборными изъ земскихъ людей, каковой наблюдаемъ въ XVII в., но самая идея учрежденія, которое является выраженіемъ мнѣнія совѣта Земли, уже существовала и находила реальное осуществленіе въ соборахъ времени царя Грознаго. Послѣднему понадобилось совѣщаніе съ знающими людьми въ моментъ Ливонской войны въ 1566 г. При воцареніи же Ѳеодора Іоанновича мы видимъ странное и неясное явленіе, недостаточно освященное памятниками. Къ Москвѣ собрались люди изъ городовъ и „молиша со слезами“ царевича сѣсть на родительскій престолъ. Для насъ неважно знать, былъ ли это земскій соборъ и даже дѣйствителенъ ли упомянутый фактъ. Важно, что въ 1584 г. уже чувствовалась нетвердость въ вопросѣ престолонаслѣдія и явилась нужда въ участіи народа, выразившаяся въ мольбѣ къ наслѣднику престола. Такимъ образомъ созывъ чрезвычайнаго временнаго учрежденія для рѣшенія особенно важныхъ дѣлъ, для помощи въ государственныхъ дѣлахъ былъ явленіемъ знакомымъ.

Въ 1598 г. подъ Крещенье—царь Ѳеодоръ Іоанновичъ скончался, но немедленной присягой вдовѣ его отсрочился жгучій вопросъ. Отсрочился однако не надолго, до пострижения въ монахини царицы. И вотъ Московской землѣ, оставшейся безъ Царя, предстояло теперь искать его. А до тѣхъ поръ въ безгосударное время сильная дисциплиной Москва управлялась по старому налаженному порядку. Съѣхавшійся въ февралѣ земскій соборъ провозгласилъ царемъ всея Руси боярина Бориса Годунова. Личность Бориса и долгое пребываніе правителемъ государства, подготовленная заранѣе ночва, болѣе успѣшное дѣйствіе сторонниковъ создали ему успѣхъ. Рѣшеніе земскаго собора объясняется убѣжденіемъ его членовъ въ необходимости такъ поступить.

Правда, избраніе сопровождалось упорной борьбой, многочисленными толками, всевозможными слухами. Главнымъ образомъ борьба за престолъ велась между Борисомъ Годуновымъ и Ѳеодоромъ Никитичемъ Романовымъ: „обѣ стороны одинаково упорно стремились къ власти“. Произносились имена кн. Мстиславскаго и кн. Бѣльскаго. Но среди слуховъ характерно отмѣтить одинъ—въ пользу избранія Ѳеодора Никитича. Говорили о томъ, что престолъ ему завѣщанъ царемъ Ѳеодоромъ, какъ своему братаничу по матери. Создалась легенда, гдѣ эта передача облечена въ реальное представленіе скипетра, который передаетъ умирающій царь. Но вся эта борьба велась „за спиной, такъ сказать, земскаго собора“. Популярнымъ былъ Годуновъ въ среднихъ слояхъ общества и агитація велась въ народной массѣ, она „не коснулась состава собора, не имѣла цѣлью подбора его членовъ, подтасовки голосовъ“.

Когда царь Борисъ вступилъ на престолъ, потребовалось оффиціальное, документальное утвержденіе этого событія и была составлена Утвержденная грамота царскаго избранія. Эта грамота отличается нѣсколько отъ самаго соборнаго постановленія отчасти по содержанію, а главнымъ образомъ по своей распространенности и многорѣчивости. Она начинается съ широковѣщательнаго вступленія и съ краткаго историческаго очерка отъ начала дома Рюрика до кончины царя Ѳеодора. Она передаетъ затѣмъ съ многочисленными повтореніями подробности избранія Бориса Ѳеодоровича

сперва патріархомъ Іовомъ и Москвою, потомъ земскимъ соборомъ, передаетъ рѣчи патріарха Іова, разсказываетъ о процессіяхъ въ Новодѣвичій монастырь, объ отказѣ Годунова и наконецъ объ его согласіи, приводитъ клятвенное обѣщаніе народа мыслить добро новому царю и его роду. Въ этомъ изложеніи съ удивительной точностью помѣчены дни, числа мѣсяца, всѣ хронологическія даты; съ такой же точностью поименованы съѣхавшіеся на соборъ чины; вездѣ указаны опредѣленно лица, которыя являются свидѣтелями передаваемыхъ фактовъ, напр. умирающій царь Іоаннъ IV передаетъ свою волю при арх. Ѳеодосіи. Въ концѣ грамоты идутъ подписи сперва духовныхъ, а затѣмъ свѣтскихъ чиновъ земскаго собора. Первою является подпись патр. Іова, третьею Гермогена, митроп. Казанскаго. Среди свѣтскихъ подписей первою—Ѳ. И. Мстиславскаго, второю—кн. В. И. Шуйскаго, одиннадцатою—Ѳ. Н. Романова; есть и подпись извѣстнаго впослѣдствіи писателя Смуты кн. И. М. Катырева-Ростовскаго. Надо остановиться на нѣкоторыхъ подробностяхъ, потому что здѣсь впервые правительственная мысль объясняетъ дотолѣ необычайный фактъ избранія царя; какіе аргументы приведетъ оно въ объясненіе избирательнаго акта; какіе доводы въ пользу избранія именно Б. Годунова. Тонкій и предусмотрительный умъ послѣдняго, конечно, оказалъ свое вліяніе на документъ, но это не мѣняетъ сути дѣла. „Великаго Господа Бога Отца страшнаго и всесильнаго и вся содержащаго... сѣдящаго на престолѣ херувимстѣмъ съ превѣчнымъ и единороднымъ Сыномъ... и съ божественнымъ и животворящимъ своимъ Духомъ... сего въ Троицѣ приснославимаго Бога нашего... неизрѣченнымъ и премудрымъ промысломъ, всяко созданіе отъ небытія въ бытіе создается и отъ несущихъ въ существо приводится... отъ Него же земля наша Русская своими Государи обладаема“—такъ начинается грамота. Торжественное исповѣданіе силы Божіей, которая устрояетъ царства, повторяло хорошо знакомую русскимъ людямъ мысль о богоустановленности царской власти и о Промыслѣ Божіемъ, пекущемся о новомъ Израилѣ. Въ краткомъ историческомъ очеркѣ не забыты походы Ярослава на польскаго короля и успѣхъ Іоанна III въ возвращеніи отъ Польши своихъ отчинныхъ земель, въ устрашеніи Грозъ-

нымъ германскихъ родовъ—что могло имѣть особый современный интересъ. Когда пресѣкся корень Августа, отъ котораго происходилъ домъ Рюрика, устами патр. Іова излагается взглядъ на положеніе дѣлъ. Царицу вдову считали законной наслѣдницей, но она отказалась отъ престола и патр. Іовъ проситъ царицу благословить тогда „Богомъ избраннаго царя... брата своего Государя нашего... Бориса Ѳеодоровича“ и проводитъ мысль, что онъ избранъ „не по человѣческому единомышленію, ниже по человѣческому угодію, но по праведному суду Божію“. Эта мысль подкрѣпляется ссылками на факты изъ исторіи Византіи, гдѣ цари по указанію Свыше постановлялись синклитомъ, будучи не царскаго рода, а простого воинскаго чина. Въ данномъ разсужденіи патр. Іова нельзя не видѣть стремленія отбросить отъ акта избранія то, что вызвало когда-то ѣдкое слово Грознаго царя о государѣ, сидящемъ на престолѣ благодаря многомятежному хотѣнію человѣческому. Съ другой стороны въ словахъ „гласъ народа—гласъ Божій“ можно видѣть мысль о проявленіи воли Божіей именно въ единогласномъ народномъ рѣшеніи, въ томъ „единачествѣ“ (единомыслiи), которое древняя Русь считала единственно возможнымъ при всякомъ важномъ дѣлѣ.—Но какъ бы то ни было, акта избранія отрицать было нельзя. Если же Борисъ Годуновъ самъ настаивалъ на созывѣ собора, то онъ долженъ былъ, и дѣйствительно это дѣлалъ,—напомнать и подчеркивать, что принялъ скипетръ „по прошенію всего московскаго и россійскаго народства“. Народное прошеніе укрѣпляло новую династію, давало новому царю возможность лишній разъ показать, что не было его личнаго желанія, личнаго искательства. И такимъ образомъ изволеніе Божіе и хотѣніе человѣческое слились воедино.

Далѣе всѣ уже разсужденія утвержденной грамоты касаются исключительныхъ правъ на престолъ Бориса Годунова. Интересно подмѣтить, что если въ только что разобранномъ вопросѣ объ актѣ избранія грамота и соборное опредѣленіе тожественны, во второмъ относительно правъ Бориса Годунова они иногда расходятся. Изъ доводовъ въ пользу Б. Годунова проводится на первомъ планѣ благословеніе царицы инокини. Она получила престолъ по наслѣд-

ству отъ мужа и она передаетъ его по родству брату, царскому шурину. Но такой связи съ старой династіей для Бориса Годунова было мало. И вотъ выставляется завѣщательная воля царя Іоанна IV, который поручилъ Борису Годунову сына Ѳеодора и дочь (невѣстку) Ирину, прибавивъ „какова мнѣ Богомъ дарованная дщерь царица Ирина, таковъ мнѣ и ты, Борисъ; въ нашей милости какъ еси сынъ“. Выставляется любопытная мелочь, что Б. Годуновъ былъ съ малыхъ лѣтъ при дворѣ „при царскихъ пресвѣтлыхъ очахъ безотступно не въ совершенномъ еще возрастѣ и отъ премудраго царскаго разума царственнымъ чинамъ и достоянію навыкъ“. Но, говоря о царѣ Іоаннѣ, утвержденная грамота умалчиваетъ о таковой же волѣ царя Ѳеодора въ пользу Бориса, о чемъ говоритъ соборное опредѣленіе. И вообще на родственную связь (упоминается, что Борисъ царскій шуринъ) и на царя Ѳеодора особаго вниманія не удѣляется. Возможно это объяснить тѣмъ, что на родственной связи съ царствующей династіей строилась кандидатура Ѳ. Н. Романова. Именно царю Ѳеодору приписывали завѣщаніе въ пользу послѣдняго и передачу ему скипетра. Несомнѣнно, эти слухи были извѣстны лицамъ, составлявшимъ разобранную нами только что грамоту, а потому они сочли нужнымъ умолчать о царѣ Ѳеодорѣ.

Оффиціальное объясненіе совершившагося въ 1598 г. событія, повторяемое и въ крестоцѣловальной записи и въ грамотѣ патр. Іова, сдѣлалось хорошо извѣстнымъ по областямъ русской земли. Для разъясненія и пропаганды отвлеченныхъ идей оно дало достаточный матеріалъ, но лично царю Борису не послужило крѣпкой опорой. Уже при самомъ воцареніи были неблагопріятные слухи, и во Псковѣ монахи Печерскаго монастыря отказались присягать; на избирательной грамотѣ нѣтъ подписи ихъ игумена Іоакима, бывшаго на соборѣ. Туго входила въ сознаніе народной массы мысль о появленіи новой династіи, о прекращеніи старой; враждебно встрѣчено было Московскими боярами воцареніе потомка мурзы Чета, неспокойно чувствовалъ себя и самъ новый царь. И едва раздалось „Димитрія воскреснувшее имя“, какъ заволновалось сперва глухо, а потомъ уже открыто Московское государство.

III.

Самозванецъ вступилъ въ Сѣверскую окрайну и сталъ разсылать свои грамоты. „Народныя массы встали за царевича, чтобы возвратить ему отнятыя Борисомъ права, но они еще мало помышляютъ о собственномъ интересѣ и объ удовлетвореніи своихъ нуждъ. Общественныя стремленія еще не проснулись въ нихъ. Когда воинская масса стала вѣрить самозванцу больше, чѣмъ Годунову, она доставила ему побѣду“, говоритъ историкъ Смуты С. Ѳ. Платоновъ. Для внушенія и поддержанія этой вѣры мало значенія имѣли грамоты Самозванца. Первое время правительство Годунова не допускало ихъ въ народъ, а когда посланіе было прочтено 1 іюня въ Москвѣ, то Москвичи узнали, что Димитрій—природный государь, что идетъ „доступать (добывать) преславныхъ своихъ государствъ“, но доказательствъ этого прирожденія, объясненія факта спасенія царевича въ грамотѣ не имѣлось. Напоминалось, что русскій народъ цѣловалъ крестъ не искать и не хотѣть на Московскомъ государствѣ никого, опричь государскаго рода; давались щедрыя обѣщанія милостей и благъ, и мысль русскаго человѣка успокаивалась на привычной идеи власти царя отъ прародителей. А народная масса, доставивъ корону мнимому царевичу, могла бы обратиться къ прежнему покою, если бы дальнѣйшія событія ея не поколебали. Но Самозванецъ сталъ свысока относиться къ русскимъ людямъ и къ русской жизни. Достигнувъ родины и отцовскаго дворца, царь Димитрій не почувствовалъ и не показалъ, что ему дорога Церковь и завѣты предковъ. И равнодушіе, даже больше, презрѣніе къ вѣрѣ и національнымъ идеаламъ должно было поразить всѣхъ тѣхъ, кто искренно вѣрилъ въ царя Димитрія. А сомнѣніе порождало смутные слухи. Когда вѣра въ Самозванца поколебалась, люди, знавшіе сущность дѣла, всѣ, кому Самозванецъ былъ нуженъ лишь, какъ орудіе, могли начать дѣйствовать. И заговоръ, устроенный хитрѣйшимъ изъ бояръ, кн. В. И. Шуйскимъ, удался 17 мая 1606 г.

Смерть Самозванца и послѣдующія событія начинаютъ собой тѣ 4 года, которые считаются изслѣдователями за наи-

болѣе сложный періодъ Смуты. Въ это время кромѣ вопроса о престолонаслѣдіи поднимается и рядъ другихъ. Броженіе среди населенія вызывается интересами и настроеніемъ различныхъ классовъ. Боярство мечтаетъ о первенствующемъ положеніи, о сохраненіи исключительныхъ правъ, противъ которыхъ была направлена политика предшествующихъ государей. Дворянство и мелкій служилый людъ ищетъ лучшаго обезпеченія и меньшей тяготы. Тяглые люди бѣгутъ отъ надвигающейся крѣпости государству. „Полегчить себѣ“, думаютъ всѣ. И отъ этой думы, перешедшей въ дѣйствіе, долженъ былъ поколебаться государственный порядокъ. Движеніе же среди гулящаго и бѣглаго люда, среди казачества отъ дикаго Поля, несло уже полное ниспроверженіе существующаго строя. Такимъ образомъ движенія противъ воцарившагося въ 1606 г. Шуйскаго носятъ въ себѣ идеи, прямо противоположныя тѣмъ, что мы наблюдали до сихъ поръ. Самое воцареніе В. И. Шуйскаго произошло черезъ 2 дня послѣ убійства Самозванца быстро и безъ „лѣпоты“. Его выкрикнули сторонники и повели въ Успенскій соборъ. Спѣшно совершилось и вѣнчаніе. Для объявленія народу о совершившихся событіяхъ составлялись грамоты и работали публицисты. Какими же доводами обставлялось воцареніе новаго, третьяго уже по счету, замѣстителя трона Московскихъ Даниловичей. Между грамотами и публицистическо-историческимъ сочиненіемъ, „Повѣстью 1606 г.“, есть тѣсная связь. Основная мысль ихъ—родовое происхожденіе, „колѣнство“ отъ Рюрика. В. И. Шуйскому не приходилось искать многихъ аргументовъ. Его родъ—отъ самаго Августа Кесаря черезъ Рюрика и великаго кн. Александра Невскаго; Московское государство—отчина его прародителей. Не подчеркивать связь съ Московскими Даниловичами, а намекнуть на свое старѣйшинство пытается царь и его сторонники. „На семъ Россійскомъ государствѣ быша прародители мои, и по семъ на Суздальскій удѣлъ раздѣлишась, не отнятіемъ и не отъ неволи, но по родству, яко же обыкла большая братья на большая мѣста сѣдати“. Если В. И. принялъ „скипетръ Россійскаго царства по родительской царской степени“, ясно, что и актъ избранія сведенъ на второстепенное мѣсто. Моленіе

и прошеніе патріарха, духовенства, всѣхъ чиновъ и всего народа (о чемъ говорится въ грамотахъ) стоитъ на второмъ планѣ. Принципъ родовой, принципъ великой породы былъ провозглашенъ съ воцареніемъ Шуйскаго. Авторъ „Повѣсти 1606 г.“ приглашалъ радоваться, что Богъ даровалъ такого благочестиваго царя, „прежнихъ благовѣрныхъ царей корене отъ великаго кн. Владимира и отъ благовѣрнаго князя Александра Невскаго“. Самозванство царя Димитрія отмѣчалось, какъ фактъ безспорный, и на образъ дѣйствій его, неприличный для царя, обращалось особенное вниманіе. Отсюда дѣятельность В. И. Шуйскаго получала окраску патріотической и церковной заслуги: онъ соблюдаетъ „истинную православную вѣру христіанскую, яко зѣницу ока, и управляетъ и наставляетъ на путь спасенія...“. Развѣ эта характеристика не повтореніе той обязанности охраны православія, которая легла въ основу державства Московскихъ государей?

Но въ 1606 г. послѣ появленія и паденія Самозванца, воскресившаго старую династію, отвлеченныя теоріи разсужденія не имѣли за собой никакой силы. Это чувствовалъ и самъ царь Шуйскій. Онъ старательно путемъ документовъ и писемъ доказываетъ богомерзость и вредъ краткаго царствованія Лжедимитрія, онъ обѣщаетъ милости и жалованія, прибѣгаетъ, наконецъ, къ торжествамъ церковнымъ и политическимъ. Призывая къ веселію, авторъ „Повѣсти 1606 г.“ уже предвидитъ возможность смутныхъ слуховъ. Дѣйствительно, свое четырехлѣтнее царствованіе Василій Ивановичъ проводитъ въ борьбѣ съ замутившейся землею. Экономическіе, соціальные, личные, анархическіе, наконецъ, интересы возобладали надъ всѣми другими. Никто уже не искалъ оправданія правъ того или иного самозванца, никто не разсуждалъ о законности; интересы соціально-экономическіе и успѣхъ влекли за собой толпу и отдѣльныя личности.

Мы не станемъ слѣдить за ходомъ волненій, за броженіемъ въ различныхъ областяхъ различныхъ группъ населенія. Посмотримъ только, какъ разстраивался привычный взглядъ Московскаго человѣка на правительство. Замѣчательно, что В. И. Шуйскій, указавшій на свое „колѣнство“ отъ Рюрика, всего болѣе способствовалъ паденію престижа

власти. Это особенно замѣтно въ началѣ его царствованія. Царь не былъ популяренъ даже въ той самой Москвѣ, гдѣ его знали, какъ „первострадальца“ при Самозванцѣ. Запись, данная царемъ Шуйскимъ, которою онъ хотѣлъ подчеркнуть возстановленіе стараго порядка по отношенію къ боярству, нарушеннаго рабоцаремъ Борисомъ, была понята и современниками и изслѣдователями иначе, какъ попытка къ самоограниченіямъ; кромѣ насмѣшки и недовольства эта запись ничего не дала. Отношенія къ боярскимъ родамъ сложились дурно; „московская толпа начинала входить во вкусъ уличныхъ безпорядковъ и политической борьбы“. Въ первые же дни обозначились слѣды боярской крамолы; простонародіе то встрѣчало мощи царевича Димитрія, то снова требовало доказательствъ самозванства убитаго царя Дмитрія. Еще неблагопріятнѣе относились къ новому правительству области Московскаго государства. Дружно и быстро возстали южные города: Путивль, Елецъ, Кромы—тѣ самые, которые вѣрили въ Лжедимитрія, ждали отъ него улучшенія своего положенія и недовольны были торжествомъ „великой породы“ въ лицѣ Шуйскаго. За ними возстали восточныя области за Рязанью и по Волгѣ и наконецъ, сѣверо-западныя окрайны: Тверскія, Псковскія, Новгородскія. Побужденія были различныя, равно и интересы, но всѣхъ объединяло недовольство боярской реакціей, недовѣріе къ новому правительству, антипатія къ новому царю.

Благодаря этому, подъ стѣнами Москвы оказались союзниками въ сущности соціальные враги. Съ сѣверной полосы Украинскихъ и Рязанскихъ городовъ служилые люди пришли одни съ Прокофьемъ Ляпуновымъ, какъ представителемъ провинціальнаго дворянства, мечтавшаго о карьерѣ, другіе съ Истомой Пашковымъ, который былъ выразителемъ нуждъ худороднаго служилаго люда. И тѣмъ и другимъ желательно было улучшеніе своего соціальнаго и политическаго положенія, но отнюдь не ниспроверженіе государственнаго порядка. Иной характеръ носила та масса съ Украйны, которая сплотилась около Болотникова. Можно судить объ ея программѣ по тѣмъ „воровскимъ листамъ“, о которыхъ писалъ патріархъ Гермогенъ. Эти листы призывали къ избіенію и грабежу бояръ, служилыхъ и торговыхъ людей, и овла-

дѣнію ихъ вотчинами и достаткомъ, т. е. призывали къ государственному и общественному перевороту. Когда эти случайные союзники присмотрѣлись другъ къ другу—наступилъ кризисъ, и ополченія Ляпунова и Пашкова понесли повинную царю Василію. Но, если у однихъ соціально-экономическіе интересы стояли на первомъ мѣстѣ, у другихъ замѣтно колебаніе, и достаточно было твердаго слова защитника порядка, какъ напр. Тверского архіепископа Θеоктиста, чтобы возстаніе затихало. Тѣ же области, которыя были нѣкогда въ опричнинѣ, оставались въ повиновеніи у правительства, скованныя привычной дисциплиной. Царь Василій то успѣвалъ подавить движеніе, какъ это было съ Болотниковымъ, то безсильно сидѣлъ въ осадѣ, какъ это случилось при появленіи въ Тушинѣ новаго Лжедимитрія. Но вообще мы можемъ наблюдать, что въ эти годы, въ хаосѣ броженія умовъ идея законной власти отходитъ на второй планъ. Хотя соціальное и анархическое движеніе прикрывалось самозванщиной, но, въ дѣйствительности, личности многочисленныхъ мнимыхъ царевичей не возбуждали къ себѣ интереса. Мы наблюдаемъ настроеніе городовъ, подобное тому, о каковомъ знаемъ отъ устюжанъ. Послѣдніе писали вычегодцамъ: „не спѣшить крестъ цѣловать царю Дмитрію (Тушинскому вору), не угадать на чемъ совершится... до насъ далеко, успѣемъ и повинную послать“. Вотъ потому-то 1607—1608 г.г. являются наивысшей точкой ослабленія правительственной идеи: оппортунизмъ однихъ и анархическія стремленія другихъ лишаютъ и Московское правительство и тушинскій станъ силы.

Но съ конца 1608 г. появляются первые проблески борьбы людей порядка съ нароставшей волной анархизма, замѣчается попытка нѣкоторыхъ городовъ придти на помощь царю Василію противъ Тушина. Дѣйствіе воровскихъ шаекъ и управленіе воровскихъ властей, напоминавшее иноземное нашествіе „Литвы“, заставило населеніе предпочесть непопулярнаго царя Шуйскаго и стать за того, кто олицетворялъ собой старый привычный порядокъ. Костромичи и Галичане обѣщаютъ съ царемъ Василіемъ „вмѣстѣ жить и умереть“.

Рѣшимостью городовъ поддержать правительство съумѣлъ воспользоваться талантливый племянникъ царя, кн. М. В.

Скопинъ-Шуйскій. Онъ успѣшно объединилъ дѣйствія „заволжскихъ мужиковъ“, удержалъ Новгородъ, получилъ иноземную шведскую помощь и предпринялъ рядъ удачныхъ военныхъ операцій для очищенія земли отъ Тушинцевъ. Если стремленіе оберечь себя и свое имущество сплотило народныя силы, то обаяніе личности юнаго героя, котораго современники сравнивали съ героями Троянской войны, возбудило народный духъ и подняло надежды. Кратковременное появленіе на историческомъ горизонтѣ кн. Скопина любопытно для эпохи Смуты именно тѣмъ, что на немъ отразилось стихійное исканіе народомъ точки опоры. Важно, что Московскіе люди привыкли за это время критически относиться къ дѣйствіямъ правительства, къ событіямъ; стали проявлять иниціативу. Безъ чьего либо указанія, въ самое неясное, безотрадное время народное сознаніе и народное чувство нашло своего избранника. Чистый образъ кн. Скопина и его удачный образъ дѣйствій привлекли къ себѣ народное вниманіе. И потому то лучшая пѣсня о Смутномъ времени посвящена памяти кн. Михаила Васильевича и о немъ же, какъ о надеждѣ народной, вспоминаетъ Псковской лѣтописецъ по случаю избранія на престолъ Михаила Ѳеодоровича Романова. Въ этомъ отношеніи въ личности кн. Скопина можно видѣть уже исканіе идеала государственной власти.

Загадочная смерть кн. Михаила Васильевича нанесла ударъ Московскому правительству. Тушино, правда, уже распалось, но и самъ царь Василій сведенъ съ престола. Въ эпоху междуцарствія вопросъ о престолонаслѣдіи сталъ занимать одинаково, какъ заводчиковъ и пособниковъ смуты, такъ и возстановителей государственнаго порядка, какъ русскихъ людей, такъ и враговъ русской земли, королей польскаго и шведскаго. Первое осуществленіе этого вопроса находимъ въ кандидатурѣ польскаго королевича, которая шла на встрѣчу видамъ польскаго короля Сигизмунда. Мысль объ иностранной кандидатурѣ явилась у Тушинской аристократіи еще 4 февраля 1610 г. Творцы этого, извѣстнаго уже намъ февральскаго договора—служилая знать и не титулованное боярство—провели свои сословные интересы, направленные противъ бояръ княжатъ; по словамъ историка Смуты,

С. Ф. Платонова, отъ этого договора „вѣетъ духомъ опричнины и Годуновскаго режима, тѣми новшествами правительственнаго обихода, которые сочетались съ новшествами житейскими“. Было стремленіе „охранить вмѣстѣ съ тѣмъ московскую жизнь отъ воздѣйствій со стороны польско-литовскаго правительства“, и Владиславъ обязывался охранять православіе. Но эта дань національно-консервативнымъ традиціямъ была всетаки весьма незначительна, такъ какъ договоръ 4 февраля имѣлъ въ виду военный союзъ Москвы съ Рѣчью Посполитой. Политическая мысль Тушинцевъ, скользя по современнымъ событіямъ въ Западной Руси, гдѣ сказались уже печальные результаты Уніи, останавливалась на тѣхъ историческихъ моментахъ, когда рѣчь шла о таковомъ же вопросѣ. То была старая мысль о династической связи Москвы съ Польшей, возникшая по поводу прекращенія династіи Ягеллоновъ, а также у московскихъ княжатъ при Самозванцѣ.

Какъ бы то ни было, попытка 4 февраля 1610 г. приняла реальную форму 17 августа того же года, но потерпѣла измѣненіе въ связи съ ходомъ событій въ теченіе послѣднихъ мѣсяцевъ. Въ сверженіи В. Шуйскаго главную роль играли рязанцы съ Ляпуновымъ во главѣ. Они лелеяли мысль видѣть на престолѣ кн. Скопина, готовы были даже на переворотъ въ пользу его. Послѣ смерти любимаго вождя, они остановились на кн. В. В. Голицынѣ. Интересно, что этотъ бояринъ явился кандидатомъ двухъ противоположныхъ дѣятелей, подчасъ даже соціальныхъ враговъ—Пр. Ляпунова и кн. Д. Пожарскаго. На ряду съ именемъ Голицына упоминалось имя юноши М. Ѳ. Романова. Такимъ образомъ снова, какъ и въ 1598 г., при вопросѣ о престолонаслѣдіи указывается этотъ старѣйшій боярскій родъ. Избраніе въ государи русскаго человѣка изъ своихъ боярскихъ родовъ было патріархомъ, духовенствомъ и простонародіемъ противопоставлено идеи иноземнаго избранія. Особенно ревностно поддерживалъ эту мысль Гермогенъ. Но настолько сложно и опасно было положеніе Русской земли, настолько неясно самое настроеніе общества, что даже такой прямой и твердый человѣкъ, какимъ былъ патріархъ, наконецъ поколебался и уступилъ, согласившись на приглашеніе польскаго коро-

левича. Участіе разнообразныхъ слоевъ общества въ избраніи Владислава отразилось на договорѣ 17 августа, а еще болѣе на наставленіи Великому посольству. Договоръ этотъ былъ дѣломъ боярства, причемъ руководящая роль принадлежала уже не Тушинцамъ, а княжатамъ, оставшимся у власти въ Москвѣ. Этотъ боярскій совѣтъ былъ за иностранную кандидатуру, вопреки мнѣнію патріарха и простонародія. Свое рѣшеніе бояре подкрѣпили созывомъ земскаго собора, но случайнаго состава. Конечно родовитое боярство озаботилось внести въ договоръ свои сословныя требованія, измѣнивъ въ соотвѣтствующемъ духѣ условія 4 февраля. Но эта сторона вопроса насъ не интересуетъ въ данный моментъ. Важнѣе другое: отношеніе къ вопросамъ общеполитическимъ и къ власти будущаго государя. Оставивъ въ силѣ, что оба государства будутъ въ соединеніи, договоръ настаиваетъ на храненіи королевичемъ православія, на немедленномъ крещеніи его, возможно скоромъ пріѣздѣ, на запрещеніи польско-литовскимъ людямъ получать должности. Забота обезпечить религіозные, національные и политико-общественные московскіе интересы, боязнь, чтобы новый государь не внесъ чего-либо чуждаго въ московскую среду—повела за собой ограниченія власти Владислава. Требованіе, чтобы онъ правилъ съ боярской думой и земскимъ соборомъ, по замѣчанію С. Ѳ. Платонова „только узаконяло обычный боярскій и земскій совѣтъ, какъ гарантію сохраненія стараго строя московской жизни отъ покушеній иноземной и иновѣрной власти. Не политическая теорія, а національное чувство диктовало эти ограниченія“. Если бы не это побужденіе обезпокоеннаго національнаго чувства, диктовавшаго условія, можно было бы сопоставить эти требованія съ пожеланіями московскаго публициста XVI в.

Разсылая по городамъ грамоты о новомъ избраніи и требуя присяги, кн. Мстиславскій съ товарищами чистосердечно писалъ, что, не смотря на призывъ въ Москву земскихъ людей для избранія, кого Богъ дастъ, земскихъ людей изъ городовъ не дождались и по совѣту патріарха съ соборомъ московскихъ чиновъ, по совѣту гетмана Жолкѣвскаго послали просить на царство у польскаго короля сына его королевича Владислава. Указывалось, что королевичъ обя-

зуется быть въ православной вѣрѣ Греческаго закона, обязуется вѣры православной не разорять и городовъ отъ Московскаго царства не отводить. Московское общество, не участвовавшее въ избраніи 17 Августа, восприняло главнымъ образомъ эту религіозно-политическую точку зрѣнія для приглашенія Владислава. Въ этомъ отношеніи любопытны взгляды, излагаемые въ одномъ современномъ 1610 году памятникѣ, „Новой Повѣсти“. Авторъ сравниваетъ королевича съ вѣтвью отъ горькаго корени; пересаженная и освященная эта вѣтвь могла бы цвѣсти въ Свѣтѣ благовѣрія. Авторъ говоритъ, что русскіе люди просили у Сигизмунда сына, чтобы „новородить его по закону нашему“, и тогда царь все бы доброе творилъ, ни закона, ни устава не разорялъ, свое бы злое прирожденіе забылъ, и русскіе люди въ такомъ случаѣ могли бы ему неизмѣнно служить.

IV.

Но какъ ни тонко проработала московская дипломатія свой проектъ, чутье народа и сложившіяся обстоятельства доказали всю опасность его, и унія съ Рѣчью Посполитой, каковой всетаки было бы государствованіе Владислава, превратилась бы очень быстро и легко въ военную диктатуру Сигизмунда. Та же „Новая Повѣсть“ раскрываетъ тщету надежды на пересаживаніе вѣтви, рисуетъ все зло и конечную грозящую гибель отъ тайной мысли Сигизмунда, призываетъ къ борьбѣ съ польскимъ засильемъ. Но, чтобы настоящая цѣль Сигизмунда была понята, чтобы съорганизовались силы для борьбы съ поляками, чтобы попытка 17 Августа рухнула—надо было пройти нѣсколькимъ мѣсяцамъ, съ Августа до конца Декабря. Люди своекорыстные пользовались этимъ временемъ для своихъ цѣлей, подобно Андронову, Салтыковымъ и др. Слабые духомъ разъѣзжались по вотчинамъ и помѣстьямъ, выжидая хода событій. Тѣ же, кто мыслилъ и дѣйствовалъ патріотично, выяснили положеніе дѣлъ. Для современниковъ непоколебимыми столпами, образцами для подражанія были патріархъ Гермогенъ, стойкіе защитники Смоленска и чины Великаго посольства. Но кромѣ этихъ столповъ была та сѣрая масса, на которую

могли опираться эти столпы. И дьякъ Елизаровъ, написавшій Новую Повѣсть, и авторы подметныхъ писемъ, возбудившіе населеніе противъ поляковъ, и Смольняне, ушедшіе на востокъ отъ литовской грубости,—всѣ они сознали также необходимость сбросить иноземное засилье. Если у главы посольства, кн. В. В. Голицына, на убѣжденія Сигизмунда былъ отвѣтъ, что безъ патріарха, освященнаго собора и совѣта всѣхъ людей нельзя мѣнять условій избранія, то у патріарха Гермогена уже опредѣленно сложилась мысль, что ни о какихъ измѣненіяхъ не можетъ быть рѣчи. Больше того, для Гермогена, съ трудомъ согласившагося на боярскій проектъ, стала очевидна вся правота его опасеній. И патріархъ отчетливо уяснилъ себѣ и также отчетливо и непоколебимо указалъ другимъ на единственно возможный образъ дѣйствій—покончить съ иноземной кандидатурой и возстановлять порядокъ другимъ путемъ. За этотъ то подвигъ и ставили высоко Гермогена русскіе люди. „Только бъ не отъ Бога посланъ и такова досточуднаго дѣла патріархъ не учинилъ—и за то (дѣло) кому было стояти?“. На однихъ слова „втораго Златоуста“ дѣйствовали глубоко и разносились ими среди населенія, другіе колебались, волнуемые даже такими отвлеченными вопросами, какъ напр. кн. Хворостининъ—можно ли де патріарху возбуждать людей на кровопролитіе. Слова Гермогена въ концѣ концовъ пали на добрую почву и принесли плоды. Посланіями патріарха объединяется дѣятельность двухъ ополченій 1611 и 1612 г.г., двухъ попытокъ возстановленія государственнаго порядка.

Къ 1611 г. опредѣлилось положеніе и настроеніе областей русской земли. Въ то время, какъ юго-западныя области: Сѣвера, Украйна Литовская, Заоцкіе города и Украинные отъ Поля, соприкасаясь съ Литвой и казачествомъ, являлись, если не всегда очагами Смуты, то постоянно питавшими ее—области сѣверо-восточныя, главнымъ образомъ Замосковье съ Поволжьемъ, Поморье, отчасти Новгородъ и Рязань, давали силы для борьбы за государственный порядокъ. Въ этихъ областяхъ уже были попытки организаціи для борьбы съ Тушиномъ за царя Василія. Тогда же опредѣлилось значеніе Вологды, Костромы, позднѣе Ярославля, Новгорода, какъ главныхъ пунктовъ для дѣятельности кн. Скопина-Шуйскаго. И когда

патріархъ увидѣлъ необходимость обращенія къ землѣ, къ служилымъ людямъ и къ тяглому городскому люду—онъ направляетъ свои посланія именно въ эти области. Послѣ обращенія своего въ Успенскомъ соборѣ къ собранному по сотнямъ Московскому торговому люду (въ началѣ Декабря), съ запрещеніемъ цѣловать крестъ королю—патріархъ недѣли черезъ двѣ рѣшается разсылать грамоты съ призывомъ уже къ вооруженной борьбѣ. Съ конца Декабря перехватываютъ поляки Гермогеновы посланія и гарнизонъ находится въ паникѣ. Съ конца Декабря дѣйствуютъ тѣ лица, что стараются проводить въ жизнь программу Гермогена и прибѣгаютъ къ составленію грамотъ, яко бы отъ лица сидящихъ въ осадѣ Смольнянъ—съ призывомъ къ спасенію Церкви и государства. Съ конца Декабря независимо отъ патріарха готовится дѣйствовать Прокофій Ляпуновъ, освѣдомленный о положеніи дѣла.—До насъ не дошли подлинныя первыя грамоты патріарха. Но мы знаемъ, что движеніе началось въ Нижнемъ Новгородѣ. 12 Января вернулись въ Нижній Новгородъ посланные къ патріарху, сынъ боярскій Романъ Пахомовъ и посадскій человѣкъ Родіонъ Моисеевъ, съ извѣстіемъ, что они не привезли грамоты, а лишь словесное порученіе святителя, такъ какъ патріархъ находится въ утѣсненіи и лишенъ возможности писать. Т. о. въ началѣ Января Нижегородцы послали въ Москву за разъясненіемъ о положеніи дѣлъ въ государствѣ. Если у насъ нѣтъ перечня городовъ, въ которые посылались изъ Москвы гонцы, то мы имѣемъ за то перечень городовъ, быстро и дружно поднявшихся на очищеніе Москвы. А что всѣ эти города знали слово Московскаго святителя—очевидно. Нижегородцы, напр., 24 Января пишутъ въ Рязань, въ началѣ Февраля—изъ Рязани о томъ же пишутъ въ Вологду; помѣчено въ грамотѣ, что извѣщены Владиміръ, Калуга, что должно извѣстить Понизовскіе города и Суздаль. Въ далекихъ Перми и Вяткѣ въ эти самыя числа, 7– 9 Января, присягали еще Вору, потому что видимо предпочитали этого мнимаго царя Дмитрія иноземному правительству Москвы. О смерти Вора они еще не знали, но знали хорошо о томъ, что творилось на Москвѣ, о хозяйничаньи Гонсѣвскаго и объ униженіи бояръ. Ясно, что области поняли необходимость самимъ

разобраться и не ждать правительственнаго указанія, ибо самого правительства не существовало. Въ началѣ 1611 г., въ Февралѣ мѣсяцѣ, многочисленныя грамоты изъ Нижняго Новгорода, Устюга, Ярославля—въ Вологду, изъ Рязани въ Нижній Новгородъ, во Владиміръ—согласно говорятъ одно и тоже: надо объединиться для общаго дѣла—очистить отъ Польскихъ и Литовскихъ людей Московское государство и предупредить опасность уклоненія въ латинство православныхъ людей. Другая цѣль—возстановленіе правительства—еще не оформлена. Съ Владиславомъ покончено, но что будетъ дальше—неизвѣстно: „Государь—кого Богъ дастъ". Въ то время, какъ областные міры начали свое патріотическое дѣло, были и другіе общественные элементы, которые пополняли воровскія шайки, напр. Просовецкаго и Сапѣги. Они тоже откликнулись на сборъ ополченія, Просовецкій заявилъ, что идетъ на очищеніе Москвы, а Сапѣга беззастѣнчиво предлагалъ помощь, указывая, что его войско „горло даетъ" безразлично кому, лишь бы за заслуги платили; половина его войска состоитъ изъ православныхъ людей и потому разоренья церквамъ и поруганія православной вѣры опасаться нечего, наоборотъ „рыцарство" Сапѣги идетъ стоять за православную вѣру, а плату подождетъ отъ того, кто будетъ на Москвѣ государемъ.—Основными пунктами движенія были Рязань, одновременно съ нею Нижній Новгородъ, и Ярославль. Они начали волноваться еще до призыва Гермогена и открытый призывъ „втораго Златоуста" палъ на готовую почву. Нижегородскіе отряды уже 8 Февраля двигаются къ Москвѣ, 21 Февраля передовой отрядъ достигъ Ярославля, 3 Марта Ляпуновъ уже у Коломны, а въ половинѣ Марта у сожженныхъ поляками стѣнъ Москвы видимъ все ополченіе. Составъ ополченія весьма интересенъ; на призывъ откликнулись: Рязань и Муромъ, Нижній Новгородъ и низовья Волги, Суздаль и Владиміръ, Ярославль и Кострома, Вологда и Великій Новгородъ. Въ этомъ перечнѣ отрядовъ узнаемъ, говоритъ С. Ѳ. Платоновъ, участниковъ движенія 1608—1610 годовъ противъ Тушина. Воспоминаніе о бывшей политической солидарности помогло быстро съорганизоваться вновь. Причина же почему Рязань, Нижній и Ярославль явились иниціаторами движенія—за-

ключается въ положеніи и исторіи этихъ городовъ. Рязанскій край, какъ пограничный, имѣлъ хорошую служилую организацію и въ XVI в. игралъ роль военнаго округа; въ опричнину не попалъ. Въ періодъ Смуты Рязанцы, руководимые своими воеводами, выработали самостоятельное отношеніе къ дѣламъ. Они поддерживали Самозванца противъ Годунова, ненавидѣли правительство Шуйскаго, но однако стали дѣйствовать противъ Тушина и завели съ Москвою сношенія. Возлагая надежды на Скопина, Рязанцы послѣ его смерти способствовали сведенію съ престола Шуйскаго. Признавъ избраніе Владислава, Прокофій Ляпуновъ, какъ только узналъ о событіяхъ подъ Смоленскомъ, со всею страстностью своей натуры бросился на очищеніе государства отъ Ляховъ и обезсмертилъ себя созданіемъ ополченія 1611 г.— Подобно Рязани и Нижній Новгородъ не былъ въ опричнинѣ. Его положеніе, какъ окраиннаго и торговаго центра, создало ему экономическое богатство и выработало общественное самосознаніе. Сравнительно меньше отражались на немъ событія Смуты, но всетаки отразились настолько, чтобы вовлечь Нижній въ борьбу за царя Шуйскаго и выдвинуть его въ моментъ крайней опасности, угрожавшей государству.—Сравнительно медленнѣе опредѣлялось настроеніе Ярославля. Бывшій въ опричнинѣ, городъ этотъ былъ твердъ дисциплиной и держался, хотя и довольно пассивно, за того, кто былъ въ данный моментъ у власти. Онъ признавалъ власть Тушина и потерпѣлъ отъ нея. Въ движеніи противъ Тушинскаго вора не Ярославль, а Кострома брала на себя починъ. Но, наконецъ, и Ярославль оживился. Въ 1611 г. Ярославцы самостоятельно узнаютъ о положеніи дѣлъ подъ Смоленскомъ, и Ярославль получаетъ руководящее значеніе и дѣлается средоточіемъ для всего сѣвера.—Ополченіе 1611 г. быстро собиралось, и одновременно по всѣмъ областямъ во множествѣ разносились грамоты съ сообщеніемъ о происшедшемъ и указаніемъ маршрута отрядовъ. Онѣ всѣ говорятъ объ единодушномъ очищеніи государства, о необходимости всѣмъ быть въ любви, совѣтѣ и единомысліи; для этого нужны и деньги и люди, нужно „прямить“ и поддерживать другъ друга. Такова основная мысль и содержаніе всѣхъ грамотъ и краткихъ и пространныхъ, и простыхъ и красивыхъ по

стилю. Кратко, но выразительно съ полной, можно сказать, наивной вѣрой пишутъ Пермичи патріарху Гермогену, что дошелъ до нихъ 9 Марта списокъ съ его грамоты и что они тотчасъ, 13 М., собрали 50 человѣкъ ратниковъ, снабдили жалованіемъ и оружьемъ и отправили на богоотступниковъ и на Польскихъ людей, а списки съ Патріаршей грамоты отправили въ Сибирскіе города. Пространна и красива окружная грамота изъ Ярославля, послѣ того какъ ополченіе вышло подъ Москву. Грамота посылается въ Казань, такъ какъ стало извѣстно, что въ Казани не знаютъ истиннаго положенія дѣла. Въ виду этого, мы читаемъ въ грамотѣ ясное указаніе на обманъ Сигизмунда, на заслугу патріарха и защитниковъ Смоленска, на движеніе Ляпунова. Рисуя заслуги Гермогена, грамота говоритъ: „Неначаемое учинилося, отцамъ отецъ святѣйшій Патріархъ Ермогенъ сталъ за православную вѣру несумнѣнно... и такова досточуднаго дѣла патріархъ не учинилъ и за то кому было стояти?“ И заключается грамота словами: „Мы вамъ, меньшіе, большимъ не указываемъ, у самихъ разумъ есть“. Грамоты, призывая на очищеніе и говоря о любви, совѣтѣ и соединеніи, не отмѣчаютъ процесса организаціи земскаго управленія, какъ оно складывалось при ополченіи. Мы встрѣчаемъ на это лишь косвенныя указанія. Вообще у ополченія были двѣ задачи. Военная задача была, по замѣчанію С. Ѳ. Платонова, не сложна, хотя и не легка, — овладѣть укрѣпленіями Москвы, занятыми польскимъ гарнизономъ. Другой задачей болѣе сложной—было организовать правительство, исчезнувшее подъ давленіемъ событій и измѣны. И въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, до конца Іюля 1611 г. мы наблюдаемъ преслѣдованіе этихъ двухъ задачъ: въ бояхъ подъ Москвою и въ устройствѣ организаціи временнаго земскаго управленія. Но грамоты не говорятъ еще о царскомъ избраніи; только Соловецкій игуменъ, 12 Марта того же года, вынужденъ былъ высказаться по этому поводу въ листѣ къ Шведскому королю. Игуменъ извѣщаетъ объ обманѣ Литовскихъ людей и нарушеніи ими присяги, о смерти Вора, о призывѣ патріарха Гермогена на Литовскихъ людей. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ указываетъ, что патріархъ зоветъ въ Москву выбирать Го-

сударя и что русскіе люди единомышленны съ патріархомъ въ томъ, что „иныхъ земель иновѣрцевъ не хотятъ“, а изъ своихъ прирожденныхъ бояръ. Здѣсь, т. о., впервые отмѣчено рѣшеніе не выбирать иноземнаго королевича. Не касается вопроса царскаго избранія и земскій приговоръ 30 Іюня. Ополченіе 1611 г. ушло всецѣло въ мысль очищенія государства, борьбы со врагомъ, и не задумывалось о будущемъ, предоставляя этотъ вопросъ времени. Приговоръ 30 Іюня узаконилъ дѣйствовавшую въ ополченіи организацію и явился характернымъ показателемъ того общественнаго элемента, который составлялъ силу ополченія. Но недовольная имъ среда, особенно казачья, разрушила создавшійся порядокъ и со смертью Ляпунова, 22 Іюня, рухнула попытка одержать верхъ надъ Смутой. Въ этой попыткѣ особенно ярко сказалось единодушное стремленіе Земли очистить государство отъ враговъ и внести порядокъ, но еще нѣтъ программы дѣйствій для полнаго его возстановленія. Эта задача выпала на долю и была проведена въ жизнь дѣятельностью конца 1611 и 1612 года, ополченіемъ Нижегородскимъ, приведшимъ къ собору 1613 г.

V.

Событія въ Іюлѣ 1611 г. повергли въ отчаяніе русскихъ людей: паденіе Смоленска, взятіе Новгорода Шведами (17 Іюля), смерть Ляпунова (22 Іюля), засилье Поляковъ и измѣна бояръ смѣнялись одно за другимъ; не было даже надежды на будущее. Настроеніе русскихъ людей, болѣвшихъ душою за родину, достигло крайняго напряженія. Народная тоска нашла себѣ отраженіе въ литературномъ памятникѣ, „Плачѣ о конечномъ разореніи“. Въ немъ авторъ горько причитаетъ надъ судьбою русской земли, какъ причитаютъ надъ дорогимъ покойникомъ: „откуда начнемъ плакати толикаго, увы, паденія“ и, хотя молитъ помощи Божіей „останку государства“, призываетъ къ покаянію, но безотрадны слова послѣдней надежды и утѣшенія: „да чада свѣта и горняго Іерусалима сожители будемъ“. На ряду съ отчаяніемъ и растерянностью поднималась уже волна религіознаго одушевленія. Она сказалась и въ Повѣстяхъ о видѣ-

ніяхъ и въ томъ чувствѣ, съ какимъ принялъ ихъ русскій народъ. Одна изъ Повѣстей, „О видѣніи въ Нижнемъ Новгородѣ“, въ эпическомъ тонѣ ведетъ разсказъ, и съ большою выразительностью указываетъ на Высшую силу, которая одна спасетъ государство и дастъ Царя. Въ Октябрѣ 1611 года Повѣсть (видѣніе было 26 Мая) стала достояніемъ областей: изъ Ярославля черезъ Вологду, Устюгъ, Пермь дошла до Вычегды, и вездѣ была встрѣчена съ такою вѣрою и такимъ преклоненіемъ передъ призывомъ къ посту и молитвѣ, что вызвало умилительно-трепетное недоумѣніе даже современника (автора Новаго Лѣтописца). Народъ зналъ, что надо очистить Москву, возстановить правительство; Повѣсть говорила, что Господь самъ очиститъ Московское государство Духомъ своимъ Святымъ и во храмѣ, воздвигнутомъ въ Москвѣ, на престолѣ укажетъ имя того, кому владѣть Россійскимъ царствомъ. Нельзя ставить царя по своей волѣ—вотъ какая мысль явилась послѣдствіемъ того, что русскіе люди извѣрились въ хотѣнія человѣческія и рѣшили предаться волѣ Того, Кто заботится о судьбахъ царствъ. Но этотъ религіозный и національный подъемъ еще не находилъ себѣ реальнаго осуществленія, не было сказано, какой подвигъ и какая жертва требовались отъ готоваго на нихъ народа. „Чтобы знать, что дѣлать и какъ поступать, необходимо было знакомство съ политическимъ положеніемъ и пониманіе дѣйствительныхъ политическихъ условій и отношеній“. Эту задачу взяли на себя патріархъ Гермогенъ и братія Троице-Сергіевской Лавры. Сходныя по основной мысли, программы ихъ были различны по отношенію къ казачеству. Патріархъ, обезпокоенный торжествомъ казачьей анархіи и кандидатурой сына Марины, звалъ въ первую голову на казаковъ. Братія Троице-Сергіевой Лавры видѣла, наоборотъ, въ казачьемъ своеволіи лишь временное бѣдствіе и во имя единодушной работы замалчивало его, указывая на одного общаго врага поляковъ. Но области сами знали казачье правительство и до призыва патріарха уже рѣшились держаться выжидательно, не признавая никакихъ распоряженій казацкихъ властей.

Въ Августѣ пришло въ Нижній Новгородъ знаменитое, спѣшное по слогу и яркое по содержанію, посланіе Гермо-

гена. Патріархъ проклинаетъ сына Марины и требуетъ, чтобы писали во всѣ города не признавать его отнюдь государемъ. Въ Сентябрѣ же пересылались города, Казань и Пермь, объ убійствѣ казаками Ляпунова и о непризнаніи казацкихъ властей. Сопоставляя переписку городовъ съ грамотою Гермогена, мы видимъ, что начавшееся движеніе въ Нижнемъ Новгородѣ связывало воедино двѣ задачи: очищеніе Русской земли отъ враговъ и возстановленіе государственнаго порядка скорѣйшимъ избраніемъ государя. Когда въ Нижнемъ Новгородѣ стали не только скорбѣть „о душевредствѣ подъ Москвою“, но и мыслить, какъ помочь бѣдѣ— начальные люди: протопопъ Савва, представителъ духовенства и служилаго люда, и земскій староста Козьма Мининъ, представитель тяглаго міра, положили начало организаціи военной силы и сбора казны. Стали сходиться ратные люди, стали собираться по приговору деньги съ уѣзда и съ другихъ сосѣднихъ городовъ Балахны, Гороховца. Выборъ военачальника увѣнчался успѣхомъ, и 6 Октября въ Нижній пріѣхалъ князь Пожарскій. Памятники сохранили перечень тѣхъ отрядовъ, что спѣшили на призывъ. Первыми явились Смольняне изъ Арзамаса, про которыхъ говорилось, что для нихъ „Поляки и Литва грубны, искони враги, что жили съ ними близко и бои у нихъ бывали и Литву на бояхъ побивали“. Пришли Вязьмичи и Дорогобужане, также потерпѣвшіе отъ Сигизмунда, затѣмъ—Коломничи, Рязанцы, стрѣльцы и казаки съ Украинскихъ городовъ, что когда то сидѣли въ Москвѣ съ царемъ Шуйскимъ. Литературный памятникъ, современный событіямъ, слагаетъ торжественную хвалу Козьмѣ Минину, который „хотя неискусенъ стремленіемъ, но смѣлъ дерзновеніемъ“, поболѣлъ Зоровавельски душою за людей и принялъ на себя бремя тяготы и печалей. Въ Февралѣ ополченіе Нижегородское становится общеземскимъ и совѣтъ его становится общеземскимъ совѣтомъ. Въ Февралѣ же мѣсяцѣ скончался и тотъ, кто положилъ начало Нижегородскому движенію—патріархъ Гермогенъ. Но завѣтъ и программа патріарха были всецѣло восприняты этимъ ополченіемъ 1612 г. Ходъ событій торопилъ Нижегородцевъ, передовые отряды котораго весною 1612 г. были двинуты къ Москвѣ. Но вождей задерживала не одна организація ополченія, ихъ задержи-

вала необходимость опредѣлить свое отношеніе къ казакамъ. Благодаря этому, была долгая стоянка въ Ярославлѣ. Вѣрные программѣ Гермогена и помня примѣръ 1611 г., кн. Пожарскій и другіе вожди писали въ города, что они съумѣютъ оберечься отъ зла, не будутъ сближаться съ казаками, чтобы казаки своимъ воровствомъ не разогнали бы Понизовой рати. Наканунѣ прихода Хоткѣвича все ополченіе, напутствуемое благословеніемъ св. архимандрита Діонисія, стояло подъ Москвою. 21 Августа былъ бой, 25-го Хоткѣвичъ отошелъ отъ стѣнъ города. Стоя отдѣльнымъ лагеремъ, земское ополченіе урегулировало отношеніе къ казачьему войску Трубецкаго. Воровское казачество съ Заруцкимъ во главѣ ушло еще раньше прихода кн. Пожарскаго, а оставшееся колебалось между патріотическимъ національнымъ подъемомъ и стремленіемъ къ наживѣ. Земская сила одержала наконецъ верхъ надъ казачьей, и „въ новомъ Разрядѣ (управленіи) на Трубѣ совершилось подчиненіе“ послѣдней. Но вмѣстѣ съ тѣмъ и нравственная сила, народное чувство еще раньше, во время боя 21 Августа, одержало въ казакахъ верхъ надъ своекорыстными побужденіями и личной непріязнью. Отъ 22 Сентября 1612 г. имѣется грамота отъ имени кн. Трубецкого и кн. Пожарскаго съ указаніемъ на полное единодушіе въ дѣлахъ и управленіи. 22 Октября очистилась отъ поляковъ Москва послѣ побѣднаго взятія Китай—города, послѣ сдачи Кремля (26 Окт.). Установленный праздникъ въ честь иконы Казанской Божіей Матери, сопутствовавшей ополченію, напоминаетъ „предбудущимъ родомъ“ о милости Господней къ Русской землѣ, о подвигѣ, поднятомъ патр. Гермогеномъ и исполненномъ „послѣдними“ людьми Московскаго государства. Такимъ образомъ была проведена и исполнена первая задача, которую ставили себѣ Нижегородцы.

Посмотримъ, какимъ же образомъ стремились они разрѣшить вторую—возстановленіе государственнаго порядка. Въ грамотахъ отъ Февраля и 7 Апрѣля вожди Нижегородскаго ополченія властно и опредѣленно пишутъ, что должно всѣмъ быть въ единеніи противъ общихъ враговъ Польскихъ, Литовскихъ, Нѣмецкихъ людей и Русскихъ воровъ и что должно прежде всего думать объ избраніи Государя. „Какъ безъ Государя намъ о великихъ и государственныхъ и зем-

скихъ дѣлахъ съ окрестными государями ссылаться, какъ государству нашему впредь стоять крѣпко и неподвижно? какъ противъ общихъ враговъ безъ Государя быть". Въ этихъ словахъ сказывается глубокое сознаніе и убѣжденіе въ единственномъ твердомъ основаніи народной жизни. Съ этими словами можно сопоставить слова Москвичей: „если коренье, основаніе крѣпко, то и дерево неподвижно". Для неподвижности же государственнаго древа Нижегородская грамота указываетъ на крѣпкое коренье, на Государя, избраннаго совѣтомъ всего государства. И вожди ополченія и народъ спѣшили избраніемъ. Несомнѣнно, что оно ожидалось въ Ярославлѣ, откуда въ Апрѣлѣ приглашались выборные изъ всякихъ чиновъ по два человѣка съ наказомъ отъ населенія. Иностранецъ Масса пишетъ, что народъ тѣхъ областей, по которымъ шло ополченіе, требовалъ царя. Вмѣстѣ съ тѣмъ мысль объ иноземной кандидатурѣ была оставлена. Новый Лѣтописецъ, подробно и точно излагающій событія, памятникъ весьма добросовѣстный, пишетъ, что у Нижегородскаго ополченія была твердая мысль „избирать на всѣ Россійскія государства изъ Московскихъ родовъ государя" и что у него въ думѣ не было взять на Московское царство иноземца. Грамоты подтверждаютъ это извѣстіе литературнаго памятника. Однако событія на Западной окраинѣ принудили Нижегородскія власти опредѣлить свое отношеніе къ Швеціи и къ кандидатурѣ иноземца—шведскаго королевича. Признаніе послѣдняго Новгородомъ произошло исключительно въ силу особыхъ обстоятельствъ и противорѣчило народному настроенію 1612 г. Сами Новгородцы въ Мартѣ 1611 г. упорно говорили о совѣтѣ земли для избранія государя, а Соловецкій игуменъ писалъ Карлу IX о твердомъ рѣшеніи русскихъ людей не имѣть иноземца на Московскомъ престолѣ. Но политика Швеціи въ Смутное время (какъ это спеціально изучено историкомъ Борьбы за Балтійское море, Г. В. Форстеномъ) на первый планъ ставила территоріальныя расширенія на востокѣ; „средства же, къ которымъ прибѣгали шведскіе короли возможно извинить, развѣ только имѣя въ виду время и эпоху, когда они жили". Опасаясь союза Москвы съ Польшей, Карлъ IX дѣйствовалъ противъ Владислава, и вмѣстѣ съ тѣмъ давалъ инструкцію Делагарди овладѣть при

удобномъ случаѣ Ивангородомъ, Ямомъ, Копорьемъ, Новгородомъ. И безгранична была его радость, когда 17 Іюля послѣ ожесточенной защиты Великій Новгородъ принужденъ былъ сдаться на условіи признать своимъ Государемъ королевича Филиппа. Условія избранія шведскаго королевича выработались при исключительныхъ и невыгодныхъ обстоятельствахъ, и Новгородъ въ сущности былъ подъ Шведской властью, „одержимъ погано чуждыми руками“. Временное правительство, среди котораго упоминается владыка Исидоръ и новгородскіе чины, было собственно въ рукахъ Делагарди, безъ разрѣшенія котораго Новгородцы не могли, напр. выѣзжать изъ города. Въ грамотѣ объ избраніи Новгородъ потребовалъ, чтобы королевичъ соблюдалъ неприкосновенность православія, охранялъ права духовенства, обычаи и законы, но объ обязательномъ крещеніи Филиппа не было ясно сказано. Больше же всего безпокоила Новгородцевъ мысль, что особно Новгородское государство отъ Россійскаго царствія не бывало никогда и въ смутныя времена отъ Московскаго государства Новгородъ „отлученъ особно не бывалъ“, и потому они возлагали надежду, что королевича по крайней мѣрѣ изберетъ въ цари вся земля. Но эта иноземная кандидатура была также неудачна, какъ и первая—съ Владиславомъ. Обѣ онѣ возникли въ моментъ крайней опасности не безъ давленія военной вражеской силы, а выполненіе условій замедлялось въ силу того, что и поляки и шведы имѣли затаенныя цѣли, которыя скоро распознали русскіе люди. Въ Маѣ 1612 г. Нижегородскія власти послали изъ Ярославля въ Новгородъ Степана Татищева. Послѣдній усмотрѣлъ, что оттуда „нечего добра ждать“, и привезъ грамоты временнаго Новгородскаго правительства и Делагарди, отозвавшихся желаніемъ вести переговоры. Во время послѣднихъ кн. Пожарскій прежде всего останавливается на той же мысли, которая занимала и Новгородцевъ. Онъ упрекаетъ пословъ въ томъ, что при прежнихъ государяхъ Новгородъ никогда отъ Россійскаго государства отлученъ не былъ и потому посольствъ отъ него, какъ отъ чужеземнаго правительства не бывало. Далѣе воевода напоминаетъ, что русскіе люди научены горькимъ опытомъ съ польскимъ королемъ, который манилъ цѣлый годъ, а сына не прислалъ. Опасаясь,

чтобы не было повторенія того же и съ шведскимъ королевичемъ, кн. Пожарскій спрашиваетъ, гдѣ крестится Филиппъ и когда именно прибудетъ въ Новгородъ. Новгородцы отвѣтили достойнымъ образомъ: они отъ православной вѣры не отпали и за нее готовы помереть, королевичу будутъ бить челомъ, чтобы крестился, такъ какъ Государя не Греческой вѣры на государствѣ не хотятъ. Новгородъ уже почувствовалъ за собою силу всей земли и сталъ твердо въ общей мысли и единеніи. Но для вождей Нижегородскаго ополченія переговоры о шведскомъ королевичѣ имѣли значеніе не по существу, а изъ соображеній военной тактики: необходимо было обезопасить себѣ тылъ при движеніи на Москву. Такъ объясняетъ это Новый Лѣтописецъ, такого же мнѣнія держатся изслѣдователи. Въ грамотахъ Іюньскихъ въ великороссійскіе и сибирскіе города съ призывомъ выборныхъ для царскаго избранія, кн. Пожарскій не скрываетъ переговоровъ съ Швеціей. Но онъ во 1) зоветъ для избранія Царя, не предрѣшая вопроса, кого именно, а во 2) на королевича Филиппа смотритъ съ точки зрѣнія великаго посольства, т. е. какъ на лицо обособленное отъ своей прежней родины, обязательно принявшаго православіе и готоваго усвоить русскіе обычаи. Ясно, что подобный взглядъ не соотвѣтствовалъ ни утвержденной грамотѣ объ избраніи Филиппа, ни разсчетомъ шведскаго короля, который уже изготовилъ, подобно Сигизмунду, крестоцѣловальную запись на свое имя.

Требованіе народа и желаніе Нижегородскаго ополченія не исполнились, и въ Ярославлѣ царскаго избранія не состоялось. Но зато Нижегородскимъ ополченіемъ и народомъ былъ выработанъ опредѣленный взглядъ по вопросу о возстановленіи государственнаго порядка. Была признана необходимость возможно скорѣйшаго и при томъ всею землею царскаго избранія, подготовлена грамотами почва для созыва земскаго собора, отброшена всякая мысль о казацкомъ кандидатѣ—наслѣдіи Самозванщины, отвергнута иноземная кандидатура и подчеркнуто желаніе избрать изъ своихъ Московскихъ родовъ. У самого же кн. Пожарскаго и у другихъ властей—какъ представителей родовитаго боярства—была сверхъ того мечта объ опредѣленномъ лицѣ. „Только бы нынѣ такой столпъ былъ здѣсь, какъ князь Василій Ва-

сильевичъ Голицынъ и объ немъ бы всѣ держались“ и въ такомъ великомъ дѣлѣ (избраніи царя) помимо него нерѣшился бы (самъ Пожарскій) принять участіе—такъ высказывался въ грамотѣ своей вождь Нижегородскихъ ратныхъ людей.

Какъ осуществились эти пожеланія народнаго движенія 1612 г., увидимъ въ слѣдующей главѣ.

Итакъ, за Смутные годы 1598—1612 Русскимъ людямъ приходилось разсуждать, какъ поступить при угасаніи и прекращеніи старой династіи: они выбирали царей и объясняли себѣ возможность и законность этого избранія. Они пытались ухватиться за миражъ возстановленія угасшей династіи, „примѣряли“ на царство самозванцевъ, иноземныхъ царевичей и наконецъ извѣрились въ силы человѣческія и ждали помощи Свыше. Въ оффиціальныхъ и литературныхъ разсужденіяхъ приводились и доводы книжниковъ XVI в. и старыя историческія традиціи и стремленія къ новшествамъ. Борьба за престолъ перешла въ борьбу сословно-политическую и въ борьбу съ сосѣдними государствами, раскрылась общественная рознь,—но вмѣстѣ съ тѣмъ опасность обществу и государству отъ анархіи и отъ иноземнаго завоеванія научила областные міры организоваться и общественные элементы объединяться. За нравственнымъ подъемомъ послѣдовало политическое просвѣтлѣніе. Когда на чашу вѣсовъ была поставлена самая судьба Московскаго царства—обликъ этого царства съ его создавшимся вѣками величіемъ, съ его историческими традиціями, съ его славнымъ прошлымъ восторжествовалъ въ умахъ и сердцахъ русскихъ людей надъ тѣми тяготами, которыя терпѣли они во имя этого царства, надъ опасными, какъ оказалось, стремленіями „себѣ полегчить“.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Избраніе въ цари Михаила Ѳедоровича Романова и царское вѣнчаніе.

I.

Со вступленіемъ Нижегородскаго ополченія въ Кремль закончилось дѣло, поднятое благословеніемъ патріарха Гермогена и совершенное К. Мининымъ и кн. Д. Пожарскимъ. Грамоты сообщали областямъ о результатѣ тѣхъ жертвъ и тяготъ, къ которымъ они въ свое время призывались. Теперь воеводы писали и области пересылались между собою о томъ, чтобы пѣть молебны и хвалу воздавать Богу, Который „въ плѣнъ и расхищеніе поганымъ языкомъ не выдалъ достальныхъ православныхъ крестьянъ“. Москва очищена, Польскіе и Литовскіе люди либо сдались, либо взятьемъ взяты. Воеводы писали также, что они продолжаютъ посылать воинскіе отряды противъ польскихъ и литовскихъ людей, дабы всѣ города Московскаго государства отъ нихъ очистить. Между тѣмъ служилые люди изъ ополченія стали разъѣзжаться по дѣламъ въ свои вотчины и помѣстья. Казачество пріобрѣтало вновь силу, благодаря своей неизмѣнившейся численности. Правительство, съорганизовавшееся въ Ярославлѣ, спѣшило приступить къ избранію Государя, безъ котораго не былъ бы завершенъ ихъ подвигъ, не былъ бы исполненъ завѣтъ патріарха-мученика. Въ началѣ Ноября разослали по областямъ грамоты съ приглашеніемъ выслать въ Москву выборныхъ по десяти человѣкъ отъ города „для государственныхъ и земскихъ дѣлъ“, и главнымъ образомъ „для обиранья государьскаго“, которое должно было совершиться всякими людьми „отъ мала до велика“. Уже 15 Ноября кн. Пожарскій ждетъ пріѣзда выборныхъ изъ Сибири, Астра-

хани, Казани, Нижняго Новгорода, Сѣвера и другихъ городовъ Московскаго государства, о чемъ пишетъ въ Новгородъ. Дѣятельность Земскаго собора 1612 года между тѣмъ замирала, и въ Январѣ 1613 г. въ Москву уже собрался новый земскій соборъ: „власти, бояре и всякихъ чиновъ людіе“, какъ говоритъ Новый Лѣтописецъ, и сталъ думать „кому быть на Московскомъ государствѣ“. По составу своему соборъ 1613 г. давно уже считается историками наиболѣе полнымъ, изо всѣхъ дѣйствовавшихъ. 50 городовъ прислали своихъ выборныхъ и эти города разбросаны по всей территоріи Московскаго государства отъ „сѣвернаго Подвинья до Оскола и Рыльска, отъ Осташкова до Казани и Вятки“. Не менѣе полонъ былъ соборъ и по разнообразію вошедшихъ сословныхъ группъ. Освященный соборъ (одна изъ составныхъ частей собора) состоялъ изъ трехъ митрополитовъ (Ефрема Казанскаго, Кирилла Ростовскаго, Іоны Сарскаго) архіереевъ, архимандритовъ и игуменовъ. Бѣлое духовенство вошло въ составъ выборныхъ. Вторая составная часть земскаго собора—Боярская дума—была представлена начальниками ополченія; бояре же, сидѣвшіе въ Москвѣ съ поляками, во главѣ съ Мстиславскимъ, по приговору городовъ въ Думу не были допущены и разъѣхались по вотчинамъ (а совѣтники ихъ дьяки судимы и Андроновъ повѣшенъ). Наконецъ, земскіе представители были: во 1) чины придворные, большіе дворяне и приказные люди, во 2) изо всѣхъ городовъ выборные съ удостовѣряющими документами и съ наказами. Эти выборные были представителями всѣхъ сословій отъ бояръ до уѣздныхъ людей и до казаковъ включительно, или какъ говорится въ памятникахъ того времени „изъ дворянъ, дѣтей боярскихъ, изъ гостей, изъ торговыхъ и посадскихъ и уѣздныхъ людей“. Не было только владѣльческихъ крестьянъ и холоповъ. Подъ уѣздными же людьми видятъ и крестьянъ сѣверныхъ общинъ и низшихъ служилыхъ людей, надѣленныхъ пахатными участками на Московскомъ югѣ. Было представлено и казачество въ лицѣ своихъ атамановъ. Если соборъ былъ полонъ, то былъ онъ также и люденъ: по догадкѣ изслѣдователя на немъ присутствовало до 700 человѣкъ и этимъ многолюдствомъ объясняется тотъ фактъ, что засѣданія происходили часто въ Успенскомъ соборѣ.

Составъ собора опредѣляется историками на основаніи Утвержденной грамоты объ избраніи Михаила Ѳеодоровича, на каковой слѣдуютъ подписи. Но подписи собирались позднѣе засѣданія, позднѣе составленія грамоты, а главное далеко не всѣ участники подписывались и подписи не отмѣчаютъ точно числа избирателей. Вотъ почему подписей всего 238, а именъ упомянуто 277. Косвенныя, случайныя указанія помогли изслѣдователямъ точнѣе опредѣлить составъ.

Вожди ополченія хотѣли въ точности осуществить, клиномъ вбитую смутой въ умы, идею всенароднаго „вселенскаго“ или „всемірнаго совѣта“, говоритъ профессоръ Ключевскій. И писатели современники проводятъ эту же идею въ описаніи собора 1613 г. „Отъ конецъ Русской земли и до конецъ ея народы православные, малые и великіе, богатые и нищіе, старые же и юные, обогатившись разумѣніемъ отъ всѣмъ Дающаго жизнь и озарившіеся свѣтомъ единомысленнаго совѣта, какъ бы едиными рекли устами“, читаемъ напр. въ Хронографѣ 1617 г.

Хотя съ вопросомъ избранія спѣшили, но земскій соборъ засѣдалъ долго: весь январь и часть февраля до 7 числа прошли въ волненіи, неспокойно. По выраженію спокойнаго Новаго Лѣтописца: „Многое было волненіе всякимъ людямъ: „койждо хотяше по своей мысли, койждо про коево говоряще... иные убо подкупали и засылали, хотяше не въ свою степень“. А осторожный кн. Катыревъ-Ростовскій мелькомъ говоритъ: „по многіе дни собраніе людеми бывало, дѣла же... утвердити не могутъ“. Сознавая отчетливо, что безгосударное время невозможно, что безъ Государя не можетъ строиться земля—„невозможно намъ пробыть безъ царя ни единого часа“, народъ торопилъ возстановленіемъ порядка; тоже сознаніе было у людей власти... но не такъ легко было прійти къ мысли, кому быть этимъ желаннымъ царемъ. Народныхъ героевъ, подобно промелькнувшему кн. Скопину-Шуйскому, не было. Не было и людей, которые бы могли дѣйствовать умѣло и увѣренно въ свою пользу. Намѣреніе вождей ополченія было опредѣленно: „иныхъ никоторыхъ земель людей на Московское царство не обирать и Маринки съ сыномъ не хотѣть“, а выбирать изъ „своихъ великихъ родовъ“. Кн. По-

жарскій, принадлежавшій по происхожденію и по взглядамъ къ кругу бояръ-княжатъ, считалъ „столпомъ“ родовитѣйшаго боярина В. В. Голицына. Памятники говорятъ, что „начальники“ хотѣли „паки“ царя отъ иновѣрныхъ, ратные же и народъ не восхотѣли. Тутъ рѣчь идетъ о тѣхъ боярахъ, которыхъ удалили и не пускали въ Думу, о боярахъ сторонникахъ Владислава. Объ этомъ знали и Поляки. Имъ передавали, что у бояръ и лучшихъ людей „хотѣніе есть просить Владислава (котораго кстати уже посылалъ въ Ноябрѣ Сигизмундъ), да говорить о томъ не смѣютъ и говорятъ, чтобы избрать чужеземца. Такимъ другимъ чужеземнымъ кандидатомъ былъ шведскій королевичъ Филиппъ, котораго тоже готовъ былъ отпустить въ началѣ 1613 г. шведскій король. Но эти бояре вліянія на соборѣ не имѣли и даже не участвовали въ засѣданіяхъ. Вліяніе же на соборѣ получила неожиданная сила—казачество. Побѣжденное земскимъ ополченіемъ и принужденное подчиняться Нижегородскимъ властямъ—казачество по мѣрѣ разъѣзда служилыхъ людей оказалось въ Москвѣ, къ 1613 г., господствующимъ элементомъ. На 2000 дворянъ, 1000 стрѣльцовъ было 4500 казаковъ. Опасаясь притязаній казачества не только на кормъ и жалованье, но и на политическую роль, правительство спѣшило съ созывомъ избирательнаго земскаго собора. Но и на соборѣ казаки продолжали дѣйствовать, у нихъ были свои желательные кандидаты. Вскорѣ опредѣлился ходъ переговоровъ. Рѣшено было единодушно отклонить кандидатуру иноземца, и это рѣшеніе Нижегородскихъ вождей и народа было поддержано казачествомъ. Такимъ образомъ, послѣднее оказалось вполнѣ національно настроено и его единодушіе съ представителями земли заставило смолкнуть робкіе голоса боярства. За этимъ рѣшеніемъ послѣдовало второе, направленное уже противъ казаковъ, „не выбирать и сына Калужскаго Вора“, этотъ кандидатъ былъ любъ казакамъ и его они на царство „примѣривали“. Поговорили затѣмъ будто бы о царевичахъ, которые служатъ въ Московскомъ государствѣ, но, какъ мѣтко замѣчено, этихъ царевичей предложили, вѣроятно, для соблюденія лишь внѣшняго приличія: „великой ради породы ихъ“. Итакъ остановились на избраніи изъ своихъ родовъ. Но кого именно? По разнымъ свѣдѣніямъ (отчасти случайнымъ и

можетъ быть не вполнѣ достовѣрнымъ, и по доводамъ іерархическихъ соображеній) кандидатами могли быть и вѣроятно были со стороны княжатъ люди большой породы: кн. Мстиславскій, кн. Куракинъ, оба скомпрометировавшіе себя общеніемъ съ поляками, кн. Воротынскій, „столпъ“ кн. В. В. Голицынъ, находившійся въ плѣну (братъ его Андрей былъ убитъ, какъ опасный человѣкъ, Поляками). Говорили, что Трубецкой домогался престола. Тоже говорили про кн. Пожарскаго, но въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло, если не съ достовѣрнымъ фактомъ, то съ любопытнымъ выраженіемъ народнаго чувства. Предводитель ополченія, очистившаго Москву, князь великой породы, хотя и захудалый, къ личности и къ имени котораго привыкла земля, невольно останавливалъ на себѣ вниманіе народа. И если на соборѣ политическіе, родовые, личные счеты и комбинаціи играли главную роль, то для чувства и памяти народной они отходили на второй планъ. Народная пѣсня поетъ, что „выбираемъ мы себѣ въ цари, изъ бояръ боярина славнаго князя Дмитрія Пожарскаго сына“, на что князь отвѣчалъ: „недостоинъ я такой почести отъ васъ“. И полулегендарный разсказъ Хронографа говоритъ, что кн. Д. М. Пожарскій рѣчь на соборѣ держалъ. „Есть ли у насъ царское прирожденье? подайте мнѣ совѣтъ благой“. Первенствующее положеніе и скромность кн. Пожарскаго отразились въ народномъ творчествѣ. Упоминалось на соборѣ все настойчивѣе и настойчивѣе имя Михаила Ѳедоровича Романова, представителя старѣйшаго изъ Московскихъ боярскихъ родовъ. И на этомъ имени единодушно сошлись, наконецъ, всѣ выборные, онъ оказался желательнымъ кандидатомъ и для казачества. Не смотря на скудость памятниковъ можно видѣть, какъ имя Михаила Ѳедоровича было у всѣхъ на устахъ. Авраамій Палицынъ говоритъ, что къ нему приходили съ этимъ рѣшеніемъ и дворяне и дѣти боярскіе и гости многихъ городовъ и атаманы и казаки. Знаемъ разсказъ о дворянинѣ изъ Галича и объ атаманѣ со славнаго Дона, принесшихъ писаніе о прирожденномъ Государѣ Михаилѣ Ѳедоровичѣ. Когда имя Михаила Ѳедоровича заслонило имена другихъ кандидатовъ на престолъ, тогда могли начать дѣйствовать родня и близкіе Романовскаго рода: Шереметевы, Сицкіе и т. д. Къ 7 Февраля со-

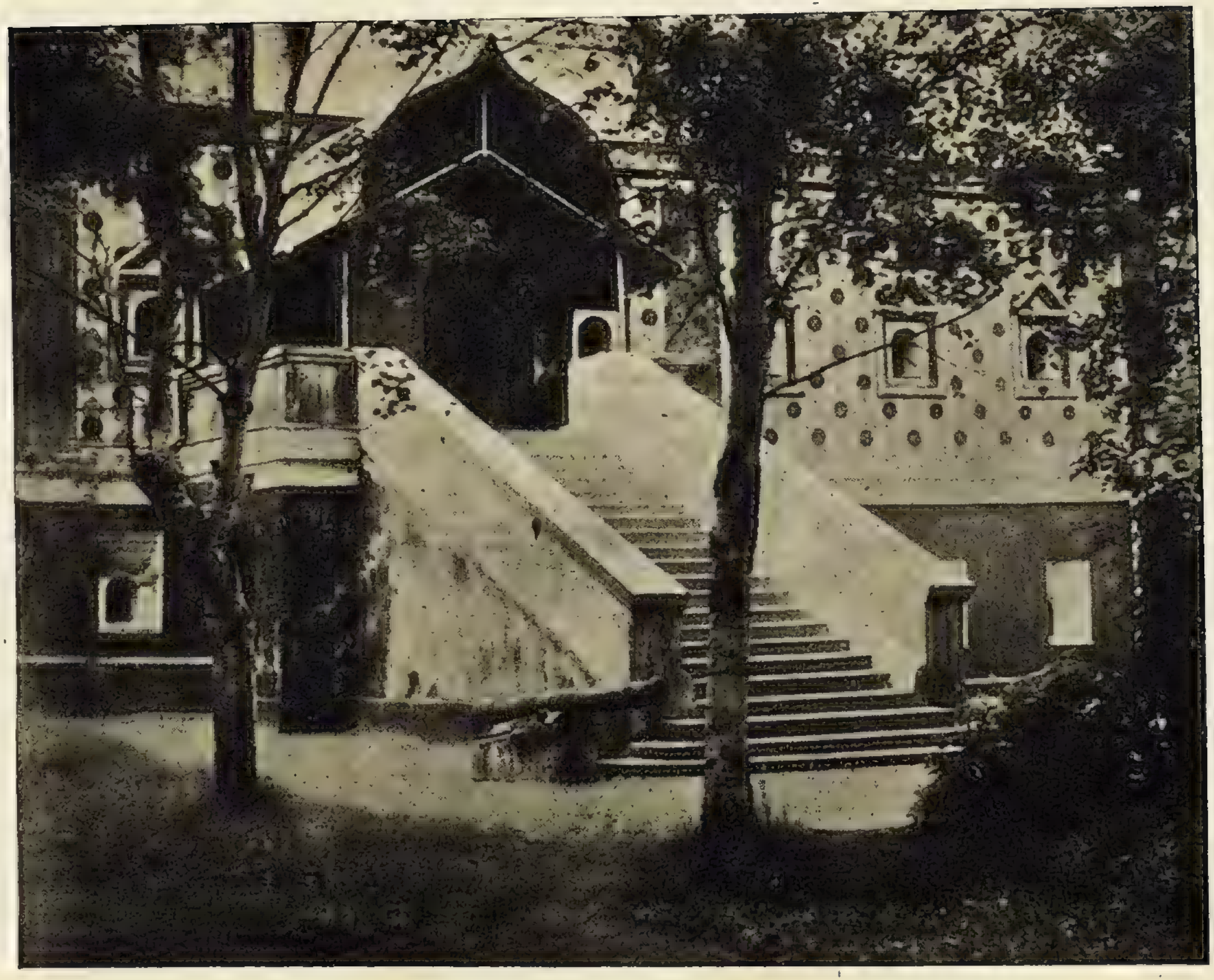
боръ, столь бурный въ началѣ, окончился въ мирѣ, тишинѣ и единеніи: Михаилъ Ѳедоровичъ былъ предъизбранъ. Но соборъ не кончилъ дѣла, а разослалъ тайно по городамъ вѣрныхъ людей или самихъ же выборныхъ разузнать народное мнѣніе относительно этого предъизбранія. Въ Калугу, напр., былъ посланъ выборный Смирной Судовщиковъ, въ Торопецъ тамошнія же дѣти боярскія. Соборъ послалъ также за опальными боярами, чтобы и они приняли участіе въ послѣднемъ избирательномъ совѣщаніи.—Но дѣло хранилось въ тайнѣ, и когда Поляки Гонсѣвскаго, рыскавшіе подъ Москвою, поймали Торопчанъ, послѣдніе сказали лишь, что избраніе назначено на 21 Февраля, а имени предъизбраннаго царя не назвали. Но Поляки могли догадываться. Еще въ Ноябрѣ 1612 г. имъ было сказано, что Московскіе люди примѣриваютъ на царство Филаретова сына. Гетманъ Жолкѣвскій, передавшій Гонсѣвскому начальство надъ Москвою, въ своихъ запискахъ пишетъ, что считалъ претендентомъ на престолъ, желательнымъ народу, юношу Михаила Ѳедоровича Романова, отца котораго и отправилъ потому въ великое посольство. Потому нѣтъ ничего удивительнаго, что Полякамъ нужно было унитожить этого опаснаго соперника. Съ этой цѣлью и могли быть посланы тѣ отряды и шайки Польскихъ и Литовскихъ людей, которые весною 1613 г. пошли войной въ Костромской край и грабили Сольгаличъ, Галичъ и Желѣзно-Боровскій монастырь, въ 15 верстахъ отъ котораго вотчины бояръ Романовыхъ. Къ этому-то времени относится подвигъ Ивана Сусанина, пожертвовавшаго жизнью за спасеніе новоизбраннаго царя, своего боярина. Инокиня же Марѳа съ сыномъ, который „потомъ вскорѣ бысть Государь царь и великій князь всея Россіи“, переѣхала изъ своихъ Костромскихъ вотчинъ въ Ипатьевскій монастырь подъ защиту его стѣнъ, о чемъ еще не знали въ Москвѣ. 21 Февраля въ воскресенье первой недѣли великаго поста, въ Большомъ Кремлевскомъ дворцѣ состоялось послѣднее засѣданіе избирательнаго собора, на которомъ единогласно избранъ Московскимъ Царемъ Михаилъ Ѳедоровичъ Романовъ. Объ этомъ избраніи возвѣщено было на Красной площади толпѣ Москвичей и собравшагося люда другихъ городовъ, которая кричала то же имя.

Соборное опредѣленіе закончилось молебствіемъ съ провозглашеніемъ многолѣтія новоизбранному царю Михаилу Ѳедоровичу и была принесена ему присяга въ Успенскомъ соборѣ. Окружная грамота о совершившемся избраніи и крестоцѣловальная запись были разосланы по областямъ, не дожидаясь согласія молодаго царя, тотчасъ же въ концѣ Февраля мѣсяца (25 числа). Вмѣстѣ съ тѣмъ соборъ постановилъ снарядить посольство въ Кострому для умоленія Михаила Ѳедоровича принять престолъ.

II.

Посольство состояло изъ Ѳеодорита, архіепископа рязанскаго, боярина Ѳ. Шереметева и цѣлаго ряда духовныхъ и свѣтскихъ лицъ. Былъ среди нихъ и знаменитый келарь Троицкой Лавры Авраамій Палицынъ. Архіепископу и боярину поручено было говорить рѣчи къ царю и къ его матери инокинѣ Марѳѣ. Соборъ предвидѣлъ возраженія, возможность отказа и далъ указанія, какъ подѣйствовать на юнаго государя и его мать. Посольство прибыло въ Кострому сравнительно скоро, 13 Марта во время вечерни, и на слѣдующій день получило разрѣшеніе явиться въ Ипатьевскій монастырь. Отдѣленный отъ города рѣчкой, обнесенный стѣнами съ прекраснымъ храмомъ постройки XVI в., монастырь этотъ былъ богато одаренъ щедротами Годуновскаго рода. Когда посольство, подкрѣпленное духовенствомъ, властями и народомъ г. Костромы, съ крестнымъ ходомъ подошли къ монастырю—изъ воротъ вышли навстрѣчу Михаилъ Ѳедоровичъ и инокиня Марѳа; послы ударили челомъ и спросили о здоровьѣ; и царь и мать его „съ гнѣвомъ и плачемъ“ стали говорить, что на государство Михаилъ Ѳедоровичъ быть не желаетъ. Съ трудомъ умолили ихъ войти въ соборъ св. Троицы, гдѣ прочитано было соборное опредѣленіе и сказаны рѣчи арх. Ѳеодоритомъ и Шереметевымъ. Послѣдовалъ тотъ же отказъ, и въ теченіе долгихъ часовъ происходило упрашиваніе и настояніе со стороны посольства, отказы и упреки со стороны царя и его матери. Нѣтъ сомнѣнія, что въ этой сценѣ съ внѣшней стороны есть сходство съ подобной же, бывшей при избраніи Б. Го-

дунова, но по существу здѣсь была глубокая разница. Гнѣвный плачъ былъ понятенъ, если вспомнимъ положеніе государства и внѣшнее и внутреннее въ 1613 г.: отсутствіе казны, неясность будущаго и неувѣренность въ прекращеніи смутныхъ дней. Слова инокини Марѳы, что люди Московскаго государства измалодушествовались, Государямъ, давъ клятву, плохо и измѣнно служили, что государство разорено, ни казны, ни земель для служилаго люда нѣтъ и нечѣмъ отъ враговъ государство оборонять—являются дѣйствительно вѣрной характеристикой даннаго момента. При такихъ условіяхъ и „прирожденному Государю государемъ трудно быти“. Но, конечно, главнымъ пунктомъ для отказа, —было опасеніе за судьбу отца, митрополита Филарета, котораго поляки еще въ 1610 г. собирались судить за измѣну. Большимъ еще вопросомъ было—согласятся ли поляки на обмѣнъ плѣнныхъ и возможно ли будетъ заключеніе перемирія. Правда отъ 10 Марта послана была грамота Сигизмунду съ исчисленіемъ его винъ, съ заявленіемъ нежеланія имѣть Владислава царемъ, а главное, съ предложеніемъ перемирія и обмѣна плѣнныхъ, списокъ коихъ прилагался съ именемъ Филарета во главѣ. Посылалась и просьба Струся о томъ же отъ 20 Марта. Однако ни словомъ не касались здѣсь вопроса объ избраніи, и о новоизбранномъ Государѣ рѣчи не было. Ясна неувѣренность собора въ исходѣ дѣла и т. о. ссылка пословъ царю Михаилу на эту грамоту не имѣла значенія. Вѣрнѣе взглядъ одного историка, что митрополитомъ Филаретомъ рѣшено было пожертвовать. Все это дѣлаетъ яснымъ и понятнымъ колебаніе и страхъ въ Ипатьевскомъ монастырѣ. Вполнѣ искренни потому были слова Михаила Ѳедоровича, что его „помышленія“ на то не было, чтобы быть въ столь несовершенныхъ лѣтахъ на такихъ великихъ государствахъ. Просьба пословъ увѣнчалась, наконецъ, успѣхомъ. Михаилъ Ѳедоровичъ изъявилъ согласіе быть на престолѣ и принялъ посохъ царскій изъ рукъ Ѳеодорита, а инокиня Марѳа благословила сына на царство. Отслужено было благодарственное молебствіе съ возглашеніемъ многолѣтія царю Михаилу; въ Москву было послано описаніе происшедшаго, и послѣ 3 дневнаго празднованія въ Костромѣ—19 Марта Государь выѣхалъ изъ



Входъ въ палаты Романовыхъ, въ Костромскомъ Ипатьевскомъ монастырѣ.

Костромы въ Ярославль и остановился тамъ 21 Марта, ожидая просушки дорогъ. — „Подвигъ“, какъ называютъ памятники, путешествіе царя въ Москву, былъ дологъ: съ 21 Марта по 1 Мая, съ долгими остановками въ Ярославлѣ, Переяславлѣ Залѣсскомъ, Троице-Сергіевой Лаврѣ. Не одно дурное состояніе дорогъ служило задержкой. Была опасность отъ бродячихъ разбойничьихъ и польскихъ шаекъ. Не удовлетворяла царя дѣятельность собора по приведенію въ порядокъ, какъ царскаго хозяйства, такъ и государственныхъ дѣлъ. Во время этого медленнаго движенія царя Михаила мы можемъ наблюсти настроеніе, какъ его, такъ и общества.

Михаилъ Ѳедоровичъ двигался по пути, продѣланному Нижегородскимъ ополченіемъ, а здѣсь уже тогда въ 1612 г. народъ требовалъ царя. Встрѣчи въ городахъ, извѣщенія земскаго собора о присягѣ новому царю то въ Боровскѣ, Переяславлѣ Рязанскомъ, Нижнемъ Новгородѣ, то въ Бѣлгородѣ и Брянскѣ—показывали, съ какою радостью и поспѣшностью встрѣчало населеніе вѣсть о царскомъ избраніи. Постоянно пріѣзжали къ царю люди, желавшіе лично бить ему челомъ. Раньше всѣхъ, еще въ Мартѣ пожелали видѣть царскія очи выборные отъ Нижняго Новгорода съ протопопомъ Саввой во главѣ. Невольно вниманіе останавливается на этой просьбѣ: дѣйствительно тѣмъ лицамъ, кто началъ это дѣло, подобало однимъ изъ первыхъ увидѣть царя, олицетворявшаго собою возстановленный государственный порядокъ. По мѣрѣ приближенія Михаила Ѳедоровича къ Москвѣ, число лицъ къ нему пріѣзжавшихъ и окружавшихъ его увеличивалось и большая часть чиновъ земскаго собора была у царя во время пребыванія его въ Троице-Сергіевой Лаврѣ. Это настроеніе, служба, которую несли неутомимые воеводы, посланные еще въ Мартѣ противъ Заруцкаго, Шведовъ, противъ Литовскихъ людей, наконецъ, смерть Сусанина, важны, какъ показатель рѣшимости людей стоять за порядокъ, подобно тому какъ безстрашные герои 1611 и 1612 г. разносили грамоты воскрешенія этого самаго порядка. Все могло говорить царю Михаилу о томъ, что соборные послы были правы, говоря: „русскіе люди наказались“. Но для царя Михаила не эта сто-

рона жизненной обстановки была замѣтна, замѣтнѣе ему были темныя стороны на нарисованной нами картинѣ. По дорогамъ, не смотря на строгія мѣры, на судъ—грабили разбойники и казаки. Къ царю пріѣзжали съ жалобами израненные, обворованные люди и докучали ему просьбами. Настойчивый вопросъ Михаила Ѳедоровича о состояніи дворцовыхъ селъ, о царскихъ доходахъ, о количествѣ земельнаго и денежнаго фонда былъ удовлетворенъ отрицательно. Царь требовалъ исправленія намѣченныхъ помѣщеній во Дворцѣ — у земскаго собора не было для этого ни плотниковъ, ни матеріалу, ни денегъ. Царь требовалъ 10 шатровъ, ему посылали 8, да и то одинъ шатеръ боярина Мстиславскаго. Были, правда, и случаи недовольства, противленія, такъ напр. два подъячихъ не захотѣли Государю служить и съ Москвы убѣжали, за что ихъ имѣнье было конфисковано, чтобы и „впредь инымъ неповадно было такъ воровать“.

Настроеніе Михаила Ѳеодоровича было весьма недовѣрчивое и требовательное. Царь при каждомъ поводѣ съ гнѣвомъ выражалъ свое неудовольствіе собору и напоминалъ, что онъ не хотѣлъ быть на царствѣ, что его умолили, что онъ откажется вновь. Онъ требовалъ буквальнаго исполненія крестоцѣловальной записи. Опасенія и сознаніе своего исключительнаго положенія были, вѣроятно, этому причиной. Между тѣмъ положеніе земскаго собора было по истинѣ трагическое. Неотложныхъ дѣлъ по очищенію государства и по борьбѣ со Шведами и Поляками и казаками было много. Всѣ воеводы находились у дѣлъ. Служилые люди требовали жалованья, помѣстій, сборы же съ тяглаго люда шли туго. За подъемомъ, за энергіей должна была естественно наступить реакція и жажда отдыха. Дѣло сдѣлано, царь существуетъ... и земля начинаетъ опять тянуться къ льготамъ, къ пожалованіямъ, докучая правительству. И если много было положено труда въ 1612 и 1613 г.г., то и собору 1613 г. въ концѣ его существованія было не мало большой, хотя не видной и неблагодарной, работы и великой тяготы.

2 Мая Михаилъ Ѳедоровичъ изъ селя Братовщины совершилъ торжественный въѣздъ въ Москву, гдѣ помолившись въ Успенскомъ соборѣ и поклонившись гробамъ вели-

Встрѣча царемъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ и его матерью инокой Марѳой Ивановной великаго посольства.

Вѣнчаніе на царство царя Михаила Ѳеодоровича.

кихъ государей „своихъ прародителей“, коихъ дѣло собирался продолжать—поселился въ Кремлевскомъ дворцѣ, въ бывшемъ теремѣ царицы Анастасіи Романовны. Черезъ 2 мѣсяца слишкомъ, 11 Іюля, состоялось царское вѣнчаніе. И только тогда окрестные государи были освѣдомлены о царскомъ избраніи, только тогда началась явная переписка съ митрополитомъ Филаретомъ и переговоры объ его выдачи изъ плѣна.

Вѣнчаніе на царство происходило по древнему чину съ точнымъ соблюденіемъ всего, что было при вѣнчаніи царей XVI в. Но въ деталяхъ этого торжественнаго событія можно видѣть черты, характеризующія настроеніе и даже иногда символизирующія историческіе факты. Вѣдь вѣнецъ царя Михаила былъ послѣднимъ конечнымъ пунктомъ того дѣла спасенія Русской земли, про которое сказано, что оно совершилось „початкомъ боярина Михаила Васильевича Скопина, а совершеніемъ и конечнымъ радѣніемъ и прилежаніемъ боярина князя Дмитрія Михаиловича Пожарскаго и Нижегородца Козьмы Минина и иныхъ бояръ и воеводъ, стольниковъ и дворянъ и всякихъ людей. И за то имъ здѣ слава, а отъ Бога мзда и вѣчная память“. Люди, которые „увидѣвъ себѣ свѣтъ, не имѣли вѣры, не чаяли такіе радости“, желали теперь скорѣйшаго принятія Михаиломъ Ѳедоровичемъ царскаго вѣнца. Поэтому торжественное настроеніе при религіозной церемоніи являлось здѣсь не только выраженіемъ этикета, но и глубокаго чувства русскихъ людей. Послѣ всенощнаго бдѣнія наканунѣ, 11 Іюля съ утра начался звонъ Кремлевскихъ церквей. Пока въ Успенскомъ соборѣ готовили передъ алтаремъ у двухъ заднихъ колоннъ чертогъ—возвышенное мѣсто на 12 ступеней—во дворцѣ въ Золотую палату вышелъ Михаилъ Ѳедоровичъ къ собравшемуся синклиту. Царь послалъ за своимъ Царскимъ саномъ—регаліями, т. е. за животворящимъ крестомъ, шапкой Мономаха, бармами, цѣпью, скипетромъ и державой. Эти царскія регаліи, связанныя съ идеей наслѣдія Византійскихъ императоровъ, выносили предстaвители Нижегородскаго ополченія. Боярину Морозову поручено было идти передъ саномъ, кн. Пожарскому нести скипетръ, крестъ же, бармы и шапку Мономаха на золотомъ блюдѣ несъ царскій духовникъ, Благовѣщенскій

протопопъ. На это обстоятельство обратилъ вниманіе историкъ Забѣлинъ, указавшій, что „въ назначеніи церемоніальныхъ мѣстъ для Пожарскаго руководила царскимъ повелѣніемъ духовная власть“. „Гдѣ не служили помѣхой чины (обряды) и мѣста (теперешніе чины), тамъ современники искренно выражали ему признательность“. Т. о. кн. Пожарскій „первый торжественно поднялъ оставленный давно скипетръ Россійскаго царства, первый принесъ его къ священному торжеству царскаго постановленія, одинъ оберегалъ царскій санъ до времени коронованія и потомъ ему же досталось при священнодѣйствіи хранить въ своихъ рукахъ державу того же самаго царства, которое своимъ символомъ и обозначала его“. Когда царскія регаліи были внесены въ Успенскій соборъ, встрѣчены духовенствомъ съ митрополитомъ во главѣ—онѣ были положены на столѣ, около котораго и всталъ кн. Пожарскій. Царь двинулся тогда изъ Золотой палаты въ соборъ. Послѣ молебна и рѣчей царя и митрополита было приступлено къ царскому вѣнчанію. Когда оно закончилось, Михаилъ Ѳедоровичъ въ царскомъ одѣяніи сошелъ съ чертожнаго мѣста и послѣ поученія митрополита занялъ свое царское мѣсто на правой сторонѣ собора. Началась литургія, въ концѣ которой, снявъ корону, отдавъ скипетръ и державу, Царь принялъ мvропомазаніе и пріобщился Св. Тайнъ. При выходѣ изъ собора, кн. Мстиславскій осыпалъ царя золотыми. Направившись на поклоненіе въ Архангельскій соборъ, Михаилъ Ѳедоровичъ затѣмъ прошелъ въ Благовѣщенскій и во внутренніе покои дворца. Затѣмъ въ Грановитой палатѣ былъ торжественный обѣдъ, изображеніе котораго на ряду съ другими картинами царскаго вѣнчанія имѣемъ въ книгѣ, составленной и иллюстрированной въ царствованіе Алексѣя Михаиловича. Во время чина вѣнчанія, на обѣдѣ въ этотъ же день, и въ день своихъ именинъ (12 Іюля) царь приказалъ быть всѣмъ безъ мѣстъ, чтобы уничтожить начавшіяся пререканія и мѣстничество. Это уже показываетъ намъ, что старый сложившійся порядокъ остался безъ измѣненія, и царь не могъ и не хотѣлъ его измѣнить. Этимъ объясняются многія мелочи, на первый взглядъ неожиданныя, при торжествѣ коронованія. Мѣста распредѣляются по породѣ. Старѣйшему кн. Мстиславскому наиболѣе почет-

Торжественный пиръ въ Грановитой палатѣ послѣ вѣнчанія царя Михаила
Ѳеодоровича на царство.

ное—осыпать царя золотыми; подавать корону при вѣнчаніи—Ив. Н. Романову, какъ дядѣ царя, скипетръ—Трубецкому, державу—кн. Пожарскому, идти за саномъ—Морозову и т. п. Мѣстническихъ счетовъ, законность которыхъ признавали такіе цари XVI в., какъ Іоаннъ IV, не могъ нарушать Государь, избранный для продолженія ихъ традицій. Наконецъ, и самъ царь выросъ въ понятіи родовой чести, принадлежа къ тому боярскому роду, который самъ мѣстничался съ княжатами. Въ этомъ отношеніи къ общественнымъ традиціямъ можно видѣть, что не было перетасовки и перестановки старыхъ порядковъ. Сверхъ того можно видѣть, что послѣдовало всѣми глубоко сознанное всепрощеніе: „всѣ люди въ бѣдахъ поискусились и въ чувство и въ правду пришли“. А потому не только „кривые Тушинцы смѣшались съ прямыми Нижегородцами“, но даже, къ несчастью, эти Тушинцы постепенно овладѣли положеніемъ и „благодаря этому, вопреки пословицѣ, „дурная трава“, не была выброшена „изъ поля вонъ“, а выросла на полѣ и заглушила добрые ростки земскаго управленія съ помощью выборныхъ людей, добрыхъ, разумныхъ и настоятельныхъ“. Но это уже дѣло будущаго, а въ самомъ 1613 г. естественно и соотвѣтственно великому національному и нравственному подъему было не распутывать грязныхъ и темныхъ дѣлъ Смуты, а въ дружной работѣ идти на встрѣчу новому государствованію, которое должно было расширять и множить славу родной земли. Михаилъ Ѳедоровичъ, чистый по молодости лѣтъ отъ какого либо участія въ событіяхъ Смутнаго времени, бывшій какъ бы внѣ событій прошлаго, и не касался этого прошлаго въ своихъ распоряженіяхъ. Даже судъ надъ ближайшими и главнѣйшими измѣнниками, Московскими друзьями Сигизмунда, велся не отъ лица царя, а отъ лица земскаго собора.

III.

Воскрешая старый порядокъ жизни, Михаилъ Ѳеодоровичъ долженъ былъ напомнить и о той идеи Московскаго царства и государственной власти, каковая выработалась въ XVI в. Мы видимъ это въ рѣчахъ и въ обрядахъ коронованія. Новая династія, избранная Волей Промысла и приговор-

ромъ земли, вступала на престолъ по отечеству, по связи со старой династіей. И царь и духовенство подчеркиваютъ эту связь и завѣтъ продолжать дѣло прародителей. Въ царскихъ регаліяхъ, связанныхъ съ именемъ Владиміра Мономаха, реально передавалось наслѣдіе отъ Византійскихъ императоровъ. Но къ прежнему понятію прибавилось новое. Государь—избранникъ всея земли, онъ постоянно ссылается на это избраніе, чтобы подтвердить обязательства, принятыя на себя землею. Менѣе ясно, какъ новый государь смотрѣлъ на Русскую землю, какъ на вотчину, подобно Іоанну III и Іоанну IV, или съ понятіемъ вотчины соединялось у него представленіе лишь о своемъ боярскомъ хозяйствѣ? Съ одной стороны значеніе, какое придавали родовому началу, говоритъ въ пользу того, что идея вотчинности не исчезла вполнѣ, но съ другой стороны событія Смутнаго времени и избраніе Государя землею должны были нарушить представленіе о русской землѣ, какъ вотчинѣ государя.

Что же касается до той полноты самодержавной власти, которая по рѣчамъ выборныхъ перешла всецѣло въ руки юнаго царя, то послѣ ряда серьезныхъ изслѣдованій не могло бы быть сомнѣнія въ данномъ вопросѣ. Въ грамотахъ избранія, въ Утвержденной и въ чинѣ вѣнчанія — говорится опредѣленно, что Михаилъ Ѳедоровичъ принимаетъ самодержавную власть прародителей. Однако съ XVIII в. пошелъ слухъ объ ограниченіи власти новоизбраннаго государя. Онъ появился, собственно говоря, въ XVIII в. въ особый политическій моментъ: а именно, когда въ 1730 г. при вступленіи Анны Іоанновны явился проектъ верховниковъ. Тогда стали вспоминать событія начала XVII в., и фактъ правленія несовершеннолѣтняго царя и земскаго собора, постоянно находившагося при немъ, воспоминаніе о вліяніи администраціи на ходъ дѣлъ для умовъ XVIII в. облеклось въ форму боярскаго ограниченія царской власти. О такой именно формѣ говорятъ иностранные писатели, передававшіе несомнѣнно слухи, что бояре хлопотали заранѣе ограничить власть царя и что царь далъ таковую запись. Они приводятъ упоминаніе о тайной перепискѣ Шереметева съ митрополитомъ Филаретомъ и приводятъ якобы условія записи. Но кромѣ этихъ извѣстій, имѣются два—

отъ XVII в., и на этотъ разъ русскія: Псковская лѣтопись и дьякъ Котошихинъ. Одна говоритъ, что бояре ограничивали царя, другой, что царь не былъ такъ самодержавенъ, какъ его сынъ Алексѣй Михайловичъ. Въ Лѣтописи и у Котошихина мы должны видѣть воспоминаніе о событіяхъ царствованія съ окраской соотвѣтственно цѣлямъ авторовъ: въ Лѣтописи ярче обрисовать своеволіе ненавистнаго боярства, у Котошихина объяснить явленіе согласно понятію шведскаго общества, для котораго писались Записки. Ограничительной же записи или какого либо документа, подтверждающаго эту запись, не имѣется. Особенно же важно отсутствіе той среды, отсутствіе такого кружка лицъ или такого учрежденія, отъ которыхъ могла бы исходить идея записи. Боярство было разгромлено. Сверхъ того тѣ бояре, которые могли желать такой записи, были въ опалѣ. Земскій соборъ 1613 г. и послѣдующій о ней нигдѣ не поднималъ вопроса. Больше того—для собора 1613 г. надлежало убѣдить Михаила Ѳедоровича принять престолъ. Согласившійся царь всѣмъ своимъ поведеніемъ, въ теченіе весны 1613 г., показалъ, что дѣйствовалъ вполнѣ самовластно. Кругъ лицъ, сгруппировавшійся около молодого царя, былъ результатомъ личной его пріязни и случайныхъ обстоятельствъ, а по составу весьма пестрый. Правительственная обстановка не измѣнилась и съ пріѣздомъ патріарха Филарета. Т. о. некому и не для кого было хлопотать объ ограниченіи.

Михаилъ Ѳедоровичъ вступилъ на престолъ во всей полнотѣ власти; ни у него, ни у современниковъ не было и мысли, что онъ ограниченнѣе своихъ прародителей. Но царь былъ молодъ, подпадалъ подъ вліяніе людей, дѣятельность которыхъ была безусловно вредна, и о которыхъ осталось тяжелое воспоминаніе, наконецъ, царь опирался на землю въ лицѣ выборныхъ тѣхъ земскихъ соборовъ, которые помогли новой династіи устроить государство и упрочиться на престолѣ. И все это—вся эта историческая картина—однихъ раздражала и въ ней имъ видѣлось старое боярское своеволіе, другимъ давало поводъ искать здѣсь нѣчто похожее на интересующій ихъ вопросъ.

Такъ совершилось дѣло царскаго избранія „по Божію устроенію и по приговору всея земли“. Когда въ 1598 г.

упоминалось имя Ѳеодора Никитича Романова, когда въ 1610 г. называлъ патр. Гермогенъ юнаго Михаила Ѳедоровича и Жолкѣвскій счелъ его за опаснаго соперника Владиславу—обстоятельства были, казалось, болѣе благопріятны для вступленія династіи. Тогда и въ самой средѣ Романовыхъ и въ ихъ кругу были и стремленія и шансы на воцареніе. Въ 1613 г. положеніе дѣлъ измѣнилось: Ѳеодоръ Никитичъ, теперь митрополитъ Филаретъ, былъ въ польскомъ плѣну, и при образѣ дѣйствій Сигизмунда и Поляковъ ему могла угрожать серьезная опасность. Романовскій кругъ распался, Михаилъ Ѳедоровичъ съ матерью, послѣ Московскаго плѣна, были далеко, въ Костромскомъ краѣ; опасное положеніе разореннаго государства требовала отъ правителя и опытности и страшной отвѣтственности,—и не смотря на все это, именно тогда, когда Романовы менѣе всего думали о престолѣ и желали его, корона Московскихъ государей достается имъ. Посмотримъ теперь, чѣмъ же объясняется столь единодушное и сознательное рѣшеніе земскаго собора 1613 г. и какъ изложено это событіе въ Утвержденной грамотѣ?—Утвержденная грамота объ избраніи на царство Михаила Ѳедоровича окончательно составлена и подписана позже Мая мѣсяца, которымъ она помѣчена. Начало ея взято буквально съ грамоты объ избраніи Бориса Годунова: то же торжественное слово въ слово обращеніе къ Святой Троицѣ: „Великаго Господа Бога Отца страшнаго, всесильнаго и вся содержащаго,... сидящаго на престолѣ Херувимстѣмъ съ превѣчнымъ и единороднымъ своимъ Сыномъ... и съ божественнымъ животворящимъ своимъ Духомъ... Имъ же Царіе царствуютъ... отъ Него же земля Русская своими Государями обладаема“. Затѣмъ слѣдуетъ буквальное повтореніе краткой исторіи Рюрикова дома до кончины царя Ѳеодора. Единственная вставка касается упоминанія о благочестивой и Богомъ дарованной супругѣ царя Іоанна Васильевича, Анастасіи Романовнѣ Юрьевой. Затѣмъ по кончинѣ царя Ѳеодора слѣдуетъ согласный съ той же Утвержденной грамотой, но сокращенный разсказъ объ избраніи Бориса Годунова и благословеніи его царицей Ириной. Съ этого мѣста изложеніе грамоты избирательной Михаила Ѳедоровича, конечно, является самостоятельнымъ. Передаются событія, касающіяся

перваго Лжедимитрія, царя Василія, Владислава, ополченій, при чемъ оба, 1611 и 1612 г.г., какъ бы сливаются въ одно и за кн. Трубецкимъ исчезаетъ имя Ляпунова, затѣмъ слѣдуетъ разсказъ объ очищеніи Москвы, созывѣ избирательнаго собора. Главную же часть этой, вообще пространной, грамоты, составляетъ изложеніе самаго факта избранія государя, доводовъ въ пользу этого избранія, разсказъ о посылкѣ въ Кострому, гдѣ въ рѣчахъ пословъ къ новоизбранному царю и его матери заключается, какъ повтореніе прежнихъ доводовъ, такъ и приведеніе новыхъ для убѣжденія Михаила Ѳедоровича принять корону. Мы остановились на анализѣ этой грамоты, чтобы уловить то направленіе, которое и соборъ 1613 г. и новая династія хотѣли себѣ усвоить. Несомнѣнно, что они стояли на старой привычной идеѣ, выработанной XVI в., и на идеѣ Промысла Божія устрояющаго царства „природнаго Государя“. Основная же мысль, которую выставляетъ Утвержденная грамота и согласно съ нею литературные памятники, та, что избраніе Михаила Ѳедоровича совершилось по „Божію устроенію и по приговору всея земли“. Въ послѣднихъ словахъ заключается уже новая мысль, выработавшаяся за эпоху Смуты, когда народъ, на ряду съ ясно сознаваемымъ понятіемъ государя, сталъ понимать и отвлеченную идею государства. Народъ сталъ работать для спасенія этого государства и тѣмъ искупалъ обвиненіе, брошенное ему современными публицистами въ „безумномъ молчаніи всего міра“, въ недостаткѣ мужественной крѣпости. Понятіе о „приговорѣ всея земли“ при избраніи Михаила Ѳедоровича довольно подробно развито. Утвержденная грамота и другіе памятники не только повторяютъ уже приводимые примѣры изъ исторіи Византіи, когда гласъ народа являлся гласомъ Божіимъ, но и дѣлаетъ разницу между избраніемъ по всенародному единодушному совѣту и избраніемъ немногихъ людей, какъ сказано про царя Василія Шуйскаго: „выбрали на государство не многіе люди и по вражію дѣйству многіе города ему Государю служить не похотѣли“.—Народная и общественная мысль боролась между этимъ взглядомъ, созрѣвшимъ въ эпоху Смуты, и тѣмъ освященнымъ вѣками мнѣніемъ, что тотъ не царь, кто по хотѣнію человѣческому. И выходъ изъ этого противорѣчія

былъ найденъ въ томъ, что Михаила Ѳедоровича указалъ самъ Господь Богъ, что Онъ вложилъ о немъ мысль въ умы и сердца людей, что „не по человѣческому хотѣнію, ниже по человѣческому угодію“, не по своему желанію, а по праведному суду Божію совершилось устами всего народа это Царское избраніе.

Причиной же, почему именно Михаилъ Ѳедоровичъ удостоился этого Божіяго опредѣленія, выставляется его свойство, его связь съ корнемъ благочестивыхъ государей. Черезъ Смуту народная мысль вынесла идею „прирожденнаго“ государя, пыталась ловить призракъ угаснувшей династіи и теперь цѣплялась за связь рода Романовыхъ съ домомъ Рюрика. На всѣ лады развивается мысль, что Мих. Ѳед. отъ корени благочестивыхъ государей. Утвержденная грамота прямо говоритъ, что Мих. Ѳед. „ясно по свойству свойственному Царскому сѣмени Богомъ избранный цвѣтъ“. Быть на Царствѣ Царемъ и Государемъ суждено, говоритъ оффиціальный документъ, отъ прежнихъ великихъ Россійскихъ государей ихъ благороднаго корени, блаженнаго царя Ѳеодора Ивановича „сродичу, племяннику, его благоцвѣтущей и неувядаемой отрасли, М. Ѳ. Романову Юрьеву“. Точно также писатели Смуты отмѣчаютъ, что отецъ избраннаго царя „единокровенъ бысть преждебывшему великому государю“ Ѳедору Ивановичу, что новый царь—„дяди своего наслѣдникъ“, „братаничъ блаженнаго царя“ Ѳеодора. Народная же память облекла эту мысль въ форму поэтическую: кн. Пожарскій вопрошаетъ: „есть ли у насъ царское прирожденіе?“ и получаетъ въ отвѣтъ выпись о сродствѣ царевѣ и о томъ, какъ благочестивый царь Ѳеодоръ, отходя отъ сего свѣта вручилъ свой скипетръ и вѣнецъ братану своему боярину Ѳеодору Никитичу. Оффиціальные документы, кромѣ указанія на эту родственную связь, не приводятъ никакихъ другихъ доводовъ. Они только отмѣчаютъ еще страданія отъ царя Бориса, и главнымъ образомъ, плѣненіе Михаила Ѳеодоровича поляками въ Кремлѣ.

Но мы не ограничимся объясненіями Утвержденной грамоты. Не одно родство съ угаснувшей династіей вызвало единогласное подъ конецъ и сознательное рѣшеніе Земли. Принадлежа къ старѣйшему Московскому боярству, сохра-

нивъ свое положеніе на верхней ступени іерархической его лѣстницы при наплывѣ потомковъ Рюрикова и Гедиминова рода,—Романовы были долгіе годы на виду у всѣхъ. Громадныя вотчины раскинулись повсемѣстно, не только въ Костромскомъ краѣ, гдѣ ихъ было особенно много, но и на западѣ, сѣверѣ и югѣ. Стоитъ взглянуть на карту владѣній, чтобы убѣдиться, какъ много областей могли считать бояръ Романовыхъ своими совотчинниками, помѣщиками, связанными общими мѣстными интересами. Личность Анастасіи Романовны, первой супруги Грознаго царя и матери послѣдняго Рюриковича на престолѣ, личность ея брата Никиты Романовича—сохранились въ народной памяти подъ ореоломъ нравственной силы. Никита Романовичъ во время своей долгой службы пріобрѣлъ симпатіи среди народныхъ массъ и среди казачества, для устройства котораго онъ много поработалъ. Сынъ его Ѳеодоръ Никитичъ опирался въ своихъ надеждахъ на престолъ не только на свое личное положеніе, какъ царскаго родственника, не только на свою популярность въ средѣ Московскаго общества, гдѣ слылъ за образованнаго человѣка и за перваго щеголя, но и на эти заслуги своего отца. За годы Смуты Романовы жестоко пострадали при царѣ Борисѣ Годуновѣ, но представитель ихъ митрополитъ Филаретъ съумѣлъ сохранить свое положеніе, „не преклонился ни на десно, ни налѣво“ и даже пріобрѣлъ симпатіи въ Тушинскомъ станѣ. Служба же въ Великомъ посольствѣ подняла его на высоту національнаго подвига. Каждый разъ, когда поднимался вопросъ о престолонаслѣдіи, упоминалось имя М. Ѳ. Романова, какъ наиболѣе желательнаго для духовенства и народа. И въ 1613 г. духовенство, служилые и тяглые люди, казачество стали за Михаила Ѳеодоровича, а на встрѣчу народному желанію пошли начальники Нижегородскаго ополченія и бояре. Личность же юнаго царя, чистаго отъ пѣны Смутныхъ годовъ, отвѣчала нравственному чувству въ моментъ національнаго и нравственнаго подъема.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Отъ воцаренія Михаила Ѳеодоровича до возвращенія изъ плѣна государева отца.

I.

Когда 14-го марта 1913 представители великаго избирательнаго собора умоляли Михаила Ѳеодовича принять предлагаемый ему царскій вѣнецъ, юный народный избранникъ и его мать, старица Марѳа Ивановна, заявили земскимъ посламъ о своихъ опасеніяхъ согласиться на ихъ „челобитье“ въ такую тяжелую для страны пору. И надо сказать, что и царь Михаилъ Ѳеодоровичъ и его мать были совершенно правы. Русь была потрясена смутой, „разрухой“ и „лихолѣтьемъ“. При этомъ и казна царская была, дѣйствительно, пуста, и служилые люди значительно обѣднѣли, и внѣшніе враги грозили нашей родинѣ, и домашніе „воры“ способствовали ея разоренью. Несомнѣнно, правда, что многіе русскіе люди „понаказались“, „пришли въ разумъ“, и поняли силу объединенія и „наряда“, но долго еще грабежи, разбои, хищничество, своекорыстіе и своеволіе, являлись печальнымъ наслѣдствомъ Смутной эпохи и вредили Московскому государству не менѣе, чѣмъ ея внѣшніе враги: поляки и шведы. Прежде чѣмъ вести страну къ дальнѣйшему усиленію и процвѣтанію, необходимо было положить много умѣнья и труда, чтобы вывести Московское государство изъ состоянія полуанархіи на дорогу естественнаго развитія и создать условія для нормальной жизни его. Нельзя не признать въ этомъ отношеніи безспорныхъ заслугъ передъ родиной правительства первыхъ временъ царствованія родоначальника нынѣ Царствующаго Дома Романовыхъ. Это правительство во многихъ случаяхъ отражало на себѣ по-

вадки и пріемы предшествовавшей развратной и тяжелой поры. Тѣмъ не менѣе оно принесло большую пользу странѣ, изстрадавшейся отъ безнарядья. Случилось такъ въ весьма значительной степени благодаря дѣятельнѣйшему участію въ государственномъ управленіи „совѣта всей земли“, работавшаго надъ устроеніемъ страны въ самомъ тѣсномъ единеніи съ излюбленнымъ своимъ государемъ, которому вѣрили безусловно, видя его несомнѣнную нравственную чистоту.

Изъ сказаннаго ясно, что правительство и „земскій совѣтъ“ являются тѣми самыми силами, на которыя надо обратить самое пристальное вниманіе, если хотятъ ознакомиться съ первыми годами царствованія Михаила Ѳеодоровича Романова. И прежде всего надо изучить, насколько это необходимо для нашей цѣли, составъ этихъ силъ и поприще ихъ дѣятельности. Затѣмъ мы должны будемъ обратиться къ разсмотрѣнію тѣхъ мѣръ, какія были проведены въ интересующую насъ эпоху для упорядоченія финансовъ государства, безъ чего трудно, а порой и невозможно, ему существовать и дѣйствовать. Только тогда приступимъ мы къ изученію того, какъ была выполнена за описываемую эпоху важнѣйшая, неотложнѣйшая задача царя Михаила Ѳеодоровича, правительства и земскаго собора. Этой задачей — являлась борьба съ послѣдствіями Смуты, умиротвореніе страны и установленіе мирныхъ отношеній съ сосѣдними государствами.

Благодаря новѣйшимъ изысканіямъ, мы легко знакомимся съ составомъ правительства царя Михаила Ѳеодоровича и безъ труда подмѣчаемъ его необыкновенную пестроту и сложность. Произошло это потому, что „новый государь“ оставилъ у дѣлъ всѣхъ тѣхъ, кого застало на мѣстахъ его избраніе. Не было ни одной опалы, ни одного удаленія въ пору „нареченія новаго монарха“. Вслѣдствіе этого обстоятельства, свидѣтельствующаго о несомнѣнномъ тактѣ древнерусскихъ людей, стремившихся къ забвенію прошлаго, хотя и покаравшихъ наиболѣе запятнанныхъ измѣной русскимъ интересамъ людей, какъ-то: Ѳедора Андронова и нѣкоторыхъ другихъ, и о томъ, что для умиротворенія страны примирились враждебныя другъ другу группы, у власти

остались и „седмичисленные бояре“, изъ которыхъ князь Ѳ. И. Мстиславскій сталъ попрежнему занимать первое мѣсто въ Думѣ и во всѣхъ торжественныхъ случаяхъ. Однако дѣйствительнымъ значеніемъ изъ членовъ семибоярщины пользовался несомнѣнно не этотъ родовитый, но не отличавшійся особенными способностями и близостью къ Романовскому кругу человѣкъ, а царскіе родственники: Иванъ Никитичъ Романовъ, Ѳеод. Ив. Шереметевъ и князь Бор. Мих. Лыковъ. Кромѣ этого круга бояръ остались среди правящаго круга и пользовались нѣкоторымъ значеніемъ тушинскій бояринъ, а затѣмъ вождь подмосковныхъ ополченій князь Дм. Тим. Трубецкой и славный предводитель Нижегородцевъ князь Дм. Мих. Пожарскій. И бывшій „говядарь“, а впослѣдствіи думный дворянинъ Козьма Мининъ Сухорукъ не только засѣдалъ въ царской Думѣ, но и привлекался къ финансовымъ дѣламъ, къ которымъ особенно былъ пригоденъ этотъ геніальный русскій самородокъ. И среди дьяковъ, т.-е. приказныхъ людей, такъ сказать чиновничества того времени, мы встрѣчаемъ при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ людей, которые служили въ эпоху Смуты разнымъ правительствамъ, въ томъ числѣ и воровскимъ. Слѣдуетъ отмѣтить, что среди дьячества болѣе всего въ описываемое время преуспѣвали дьяки-тушинцы. Это обстоятельство объясняется слѣдующимъ образомъ: Тушинскій Воръ и его ближайшіе приближенные были особенно щедры на разнаго рода пожалованія, чего не дѣлалъ царь Василій Шуйскій, и не имѣли возможности и охоты дѣлать вожди подмосковныхъ ополченій. Поэтому, когда по очищеньи Москвы стали работать вмѣстѣ тушинскіе, „нижегородскіе“, московскіе и иные приказные люди, то первымъ изъ нихъ стали принадлежать наиболѣе видныя мѣста благодаря ихъ служебному старшинству. Да и способностями и талантами они превосходили своихъ сотоварищей. Правда, они были большими лихоимцами и практиковали дурные пріемы управленія, но эти же самые дьяки, по правильному замѣчанію Ст. Б. Веселовскаго „съ удивительною постепенностью, обходя и временно оставляя безъ рѣшеній множество щекотливыхъ вопросовъ, борятся съ анархіей и выводятъ наконецъ черезъ нѣсколько лѣтъ государственную власть изъ неустойчиваго равновѣсія“.

Такимъ образомъ пестрота правительственнаго состава была царемъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ унаслѣдована отъ предшествовавшей поры. Она увеличилась еще оттого, что царь и его мать, инока Марѳа, очень властная и энергичная, но ограничивавшая свою дѣятельность сферой дворцоваго вліянія, женщина, ввели въ составъ правительства цѣлый рядъ близкихъ имъ людей. Изъ нихъ первое мѣсто заняли родственники инокини Марѳы, братья Б. и М. Мих. Салтыковы. Борисъ Михайловичъ Салтыковъ далеко превосходилъ своимъ значеніемъ даже родного дядю царя, боярина Ивана Никит. Романова. За Салтыковыми слѣдуетъ назвать князя Ивана Борис. Черкасскаго и князя Ив. Ѳ. Троекурова, двоюродныхъ братьевъ молодого царя, а также „чашника“ князя Аѳ. Вас. Лобанова-Ростовскаго. За ними въ извѣстномъ приближеніи къ царю Михаилу Ѳеодоровичу стояли родственные ему люди: князья Черкасскіе и Сицкіе, Головины, Морозовы и Салтыковы. Но еще большимъ значеніемъ пользовались такіе въ сущности неродовитые люди, какъ постельничій Конст. Ив. Михалковъ и казначей Ник. Вас. Траханіотовъ. Вотъ изъ всѣхъ названныхъ лицъ и составилось высшее правительство, дѣйствовавшее до тѣхъ поръ, пока не возвратился изъ польскаго плѣна энергичный государевъ отецъ, митрополитъ ростовскій Филаретъ Никитичъ, впослѣдствіи патріархъ всероссійскій.

За этимъ правительствомъ несмотря на злоупотребленія, ошибки и промахи весьма многихъ лицъ изъ его состава, нельзя не признать значительныхъ и безспорныхъ заслугъ въ дѣлѣ возстановленія нарушеннаго Смутой государственнаго порядка. Но, какъ уже и было отмѣчено, и само населеніе охотно помогало дѣйствіямъ государственной власти, направленнымъ къ вышеуказанной цѣли. Населеніе имѣло возможность оказать эту необходимую для Руси помощь правительству благодаря существованію земскаго собора. Этотъ „земскій совѣтъ“ до самаго 1622 года дѣйствовалъ непрерывно. Его дѣйствія были направлены къ оздоровленію государственнаго организма. Заботясь о насажденіи порядка въ странѣ, молодой государь нуждался въ помощи „земли“. Она же въ свою очередь единодушно признавала, что „ни одна земля безъ государя не стоитъ“.

Въ своемъ мѣстѣ будетъ отмѣчено, когда созывались новыя сессіи „земскаго совѣта“ и какова была сфера его дѣятельности. Здѣсь же мы ограничимся указаніемъ, что и компетенція собора и кругъ его дѣятельности были чрезвычайно велики. Послѣ этого указанія перейдемъ къ краткому разсмотрѣнію того, что было сдѣлано соборомъ и правительствомъ въ первые годы царствованія Михаила Ѳеодоровича для того, чтобы возстановить правильный порядокъ сбора податей и пополненія опустѣлой государевой казны. Изъ недавно опубликованныхъ „Актовъ“ по исторіи Смуты съ неопровержимой ясностью узнаемъ, какія губительныя послѣдствія имѣли времена „лихолѣтья“ на поступленіе государевыхъ сборовъ. Съ одной стороны населеніе страдало и бѣднѣло отъ постоянныхъ всевозможныхъ поборовъ, съ другой стороны многіе достаточные люди, пользуясь „разрухой“, самовольно прекращали платежи податей. Эти же „Акты“ даютъ намъ возможность установить, что уже правительству въ ополченіи Прокофья Ляпунова наша родина обязана первой попыткой возстановить болѣе или менѣе правильное поступленіе и расходованіе податей. Затѣмъ Пожарскій и Мининъ довольно успѣшно дѣйствовали въ этомъ же направленіи. Но безпорядки въ этомъ дѣлѣ все же продолжались. Поэтому еще до перехода власти къ царю Михаилу, но уже по его избраніи земскій соборъ приговоромъ отъ 27-го февраля 1613 года предпринялъ дальнѣйшіе рѣшительные шаги въ этомъ же направленіи. Новое правительство охотно поддержало этотъ приговоръ „земскаго совѣта“, и мало-по-малу было налажено правильное поступленіе податей въ государеву казну.

Однако обыкновенныя подати въ столь исключительное время, когда приходилось употреблять всѣ усилія, чтобы вывести Русь изъ ея тяжелаго положенія на путь дальнѣйшаго развитія, были совершенно недостаточны. Не забудемъ, что Смута сказалась, и очень замѣтно, на ихъ количествѣ: подати стали поступать „съ большой убавкой противъ прежняго“. Поэтому царь и соборъ предприняли рядъ экстренныхъ мѣръ для пополненія государевой казны. Они прибѣгали къ чрезвычайнымъ сборамъ. Эти сборы, производившіеся въ 1614 и другихъ годахъ извѣстны подъ

именемъ „запросныхъ денегъ“ и „пятой деньги“, какъ они и назывались въ то время. Запросныя деньги сбирались главнымъ образомъ съ духовенства и служилыхъ людей. Предполагалось при этомъ, что сборъ этотъ—добровольное пожертвованіе неопредѣленнаго размѣра въ пользу государства. Однако на дѣлѣ онъ имѣлъ весьма и весьма принудительный характеръ, причемъ старались взять какъ можно больше. „Пятой деньгой“ облагались тяглые люди. Этотъ чрезвычайный налогъ получилъ свое названіе потому, что сбирали съ населенія пятую часть его животовъ и промысловъ, начиная, правда, съ достатка извѣстной величины. Пятую часть имущества брали потому, что таковъ былъ въ тѣ времена общій наименьшій чистый годовой доходъ; т.-е. ежегодная прибыль равнялась тогда 20%. Съ капиталистовъ того времени брали благодаря этому налогу огромныя суммы. Такъ Строгановы однажды были принуждены одновременно уплатить 40.000 рублей серебра по тогдашнему счету, т.-е. никакъ не менѣе 560.000 рублей, считая на наши деньги. Правда, Строгановы были за то удостоены царской грамоты, написанной по этому поводу. Надо сказать, что подобные сборы тяжело ложились на населеніе Московскаго государства, и многіе выражали свое неудовольствіе ими. Но нельзя не признать, что только благодаря имъ государева казна нѣсколько пополнилась и неотложныя государственныя нужды получили хоть нѣкоторое удовлетвореніе. Явилась возможность содержать воинскія силы, снабжать жалованьемъ служилыхъ людеи, закупать военные запасы и т. д.

Итакъ лишь чрезвычайныя финансовыя распоряженія правительствъ и соборъ, сопровождавшіяся крайнимъ напряженіемъ платежныхъ силъ населенія, дали возможность выполнить насущный шумъ задачу Московскаго государства того времени, т. е. повести упорную борьбу съ внутренними врагами и внѣшними непріятелями. Борьба же эта была неминуема и неотвратима. Само существованіе государства безъ нея стало бы невозможнымъ. Смута, хотя разбитая и подавленная въ главныхъ своихъ проявленіяхъ, продолжала еще гнѣздится въ странѣ, истощала и разоряла ее во многихъ пунктахъ. Если мы отмѣтимъ, что тогдашнему населенію нашей родины приходилось подчасъ очень тяжело вслѣдствіе

дурныхъ замашекъ администраціи, то, по справедливости говоря, неизмѣримо больше терпѣло оно отъ грабежей, убійствъ и насилій всякого рода со стороны своихъ домашнихъ „воровъ“. Изъ нихъ печальнѣйшей извѣстностью пользовался тушинскій „бояринъ“ Иванъ Мартыновичъ Заруцкій. Ему принадлежалъ нѣкогда видная и почетная роль одного изъ „троеначальниковъ“ перваго подмосковскаго ополченія. Но Заруцкій не могъ удержаться на высотѣ. Завидуя Ляпунову и ненавидя его, казачій вождь подстроилъ убійство извѣстнаго предводителя земскихъ дружинъ. И во время нижегородскаго движенія Заруцкій остался вѣренъ себѣ и подсылалъ убійцъ къ князю Дм. Мих. Пожарскому. Злодѣйство не удалось, и земщина восторжествовала надъ казачествомъ. Тогда Заруцкій увелъ „мало не половину войска“, т. е., казаковъ изъ-подъ Москвы на „Югъ“, гдѣ и хозяйничалъ именемъ сошедшейся съ нимъ Марины Мнишекъ и ея малютки—сына, такъ называемаго Воренка. Какъ только Москва была очищена отъ поляковъ и литовцевъ, земскій соборъ поспѣшилъ принять рядъ мѣръ противъ Заруцкаго, пытавшагося тѣмъ временемъ вызвать новую смуту въ русской землѣ. Подобныя попытки Заруцкаго и борьба съ ними продолжалась и во время „подвига“ царя Михаила Ѳеодоровича къ Москвѣ.

Въ то время противъ дѣятельнаго тушинскаго „боярина“ и атамана съ его хищническими шайками былъ изъ Москвы посланъ бояринъ и воевода князь Иванъ Никитичъ Одоевскій съ дворянскими ополченіями изъ нѣсколькихъ городовъ. Среди старонниковъ Заруцкаго возникла тѣмъ временемъ сильная рознь. Многіе изъ его прежнихъ приверженцевъ, услышавъ про воцареніе Михаила Ѳеодоровича, поспѣшили оставить своего „атамана“. Заруцкій, видя, что его силы начинаютъ слабѣть, вмѣстѣ „съ Маринкою“ и ея Воренкомъ поспѣшилъ отступить къ Воронежу. Князь Одоевскій успѣлъ настичь его около этого города и далъ ему удачное сраженія. Послѣ этого боя Заруцкій продолжалъ свое отступленіе. Переправившись черезъ Донъ, онъ степью двинулся къ Астрахани и расположился въ ней на зимовку. Заруцкій не падалъ духомъ. Онъ надѣялся поднять на Московское государство вольныхъ казаковъ и посылалъ съ этой цѣлью „пре-

лестныя“ грамоты на Донъ отъ имени Марины, Воренка и своего собственнаго. Но донскіе казаки, получивъ „государево великое жалованье“, не захотѣли идти войной на Москву, о чемъ и заявили самымъ рѣшительнымъ образомъ посланнымъ Заруцкаго. Нашлось всего лишь около 560 молодыхъ „голутвенныхъ“ казаковъ, которымъ улыбалась мысль отправиться вмѣстѣ съ тушинскимъ „бояриномъ“ въ походъ противъ „Самарскаго“ городка и „добыть себѣ зипуновъ“. Эти то казаки и отправились къ Заруцкому. Но дни былой силы воровского вождя, повидимому, проходили. Насилія и грабежи его шаекъ возбудили противъ него возмущеніе жителей Астрахани. Боясь того, что ихъ городъ будетъ окончательно разграбленъ и разоренъ, астраханцы весной 1614-го года сѣли отъ шаекъ Заруцкаго въ правильную осаду и просили себѣ помощи у московскихъ воеводъ. Между тѣмъ изъ Москвы къ Астрахани шелъ бояринъ князь Ив. Никит. Одоевскій съ большимъ войскомъ. Но Заруцкій не сталъ дожидаться высланныхъ противъ него московскихъ силъ. Онъ настолько ясно чувствовалъ свое безсиліе, что былъ напуганъ приходомъ къ Астрахани отряда, высланнаго противъ него терскимъ воеводой Петр. Вас. Головинымъ. Въ маѣ 1614 года Заруцкій, Марина, Воренокъ и немногіе изъ ихъ приверженцевъ перекинулись поспѣшно на рѣку Яикъ, гдѣ и скрывались на Медвѣжьемъ островѣ. Одоевскій отправилъ особые отряды для поимки опасныхъ воровъ. Этимъ отрядамъ удалось схватить Заруцкаго, Марину Мнишекъ и Воренка и съ торжествомъ привести ихъ въ Астрахань. Оттуда всѣ они немедленно отправлены въ Москву. Тамъ Заруцкій и маленькій, но опасный, какъ носитель извѣстнаго имени, Воренокъ былъ казненъ. Марина Мнишекъ умерла въ тюрьмѣ. Поляки впослѣдствіи укоряли русскихъ людей, говоря, что Марину въ Москвѣ отравили; на это русскіе отвѣчали, что „Маринка“ умерла отъ тоски и что ея жизнь была нужна московскому правительству для открытія многаго ея воровства и неправды. Послѣ поимки и гибели Заруцкаго грабежи и разбои „воровскихъ казаковъ“ не были прекращены окончательно. Вообще въ тѣ времена не всегда легко было провести границу между „служилыми“ и „воровскимъ“ казачествомъ. Если воровскіе казаки при случаѣ били челомъ царю и начинали служить ему,

то „служилые“ не менѣе легко уклонялись „въ воровство“. Такіе „воры“ поселяли ужасъ и трепетъ въ мирномъ населеніи нашей родины. Особенно свирѣпствовалъ извѣстный атаманъ Баловень, который заставилъ дрожать отъ страха все Заволжье. Къ его храбрымъ, безшабашнымъ станицамъ охотно присоединились весьма „многіе казаки и боярскіе люди“, т. е. бѣглые холопы и крѣпостные. Эти-то многочисленныя воровскія шайки и принялись за усиленное разоренье и „запустенье Московскаго государства“. Они дѣйствовали въ цѣломъ рядѣ мѣстъ: Романовѣ, Углечѣ, Пошехоньѣ, Бѣжецкомъ верхѣ, Кашинѣ, Бѣломъ озерѣ, Каргополѣ, Вологдѣ, Важской волости и во многихъ другихъ городахъ, уѣздахъ и селеніяхъ. Другіе казачьи шайки производили тѣмъ временемъ рядъ грабежей въ Сѣверскихъ и Украинныхъ городахъ. Воровскіе казаки не останавливались передъ самыми неслыханными злодѣяніями: „людей же ломаху на древо и въ ротъ зелье сыпаху и зажигаху и на огнѣ жгоша безъ милости, женскому полу сосцы прорѣзоваху и веревки вдергиваху и вѣшаху... и многими различными иными муками мучиша“. Слѣдствія этихъ „воровскихъ“ набѣговъ и разоренья были очень плачевны. Многіе города и селенія были разорены и опустѣли.

Правительство поняло необходимость принять самыя энергичныя мѣры для искорененія страшнаго внутренняго зла. Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ поспѣшилъ отправить противъ воровскихъ казаковъ одного изъ способнѣйшихъ московскихъ воеводъ, князя Бор. Мих. Лыкова, и далъ ему сильную рать изъ „семи городовъ“. Но прежде всего хотѣли попытаться еще разъ подѣйствовать увѣщаніями и уговорами. Съ бояриномъ и воеводой посланы были также и видныя „власти“, архимандриты большихъ монастырей, которые отправились исполнять свою миротворческую миссію, но тщетно, такъ какъ казаки не замедлили увидать въ такомъ шагѣ московскаго правительства признакъ его слабости, а потому и обнаружили самое „неуклонное свирѣпство“. Между тѣмъ князь Б. М. Лыковъ не терялъ времени даромъ. Во время похода въ Ярославль, понимая, на какое трудное дѣло онъ идетъ, бояринъ побывалъ у святого подвижника, старца Иринарха, у котораго получилъ благословеніе на успѣшную

борьбу съ казаками. Послѣ этого Лыковъ поспѣшилъ въ Ярославль, откуда ему предстояло немедленно идти походомъ противъ черкасъ, т. е. малороссійскихъ казаковъ. Послѣдніе въ это время грабили и разоряли Поволжье. Быстро погнался за ними Лыковъ. Въ Васильевѣ, слободкѣ Балахонскаго уѣзда, онъ настигъ черкасъ, принудилъ ихъ къ бою и разбилъ на голову. Послѣ этого московскій воевода возвратился въ Ярославль, гдѣ узналъ уже извѣстный намъ результатъ увѣщаній властями „воровскихъ“ казаковъ. Князь Б. М. Лыковъ двинулся противъ этихъ казаковъ къ Вологдѣ, причемъ дѣйствовалъ очень умѣло. Онъ разсылалъ для преслѣдованія воровскихъ казачьихъ шаекъ во всѣ стороны „посылки“. Такой правильный образъ дѣйствій увѣнчался, какъ и слѣдовало ожидать, полнымъ успѣхомъ. Разбойничьи отряды было во множествѣ истреблены или сильно порѣдѣли. Остальные казаки, видя, что ихъ разгулу приходитъ конецъ, рѣшились двинуться прямо къ столицѣ и тамъ, по ихъ собственнымъ словамъ „своими головами государю бити челомъ“. Но Лыковъ и здѣсь не упустилъ изъ вида казаковъ. Онъ быстро погнался за ними и въ Дорогомиловѣ укрѣпился станомъ, ожидая случая вступить въ бой съ воровскими шайками. Тѣмъ временемъ послѣдніе осмѣлились „на Москвѣ воровати“. Однако это не прошло имъ даромъ: ихъ „старшинъ“ схватили, а остальные были разбиты въ бою съ дѣятельнымъ и распорядительнымъ московскимъ бояриномъ. Остатокъ ихъ шаекъ бросился тогда въ Сѣверскіе города къ своимъ товарищамъ. Но Лыковъ и тутъ погнался за ними и принудилъ ихъ къ сдачѣ. Баловень и его главные помощники были казнены, а рядовые казаки, сдавшіеся на милость московскаго царя, были прощены.

Такимъ образомъ князю Б. М. Лыкову удалось покончить съ главными воровскими силами. Конечно, не сразу еще успокоились „воры“, отдѣльныя шайки которыхъ долго еще пугали мирныхъ жителей Московской Руси. Но въ общемъ „воровство“ на долго было поражено и не имѣло силы оправиться.

II.

Мы имѣли возможность наблюдать, какъ дѣятельно боролись Московское правительство съ внутренними врагами Россіи. Въ тоже время этому правительству необходимо было тѣмъ или инымъ образомъ распутать свои отношенія къ извѣчнымъ врагамъ древней Руси: Швеціи и Рѣчи Посполитой. Смута и „разруха“ въ Московскомъ государствѣ были благопріятны для этихъ его внѣшнихъ непріятелей. Швеція заняла Новгородъ съ прилегающей къ нему областью и, недовольствуясь этимъ успѣхомъ, продолжала угрожать нашей родинѣ съ сѣвера и сѣверо-запада. Польшѣ во время нашего трехлѣтняго междуцарствія удалось овладѣть Смоленскомъ и рядомъ сосѣднихъ съ нимъ городовъ. Кромѣ того поляки не покидали, повидимому, замысловъ о завоеваніи и подчиненіи всѣхъ „государствъ Россійскаго царствія“. Отношенія Московскаго государства къ этимъ его сосѣдямъ поглощали главнымъ образомъ вниманіе нашего правительства въ первые годы по воцареніи Михаила Ѳеодоровича.

Однако московское правительство не оставило совершенно въ сторонѣ сношеній и другими государствами Европы и Азіи, съ которыми древняя Русь сносилась до Смутной эпохи. Поэтому были снаряжены посольства къ англійскому королю, австрійскому „цесарю“, въ Голландскіе штаты, къ турецкому султану, персидскому шаху и во многія другія страны. Этимъ посольствамъ было предписано извѣстить государей и правительства разныхъ странъ о благополучномъ вступленіи царя Михаила Ѳеодоровича на русскій престолъ и просить при этомъ помощи противъ вѣковѣчныхъ „недруговъ“ Московскаго государства: Швеціи и Польши. Нельзя сказать, чтобы указанныя посольства были вовсе безрезультатны. Такъ персидскій шахъ прислалъ русскому царю 7000 рублей серебромъ „легкой казны“, а Англія и Голландія, у которыхъ были на первомъ планѣ были торговыя выгоды, предложили свое посредничество для переговоровъ московскаго правительства съ непріятелями. Болѣе существенныхъ послѣдствій посольства наши тогда не имѣли.

Отправивъ своихъ пословъ и гонцовъ въ разныя иностранныя государства, Москва тѣмъ временемъ вела борьбу на два

фронта. Со Швеціей намъ приходилось воевать въ то время изъ-за Новгорода. Имъ овладѣли шведы при такихъ обстоятельствахъ. Послѣ Клушинскаго пораженія шведы, которые покинули русскихъ въ рѣшительную минуту, разсерженные на задержку платежей слѣдуемаго имъ жалованья, ушли на сѣверъ и осадили Новгородъ. Долго держался этотъ старый и сильный русскій городъ, наконецъ сдался шведскому вождю, знаменитому полководцу Якову Пунтосову Делагарди, заключивъ съ нимъ договоръ на своеобразныхъ условіяхъ. Новгородъ долженъ былъ согласиться признать своимъ государемъ того изъ шведскихъ королевичей, котораго отпуститъ на Русь его отецъ, шведскій король Карлъ IX, но считался особымъ отъ Швеціи государствомъ. Въ договорѣ предусматривалась возможность выбора на русскій царскій престолъ того шведскаго королевича, который будетъ новгородскимъ государемъ. Если же это не состоится, Новгородъ долженъ былъ на вѣкъ остаться самостоятельнымъ и отъ Руси и отъ Швеціи государствомъ, но сохранить тѣсный неразрывный союзъ съ послѣдней страной. На время занятія Новгорода шведскими войсками въ немъ дѣйствовало особое правительство, въ которомъ подъ главенствомъ Делагарди или другого военачальника должно было находиться равное число шведскихъ и русскихъ людей. Жителямъ Новгорода шведы не должны были чинить никакихъ насилій и обидъ. Орудіе, оружіе, денежная казна, боевые запасы должны были оставаться въ Новгородѣ.

На такихъ сравнительно льготныхъ условіяхъ Новгородъ сдался Швеціи. Однако дѣйствительность была далеко не столь благопріятна для новгородцевъ. Шведы держали себя въ занятомъ городѣ въ высшей степени надменно, позволяли себѣ всевозможныя насилія и мало по малу своимъ образомъ дѣйствій возстановили противъ себя огромное большинство новгородскаго населенія. Разумѣется, и среди жителей Новгорода нашлись „отступники православной вѣры“, т. е. шведскіе сторонники, но таковые были въ ничтожномъ меньшинствѣ.

Тѣмъ не менѣе новгородцы во время нашего „лихолѣтья“ вели переговоры съ Москвой о кандидатурѣ предназначеннаго имъ въ государи королевича Карла Филиппа на рус-

скій царскій престолъ. Эти переговоры выяснили, что какъ новгородцы, такъ и остальные русскіе люди считаютъ принятіе королевичемъ Карломъ Филиппа православія непремѣннымъ условіемъ избранія его на русскій престолъ или признанія его новгородскимъ государемъ. Во всякомъ случаѣ переговоры затянулись, а тѣмъ временемъ произошли большія перемѣны и на Руси и въ Швеціи.

У насъ былъ избранъ царемъ Михаилъ Ѳеодоровичъ Романовъ, въ Швеціи скончался король Карлъ IX и на престолъ вступилъ сынъ его, знаменитый Густавъ-Адольфъ. Королевичъ Карлъ Филиппъ пріѣхалъ было въ Выборгъ и вызвалъ туда къ себѣ новгородское посольство, обѣщая въ скоромъ времени отправиться въ Новгородъ, однако такъ и не отправился „на свое государство“. Онъ уступилъ свои права на Новгородъ своему царственному брату. Тотъ произвелъ перемѣну въ высшемъ управленіи этимъ городомъ и прислалъ на мѣсто Якова Пунтоса Делагарди шведскаго фельдмаршала Эверта Горна. Тотъ въ скоромъ времени вынужденъ былъ донести своему королю, что настроеніе новгородскихъ жителей рѣзко измѣнилось, что всѣ они явно или тайно являются сторонниками московской Руси. Къ этому именно времени относится посольство архимандрита Кипріана и дворянъ Якова Бобарыкина и Матвѣя Муравьева. Они отправлены были въ Москву шведами для переговоровъ. Выполнивъ свою миссію, Кипріанъ и его товарищи довели до свѣдѣнія Московскаго правительства, что они хотѣли бы видѣть „царскіе очи“ и добить государю челомъ за свои невольныя вины. Просимая аудіенція была дана, и на ней произошла трогательная сцена: новгородцы „милости просяху со слезами“. Государь обласкалъ новгородскихъ пословъ, которымъ были даны двѣ грамоты: явная отвѣчала на дѣло ихъ посольства, а въ тайной содержалось милостивое прощеніе всѣхъ новгородскихъ „винъ“. Когда послы вернулись къ себѣ, они отдали первую грамоту шведамъ, а вторую въ спискахъ распространили по Новгороду. Тайна эта, конечно, стала извѣстна шведамъ, которые вымѣстили свою досаду на злополучномъ архимандритѣ Кипріанѣ и его товарищахъ. Несчастные послы подвергнулись всевозможнымъ притѣсненіямъ и обидамъ. Военныя дѣйствія между Москвой и Новгородомъ

въ то время продолжались своимъ порядкомъ. Обѣ стороны постоянно тревожили другъ друга мелкими нападеніями и стычками, а по временамъ приступали и къ болѣе значительнымъ дѣйствіямъ, переходя въ наступленіе. Такъ шведы рѣшились на осаду Тихвина, но горожане оказали упорнѣйшее сопротивленіе и этимъ избавили себя и свой городъ отъ участи Новгорода. И русскіе дѣлали попытки вернуть себѣ столь важный для нихъ во всѣхъ отношеніяхъ Новгородъ. Поэтому въ самомъ концѣ 1613 года или началѣ 1614 года царь Михаилъ Ѳеодоровичъ отправилъ противъ шведовъ для „поиска“ надъ ними и освобожденія отъ нихъ Новгорода боярина князя Дм. Тим. Трубецкаго. Послѣдній провелъ съ главными силами зиму въ Торжкѣ. Дисциплины этотъ знатный, но не особенно даровитый полководецъ поддержать не умѣлъ и поэтому въ многочисленномъ его войскѣ было „нестроеніе великое и грабёжъ отъ казаковъ и отъ всѣхъ людей“. Тѣмъ не менѣе весной 1614 года Трубецкой двинулся по направленію къ Новгороду, но въ іюнѣ того же года потерпѣлъ отъ шведовъ рѣшительное пораженіе подъ Бронницами. Мы потеряли при этомъ множество людей плѣнными, ранеными и убитыми. Сами главные военачальники, князь Трубецкой „съ товарищи“, съ великими усиліями ушли отъ преслѣдующаго ихъ непріятеля.

Между тѣмъ Густавъ-Адольфъ готовился къ рѣшительному выступленію противъ Московскаго государства. Въ 1615 году этотъ великій полководецъ самъ явился на Русь и приступилъ къ осадѣ Пскова. Но эта осада отлично укрѣпленнаго города, стойко оборонявшагося, была совершенно безуспѣшна. При этомъ король потерялъ одного изъ преданнѣйшихъ и способнѣйшихъ своихъ помощниковъ, храбраго и искуснаго фельдмаршала Эверта Горна. Тогда Густавъ Адольфъ снялъ осаду съ Пскова. Въ это именно время Англіей было предложено посредничество воюющимъ державамъ. Съ этой цѣлью въ Москву пріѣхалъ англійскій агентъ, хитрый и вкрадчивый купецъ Джонъ Мерикъ. Такъ какъ обѣ стороны очень нуждались въ мирѣ, то предложеніе Англіи съ восторгомъ было принято Русью и съ полной готовностью Швеціей. Уговорились о томъ, что оба государства пришлютъ своихъ уполномоченныхъ для веденія

мирныхъ переговоровъ. Нашими послами былъ окольничій князь Дан. Ив. Мезецкій и Алексѣй Зюзинъ. Посредникомъ былъ Джонъ Мерикъ. Пріѣхали для этой цѣли и голландскіе послы, но не имѣли времени и терпѣнія остаться до конца очень долгихъ переговоровъ. Съ января 1616 года по 27 февраля 1617 года продолжались съ перерывами эти переговоры. Наконецъ въ Столбовѣ составленъ договоръ вѣчнаго мира. По этому договору Швеція вернула Московскому государству Великій Новгородъ, Старую Русу, Порховъ, Ладогу съ уѣздами всѣхъ этихъ городовъ, и Сумерскую волость. Мы оставили за Швеціей Иванъ-Городъ, Ямы, Орѣшекъ. При этомъ Русь обязалась уплатить Швеціи 20.000 рублей серебромъ въ видѣ вознагражденія за возвращенные ей города.

Теченіе переговоровъ было очень бурнымъ, противники много и горячо спорили, но обѣ стороны искренне желали мира и остались довольны его заключеніемъ. Проницательный Густавъ-Адольфъ высоко оцѣнивалъ пріобрѣтенія Швеціи по Столбовскому договору. Великій государь отчетливо и ясно представлялъ себѣ, что Русь, все усиливавшагося могущества которой онъ справедливо опасался, надолго отрѣзана отъ береговъ Балтійскаго моря. Но Россіи въ ту пору было, какъ справедливо замѣтилъ С. М. Соловьевъ, „не до моря“. Вѣдь не даромъ царь Михаилъ Ѳеодоровичъ писалъ нашимъ уполномоченнымъ: „съ шведскими послами никакъ ни зачѣмъ не разрывать, ссылайтесь съ ними тайно, царскимъ жалованьемъ ихъ обнадеживайте, сулите и дайте что-нибудь, чтобы они доброхотали, дѣлайте не мѣшкая для литовскаго дѣла и для истомы ратныхъ людей, ни подъ какимъ видомъ не разорвите“.

И нельзя не признать, что Столбовскій договоръ съ одной стороны сопровождался очищеньемъ Великаго Новгорода и нѣкоторыхъ иныхъ, хотя и менѣе важныхъ, но все же значительныхъ русскихъ городовъ, съ другой—доставилъ намъ прочный миръ съ Швеціей. Такъ какъ Польско-Литовское государство принимало все болѣе угрожающее положеніе, Московскому государству важно было не имѣть враговъ на сѣверной и сѣверо-западной своей границѣ. Поэтому-несмотря на наши значительныя уступки, сдѣланныя шведамъ, нельзя не признать, что Столбовскій договоръ былъ очень удачнымъ и своевременнымъ для нашей родины.

Мы замѣтили только что объ угрожающемъ положеніи, занятомъ Рѣчью Посполитой по отношенію къ Россіи. И это положеніе вполнѣ понятно. Отношенія между двумя родственными и сосѣдними народностями никогда не были особенно хорошими: всегда были вѣскія причины для сведенія другъ съ другомъ счетовъ. Но никогда еще взаимная вражда не была столь жгучей. Русскіе люди питали острую ненависть къ вѣроломному королю Сигизмунду и полякамъ: осквернѣніе московскихъ святынь, безчинства и насилія поляковъ въ московскомъ Кремлѣ и многихъ русскихъ городахъ болѣзненно остро переживались тогда нашими предками. Поляки въ свою очередь имѣли много причинъ къ глубокому неудовольствію своими врагами и сосѣдями. Они злобились на непризнаніе королевича Владислава русскимъ царемъ, а кромѣ того множество поляковъ и литовцевъ погибло отъ руки русскихъ людей или томилось въ тяжкомъ плѣну. Помимо всего этого Польско-Литовское государство стремилось удержать за собой захваченный въ Смуту Смоленскъ и завоевать всѣ прилегающіе къ нему города. Не могли отказаться поляки и литовцы и отъ заманчивой мысли подчинить окончательно Русь Рѣчи Посполитой.

Если таково было настроеніе обоихъ государствъ, то неудивительно продолженіе, какъ съ русской, такъ и съ польской стороны военныхъ дѣйствій. Тѣмъ не менѣе было замѣтно нѣкоторое стремленіе противниковъ на время отдохнуть отъ веденія войны и обмѣняться важными плѣнниками. Поэтому Денисъ Аладьинъ, отправленный избирательнымъ земскимъ соборомъ 1613 года гонцомъ къ королю Сигизмунду, привезъ изъ Варшавы грамоту съ согласіемъ Короля и радныхъ пановъ начать переговоры о перемиріи. Затѣмъ въ ноябрѣ 1614 года радные паны отправили грамоту московскимъ боярамъ. Въ этой грамотѣ они предложили съѣхаться на литовско-русскомъ рубежѣ и тамъ вести переговоры о мирѣ. Грамота была полна высокомѣрія и заключала въ себѣ рядъ упрековъ за непризнаніе королевича Владислава русскимъ царемъ и за дурное обращеніе москвичей съ плѣнными литовцами и поляками. Тогда отъ имени бояръ въ Польско-Литовское государство былъ отправленъ съ отвѣтной грамотой дворянинъ Ѳедоръ Желябужскій. Въ своей

грамотѣ бояре не прошли молчаніемъ упрековъ радныхъ пановъ, но постарались отвѣтить на нихъ достойнымъ образомъ. Они въ свою очередь сильно упрекали пановъ за ненаписанье въ грамотѣ царскаго имени, за многія неправды Сигизмунда, за дурное обращеніе поляковъ и литовцевъ съ послами Московскаго государства, плѣненными въ противность международнымъ обычаямъ. При этомъ бояре отводили отъ себя упрекъ въ плохомъ обращеніи съ своими военноплѣнными. По ихъ утвержденью, эти плѣнники пользуются значительной свободой, получаютъ отличное содержаніе и живутъ въ очень хорошихъ условіяхъ. Переходя къ дѣловой части переписки, бояре соглашались на вступленіе въ мирные переговоры.

Ѳедоръ Желябужскій правилъ свое посольство исправно, при чемъ на грубыя выходки враждебнаго Московскому государству литовскаго канцлера Льва Сапѣги, давалъ, по крайней мѣрѣ по его словамъ, достойный отпоръ. Такъ Сапѣга при упоминаніи Желябужскаго о царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ замѣтилъ дерзко: „то у васъ непошлый, (т. е. ненастоящій), государь“ и сталъ упрекать русскихъ въ томъ, что они „всѣ крестъ цѣловали“ королевичу Владиславу, а потомъ измѣнили ему. На это нашъ посланникъ отвѣтилъ: „Это дѣло бывшее и дальнее и поминать о томъ не пригоже“. Наконецъ посольство Желябужскаго кончилось, и паны вручили ему грамоту, въ которой предложили боярамъ съѣхаться польскимъ и русскимъ посламъ между Смоленскомъ и Вязьмой. Этотъ съѣздъ состоялся въ сентябрѣ 1615 года. Съ нашей стороны главнымъ посломъ былъ очень враждебно настроенный по отношенію къ полякамъ князь Иванъ Мих. Воротынскій. Съ польско-литовской стороны были между прочимъ гетманъ Ходкѣвичъ, литовскій канцлеръ Левъ Сапѣга и панъ Александръ Гонсѣвскій. Эти послы, особенно Гонсѣвскій, были крайне непріязненны къ Москвѣ. Поэтому отъ переговоровъ нельзя было ожидать добрыхъ результатовъ. Все дѣло свелось къ крупнымъ перебранкамъ и ссорамъ, при чемъ поляки не остановились даже передъ угрозой произвести судъ надъ митрополитомъ Филаретомъ и, уличивъ его въ разныхъ неправдахъ, предать его смерти. Гонсѣвскій при этомъ сталъ упрекать пословъ въ томъ, что

самъ царь ихъ, Михаилъ Ѳеодоровичъ, цѣловалъ въ свое время крестъ королевичу Владиславу. Послы на это заявили, что „царя Богъ соблюдалъ, онъ креста королевича не цѣловалъ“, и получили за это выговоръ отъ государя: „Вы Гонсѣвскому отказали не подумавши: и такъ литовскіе послы пишутъ, будто великій господинъ, отецъ нашъ, Московскаго государства намъ подъискивалъ и домогался“. Во всякомъ случаѣ всѣ переговоры кончились тѣмъ, что въ январѣ 1616 года уполномоченные разъѣхались, не достигнувъ своей цѣли.

Военныя дѣйствія между тѣмъ продолжались и до переговоровъ о перемиріи, и во время ихъ, и по окончаніи. Сначала мы повели наступательныя дѣйствія и неоднократно подступали къ Смоленску. Однако эти предпріятія окончились неудачей по недостатку воинскихъ людей и средствъ и свидѣтельствовали лишь о нашемъ большомъ желаніи возвратить себѣ эту важнѣйшую крѣпость. Но съ 1615 года иниціатива военныхъ дѣйствій переходитъ мало по малу къ полякамъ. Они поручили сдѣлать набѣгъ на нашу родину знаменитому наѣзднику пану Александру Лисовскому съ отрядомъ его лихихъ „лисовчиковъ“. Отражать нападеніе Лисовскаго выпало на долю пользовавшемуся вполнѣ заслуженной славой знаменитому предводителю нижегородскаго ополченія, боярину и князю Дмитрію Михайловичу Пожарскому. Оба противника стоили другъ друга. Одинъ отличался необыкновенной смѣлостью, увертливостью и быстротой передвиженій, другой былъ мужественъ и распорядителенъ. Оба пользовались большимъ авторитетомъ среди своихъ отрядовъ. Начался набѣгъ Лисовскаго съ того, что онъ напалъ на Брянскъ, но отбитый отъ него мужественнымъ воеводой этого города, бросился къ Карачеву, захватилъ его и укрѣпился въ немъ. Пожарскій въ то время не терялъ времени на безполезное промедленіе. Онъ черезъ Бѣлевъ и Болховъ устремился къ Карачеву. Въ разсчеты Лисовскаго не входило вступать въ рѣшительное столкновеніе съ московскими войсками. Онъ выжегъ Карачевъ и двинулся „верхней дорогой“ къ Орлу. Пожарскій не хотѣлъ упустить Лисовскаго и отправился къ нему на перерѣзъ. Оба отряда спѣшили захватить Орелъ и подошли къ этому городу одновременно. Несмотря на воскресный день возгорѣлась отчаян-

ная битва войскъ Лисовскаго съ москвичами. Тѣ, наконецъ, не вынесли напора литовцевъ, дрогнули и побѣжали, увлекая за собой воеводъ. Но мужество Пожарскаго поправило дѣло. Славный воевода съ отборнымъ отрядомъ въ 600 храбрецовъ не поддался общей паникѣ и вступилъ въ жаркій бой съ 2000-ной ратью Лисовскаго. Бились горячо; дѣло доходило нерѣдко до рукопашной. Но Пожарскій во время оцѣнилъ неравенство силъ и приказалъ своимъ „одернуться телѣгами". Лисовскій ничего не могъ подѣлать съ москвичами и, опасаясь, что къ тѣмъ подойдутъ новыя подкрѣпленія, отступилъ на двѣ версты. Къ Пожарскому стали тѣмъ временемъ собираться бѣглецы изъ его рати, опомнившіеся отъ страха. Нѣкоторыхъ здѣсь же и наказали за ихъ бѣгство. Усилившись, русскіе снова двинулись на враговъ. Лисовскій съ своими лисовчиками быстрымъ маршемъ отступилъ къ Кромамъ. Пожарскій однако и тутъ настигъ его съ своей ратью. Неутомимый Лисовскій понесся тогда къ Болхову. Въ одинъ день неутомимый литовскій наѣздникъ и его лихая дружина сдѣлали (конечно, на коняхъ) переходъ въ 150 верстъ и, какъ говоритъ лѣтописецъ, „едва Болховъ не украдоша", т. е. не взяли внезапнымъ приступомъ. Но мужественные воеводы этого города оказались на высотѣ положенія, и лисовчики были отбиты. Тогда Лисовскій бросился къ Бѣлеву. Здѣсь воеводы оказались малодушными трусами. Они бѣжали, а несчастный Бѣлевъ былъ выжженъ и разоренъ. Но Лисовскій не задержался въ Бѣлевѣ. Онъ попытался взять и разорить Лихвинъ. Но въ Лихвинѣ храбрый воевода Стрѣшневъ отбилъ непріятеля. Тогда Лисовскій вдругъ повернулъ къ Перемышлю, гдѣ произошло повтореніе Бѣлевской исторіи. Пожарскій въ это время дожидался подкрѣпленій въ Калугѣ, куда явилась рать изъ Казани. Послѣ этого русскій воевода, не теряя времени, бросился къ Перемышлю. Но тогда сказались послѣдствія утомленія на нашемъ славномъ вождѣ. Пожарскій былъ нѣкогда тяжело раненъ. Это случилось въ 1611 года, когда распорядительный воевода и честный политическій дѣятель привелъ къ Москвѣ въ Ляпуновское ополченіе рать изъ Зарайска. Рана была залечена, но съ тѣхъ поръ Пожарскій по временамъ тяжко страдалъ. Такъ случилось и теперь. Это было большимъ несчастіемъ для

насъ. Больного князя повезли въ Калугу, а рать, лишенная мужественнаго и даровитаго вождя, не только бездѣйствовала, но и стала мало по малу расходиться. Такъ казанская рать вернулась въ Казань. Лисовскій, конечно, не дремалъ. Изъ Перемышля онъ кинулся къ Ржевѣ Владимірской. Отбитый отъ этого города, Лисовскій пробрался къ Кашину, а затѣмъ къ Угличу и дѣлалъ неудачные попытки захватить эти города. Силы его къ тому времени истощились, и онъ разъѣзжалъ по Суздальскому краю, не дѣлая больше приступовъ къ городамъ. Затѣмъ смѣлый до дерзости литовскій наѣздникъ сумѣлъ пробраться къ югу, „въ Тульскія и Рязанскія мѣста“. Посланное въ погоню за ними русское войско подъ предводительствомъ князя Куракина догнало Лисовскаго въ Алексинскомъ уѣздѣ и имѣло съ нимъ столкновеніе. Но и на этотъ разъ литовскому наѣзднику ему удалось отбиться отъ преслѣдователей. Послѣ этого Лисовскій благополучно ушелъ въ Сѣверскую область, вблизи отъ Рѣчи Посполитой, гдѣ и почувствовалъ себя въ безопасности.

Такъ кончился знаменитый набѣгъ литовскаго наѣздника на нашу родину. Имѣя цѣлью нанести какъ можно болѣе вреда русской землѣ, онъ въ то же время имѣлъ, весьма вѣроятно, и другое значеніе. Это была смѣлая и удачная развѣдка въ непріятельской для Польско-Литовскаго государства странѣ. Дѣло въ томъ, что нашей родинѣ предстояло новое испытаніе. Королевичъ Владиславъ собирался въ то время двинуться походомъ на Московское государство. У насъ долго не знали объ этомъ и съ своей стороны возобновили попытки перейти въ наступленіе къ Смоленску, но скоро поняли, что дѣло плохо, и съ Литовской границы въ Москву полетѣли одна за другой самыя тревожныя вѣсти о все болѣе и болѣе сильныхъ враждебныхъ выступленіяхъ поляковъ и литовцевъ. Въ Польско-Литовскомъ государствѣ сеймъ окончательно далъ согласіе на походъ Владислава къ Москвѣ въ іюнѣ 1616 года. При этомъ сеймъ посылалъ съ Владиславомъ 8-мь своихъ уполномоченныхъ коммиссаровъ для того, чтобы они давали королевичу добрые совѣты и въ то же время имѣли тщательный надзоръ за его дѣятельностью. Посылка коммиссаровъ имѣла свое основаніе. У сейма была своя точка зрѣнія на походъ королевича Владислава.

Онъ считалъ, что война предпринимается съ цѣлью узнать, можетъ ли Владиславъ разсчитывать на занятіе русскаго престола и признаніе его со стороны русскаго народа. Въ противномъ случаѣ слѣдовало стремиться всѣми силами, чтобы заключить славный и выгодный для Польско-Литовскаго государства мирный договоръ. Владиславъ обязанъ былъ согласиться на это, такъ какъ польза Рѣчи Посполитой должна была быть для него на первомъ планѣ. Если же королевичу Владиславу удастся стать русскимъ царемъ, то ему слѣдуетъ выполнить данныя имъ за собственноручной подписью обѣщанія и соединить Москву неразрывной союзной связью съ Польско-Литовскимъ государствомъ и сдѣлать за ея счетъ значительныя уступки послѣднему.

Такія условія были поставлены сеймомъ и приняты Сигизмундомъ и Владиславомъ. Тогда сеймъ назначилъ королевичу извѣстную сумму денегъ на походъ и постановилъ выставить 11.000-ое войско. Главнокомандующимъ этой арміи сеймъ думалъ назначить гетмана Станислава Жолкевскаго, но тотъ сослался на ожидаемое нападеніе турокъ и отказался. Тогда сеймъ остановилъ свой выборъ на гетманѣ Карлѣ Хоткѣвичѣ, который уже подступалъ осенью 1612 года почти къ самой Москвѣ.

Однако поляки не дали Владиславу даже 11.000 войска. Имъ пришлось часть его отдѣлить на усиленіе корпуса Жолкевскаго. За то они не постѣснялись предложить плѣнному русскому великому послу, князю Вас. Вас. Голицыну, чтобы тотъ написалъ къ боярамъ о правахъ королевича Владислава. Конечно, русскій бояринъ не согласился на подобное требованіе. Гораздо большій успѣхъ получили поляки у донскихъ казаковъ. Многіе изъ тѣхъ очень охотно согласились „правдой служити и прямить“ королевичу Владиславу. Затѣмъ поднялось по призыву Рѣчи Посполитой ея малороссійское казачество, у котораго гетманомъ былъ храбрый Конашевичъ Сагайдачный. Онъ впослѣдствіи явился подъ Москву съ 20.000 своихъ удалыхъ казаковъ.

Сборы были очень долги. Наконецъ въ апрѣлѣ 1617 года Владиславъ съ большой торжественностью двинулся въ русскій походъ изъ Варшавы. Характерны были рѣчи, которыми обмѣнялись архіепископъ Гнѣзненскій и молодой ко-

ролевичъ. Архіепископъ въ своемъ напутствіи указалъ, какія преимущества имѣетъ католицизмъ надъ остальными вѣроисповѣданіями и на то, что слѣдуетъ „извести заблуженныхъ на путь мира и спасенія“. Владиславъ не преминулъ съ жаромъ отвѣтить, что онъ всегда имѣлъ и впредь будетъ имѣть въ виду славу Божію и католическую вѣру, въ которой онъ родился и воспитанъ.

Королевичъ не очень спѣшилъ во время своего похода. Ему пришлось даже возвращаться въ Варшаву. Только въ сентябрѣ 1618 года онъ явился подъ Дорогобужъ. Этотъ городъ былъ уже осажденъ гетманомъ Хоткѣвичемъ. Приходъ королевича поселилъ въ русскихъ людяхъ ужасъ и смятеніе. Воеводой въ Дорогобужѣ былъ Иванисъ Адодуровъ. Онъ вышелъ на встрѣчу Владиславу, сопровождаемый населеніемъ города, присягнулъ королевичу и сталъ служить ему. Владиславъ думалъ ограничиться на первыхъ порахъ занятіемъ Дорогобужа и зимовать въ немъ, какъ вдругъ пришла вѣсть о томъ, что Вязьма легко можетъ быть захвачена королевичемъ. Въ Вязьмѣ въ это время стояли довольно большія московскія силы, предводительствуемыя тремя воеводами. Узнавъ о приближеніи Владислава къ Дорогобужу, двое главныхъ воеводъ Вязьмы струсили и малодушно бѣжали изъ ввѣреннаго имъ города. За ними толпой послѣдовали стрѣльцы и посадскіе люди. Тогда казаки, бывшіе въ городѣ, вспомнили былыя времена и бросились на „украинные мѣста воевати ихъ“. Въ Вязьмѣ остался одинъ третій воевода, князь Гагаринъ. Онъ „сѣлъ въ осаду“ и думалъ отбиваться. Но, когда его всѣ покинули, онъ понялъ, что не въ состояніи, не имѣя людей, защищать Вязьму. „Заплакавъ“, Гагаринъ отправился къ Москвѣ.

Лишь только бѣжавшіе главные воеводы прибыли въ столицу, ихъ постигло строгое наказаніе. Въ Москву тѣмъ временемъ пробрался измѣнившій царю Михаилу Ѳеодоровичу Ададуровъ съ нѣсколькими „товарищами“, получившій приказаніе возмутить „московскихъ людей“. Ададуровъ былъ схваченъ и сосланъ въ Казань. Между тѣмъ наступила зима. Военныя дѣйствія попріостановились. Возникла даже надежда на заключеніе мира, и противники обмѣнивались другъ къ другу гонцовъ и предложеніями мира. Когда же настала

весна, то война возобновилась съ новой силой. Королевичъ Владиславъ очень медленно, но за то неуклонно продвигался къ Москвѣ. На южной окраинѣ появился Сагайдачный, который тоже шелъ къ столицѣ Московскаго государства, идя на соединеніе съ королевичемъ. Противъ обѣихъ враждебныхъ армій были высланы московскія рати. Воеводы ихъ отступали передъ врагомъ и тоже шли къ Москвѣ. Вынужденъ былъ отступать къ ней и мужественный Пожарскій, и во время этой войны съ честью боровшійся съ непріятелемъ. Онъ былъ въ то время назначенъ по просьбѣ калужанъ, имѣвшихъ большое довѣріе къ извѣстному имъ лично Пожарскому, воеводой въ Калугу. Отступалъ же онъ въ силу приказанія, полученнаго изъ Москвы, „идти въ сходъ“ къ остальнымъ воеводамъ. Видя постоянное отступленіе военачальниковъ, русскія войска, волновались. Въ Москвѣ чуть не разыгрался открытый бунтъ но волненіе удалось прекратить.

Королевичъ въ это время осадилъ Можайскъ. Въ Можайскѣ воеводой былъ въ то время храбрый и дѣятельный Ѳеодоръ Вас. Волынскій. Онъ не сдалъ города и съ своими осадными войсками стойко оборонялся, „не щадя головъ своихъ“. Также самоотверженно отбивались въ это время михайловцы отъ осаждавшихъ ихъ войскъ Сагайчданаго. Не желая терять времени на взятіе упорствовавшихъ въ своей вѣрности царю Михаилу Ѳеодоровичу городовъ, Владиславъ и малороссійскій гетманъ оставили подъ Можайскомъ и Михайловымъ значительные отряды, а сами съ главными силами продолжали походъ къ Москвѣ.

Между тѣмъ царь Михаилъ Ѳеодоровичъ и его правительство не теряло времени. Въ Москвѣ спѣшно принимали чрезвычайныя мѣры. Волынскій 8-го сентября прислалъ гонца съ тревожнымъ извѣстіемъ о начавшемся движеніи королевича къ Москвѣ, а 9-го числа того же мѣсяца въ Москвѣ царь созвалъ земскій соборъ на совѣщаніе. На этомъ совѣщаніи самъ царь сказалъ рѣчь объ угрожающей опасности, о томъ, что Владиславъ ведетъ иновѣрную рать на Москву и что Божіимъ церквамъ и истинной православной вѣрѣ угрожаютъ великія невзгоды и бѣды. При этомъ царь обѣщалъ не покидать столицы и биться „съ королевичемъ и съ польскими и съ литовскими людьми“. Давая такое обѣ-

щаніе, Михаилъ Ѳеодоровичъ призывалъ и всѣхъ русскихъ людей стойко сражаться съ врагами, и „ни на какую прелесть“ съ ихъ стороны не поддаваться. Соборъ съ жаромъ заявилъ царю о своей готовности постоять за него, православіе и родину. И дѣйствительно, хотя Владиславъ давно уже всячески стремился смутить москвичей посылкой имъ „прелестныхъ“ грамотъ и пышными обѣщаніями полной неприкосновенности православія и даже заботы о немъ, русскіе люди благоразумно не вѣрили его словамъ.

Въ томъ же соборномъ засѣданіи обсудили, какъ „сидѣть въ осадѣ“ и чѣмъ помочь осажденной Москвѣ. Рѣшено было распредѣлить наличныя московскія силы подъ предводительствомъ многихъ бояръ и воеводъ по разнымъ пунктамъ обширнаго города. Въ то же время опредѣлили послать бояръ князей Ив. Бор. Черкасскаго и Бор. Мих. Лыкова въ города Ярославль и Нижній-Новгородъ. Названные бояре и ихъ „товарищи“ должны были отправиться въ названные города и ближайшія къ нимъ мѣстности собрать и организовать въ назначенныхъ пунктахъ сильныя рати и съ ними идти на Москву съ тѣмъ, чтобы „государю и московскому государству помочь чинить“. Такъ какъ положеніе государства было тяжелымъ, то государь приказалъ цѣлый годъ „быть безъ мѣстъ“ при всякихъ военныхъ назначеніяхъ Королевичъ Владиславъ подвигался въ то время къ столицѣ и 17-го сентября былъ уже въ 40 верстахъ отъ нея, близъ къ Звенигорода. Въ то же время Сагайдачный быстро подступалъ съ юга и стоялъ уже въ селѣ Бронницахъ. Осада столицы и „приходъ королевичевъ къ Москвѣ“ начались. Русскіе люди очень опасались за исходъ новой осады; поэтому среди нихъ господствовали смятеніе и тревоги, по временамъ переходившія въ панику. Къ тому же на небѣ показалась комета, и страхи усилились. Въ Новомъ Лѣтописцѣ обстоятельно разсказано, какъ во время самого прихода королевича къ столицѣ, „на небесѣхъ явися надъ самой Москвой звѣзда“. По величинѣ она не превосходила другія звѣзды, но была гораздо ярче и свѣтлѣе ихъ Стояла она надъ Москвой и имѣла большой хвостъ, длиной около версты. Хвостъ этотъ шелъ по направленію къ Польской и Нѣмецкой землямъ. „Царь же и людіе всѣ, видя

такое знаменіе на небесѣхъ, вельми ужасошася“. Правда, нашлись „мудрые же люди, философы“, объяснявшіе, что знаменіе это благопріятно Москвѣ и сулитъ неудачу Польшѣ и Германіи. Имъ не вѣрили, и паника увеличивалась. Охваченные ею, русскіе воеводы пропустили безпрепятственно Сагайдатнаго къ Москвѣ несмотря на большую силу, бывшую въ ихъ распоряженіи.

Тѣмъ не менѣе осажденные оборонялись съ обычной для русскихъ людей стойкостью и мужественно отбили яростный приступъ королевича Владислава, бывшій 30 сентября. Видя безуспѣшность своей попытки овладѣть Москвой, Владиславъ двинулся, наконецъ, по Ярославской дорогѣ. Передовые его отряды посланы были попытать счастья и попробовать захватить знаменитый Троице-Сергіевъ монастырь, но подъ стѣнами его потерпѣли новую неудачу. Въ это время уже завязались переговоры о перемиріи, такъ какъ его желали обѣ стороны. Московское государство не вполнѣ еще окрѣпло послѣ ужасной Смуты. Поэтому ему было очень тяжело вести борьбу съ непріятелями, проникнувшими въ центръ страны и угрожавшими самой Москвѣ. Въ свою очередь поляки боялись подвергнуться ужасамъ русской зимы. При томъ же они ясно поняли, что русскій народъ за весьма небольшими исключеніями преданъ своему царю и совершенно враждебенъ Владиславу. Въ то же время данныя обстоятельства были чрезвычайно выгодны для Польско-Литовскаго государства и сулили ему заключеніе выгоднаго мира или перемирія съ Москвой. Вотъ почему еще въ началѣ ноября было достигнуто предварительное соглашеніе между воюющими сторонами и были выработаны важнѣйшія условія ожидаемаго долговременнаго перемирія. Для этой цѣли въ Москву пріѣзжали польскіе послы, которые хорошо были приняты русскими людьми. Съ тѣхъ поръ стороны избѣгали военныхъ дѣйствій между собой, о чемъ мы находимъ упоминаніе въ сочиненіи одного изъ умныхъ современниковъ описываемой эпохи.

Между тѣмъ рѣшено было съѣхаться съ обѣихъ сторонъ великимъ полномочнымъ посламъ. Были выбраны мѣста для обоихъ посольскихъ становъ, а также и пунктъ для самыхъ „съѣздовъ“ великихъ пословъ. Для этой цѣли остановились на

Троицкой деревнѣ Деулинѣ (нынѣ село). Въ 20-ыхъ числахъ ноября начались знаменитые „съѣзды“. Послами Рѣчи Посполитой были Левъ Сапѣга, Новодворскій и Гонсѣвскій. Наши интересы представляли бояре Ѳ. И. Шереметевъ и князь Дан. Ив. Мезецкій, окольничій Арт. Вас. Измайловъ и два опытныхъ дьяка. Первые два съѣзда не только не принесли съ собой ожидавшагося договора о перемиріи, но чуть было не кончились новымъ разрывомъ и возобновленіемъ военныхъ дѣйствій. Особенно горячился пылкій Гонсѣвскій, давній врагъ Руси. И дѣйствительно, несмотря на искреннее желаніе сторонъ мириться между собой, у нихъ слишкомъ много было причинъ для взаимной вражды и раздраженія. Конечно, предварительные переговоры облегчили дѣло, но все же посламъ надобно было придти къ соглашенію относительно нѣсколькихъ важныхъ пунктовъ. Наиболѣе щекотливымъ былъ вопросъ о титулѣ царя Михаила Ѳеодоровича. Русскимъ посламъ крайне желательно было добиться признанія поляками Михаила Ѳеодоровича законнымъ русскимъ царемъ. Но это означало рѣшительный отказъ Владислава отъ правъ на русскій царскій престолъ. На это ни за что не могли дать своего согласія представители Рѣчи Посполитой. Поэтому происходили постоянные споры и препирательства изъ-за того, какъ въ перемирной грамотѣ написать о царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ. Русскіе великіе послы написали, слѣдуя обычной формулѣ: „кого они своимъ государемъ имѣютъ“. Польско-литовскіе уполномоченные передѣлали „имѣютъ“ въ „именуютъ“, что, конечно, стало предметомъ новыхъ споровъ и пререканій. Не меньшія препирательства возбудилъ вопросъ и объ уступкѣ Московскимъ государствомъ земель Рѣчи Посполитой. Поляки стали настаивать на большихъ, чѣмъ согласились ихъ послы, ведшіе переговоры въ Москвѣ, уступкахъ. Наши послы указывали имъ на это. Тогда поляки заявили, что ихъ повѣренные были чуть не силой вынуждены отказаться отъ требованія многихъ русскихъ земель, очень нужныхъ Польско-Литовскому государству. Такая явная неправда естественно возмущала русскихъ пословъ, и отношенія обострялись. Третьимъ существеннымъ поводомъ къ разногласію былъ вопросъ о выводѣ польскихъ и литовскихъ войскъ, а также и союзныхъ съ ними отрядовъ,

изъ Московскаго государства. Польскіе послы соглашались на выводъ своихъ войскъ, но ни подъ какимъ видомъ не желали ручаться, что Запорожцы, отрядъ Чаплинскаго и лисовчики послушаютъ ихъ приказаній и удалятся изъ предѣловъ Московской Руси.

Когда шли подобные переговоры и споры, поляки прибѣгали къ запугиванью нашихъ великихъ пословъ, говоря имъ, что казаки, конечно, скоро добудутъ себѣ какого-нибудь „вора“ и снова примутся за разореніе Московскаго государства, что Воренокъ былъ спасенъ и, выросши, появится на Руси и т. д. Этимъ не довольствовались поляки. Къ русской посольской свитѣ постоянно являлись разные люди съ самыми тревожными вѣстями: казаки волнуются, поляки хотятъ разорвать переговоры и т. д. Все это, конечно, передавалось нашимъ великимъ посламъ и устрашало ихъ. Этого и добивались польскіе и литовскіе уполномоченные. Такъ дѣло шло до 1-го декабря того же 1618 года. Въ этотъ день состоялся третій съѣздъ великихъ пословъ. На немъ обѣ стороны держали себя гораздо спокойнѣе и пришли, наконецъ, къ соглашенію, скрѣпленному тогда же размѣномъ договорныхъ записей. Такимъ образомъ состоялось Деулинское перемиріе, заключенное на 14½ лѣтъ. Оно заключено было на слѣдующихъ главныхъ условіяхъ: 1) Русскіе уполномоченные „о королевичѣ Владиславѣ отказали накрѣпко, что то нынче и впредь статься не можетъ“. Въ свою очередь: „паны рады и великіе послы, то дѣло на судъ Божій положили“. 2) Рѣшено было, что поляки отпустятъ митрополита Филарета и князя В. В. Голицына съ ихъ „товарищи“ и согласятся на размѣнъ плѣнныхъ съ обѣихъ сторонъ. При томъ постановили произвести размѣнъ плѣнныхъ въ одинъ срокъ 15 февраля (25-го по новому стилю) 1619 года. Московское государство „поступилось“ Рѣчи Посполитой многими городами: Смоленскомъ, Дорогобужемъ, Рославлемъ, Бѣлой, Черниговомъ, Себежемъ, Моравскомъ, Стародубомъ, Поповой Горой, Новгородомъ—Сѣверскомъ, Трубчевскомъ, Почепомъ, Серпейскомъ, Невлемъ, Себежемъ, Краснымъ, Велижской волостью. 4) Населеніе этихъ отданныхъ Польшѣ городовъ со всѣми пушечными запасами“, было раздѣлено на три группы: 1) по-

садскіе люди и пашенные крестьяне передавались Польско-Литовскому государству, 2) духовенство, воеводы, приказные и служилые люди „со всѣмъ имѣніемъ“ переходили на Русь; 3) гости и торговые люди имѣли право выбора, „кто въ какую сторону захочетъ“.

Деулинскимъ перемиріемъ закончился походъ Владислава въ Московское государство, такъ называемый „приходъ королевичей подъ Москву“. Мы не можемъ не видѣть, что тяжелы были для нашей родины условія, на какихъ оно было заключено. Русскіе люди не смогли добиться того, чтобы Владиславъ отказался отъ своихъ притязаній на царскій московскій престолъ. Кромѣ того мы вынуждены были отдать Рѣчи Посполитой рядъ своихъ русскихъ земель, съ русскимъ и православнымъ населеніемъ. Эти земли были очень важны: Смоленскъ обезпечивалъ за Польско-Литовскимъ государствомъ всю область Верхняго Днѣпра и открывалъ ему свободные подступы къ столицѣ „Россійскаго царствія“. Но слѣдуетъ при оцѣнкѣ Деулинскаго перемирія имѣть въ виду слѣдующія обстоятельства. Сильный врагъ находился въ центральныхъ областяхъ государства, угрожалъ самой столицѣ, сталъ на путяхъ ея сообщенія съ такими важными городами, какъ Ярославль, Вологда и т. д. Между тѣмъ наша родина только что стала оправляться отъ Смуты и нуждалась въ длительномъ перемиріи, чтобы отдѣлаться окончательно отъ „разрухи“ и накопить въ себѣ новыя силы. При томъ среди плѣнныхъ русскихъ людей находилось много стойкихъ и выдающихся людей и въ томъ числѣ государевъ отецъ, митрополитъ Филаретъ. Въ лицѣ его возвращался въ Россію опытный въ дѣлахъ правленія, умный и энергичный человѣкъ. Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ былъ добръ и благороденъ. Онъ привлекалъ къ себѣ сердца подданныхъ обаятельной лаской и нравственной чистотой. Но онъ былъ слишкомъ мягокъ душой и не отличался крѣпкимъ здоровьемъ. Лишенія и невзгоды дѣтства и ранней юности, наложившія печать нѣкоторой меланхолической грусти на его красивое и привлекательное лицо, отозвались и на состояніи его организма. Еще въ молодости царь такъ „скорбѣлъ ножками“, что его приходилось иногда носить изъ дворца въ возокъ во время царскихъ выѣздовъ. Понятно, какъ важенъ былъ

для государства, только что справившагося со Смутой и стремившагося впередъ, такой бодрый духомъ и тѣломъ соправитель любимаго народомъ царя Михаила Ѳеодоровича. Онъ сумѣлъ понять нужды государства и дать имъ извѣстное удовлетвореніе. Онъ же былъ проникнутъ всецѣло мыслью о необходимости возврата Смоленска и многое подготовилъ для этого событія. Принявъ всѣ указанныя обстоятельства во вниманіе, мы примиримся и съ условіями Деулинскаго перемирія, которому очень радовались наши предки.

III.

Радовался Деулинскому перемирію и великій государь царь и великій князь Михаилъ Ѳеодоровичъ, который такъ долго былъ лишенъ счастья свиданія съ дорогимъ его сердцу отцомъ. Съ сентября 1610 года не видалъ царь митрополита Филарета. Болѣе 8-ми лѣтъ протомился этотъ живой и полный кипучей энергіи человѣкъ въ тяжелой неволѣ въ далекой и чуждой для него странѣ. Такъ какъ поляки постарались отдалить русскихъ другъ отъ друга и даже не оставили имъ людей для услугъ, то Филаретъ Никитичъ былъ обреченъ одно время на полное одиночество. Тоскливо жилъ онъ въ Маріенбургѣ среди чужихъ людей подъ ихъ бдительнымъ и враждебнымъ присмотромъ. Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ старался все же по возможности усладить и скрасить своему отцу невольное пребываніе въ Литвѣ. Такъ въ октябрѣ 1614 года царственный сынъ отправилъ къ митрополиту Филарету въ Литву одного изъ священниковъ, а именно Ефрема, игумена московскаго Срѣтенскаго монастыря. Съ этимъ Ефремомъ поѣхалъ по повелѣнію царя и какой-то „слуга“. Они повезли къ государеву отцу кое-какія необходимыя вещи „по росписцѣ“, которая вручена была Ефрему. Неизвѣстно, когда добились наши посланные отъ поляковъ разрѣшенія поселиться вмѣстѣ съ митрополитомъ Филаретомъ. Знаемъ только изъ Новаго Лѣтописца, что „литовскіе же люди тово игумена Ефрема сперва къ нему, государю, не пустиша“. Однако игумену удалось все-таки въ концѣ концовъ добиться своего, и онъ сталъ жить у

Филарета Никитича до самаго возвращенія государева отца въ Москву. Кромѣ посылки русскихъ людей царь Михаилъ Ѳеодоровичъ нашелъ и другой способъ облегчить хоть нѣсколько участь своего плѣннаго отца. Онъ обратился къ посредству полковника Струся, бывшаго начальникомъ польско-литовскаго гарнизона въ Москвѣ и попавшаго въ плѣнъ „при очищеньи“ нашей столицы. Царь далъ ему разныя льготы, а сверхъ того снабдилъ его деньгами. Струсь написалъ своей женѣ и „пріятелямъ“, чтобы тѣ передали Филарету Никитичу денегъ, платья и всякой „рухляди“.

Въ концѣ 1614 года въ Варшаву съ грамотой отъ бояръ къ панамъ раднымъ былъ посланъ, какъ мы это уже знаемъ, Ѳедоръ Желябужскій. Съ ними были отправлены къ митрополиту Филарету двѣ грамоты. Первая была послана царемъ. Въ ней государь просилъ благословенія у своего любимаго отца, сообщалъ ему о своемъ здоровьѣ и о „спасеніи“ своей матери, великой старицы инокини Марѳы Ивановны, и освѣдомлялся о судьбѣ игумена Ефрема, слуги и посланныхъ съ этими людьми вещей. Интересовался также царь Михаилъ Ѳеодоровичъ, получилъ ли какія-нибудь деньги митрополитъ Филаретъ отъ жены и „пріятелей“ Струся. Но наиболѣе важное мѣсто въ грамотѣ содержало извѣщеніе о томъ, что царь всемѣрно хлопочетъ объ освобожденіи своего отца изъ плѣна. Вторая грамота, отъ имени бояръ, была обращена къ Филарету, какъ главѣ великаго посольства. Въ ней бояре обѣщали Филарету, Голицыну и другимъ плѣннымъ вступить въ переговоры для быстрѣйшаго освобожденія ихъ изъ польской неволи.

Когда русскій посланникъ пріѣхалъ въ Варшаву, то онъ исхлопоталъ себѣ разрѣшеніе повидаться съ государевымъ отцомъ. Митрополитъ Филаретъ жилъ тогда въ домѣ у одного изъ своихъ приставовъ, извѣстнаго намъ литовскаго канцлера Льва Сапѣги. Другимъ его приставомъ состоялъ панъ Олешинскій. Сапѣга былъ крайне непріязенъ къ Руси, что, конечно, отражалось и на поведеніи его съ отцомъ московскаго царя. Желябужскій, явившись къ митрополиту Филарету, былъ принятъ имъ въ присутствіи Сапѣги. Получивъ грамоту царя, Филаретъ Никитичъ, по русскому обычаю, освѣдомился о здоровьѣ своего царственнаго сына,

послѣ чего обратился къ Желябужскому съ упреками: „Не гораздо вы сдѣлали: послали меня отъ всего Московскаго Россійскаго государства съ наказомъ, къ Жигимонту королю просить сына его Владислава королевича на Московское государство государемъ; я и до сихъ поръ дѣлаю во всемъ вправду, а послѣ меня обрали на Московское государство государемъ сына моего, Михаила Ѳеодоровича; и вы въ томъ передо мною неправы; если уже вы хотѣли выбирать на Московское государство государя, то можно было и кромѣ моего сына, а вы это теперь сдѣлали безъ моего вѣдома“.

На такія слова государева отца русскій посланникъ поспѣшилъ отвѣтить: „Царственное дѣло ни зачѣмъ не останавливается; хотя бы и ты, великій господинъ, былъ, то и тебѣ было перемѣнить того нельзя,—сдѣлалось то волею Божіею волею, а не хотѣньемъ сына твоего“.

„То вы подлинно говорите“,—согласился съ Желябужскимъ митрополитъ Филаретъ, — „что сынъ мой учинился у васъ государемъ не по своему хотѣнью, изволеніемъ Божіимъ да вашимъ принужденьемъ“. Вслѣдъ за этими словами митрополитъ Филаретъ промолвилъ: „Какъ было то сдѣлать сыну моему?“—Остался сынъ мой послѣ меня молодъ, всего шестнадцати лѣтъ, и безсемеенъ, только насъ осталось я здѣсь, да братъ мой на Москвѣ одинъ, Иванъ Никитичъ“. Рѣчи митрополита Филарета привели въ крайнее раздраженіе литовскаго канцлера. Не зная, что сказать, Левъ Сапѣга отвѣтилъ въ высшей степени дерзко: „Посадили сына твоего на Московское государство государемъ одни казаки Донцы!“ Но такое грубое замѣчаніе задѣло за живое нашего посланника. Желябужскій взволнованно и съ укоризной отвѣтилъ: „Что ты, панъ канцлеръ, такое слово говоришь? То сдѣлалось волею и хотѣньемъ Бога нашего, Богъ послалъ Духа Своего Святого въ сердца всѣхъ людей“. Въ это время митрополитъ обратился и къ Олешинскому, тоже присутствовавшему на свиданіи русскаго посланнаго съ митрополитомъ Филаретомъ, и сказалъ своимъ приставамъ: „Насъ царь Борисъ всѣхъ извелъ,—меня велѣлъ постричь, трехъ братьевъ уморилъ, велѣлъ задавить, только теперь остался у меня одинъ братъ Иванъ Никитичъ“. Олешинскій при этихъ сло-

вахъ съ любопытствомъ спросилъ Сапѣгу: „Для чего царь Борисъ надъ ними это сдѣлалъ“. „Для того царь Борисъ велѣлъ надъ ними это сдѣлать, блюдяся отъ нихъ, чтобъ изъ нихъ котораго брата не посадили на Московское государство государемъ, потому что они люди великіе и близкіе къ царю Ѳеодору“, отвѣчалъ Сапѣга. Выслушавъ это, Олешинскій съ усмѣшкой сказалъ русскому посланнику: „На весну пойдетъ къ Москвѣ королевичъ Владиславъ, а съ нимъ мы всѣ пойдемъ Посполитою Рѣчью, Владиславъ королевичъ учинитъ вашего митрополита патріархомъ, а сына его бояриномъ.

Обиженный Филаретъ Никитичъ отвѣтилъ: „Я въ патріархи не хочу“, а Желябужскій возразилъ Олешинскому: „Ты, панъ, говоришь слово похвальное, а мы надѣемся на милость Божію, да на великаго государя Михаила Ѳеодоровича, на его государское счастье, дородство и храбрость и на премудрый разумъ надеждны; нынѣ во всѣхъ государствахъ миръ, покой и тишина, всѣ люди ему, великому государю, служатъ и радѣютъ единодушно; и будемъ стоять противъ Владислава вашего королевича, и противъ всѣхъ васъ“.

Въ это время вышла жена Струся и вступила съ разговоръ съ государевымъ отцомъ. Она стала просить Филарета Никитича, чтобы тотъ написалъ своему царственному сыну и просилъ его жаловать ея мужа. Митрополитъ Филаретъ охотно обѣщалъ ей исполнить ея просьбу. Изъ этого мы можемъ съ увѣренностью думать, что жена Струся была посредницей между царемъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ и его плѣннымъ отцомъ.

Желябужскій надѣялся увидѣться съ государевымъ отцомъ передъ своимъ отъѣздомъ изъ Варшавы. Но этого ему не удалось сдѣлать. Причиной такого обстоятельства было нежеланіе Филарета писать сыну грамоту безъ царскаго титула, чего добивались поляки: „Не могу просто написать безъ царскаго именованія“,—твердо объявилъ Государевъ отецъ на предъявленное къ нему требованіе,—„боюся отъ Бога наказанія: что ему Богъ далъ, а како отнять, какъ Богъ ево нарече царемъ“. Тогда поляки не допустили Желябужскаго къ митрополиту Филарету. При этомъ одинъ изъ нихъ сказалъ русскому посланнику: „Какъ свѣдалъ Филаретъ, что сынъ его учинился государемъ, то сталъ на сына

своего надеженъ, сталъ упрямъ и сердитъ, къ себѣ не пуститъ и грамотъ не пишетъ“.

Не знаемъ въ точности, были ли послѣ посылки Желябужскаго какія-нибудь сношенія царя Михаила Ѳеодоровича съ своимъ плѣннымъ отцомъ. Но посылокъ изъ Московскаго государства русскихъ людей къ митрополиту Филарету, повидимому, не было до 1619-го года. Это вполнѣ объясняется той войной, которая подготовлялась и разразилась въ это время между Москвой и Рѣчью Посполитой. Несомнѣнно, много душевныхъ оскорбленій и уколовъ пришлось пережить за это время государеву отцу. Приведенная нами выше сцена ясно показываетъ, какія выходки позволялъ себѣ дерзкій и грубый Сапѣга и другіе паны.

Но вотъ война кончилась. Было заключено Деулинское перемиріе. Назначенъ былъ размѣнъ плѣнныхъ. Вѣсть объ этомъ дошла и до русскихъ плѣнныхъ, томившихся въ далекой неволѣ. Стало легче дышаться. Появилась надежда на скорое освобожденіе. Съ митрополитомъ Филаретомъ начали обходиться гораздо болѣе учтивымъ и предупредительнымъ образомъ. А спустя нѣсколько мѣсяцевъ послѣ заключенія перемирія государевъ отецъ переведенъ былъ ближе къ предѣламъ Московскаго государства въ Оршу и оттуда поѣхалъ съ другими русскими плѣнниками къ русскому рубежу. Многихъ недосчитывались русскіе плѣнники въ своихъ рядахъ: не всѣ перенесли тяжкую долголѣтнюю неволю. Князь Вас. Вас. Голицынъ не дождался сладостной минуты возвращенія на родину. Онъ умеръ уже на пути къ ней.

Медленно подвигались наши плѣнные къ родной границѣ. Поляки тянули время и явились къ нашему рубежу гораздо позже условленнаго срока. Между тѣмъ наши великіе послы, всѣ тѣ, кто участвовалъ въ Деулинскихъ переговорахъ, получили уже въ началѣ марта 1619 года повелѣніе царя Михаила Ѳеодоровича ѣхать немедленно къ Литовской границѣ, въ Вязьму и произвести близъ этого города размѣнъ плѣнныхъ. Великіе русскіе послы повезли съ собой и плѣнныхъ поляковъ и литовцевъ, „Струся съ товарствомъ“, всего до 300 человѣкъ. Въ Вязьмѣ всему многочисленному благодаря плѣннымъ и ихъ охранѣ посольству пришлось жить очень долго: свыше 2-хъ мѣсяцевъ. Наконецъ наши великіе послы

были обрадованы извѣстіемъ, что литовцы пріѣхали уже въ Дорогобужъ. Съ ними вступили въ сношенія и выбрали подходящее для посольскихъ съѣздовъ мѣсто. Они должны были происходить въ пустоши Песочнѣ, которая находилась у рѣки Поляновки, въ 17-ти верстахъ отъ Вязьмы.

Когда рѣчь зашла о времени съѣзда, литовскіе уполномоченные предложили для этого 27-го мая, но русскіе послы встревожились. Они не успѣли договориться о числѣ вооруженной свиты съ обѣихъ сторонъ. По этому они рѣшили отсрочить съѣздъ до 30-го мая, о чемъ поспѣшили извѣстить государева отца: имъ было приказано обо всемъ спрашивать распоряженій и совѣтовъ у митрополита Филарета. Между тѣмъ Филаретъ Никитичъ истомился въ долгомъ плѣну. По этому онъ былъ очень недоволенъ новымъ промедленіемъ, о чемъ и поручилъ передать Шереметеву и его товарищамъ: „Для чего бояре съ литовскими послами въ четвергъ 27-го мая съѣздъ отложили и присрочили съѣздъ въ воскресенье 30? Намъ и такъ уже здѣшнее житье наскучило, не годъ и не два терпѣли нужду и заточенье, а они только грамоты къ намъ пишутъ и приказываютъ съ вами, что то подозрительно, отчего изъ Дорогобужа къ нимъ отъ меня никакой грамоты не прислано; а намъ о чемъ уже больше къ нимъ писать? И такъ отъ меня къ нимъ писано трижды, боярамъ давно уже извѣстно, что меня на размѣнъ привезли, а если бы меня на размѣнъ отдать не хотѣли, то меня бы изъ Литвы не повезли, или бы изъ Орши назадъ поворотили“.

Съѣздъ состоялся 30-го мая. На немъ литовскіе полномочные послы предъявили къ русскимъ совершенно новое требованіе о свободной дорогѣ мимо Брянска и между уступленными Рѣчи Посполитой московскими городами. Русскіе великіе послы сперва наотрѣзъ отказали имъ въ этомъ и сейчасъ же послѣ съѣзда послали къ митрополиту Филарету спросить, какъ поступить. Они спрашивали у государева отца, не прикажетъ ли онъ размѣнять его на Струся и нѣсколькихъ знатныхъ поляковъ и литовцевъ, а остальныхъ русскихъ оставить пока въ польскомъ плѣну. Митрополитъ Филаретъ заплакалъ при такомъ предложеніи и произнесъ: „Велѣлъ бы мнѣ Богъ видѣть сына моего, великаго государя царя, и всѣхъ православныхъ христіанъ въ Московскомъ государствѣ“.

Плѣнный государевъ отецъ, изстрадавшійся въ неволѣ, горѣлъ желаніемъ скорѣйшаго освобожденія и отъѣзда на родину, въ Москву, къ близкимъ и милымъ сердцу. Литовскіе послы въ то же время, прекрасно учитывая выгоды своего положенія, были неуступчивы, задорны и высокомѣрны: Поэтому наши великіе послы затруднялись и не знали, на что рѣшиться. Тогда вдругъ явился довѣренный человѣкъ отъ плѣннаго боярина Шеина, славнаго смоленскаго воеводы, и сообщилъ именемъ этого храбраго военачальника, что литовскіе послы готовы на разрывъ переговоровъ. Ѳ. И. Шереметевъ и другіе послы увидѣли необходимость уступить. Они согласились удовлетворить требованіе литовцевъ. Послѣ этого 1-го іюня поздно вечеромъ было приступлено къ давно ожидаемому размѣну плѣнныхъ.

Для этого размѣна заблаговременно были сдѣланы всѣ нужныя приготовленія. Черезъ Поляновку были построены два моста. По одному должны были идти плѣнные русскіе, по другому поляки и литовцы. Вечеромъ 1-го іюня послѣ долгихъ переговоровъ Струсь съ разрѣшенія митрополита Филарета первымъ былъ отпущенъ изъ плѣна. Затѣмъ плѣнные стали двигаться одновременно по двумъ мостамъ. Государевъ отецъ ѣхалъ въ возкѣ. Переѣхавъ Поляновку Филаретъ Никитичъ вышелъ изъ возка. Его привѣтствовали великіе послы рѣчами отъ имени царя инокини Марѳы, бояръ и всего „государства“. Шеина и другихъ плѣнныхъ также удостоили привѣтствій отъ имени царя Михаила Ѳеодоровича.

Освободился изъ польскаго плѣна митрополитъ Филаретъ въ ночь на второе іюня. Поэтому ночевалъ онъ въ острожкѣ, построенномъ русскими послами для себя и своей свиты. Лишь на другой день государевъ отецъ отправился въ дальнѣйшій путь къ Москвѣ черезъ Вязьму. Въ столицѣ тѣмъ временемъ приготовлялись къ достойной встрѣчѣ митрополита Филарета Никитича. 6-го іюня пришла въ Москву давно ожидаемая и желанная вѣсть о томъ, что государевъ отецъ освобожденъ и ѣдетъ къ Москвѣ. Съ этого дня государь трижды посылалъ къ нему съ привѣтствіемъ (узнать „о здоровьи“) своихъ приближеннѣйшихъ бояръ: Б. М. Салтыкова, князя Ис. Б. Черкасскаго и князя Аѳ. Вас. Лобанова-

Ростовскаго. Въ то же время были назначены три „встрѣчи“ митрополита Филарета. Царь предвидѣлъ, что не обойдется безъ мѣстничества и предусмотрительно приказалъ быть всѣмъ безъ мѣстъ. Все таки мѣстническіе счеты поднялись, но были прекращены напоминаніемъ о царскомъ приказѣ. Наконецъ Филаретъ Никитичъ прибылъ въ Смоленскъ. Онъ былъ встрѣченъ Рязанскимъ архіепископомъ Іосифомъ, бояриномъ княземъ Дм. Мих. Пожарскимъ, окольничимъ кн. Гр. Конст. Волконскимъ и сопровождавшими ихъ другими духовными „властьми“ и свѣтскими лицами. Во главѣ другой встрѣчи близь Звенигорода у Саввина Сторожевскаго монастыря участвовалъ архіепископъ Вологодскій Макарій, бояринъ Вис. Петр. Морозовъ и думный дворянинъ Гавр. Григ. Пушкинъ. Въ селѣ Хорошевѣ состояла третья встрѣча. Во главѣ ея находились митрополитъ Сарскій и Подонскій Іона, бояринъ князь Дм. Тим. Трубецкой и окольничій Ѳеод. Леонт. Бутурлинъ.

14-го іюня 1619 года митрополитъ Филаретъ подъѣхалъ къ столицѣ. Здѣсь за рѣчкой Прѣсней, за Тверскими воротами встрѣчалъ своего горячолюбимаго отца самъ царь Михаилъ Ѳеодоровичъ, окруженный всѣмъ своимъ дворомъ и „синклитомъ“. Тутъ же толпилось московское „всенародное множество“. Встрѣча отца и сына была умилительна и радостна. Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ при видѣ своего, долго ожидаемаго отца палъ на землю ницъ передъ митрополитомъ Филаретомъ. Этимъ онъ почтилъ и отца и святителя. И государевъ отецъ упалъ въ ноги своему царственному сыну. Радостныя слезы катились по ихъ лицамъ. Они, видимо, многое пережили и припомнили въ этотъ торжественный моментъ. И долго не могли они совладать съ своимъ радостнымъ волненіемъ и подняться съ земли. Весь народъ раздѣлялъ ихъ радость. Русскіе люди любили своего молодого царя, да и митрополитъ Филаретъ пользовался большой популярностью среди Московскаго населенія.

Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ по прекрасному русскому обычаю и по влеченію своего добраго и набожнаго сердца ознаменовалъ радостный день свиданія съ отцомъ послѣ столь долгой разлуки дѣлами благочестія и христіанской любви. Онъ воздвигъ въ Москвѣ между Тверской и Никитской ули-

цами храмъ во имя пророка Елисея, память котораго православная церковь празднуетъ 14-го іюня. Въ то же время рядъ милостей былъ оказанъ „для приходу отца“ государева. Были прощены разнаго рода опальные, страдавшіе за свои преступленія и проступки. Одни изъ нихъ были подъ арестомъ, другіе сосланы изъ столицы въ разные уѣздные города, многіе томились въ мрачныхъ темницахъ. И всѣхъ „тѣхъ государь пожаловалъ, велѣлъ освободить“.

Черезъ нѣсколько дней послѣ прибытія митрополита Филарета Никитича въ Московское государство состоялось событіе большой важности въ исторіи русской церкви и русскаго государства. Земскій соборъ рѣшилъ идти къ государю царю и великому князю Михаилу Ѳеодоровичу, всея Руси самодержцу, съ слезнымъ челобитьемъ, чтобы тотъ „упросилъ у отца своего, государя Филарета Никитича, чтобъ вступился въ православную христіанскую вѣру и былъ бы на престолѣ патріаршескомъ московскомъ и всеа Руси. Такое дѣйствіе со стороны земскаго собора было вполнѣ естественно и понятно. Послѣ мученической кончины патріарха Гермогена русская церковь вдовствовала, не имѣя патріарха. Сначала нельзя было и подумать о поставленіи патріарха, не избравъ ранѣе царя. Затѣмъ стали ожидать возвращенія изъ плѣна государева отца. Митрополитъ Филаретъ и по своему сану, и по своему происхожденію, и по своему уму былъ достойнымъ кандидатомъ въ патріархи. Главное же—онъ былъ царевымъ отцомъ, и трудно было бы представить его въ подчиненной роли другому лицу. Но Филаретъ долго отрекался отъ предложенной ему великой чести, слѣдуя старому русскому обычаю и говоря, что желаетъ кончить свои дни въ полномъ уединеніи. Наконецъ государевъ отецъ далъ свое согласіе на занятіе патріаршеской каѳедры. 22 іюня состоялось нареченіе Филарета патріархомъ, а спустя два дня и торжественное возведеніе его въ патріаршескій санъ. Чинъ возведенія въ патріархи, и такъ весьма торжественный, получилъ еще большій блескъ и пышность въ данномъ исключительномъ случаѣ. Дѣло въ томъ, что въ Москву незадолго до возвращенія государева отца изъ польской неволи прибылъ за сборомъ милостыни іерусалимскій вселенскій патріархъ Ѳеофанъ. Этотъ то, столь

Встрѣча царемъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ патріарха Филарета въ 1619 году.

высокостоявшій въ духовной іерархіи Востока, патріархъ и совершилъ чинъ возведенія ростовскаго и ярославскаго митрополита Филарета въ санъ патріарха Московскаго и всея Русіи.

Такъ совершилось это, какъ мы уже отмѣтили выше, важное событіе нашей исторіи. Прибытіе Филарета Никитича въ Москву и возведеніе его въ санъ патріарха съ титуломъ великаго государя были, дѣйствительно, очень крупными событіями нашей тогдашней жизни. Вліятельный по своему уму и характеру государь патріархъ всея Руси былъ еще болѣе вліятеленъ по своему положенію въ государствѣ: высшее духовное лицо, онъ въ то же время былъ отцомъ очень мягкаго и добраго царя. Въ лицѣ патріарха Филарета Русь получила опытнаго, глубоко понимавшаго государственныя нужды и одареннаго громадной силой воли соправителя молодого и любимаго народомъ государя.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Патріархъ Филаретъ Никитичъ. Послѣдніе годы царствованія Михаила Ѳеодоровича. Возвращеніе Смоленска при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ.

I.

Появленіе у власти государева отца, патріарха Филарета, знаменуетъ собой начало новой эпохи въ царствованіи Михаила Ѳеодоровича. Первые годы правленія родоначальника нынѣ царствующей династіи посвящены были почти исключительно возстановленію нарушеннаго Смутой государственнаго порядка, борьбѣ съ внутренними и внѣшними врагами. Теперь настала пора творческой работы надъ усиленіемъ государственныхъ и народныхъ силъ и средствъ. Несомнѣннымъ благомъ для нашей родины было то, что въ то время у власти сталъ человѣкъ широкаго почина и огромной силы воли. Какъ сильный и властный человѣкъ, онъ былъ не всѣмъ пріятенъ. Вотъ какая характеристика сохранилась о немъ въ одномъ изъ современныхъ ему хронографовъ: „патріархъ... былъ роста и полноты среднихъ, Божественное Писаніе разумѣлъ отчасти, нравомъ былъ опальчивъ и мнителенъ, а такой владительный, что и самому царю боятися его. Бояръ и всякаго рода людей изъ царскаго синклита томилъ заточеніями необратными и другими наказаніями, къ духовному сану былъ милостивъ и несребролюбивъ, всѣми царскими дѣлами и ратными владѣлъ“. Въ то же время официозный Новый Лѣтописецъ еще при жизни патріарха воспѣлъ ему краткій, но выразительный панегирикъ. Сказавъ о святительскихъ заслугахъ государева отца, заботящагося о распространеніи православія и о новообращенныхъ въ христіанство, Лѣтописецъ продолжаетъ: „но и земская вся правляше, отъ насилья многи отня; ни ково жъ въ Московскомъ государствѣ сильниковъ не бысть опричь

ихъ государей. И кои служаху государю и въ безгосударное время, а быша не пожалованы, онъ же государь тѣхъ всѣхъ взыскалъ и пожаловалъ и держаше у себя ихъ въ милости, никому же не выдаваху“. Сопоставляя эти характеристики и вычитая кое-что изъ второй, какъ написанной при дворѣ патріарха, мы видимъ въ нихъ сходныя черты. Вѣдь въ сущности и первый отзывъ скорѣе положителенъ, чѣмъ отрицателенъ; при томъ же въ немъ чувствуется довольно много правды. Филаретъ былъ несомнѣнно въ старости вспыльчивъ и нѣсколько „мнителенъ“, т. е. подозрителенъ; если мы вспомнимъ обстоятельства его жизни, его испытанія, долгое пребываніе въ ссылкѣ и плѣну, то безъ труда поймемъ, откуда въ немъ сложились такія именно черты характера; онъ былъ при этомъ и „владителенъ“; человѣкъ страшной силы воли и кипучей энергіи онъ, конечно, не могъ терпѣть около себя никакихъ другихъ „сильниковъ“. Сомнѣваемся, чтобы царь его „боялся“; но Михаилъ Ѳеодоровичъ по своей молодости и мягкости, по врожденной нѣжности сердца, конечно, склонялся передъ твердымъ духомъ отцемъ, котораго, судя по крайней мѣрѣ по ихъ перепискѣ, горячо любилъ и глубоко уважалъ. Сильный душой, закаленный въ несчастіяхъ, обладая широкимъ государственнымъ умомъ патріархъ Филаретъ былъ, пожалуй, на тогдашній взглядъ строгъ къ нарушителямъ государственнаго интереса. Но кого изъ обойденныхъ прежнимъ правительствомъ онъ „пожаловалъ“, трудно сказать съ увѣренностью.

За то мы имѣемъ извѣстіе, идущее отъ знакомаго намъ Исаака Массы, что, по пріѣздѣ Филарета „во всѣхъ вѣдомствахъ перемѣнены штаты и смѣнены служащіе, но все къ лучшему, все сдѣлано по приказанію самого родителя царскаго, но все же заранѣе уже было назначено и опредѣлено“. Правда, это извѣстіе слишкомъ преувеличено и гораздо правильнѣе утвержденіе новѣйшаго изслѣдователя, „что Филаретъ думалъ бороться съ административнымъ зломъ, какое засталъ въ Москвѣ, не перемѣною штатовъ и лицъ, а общими мѣропріятіями“. Объ этихъ мѣропріятіяхъ, очень интересныхъ, рѣчь у насъ пойдетъ ниже. Но все же нѣкоторыя перемѣны въ личномъ составѣ правительства мало по малу были произведены. Наиболѣе замѣтна была опала, постигшая въ

1623 году сильнѣйшихъ до возвращенія отца государева изъ плѣна людей при дворѣ, Салтыковыхъ. Дѣло этихъ вельможъ было тѣснымъ образомъ связано съ важнымъ для упроченія и продолженія новой династіи вопросомъ о царской женитьбѣ. Еще до возвращенія Филарета Никитича въ Москву, въ 1616 году, царь, повидимому, съ совѣта и одобренія своей матери выбралъ себѣ въ невѣсты молодую дѣвушку, дочь дворянина, Марью Ивановну Хлопову. Невѣста очень полюбилась молодому царю. Тогда Салтыковы стали опасаться потери своего прежняго вліянія во дворцѣ, тѣмъ болѣе, что дядя невѣсты, Гаврила Хлоповъ, имѣлъ по одному пустому поводу столкновеніе съ М. М. Салтыковымъ. Между тѣмъ съ царской невѣстой сдѣлался во дворцѣ желудочный припадокъ, сопровождавшійся рвотой. Царь встревожился и послалъ къ М. И. Хлоповой двухъ докторовъ иностранцевъ. Тѣ быстро вылечили царскую невѣсту, но М. М. Салтыковъ донесъ царю Михаилу Ѳеодоровичу о неизлѣчимой болѣзни М. И. Хлоповой. Тогда, конечно, нельзя было и подумать о женитьбѣ на ней царя. Мало того Салтыковы обвинили бывшую царскую невѣсту и ея родныхъ въ утайкѣ отъ государя ея болѣзни, „порчи“, какъ говорилось тогда. Несчастныхъ Хлоповыхъ сослали въ Тобольскъ.

По пріѣздѣ Филарета Никитича въ Москву Хлоповы получили облегченіе своей участи. Они изъ Тобольска были переведены въ Верхотурье, а оттуда въ Нижній Новгородъ. Но рѣчи о пересмотрѣ ихъ дѣла не заходило. Между тѣмъ патріархъ Филаретъ усиленно заботился о женитьбѣ своего сына, видя въ ней и, совершенно справедливо, не только семейное, но и чисто государственное дѣло большой важности. Во всѣхъ монархическихъ государствахъ вопросъ о наслѣдникѣ престола представляетъ большой интересъ. А при тогдашнемъ взглядѣ на государство, какъ вотчину государя, этотъ вопросъ пріобрѣталъ особую остроту тѣмъ болѣе, что и весь родъ Никитичей, считая по мужской линіи, былъ не великъ, да и династія была еще очень молода. Поэтому передача государства въ боковую линію, не говоря уже о женской, могла вызвать новыя потрясенія въ Русской землѣ. Сперва патріархъ искалъ для сына невѣсту среди иностранныхъ принцессъ. Когда попытки, сдѣланныя въ этомъ на-

правленіи, не увѣнчались успѣхомъ, пришлось обратиться къ мысли о русской невѣстѣ для царя. Нельзя не предположить, что царь Михаилъ Ѳеодовичъ, продолжавшій любить свою бывшую невѣсту, высказалъ, наконецъ, отцу тайну своего сердца. По крайней мѣрѣ о Хлоповыхъ вспомнили. Прежде всего допросили докторовъ, лечившихъ М. И. Хлопову. Тѣ заявили, что болѣзнь ея была не серьезна и совершенно прошла. Тогда патріархъ призвалъ М. М. Салтыкова къ допросу, почему тотъ заявилъ о неизлѣчимости болѣзни М. И. Хлоповой. Салтыковъ началъ отпираться и выворачиваться. Тогда великіе государи собрали на совѣтъ ближайшихъ къ себѣ людей: Ив. Никитича Романова, князя Ив. Бор. Черкасскаго и Ѳ. Ив. Шереметева. На родственномъ совѣтѣ рѣшили вызвать къ допросу самихъ Хлоповыхъ, отца и дядю бывшей царской невѣсты. Отецъ Хлоповой на допросѣ заявилъ о томъ, что его дочь здорова и что припадковъ больше не было. Тоже подтвердилъ и духовникъ ея. Выяснили Хлоповы и причину поведенія Салтыкова, враждебнаго имъ. Между тѣмъ Ѳ. И. Шереметевъ, съѣздилъ въ Нижній-Новгородъ. Произвели тамъ слѣдствіе, выяснившее, что бывшая царская невѣста совершенно здорова, и имѣли съ ней бесѣду. Когда Шереметевъ спросилъ М. И. Хлопову, отчего она тогда захворала, та отвѣчала, что нездоровье ея приключилось „отъ супостатъ“. Отецъ Хлоповой заявилъ, что ее хотѣли отравить Салтыковы, которые дали ей для возбужденія аппетита какой-то аптечной настойки. Наконецъ, дядя ея сказалъ, что племянница его злоупотребила сладкими кушаньями.

Продѣлка Салтыковыхъ открылась окончательно. На нихъ наложили опалу. Самихъ ихъ разослали по деревнямъ, мать заточили въ монастырь, имѣнія отобрали въ казну за то, что Салтыковы „государской радости и живота учинили помѣшку“. Въ указѣ объ ихъ ссылкѣ по деревнямъ ихъ вины были обозначены ясно и опредѣленно: „Вы это сдѣлали (т. е. „помѣшку“) измѣною, забывъ государево крестное цѣлованіе и государскую великую милость; а государская милость была къ вамъ и къ матери вашей не по вашей мѣрѣ; пожалованы вы были честью и приближеніемъ больше всѣхъ братьи своей, и вы то поставили ни во что,

ходили не за государевымъ здоровьемъ, только и дѣлали, что себя богатили, домы свои и племя свое полнили, земли крали, и во всякихъ дѣлахъ дѣлали неправду, промышляли тѣмъ, чтобъ вамъ при государской милости, кромѣ сёбя никого не видѣть, а доброхотства и службы къ государю не показали".

Салтыковы пали къ великому удовлетворенію многихъ обиженныхъ этими властными, сильными и своекорыстными людьми. Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ не женился тѣмъ не менѣе на Хлоповой. Причиной этому было противодѣйствіе его матери, великой старицы инокини Марѳы Ивановны. Держа сторону своей обширной родни, Салтыковыхъ, она заявила сыну, какъ можно думать съ увѣренностью и какъ передавали современные событію слухи, что не дастъ благословенія на его бракъ съ ненавистной ей М. И. Хлоповой. Царственный сынъ уступилъ своей матери, воспитавшей его и чтимой имъ. Хлоповыхъ вернули въ Нижній, давъ имъ лучшее содержаніе. Уступая необходимости, царь Михаилъ Ѳеодоровичъ вступилъ въ сентябрѣ 1624 года въ бракъ съ княжной Маріей Владимировной Долгорукой. Молодая царица разнемоглась вскорѣ послѣ свадьбы и умерла въ январѣ 1625 года. Затѣмъ царь женился вторично. Вторая супруга его, Евдокія Лукьяновна Стрѣшнева, была дочерью рядового дворянина. Отъ брака съ нею царь Михаилъ Ѳеодоровичъ имѣлъ нѣсколько дѣтей. А въ мартѣ 1629 года царь былъ обрадованъ рожденіемъ сына и наслѣдника, царевича Алексѣя Михайловича.

Устраивая семейныя дѣла своего сына, имѣвшія, правда, какъ мы старались выяснить и общее государственное значеніе, патріархъ Филаретъ обратилъ большое вниманіе на наболѣвшіе вопросы тогдашней русской жизни. При этомъ онъ дѣйствовалъ въ единеніи съ земскимъ соборомъ, который имѣлъ по прежнему большое значеніе до 1622 года. Къ этому времени государственное управленіе въ московской Руси благодаря большой опытности и административному таланту патріарха Филарета, имѣвшаго опредѣленные взгляды и умѣвшаго проводить ихъ въ жизнь, болѣе или менѣе наладилось, и земскіе соборы стали собираться рѣже и не такъ правильно. Тѣмъ не менѣе ихъ созывали время

отъ времени, и они принимали дѣятельное участіе въ правленіи въ случаѣ возникновенія дѣлъ и обстоятельствъ чрезвычайной важности.

Особенно напряженно работалъ патріархъ Филаретъ въ первые годы своего соправительства царю Михаилу Ѳеодоровичу. Государевъ отецъ былъ очень и очень не молодъ ко времени возвращенія въ Москву. Въ 1619 году ему было не менѣе 62—63 лѣтъ. Но онъ отличался кипучей энергіей, дѣеспособностью и живостью ума. Приложить ихъ было къ чему. Правда, страна уже вышла уже изъ состоянія безвластія и разрухи. Мирныя отношенія съ сосѣдями были уже до извѣстной степени налажены. Но послѣдствія Смуты и связанной съ ней нравственной порчи были еще слишкомъ замѣтны. Администрація отличалась распущенностью, своеволіемъ, лихоимствомъ и продажностью, съ населенія брали отягчительныя чрезвычайныя подати и налоги, а между тѣмъ царская казна не была въ блестящемъ состояніи; многіе люди неправильно завладѣли во время Смуты большими помѣстьями и вотчинами и держали ихъ въ своихъ цѣпкихъ рукахъ. Противъ этого принимались мѣры и до возвращенія патріарха Филарета въ Москву, но вслѣдствіе молодости, неопытности и мягкости царя онѣ не достигали поставленной ими цѣли.

И вотъ государевъ отецъ въ первые же дни по своемъ пріѣздѣ въ Москву на засѣданіи земскаго собора, ставитъ рядъ важнѣйшихъ вопросовъ и указываетъ на большія нестроенія въ хозяйственной жизни государства. Патріархъ Филаретъ указалъ своему царственному сыну, а черезъ того и собору: 1) съ разоренныхъ земель подать берется неравномѣрно; съ однихъ—по дозорнымъ книгамъ; съ другихъ, не менѣе разоренныхъ—по писцовымъ книгамъ; между тѣмъ дозорныя книги принимаютъ въ разсчетъ обстоятельства, которыя могутъ дать льготы по уплатѣ податей (напримѣръ „пожары“ и т. д.), а писцовыя—этого не дѣлаютъ; 2) при переписи земель допускаются постоянныя злоупотребленія со стороны должностныхъ лицъ разныхъ ранговъ, исполняющихъ по порученію царя это дѣло; „писцы“ и „дозорщики“ въ противность получаемымъ наказамъ часто „другу дружатъ, а недругу мстятъ“ и „обкладываютъ земли не въ

правду“; 3) тяглые люди въ свою очередь постоянно идутъ на злоупотребленія: они массами закладываются за сильныхъ людей (т. е. входятъ въ особенный видъ долговой зависимости и этимъ освобождаются отъ тягла и выходятъ изъ общины) или бѣгаютъ изъ своей общины; въ виду существованія круговой поруки за бѣглецовъ платятъ оставшіеся члены этой общины платятъ за бѣглецовъ и разоряются отъ этого; 4) замѣтны большія злоупотребленія высшей администраціи; поэтому многіе люди просятъ „отъ сильныхъ людей ихъ оборонить“, такъ какъ они „чинятъ имъ насильства и обиды“.

Эти, указанныя патріархомъ, „нестроенія“ заставили въ концѣ іюня 1619 года царя Михаила Ѳеодоровича поднять вопросъ на земскомъ соборѣ, „какъ бы то исправить и землю устроить“. На этомъ соборѣ послѣ рѣчей царя и порѣшили: 1) снова произвести въ неразоренныхъ мѣстностяхъ перепись, при чемъ „писцовъ и дозорщиковъ“ назначить изъ вполнѣ надежныхъ людей и привести ихъ къ присягѣ, взявъ съ нихъ обѣщаніе писать безъ взятокъ и работу производить „вправду“; 2) тѣхъ тяглецовъ, которые выбѣжали и „заложились“ за бояръ и за монастыри, разыскать и водворить въ прежнихъ общинахъ, а на лицъ, которые ихъ держали, наложить денежныя взысканія; 3) составить роспись государственныхъ доходовъ и расходовъ; при томъ выяснить: сколько ихъ числится по частнымъ росписямъ тѣхъ и другихъ, сколько „убыло отъ разоренія“ доходовъ, сколько денегъ поступаетъ, куда ихъ израсходовали, сколько ихъ въ остаткѣ, куда эти остатки предназначаются; 4) создать особый приказъ (сыскной), который долженъ былъ разсматривать жалобы на „сильныхъ людей“; 5) выбрать новыхъ выборныхъ членовъ для засѣданія на земскомъ соборѣ.

Такимъ образомъ патріархъ Филаретъ хорошо поставилъ вопросы и, повидимому, онъ же указалъ и на настоящія мѣры для устраненія замѣченныхъ имъ „нестроеній“ русской жизни. И всѣ дальнѣйшія мѣропріятія правительства царя Михаила Ѳеодоровича стремились къ тому, чтобы 1) улучшить администрацію и 2) поднять платежныя и служебныя силы страны. Не будемъ вдаваться въ разсмотрѣніе всего, что въ этомъ отношеніи сдѣлано при первомъ государѣ

нынѣ царствующей династіи. Ограничимся указаніемъ, что правительству царя Михаила Ѳеодоровича далеко не вполнѣ удалось „добиться своей цѣли, т. е. исправить администрацію и устроить благосостояніе. Несмотря на это оно сдѣлало много, даже чрезвычайно много; внѣшніе враги Руси снова стали видѣть въ Москвѣ сильнаго врага; казачество смирилось, внутри страны стали забывать о Смутѣ". Соглашаясь вполнѣ съ этими словами проф. Платонова, опредѣляющими общій результатъ царствованія царя Михаила, остановимся нѣсколько на слѣдующихъ сторонахъ изучаемой эпохи: приказъ сыскныхъ дѣлъ, борьба съ Польшей изъ-за Смоленска; взятіемъ этого города при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ будетъ исчерпана, по нашему мнѣнію, задача этой главы. Прочія стороны царствованія второго изъ Романовыхъ, царствованія обильнаго реформами и событіями, не входятъ въ тему этой книги. Борьба изъ-за Смоленска была одной изъ первыхъ, очередныхъ задачъ нынѣ царствующей династіи, поэтому разсмотрѣть ее мы обязаны до ея послѣдней фазы. Но вопросы объ исправленіи богослужебныхъ книгъ до и послѣ Никона, присоединеніе Малороссіи и подготовка къ этому и цѣлый рядъ такихъ вопросовъ, получившихъ свое разрѣшеніе частью при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, частью при его преемникахъ, завели бы насъ слишкомъ далеко и чрезмѣрно расширили бы рамки нашего труда. Поэтому и ограничимся указанными предѣлами.

Возвращаясь послѣ вынужденнаго обстоятельствами отступленія къ прерванному нами изложенію, отмѣтимъ, что приказъ сыскныхъ дѣлъ былъ самымъ крупнымъ „новшествомъ" внутренняго управленія, введеннымъ по мысли патріарха Филарета для борьбы „съ сильными людьми". Созданный по приговору собора и указу царя, этотъ приказъ немедленно получилъ то названіе, подъ которымъ сталъ извѣстенъ впослѣдствіи. При этомъ думали, что у новаго учрежденія будетъ очень много и самыхъ разнообразныхъ дѣлъ, такъ какъ онъ долженъ былъ „сыскивать на сильныхъ людей во всякихъ обидахъ". Постепенно его сфера его дѣятельности опредѣлилась болѣе точно, и онъ сталъ, главнымъ образомъ, высшей инстанціей по помѣстнымъ и холопьимъ дѣламъ, хотя время отъ времени исполнялъ и другія пору-

ченія. Наряду съ нимъ по остроумному предположенію профессора Гурлянда существовалъ и другой аналогичный „Приказъ, что на сильныхъ бьютъ челомъ“. Ему поручались дѣла наибольшей важности, вѣрнѣе дѣла, гдѣ фигурировали обвиняемые, занимавшіе высокое положеніе въ государствѣ. Во главѣ его стоялъ всегда бояринъ знатнѣйшаго происхожденія, пользовавшійся довѣріемъ государя и побывавшій передъ этимъ въ начальникахъ Приказа сыскныхъ дѣлъ. Оба эти приказа, особенно первый, дѣйствуютъ еще при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, но дѣятельность ихъ ослабѣваетъ послѣ смерти патріарха Филарета, которому Московская Русь обязана идеей этого учрежденія, обуздывавшаго произволъ „сильныхъ людей“ и тѣмъ принесшаго пользу населенію нашей родины въ первой половинѣ XVII-го вѣка.

II.

Занимаясь внутренними дѣлами государства, принимая мѣры къ поднятію его финансоваго благополучія, великіе государи, царь и патріархъ, не забывали внѣшнихъ отношеній и подготовлялись къ неизбѣжной войнѣ съ Польшей для того, чтобы заставить поляковъ и литовцевъ признать Михаила Ѳеодоровича законнымъ носителемъ русскаго вѣнца и отнять у Рѣчи Посполитой важную крѣпость Смоленскъ, исконный русскій городъ, потерянный нами въ Смуту и уступленный окончательно по Деулинскому перемирію.

Русскіе люди не желали мира: имъ хотѣлось воевать съ поляками и Литвой и одолѣть ихъ; слишкомъ свѣжо для нихъ было пребываніе иноземцевъ-иновѣрцевъ въ Кремлѣ, и недобрыя чувства питали они къ своимъ западнымъ сосѣдямъ. Тѣ въ свою очередь своимъ поведеніемъ не способствовали умиротворенію. Они не отказались, какъ мы знаемъ, отъ правъ королевича Владислава на русскій престолъ и всячески старались это подчеркнуть въ сношеніяхъ съ московскими людьми. Мало того въ пограничные города „державцами“ (соотвѣтствовавшими во многомъ нашимъ воеводамъ) были назначены русскіе, измѣнившіе царю Михаилу Ѳеодоровичу. Еще на поляновскомъ съѣздѣ въ 1619 году великіе русскіе послы указывали литовскимъ посламъ на неудобства,

созданныя подобнымъ фактомъ, при постоянномъ сношеніи пограничныхъ городовъ между собой. Но въ Рѣчи Посполитой такое справедливое представленіе нашихъ пословъ, не произвело никакого дѣйствія. Слѣдствія эти не замедлили сказаться. Помянутые „державцы“ позволили себѣ рядъ самыхъ грубыхъ и непріятныхъ выходокъ. Они не только старались всѣми мѣрами доказать законность притязаній королевича Владислава на русскій царскій престолъ, но всячески старались оскорбительно отозваться о царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, называя его въ высшей степени неуважительно, говоря, что его посадили на Московскій тронъ лишь воровскіе казаки съ Кузьмой Мининымъ во главѣ, не спрашивая совѣта у служилыхъ людей. Выведенные изъ себя русскіе воеводы не оставались въ долгу. Тогда одинъ изъ такихъ „державцевъ“ прислалъ непристойнѣйшую грамоту, далѣе которой идти было некуда. Русскіе бояре переслали эту грамоту раднымъ панамъ. Но тѣ, конечно, были на сторонѣ разнузданнаго „державцы“. Увѣдомляя бояръ о томъ, что въ Польшѣ есть новые самозванцы, какъ бы угрожая ими, паны рады такъ отозвались о ругательствахъ своего русскаго ставленника въ пограничный городъ: „мы этотъ списокъ вычитали и видѣли, что они, какъ солдаты, служивые люди, не зная письменнаго обычая, какъ въ чужія государства пишутъ, попросту писали“.

Такіе и тому подобные факты и выходки не способствовали, конечно, смягченію взаимной вражды между двумя сосѣдними государствами. Поэтому на Москвѣ съ великой радостью встрѣтили въ августѣ 1621 года турецкаго посла, грека Ѳому Кантакузина. Дѣло въ томъ, что турецкій султанъ Османъ задумалъ походъ противъ Польши. Ища себѣ союзниковъ, онъ отправилъ православнаго человѣка, Кантакузина, чтобы тотъ уговорилъ царя Михаила Ѳеодоровича выступить противъ Рѣчи Посполитой. Представившись патріарху Филарету, турецкій посолъ отъ имени своего султана говорилъ ему слѣдующее: „Слухъ до него дошелъ, что сынъ вашъ, Польскому королю послалъ денегъ на помощь и самъ хочетъ идти, такъ онъ бы этого не дѣлалъ, а стоялъ бы съ нами на польскаго короля вмѣстѣ, а когда султанъ Польскую Землю повоюетъ и города поберетъ, то русскіе го-

рода Смоленскъ и другіе сыну твоему отдастъ даромъ совсѣмъ“. Послѣ этого Кантакузинъ указалъ Филарету Никитичу, что цесарь (австрійскій) не можетъ помогать Рѣчи Посполитой изъ-за внутреннихъ распрей (шла 30-ти лѣтняя война) и отвлекаемый подручниками турецкаго султана. „Султанъ Османъ“,—добавилъ турецкій посолъ,—„нарочно послалъ сюда меня, человѣка Греческой вѣры, чтобъ вы во всемъ мнѣ вѣрили и на государя моего были надежны; онъ подлинно сталъ на Польскаго короля на десять лѣтъ и пошелъ уже въ походъ, а меня отпустилъ съ дороги; да и Цареградскій патріархъ Кириллъ велѣлъ вашему святительству говорить накрѣпко, чтобы сынъ вашъ съ султаномъ стоялъ заодно и помощи Польскому королю не посылалъ; въ томъ я государямъ душу даю, что Османъ султанъ съ великимъ государемъ вашимъ хочетъ быть въ крѣпкой братской дружбѣ и любви, и на польскаго короля стоять съ нимъ за одно“.

Выслушавъ рѣчь Кантакузина, государевъ отецъ въ свою очередь заявилъ: „Бояре съ панами радными заключили перемирье и города нѣкоторые Литвѣ отданы; перемирье это сынъ мой велѣлъ заключить только для меня; между сыномъ моимъ и Польскимъ королемъ и сыномъ его ссылки и любви теперь нѣтъ; неправды ихъ и Московскаго разоренья забыть намъ нельзя; мы того только и смотримъ: хотя бы въ маломъ въ чемъ Польскій король миръ нарушилъ, то сынъ мой для султановой любви пошлетъ на него рать, и людямъ ратнымъ велѣно быть на-готовѣ, а помощи противъ султана сынъ мой Польскому королю никогда не давалъ и не дастъ,—чтобъ султанъ вѣрилъ въ этомъ моему слову, да и святѣйшему патріарху Кириллу (Константинопольскому) извѣсти, что слово наше никогда не перемѣнится“.

Казалось, что обстоятельства складываются очень благопріятно: противъ Рѣчи Посполитой дѣйствовала тогда и Швеція. Поэтому, сдѣлавъ нѣкоторыя предварительныя приготовленія, великіе государи, царь и патріархъ, созвали 12 октября того же 1621 года земскій соборъ въ золотой большой Грановитой палатѣ. На этомъ соборѣ государи держали длинную рѣчь къ собравшемуся по ихъ приглашенію

„совѣту всей земли“. Въ ней они говорили о многихъ неправдахъ и крестопреступленіе исконнаго врага московской Руси, польскаго короля Сигизмунда и его сына, королевича Владислава. „Жигимонтъ король мирное постановленіе нарушилъ“,—съ жаромъ говорили Филаретъ Никитичъ и его царственный сынъ,—„изъ многихъ литовскихъ порубежныхъ городовъ урядники пишутъ не по посольскому договору, королевича Владислава называютъ царемъ всея Руси и задоры съ литовской стороны дѣлаются многіе“. Далѣе указывалось, въ чемъ именно заключались эти „задоры“, и между прочимъ отмѣчалось: „Изъ Серпейска урядники литовскіе въ листу своемъ писали не по пригожу, со многою укоризною, чего не только имъ, собакамъ, и королю ихъ писать не годилось“. Кромѣ того въ грамотахъ поляки „отъ царскаго сродства государя отчуждаютъ, царя Ивана Васильевича не велятъ писать ему дѣдомъ и царя Ѳедора Ивановича дядею“. Поэтому, по словамъ обоихъ великихъ государей, они рѣшили начать войну съ своими недругами и съ помощію Божіей „своей чести доходить и всѣхъ людей Московскаго государства неправды мстить“. Далѣе указывались выгоды настоящаго положенія: Турки и Крымцы воюютъ съ Поляками и Литовцами. Да и „Шведскій Густавъ Адольфъ король присылалъ не однажды, чтобъ на Польскаго короля стоять съ ними за одно“. Пользуясь благопріятными обстоятельствами, великіе государи потребовали, какъ сказали они въ концѣ своей рѣчи, удовлетворенія отъ Сигизмунда и Владислава. Если жъ тѣ не даютъ этого удовлетворенія, то война неминуема. Спускать же Рѣчи Посполитой обиды, ею наносимыя, неприлично. „Да и того надобно опасаться: если теперь государямъ съ Турскимъ салтаномъ, Крымскимъ царемъ и Шведскимъ королемъ на Польскаго короля не стать, то впредь бы съ Турками, Татарами и Шведами въ большую недружбу не войти“.

Земскій соборъ выслушалъ рѣчь своихъ великихъ государей съ большимъ вниманіемъ и обнаружилъ большое единодушіе: Всѣ „били челомъ... государямъ..., чтобъ они за святыя Божія церкви, за свою государскую честь и за свое государство противъ недруга своего стояли крѣпко“. Затѣмъ священный соборъ обѣщалъ свои горячія молитвы

за успѣхъ начинаемаго дѣла; бояре и служилые люди съ своей стороны обѣщали биться съ врагами, „не щадя головъ своихъ“. „Да били челомъ дворяне и дѣти боярскія, чтобъ... государи... ихъ пожаловали, велѣли ихъ въ городахъ разобрать, кому можно государеву службу служити, чтобъ ни одинъ человѣкъ въ избылыхъ не были“. Гости и торговые люди предложили посильную помощь своей денежной казной. Во исполненіе рѣшеній принятыхъ на земскомъ соборѣ, въ Литву былъ отправленъ гонецъ Борняковъ съ „ультиматумомъ“, какъ сказали бы теперь. Въ то же время шла усильная „разборка“ и „верстанье“ служилыхъ людей по отечеству, т. е. дворянъ и дѣтей боярскихъ. Имъ обѣщана была чрезвычайная выдача жалованья, въ случаѣ состоится предполагаемый походъ.

Борняковъ вернулся изъ Литвы 2-го февраля 1622 года съ довольно дерзкой грамотой. Поэтому 16-го марта царь Михаилъ Ѳеодоровичъ разослалъ по русскимъ городамъ грамоты „о неправдахъ“ поляковъ и литовцевъ и ихъ короля. Въ этихъ грамотахъ приказано было быть готовыми и по новому приказу выступать въ походъ. Итакъ была объявлена „мобилизація“ русскимъ ополченіямъ. Тѣмъ не менѣе до войны дѣло на этотъ разъ не дошло. Походъ Османа въ Польско-Литовское государство кончился полной неудачей. Султанъ вынужденъ былъ вернуться въ Константинополь, гдѣ его постигла смерть отъ руки возмутившихся янычаръ. Шведы очень удачно дѣйствовали въ Лифляндіи. Но поляки поспѣшили заключить съ ними перемиріе. Московское государство осталось одиноко. Оно знало, что не въ силахъ выступать противъ Рѣчи Посполитой не имѣя союзниковъ, а потому походъ не состоялся. Польско-Литовское государство тоже не пожелало, не имѣя нужныхъ для этого силъ, вступить въ новую войну съ враждебнымъ ей сосѣдомъ.

Однако раздоры не прекращались, и Москва продолжала дѣятельно готовиться къ неизбѣжному столкновенію съ Рѣчью Посполитой. Она вступила въ оживленныя сношенія со Швеціей, въ то время постоянно враждовавшей съ Польско-Литовскимъ государствомъ. Но главное вниманіе русское правительство обратило на организацію своей военной мощи. Смута и слѣдующіе за ней годы показали мо-

сковскому правительству, что русскіе люди, стойкіе въ защитѣ городовъ, совершенно не могутъ состязатся съ иностранными войсками въ открытомъ полѣ. Поэтому рѣшено было пригласить въ русскую службу иноземцевъ. Ихъ приглашали еще въ первые годы царствованія Михаила Ѳеодоровича, и уже къ 1628 году иностранцевъ было много въ русской службѣ. Но въ виду предстоящей войны съ Рѣчью Посполитой было рѣшено увеличить число наемныхъ войскъ. Поэтому въ 1631 году „полковникъ и рыцарь“ Александръ Лесли (иноземецъ русской службы) былъ отправленъ въ Швецію нанять тамъ 5.000 добрыхъ охочихъ пѣшихъ солдатъ; если въ Швеціи не наберется достаточнаго количества желающихъ, то Лесли долженъ былъ ѣхать съ той же цѣлью въ Данію, Англію и Голландію“. При этомъ посланный „нѣмецкій“ полковникъ получилъ любопытный наказъ: „нанимать солдатъ Шведскаго государства и иныхъ государствъ, кромѣ Французскихъ людей, а Французскихъ и иныхъ, которые Римской вѣры, никакъ не нанимать“. Здѣсь сказалось, думается С. М. Соловьеву, то, что „Московское правительство подозрительно смотрѣло на католиковъ и не хотѣло принимать ихъ въ службу“. Полагаемъ, что не ошибемся, объяснивъ эту подозрительность опасеніемъ, какъ бы католики не примкнули во время предполагаемой войны къ своимъ единовѣрцамъ, полякамъ и литовцамъ.

Кромѣ солдатъ Лесли долженъ былъ приговорить еще и техника „пушечнаго дѣла“. Вслѣдъ за Лесли въ февралѣ того же года былъ отправленъ за границу другой полковникъ русской службы Фанъ-Даммъ съ порученіемъ нанять „регименътъ“ (т. е. полкъ) добрыхъ и обученныхъ солдатъ. Мало того отважились на совершенно неслыханную мѣру: стали обучать русскихъ служилыхъ людей нѣмецкому ратному строю. Этимъ было положено начало преобразованію русскаго военнаго дѣла.

Нанимая за границей солдатъ, московское правительство спѣшило закупать тамъ же оружіе и боевые запасы. Такъ въ Швецію одновременно съ посылкой Лесли былъ отправленъ стольникъ Племянниковъ въ сопровожденіи подъячаго съ порученіемъ купить 10.000 мушкетовъ съ зарядами и 5.000 шпагъ.

Къ войнѣ, видимо, готовились. Подыскали даже полководцевъ, способныхъ по мнѣнію великихъ государей начальствовать въ столь отвѣтственномъ походѣ. Это были бояре князья Дмитрій Мамстрюковичъ Черкасскій и Борисъ Михайловичъ Лыковъ. Они устраивали смотры наемнымъ нѣмецкимъ солдатамъ и какъ будто готовились къ возложенному на нихъ важному порученію. Однако, когда въ апрѣлѣ 1632 года умеръ король Сигизмундъ и въ Рѣчи Посполитой наступилъ элекціонный періодъ (т. е. періодъ избранія короля), какъ всегда сопровождавшійся смутами и раздорами и потому удобный для нападенія на это государство, русскія войска, предназначенныя для похода подъ Смоленскъ, остались безъ полководцевъ. Князь Лыковъ еще при назначеніи осмѣлился въ лицо партіарху Филарету говорить о несовмѣстности ему служить подъ начальствомъ князя Черкасскаго. Гордый своими заслугами и способностями, этотъ боярinъ говорилъ, что онъ лѣтъ 30 „ходитъ съ своимъ набатомъ“ (т. е. въ качествѣ главнаго воеводы), а „не за чужимъ набатомъ и не въ товарищахъ“. Говорилъ Лыковъ также, что у Черкасскаго тяжелый, неуживчивый нравъ. Во время назначенія смолчали, надѣясь, что князь Лыковъ одумается. Этого не случилось, а потому и возникло дѣло, кончившееся для князя Бориса Михайловича тѣмъ, что онъ долженъ былъ уплатить князю Черкасскому „безчестья“ 1200 рублей.

Въ итогѣ столкновенія двухъ гордыхъ бояръ московская дѣйствующая рать очутилась безъ полководцевъ. Долго думали, кѣмъ ихъ замѣнить. Наконецъ выборъ остановился на старомъ, заслуженномъ боярinѣ и воеводѣ Михаилѣ Борисовичѣ Шеинѣ, прославившемся во время Смуты мужественной обороной Смоленска отъ короля Сигизмунда. Вторымъ воеводой былъ назначенъ окольничій Арт. Вас. Измайловъ. Шеинъ былъ уменъ и мужественъ, но высокомѣренъ и гордъ. Онъ не ладилъ съ своей братьею боярами, которымъ быть можетъ, стоялъ поперегъ дороги и по должности начальника Приказа сыскныхъ дѣлъ, которымъ онъ управлялъ въ теченіе нѣкотораго времени. И на милостивомъ „отпускѣ“ на войну противъ Рѣчи Посполитой, когда по старому обычаю царь Михаилъ Ѳеодоровичъ жаловалъ

своего воеводу „къ рукѣ“, заносчивый Шеинъ, раздражаемый своими завистниками, не сдержался: онъ „вычиталъ“ великому государю прежнія свои службы съ большою гордостью, говорилъ, будто“ его „и прежнія многія службы были къ нему, государю, передъ всею“ „братьею Шеина „боярами“, „будто“ его „братья бояре, въ то время, какъ“ онъ служилъ, „многіе за печью сидѣли и сыскать ихъ было нельзя, и поносилъ всю свою братью передъ государемъ съ большою укоризною, по службѣ и по отечеству никого себѣ сверстникомъ не поставилъ“.

Мягкій царь не выразилъ неудовольствія Шеину за его нѣсколько заносчивую и неумѣстную въ присутствіи государя выходку, но недоброжелатели гордаго боярина не могли ему простить ее и припомнили это впослѣдствіи. Во всякомъ случаѣ осенью 1632 года главные московскіе воеводы выступили въ походъ съ 32000 войскомъ при 158 орудіяхъ, а другіе воеводы пошли на соединеніе съ ними изъ Ржевы, Володиміровой, Калуги, Сѣвска. Въ числѣ ихъ были нѣмецкіе наемные солдаты въ количествѣ свыше 3500 человѣкъ и русскіе служилые люди обученные нѣмецкому ратному строю и подъ командой иноземныхъ полковниковъ свыше 11000, всего русскихъ и нѣмецкихъ солдатъ, считая съ перешедшими на нашу службу поляками и литовцами, до 14800 человѣкъ. Любопытенъ перечень начальствующихъ лицъ у этого русскаго войска новаго строя: 4 полковника, 4 большихъ полковыхъ поручика, 4 майоровъ, „по русски большіе полковые сторожеставцы“, 2 квартирмейстера и капитана, „по русски большіе полковые окольничіе, 2 полковыхъ квартирмейстера, 17 капитановъ, 32 поручика, 32 прапорщика, 4 человѣка полковыхъ людей и писарей, 4 обозниковъ, 4 поповъ, 4 судебныхъ писарей, 4 профоса (палача), 1 полковой набатчикъ, 79 пятидесятниковъ, 33 прапорщика, 33 дозорщика надъ ружьемъ, 33 ротныхъ заимщика, 65 капораловъ (унтеръ офицеровъ) нѣмецкихъ, 172 капорала русскихъ, 20 нѣмецкихъ набатчиковъ съ свирѣльщикомъ, 32 ротныхъ подъячихъ, 68 русскихъ набатчиковъ и 2 нѣмецкихъ дѣтей недорослей для толмачества (т. е. переводовъ). Наемная плата иностраннымъ военнымъ людямъ была очень велика. Такъ полковникъ получалъ до 5000 це-

сарскихъ ефимковъ въ годъ, а рядовой солдатъ свыше 50. Снабжено было войско Шеина большой артиллеріей или, какъ тогда говорили „нарядомъ“. Въ этой артиллеріи была напримѣръ, пушка, которая для своего передвиженія требовала свыше 60-ти подводъ. Съ такой сильной по числу людей и орудій ратью, Шеинъ отправлялся войной противъ Рѣчи Посполитой. Въ наказѣ главнымъ воеводамъ говорилось: „неправды Польскому и Литовскому королю отмстить, и города, которые отданы Польшѣ и Литвѣ за саблею поворотить по прежнему къ Московскому государству“. Главной цѣлью усилій нашихъ полководцевъ, должно было быть обратное присоединеніе Смоленска и Дорогобужа къ Русской землѣ. Начать надо было съ осады Дорогобужа, но Шеинъ и Измайловъ не должны были задерживаться подъ этимъ городомъ. Если осада его станетъ затягиваться, то по наказу слѣдовало оставить подъ нимъ меньшихъ воеводъ, а самимъ идти къ Смоленску и осадить этотъ городъ. Помня главную цѣль похода, надо было, непремѣнно, еще передъ осадой Дорогобужа послать тайную грамоту къ его русскимъ жителямъ, чтобы они помнили свое крестное цѣлованье царю Михаилу Ѳеодоровичу и постарались сдать городъ царскимъ воеводамъ. Слѣдовало также Шеину и Измайлову обратиться съ воззваніемъ ко всѣмъ жителямъ Смоленскаго и Дорогобужскаго уѣздовъ и пригласить ихъ поспѣшить пріѣздомъ въ русскій станъ, куда вести всякіе запасы и продавать ихъ, „какъ цѣна подниметъ“. Въ то же время главные воеводы должны были „ратнымъ людямъ наказать не одинъ разъ накрѣпко, чтобы они ни у кого даромъ не брали, никого не грабили и не били, уѣздовъ не пустошили и уѣздныхъ и всякихъ людей тѣми своими насильствами не разогнали“. Для того, чтобы эти „крѣпкіе наказы“ ратнымъ людямъ исполнялись, было приказано учредить особые суды изъ мѣстныхъ жителей и ратныхъ людей. Надзирать надъ судьями должны были сами воеводы.

Военныя дѣйствія начались необыкновенно удачно для Московскаго государства: 12 октября 1632 года сдался русскимъ городъ Серпейскъ, а 18-го и Дорогобужъ. Великіе государи, царь и патріархъ, приказали Шеину поспѣшить осадой Смоленска, при чемъ, желая избѣжать обычной по-

мѣхи всякому важному предпріятію, отдали повелѣніе быть всѣмъ воеводамъ, головамъ, дворянамъ „безъ мѣстъ“ до окончанія похода; при этомъ было постановлено, что разряды этой войны не будутъ приниматься во вниманіе при послѣдующихъ мѣстническихъ счетахъ. Шеинъ отправился къ Смоленску и осадилъ его. Между тѣмъ непріятельскіе города сдавались русскимъ людямъ съ изумительной, чисто сказочной быстротой. Въ короткое время сдались Бѣлая, Рославль, Невль, Себежъ, Красный, Почепъ, Трубчевскъ, Новгородъ-Сѣверскій, Стародубъ, Овсей, Друя, Суражъ, Батуринъ и цѣлый рядъ другихъ городовъ. Мѣстное населеніе часто помогало нашимъ войскамъ; такъ Полоцкій посадъ былъ взятъ и выжженъ при помощи русскихъ православныхъ его жителей. Самъ Смоленскъ былъ истомленъ долгой 8-ми мѣсячной осадой. Онъ былъ почти неприступенъ благодаря своему положенію и укрѣпленіямъ, но съѣстные припасы, въ немъ собранные поляками, были на исходѣ и начальствующій его гарнизономъ панъ Станиславъ Воеводскій принужденъ былъ подумывать о сдачѣ.

Вдругъ все перемѣнилось и приняло въ высшей степени неблагопріятный для нашей осаждающей рати оборотъ. Избирательный періодъ въ Рѣчи Посполитой съ неизбѣжными раздорами и иногда даже междоусобіями окончился, и поляки въ виду грозной опасности со стороны Московскаго государства поспѣшили его прекращеніемъ. Въ короли былъ избранъ хорошо извѣстный намъ сынъ покойнаго короля Сигизмунда, королевичъ Владиславъ. Онъ поспѣшилъ идти на помощь осажденному Смоленску и собралъ для этой цѣли 23000 войско. Въ то же время малороссійскимъ казакамъ было дано разрѣшеніе вторгнуться въ Русскую землю и подвергнуть ее опустошенію. Кромѣ того крымскій ханъ былъ приглашенъ совершить набѣгъ на Русь и, конечно, съ восторгомъ послѣдовалъ приглашенію. Одинъ знатный литовскій панъ по этому случаю съ нѣкоторымъ цинизмомъ отмѣчаетъ въ своихъ запискахъ: „Не спорю, какъ это по богословски, хорошо ли поганцевъ напускать на христіанъ, но по земной политикѣ вышло это очень хорошо“. Справедливость требуетъ отмѣтить, что и наши

предки при случаѣ и не безъ успѣха подстрекали крымцевъ къ нападеніямъ на Рѣчь Посполитую.

Въ данномъ случаѣ набѣгъ крымцевъ былъ для Руси особенно невыгоденъ. Узнавъ, что хищники разоряютъ ихъ имѣнія, украинные служилые люди покинули станъ Шеина и бросились защищать свои вотчины и помѣстья. Между тѣмъ Владиславъ явился въ августѣ 1633 года подъ Смоленскъ. Прежде всего онъ обратилъ свое вниманіе на Покровскую гору, гдѣ русскими былъ устроенъ укрѣпленный острогъ. Послѣ двухнедѣльныхъ попытокъ овладѣть имъ, поляки успѣли въ своемъ намѣреніи. Въ то же время королю удалось проникнуть въ Смоленскъ и подкрѣпить его истомленный гарнизонъ. Затѣмъ король мало по малу осуществилъ свой планъ въ свою очередь блокировать войско Шеина. Ему удалось успѣть въ своемъ намѣреніи. Русскія войска были отрѣзаны отъ своей базы, Дорогобужа, въ которомъ были собраны огромные запасы. Самъ этотъ городъ былъ взятъ и сожженъ польскими отрядами. Шеинъ пытался пробиться и вступалъ въ кровопролитные бои съ врагами. Но ему не удалось достичь своей цѣли. Въ его рати не было прежней дисциплины. Наемныя войска подавали въ этомъ отношеніи самый дурной примѣръ. Начальники ихъ ссорились между собой. Главный изъ нихъ, извѣстный намъ Александръ Лесли, поссорился съ другимъ полковникомъ, англичаниномъ Сандерсономъ, и застрѣлилъ его въ присутствіи Шеина.

Нашъ главный военачальникъ не въ силахъ былъ обуздать своевольныхъ иноземцевъ, которые превосходили русскихъ людей воинскимъ искусствомъ. Даже поступокъ Лесли былъ имъ оставленъ безъ наказанія. Между тѣмъ положеніе русскихъ войскъ становилось все болѣе тяжелымъ. Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ обнадеживалъ Шеина и писалъ, что скоро пришлетъ къ нему на помощь бояръ и воеводъ, князей Дм. Мамстр. Черкасскаго и князя Дм. Мих. Пожарскаго „со многими людьми“. Но обѣщанная помощь медлила, а наше войско, блокированное подъ Смоленскомъ, терпѣло и голодъ и холодъ, отчего развилась среди него большая смертность. Въ концѣ декабря 1633 года король Владиславъ, свѣдавъ о дурномъ положеніи русской рати, отправилъ къ Шеину

и начальникамъ служилыхъ иноземцевъ увѣщательную грамоту, совѣтуя лучше искать у него милости, чѣмъ гибнуть отъ оружія и разныхъ недуговъ. Шеинъ не хотѣлъ было передать иноземцамъ королевскихъ грамотъ, но, опасаясь, вѣроятно, что поляки сумѣютъ ихъ передать и помимо его, уступилъ. Однако нашъ главный воевода приказалъ вернуть королевское письмо безъ всякаго отвѣта, заявивъ, что въ немъ написаны „рѣчи непригожія“.

Время шло, и положеніе русскаго войска подъ Смоленскомъ все болѣе и болѣе ухудшалось. Тогда въ половинѣ января 1634 года Шеинъ завелъ переговоры о размѣнѣ плѣнныхъ и этимъ обнаружилъ свою готовность заключить перемиріе. Повидимому, онъ былъ вынужденъ къ этому шагу настояніями иноземцевъ, которые не привыкли къ продолжительнымъ лишеніямъ, и толпами перебѣгали къ полякамъ. Король поставилъ тяжелыя условія: 1) выдать польскихъ перебѣжчиковъ, 2) освободить плѣнныхъ, 3) предоставить иноземцамъ право выбора вернуться въ отечество и дать присягу никогда не воевать противъ короля и Рѣчи Посполитой, а также вредить ему какимъ-бы то ни было образомъ, или же поступить на польскую службу, 4) русскимъ людямъ разрѣшить вступать, буде кто изъявитъ желаніе, на польскую службу, 5) русское войско обязано присягнуть въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ не предпринимать непріязненныхъ дѣйствій противъ короля Владислава и Рѣчи Посполитой, 6) выдать безъ всякой утайки всѣ знамена и весь нарядъ, 7) выдать все оружіе, оставшееся послѣ убитыхъ ратныхъ людей и всѣ жизненные запасы.

Доведенный до отчаянія Шеинъ согласился на всѣ требованія польскаго короля. 19 февраля 1634 года русское войско вышло изъ своего острога. Военачальники должны были отдать чрезвычайныя почести королю и склонить передъ нимъ русскія знамена. Изъ всей сильной артиллеріи Владиславъ оставилъ нашему, дѣйствовавшему противъ Смоленска, войску лишь 12 пушекъ. Походъ, начавшійся столь удачно, кончался такимъ позорнымъ образомъ. Войска наши двинулись къ Москвѣ, гдѣ несчастныхъ главныхъ воеводъ ждали строгій судъ и смертная казнь.

Извѣстіе о перемиріи, заключенномъ Шеинымъ, не было

совершенно неожиданнымъ для московскаго правительства, во главѣ котораго стоялъ теперь одинъ лишь великій государь царь Михаилъ Ѳеодоровичъ. Отецъ его, патріархъ Филаретъ, скончался 1-го октября 1633 года, около 80-ти лѣтъ отъ роду, оплаканный горячо любившимъ его царственнымъ сыномъ. Съ его смертью мало по малу ослабѣваетъ дѣятельная работа надъ обновленіемъ государства, которая возобновляется съ новой силой лишь при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ. Но во время войны все же замѣтна напряженная правительственная дѣятельность. Вскорѣ послѣ открытія военныхъ дѣйствій, въ ноябрѣ 1632 года было предписано собрать съ населенія запросныя деньги и пятую деньгу. Причины этого чрезвычайнаго сбора были указаны въ наказѣ лицамъ, назначеннымъ стать во главѣ производившихъ его людей. Этими причинами были громадныя суммы, истраченныя на жалованье ратнымъ людямъ, ушедшимъ въ походъ и увѣренность, что „и впередъ безъ прибыльные безъ великіе рати съ польскими и съ литовскими людьми не раздѣлаться“. Черезъ годъ съ небольшимъ, когда война приняла для насъ неблагопріятный оборотъ, въ концѣ января 1634 года, на земскомъ соборѣ рѣшено было снова собирать пятую деньгу тѣмъ болѣе, что, по словамъ правительства, „гости и торговые люди многіе давали пятую деньгу не правдою, не противъ своихъ промысловъ и животовъ. Въ прошлыхъ годахъ Московское государство было въ разореньи, денегъ въ казнѣ ничего не было, но когда была назначена пятая деньга, то собрано было противъ нынѣшняго гораздо больше, хотя люди были тогда скуднѣе“. Въ результатѣ новѣйшихъ изысканій Е. Д. Сташевскаго выясняется, что это „заявленіе“ во второй своей части, которая говоритъ о значительномъ недоборѣ противъ прежнихъ лѣтъ, „въ большой степени преувеличено“. Оно, очевидно, имѣло цѣлью заставить сборщиковъ быть строже, а плательщиковъ—исправнѣе. Это принесло свои результаты и благопріятно отразилось на второмъ сборѣ запросныхъ и пятинныхъ денегъ. Кромѣ нихъ собирали съ населенія Московскаго государства и припасы всякаго рода натурой. Всѣмъ этимъ въ первомъ случаѣ завѣдывалъ бояринъ князь Дмитрій Михайловичъ Пожарскій. Во второмъ—бояринъ князь Борисъ Михайловичъ Лыковъ.

Собирая деньги и запасы, московское правительство снаряжало и вспомогательную рать, которая должна была идти на выручку Шеину. Во главѣ ея поставили бояръ князей Дм. Мамстр. Черкасскаго и Дм. Мих. Пожарскаго. Но нападенія крымцевъ отвлекали нѣкоторую часть силъ къ южной окраинѣ. Поэтому рать, предназначенная для названной цѣли, собиралась очень медленно, хотя главные воеводы ея и стояли уже въ Можайскѣ съ нѣкоторыми отрядами.

Пока шли приготовленія Черкасскаго и Пожарскаго, 1-го февраля 1634 года въ Москву явился гонецъ отъ Шеина, тайкомъ пробравшійся черезъ польскій лагерь и принесшій тревожныя извѣстія о недостаткѣ въ русскомъ станѣ хлѣба и соли. Гонецъ этотъ сообщилъ, что поляки предлагаютъ обоимъ войскамъ отступить каждому въ свою сторону и великимъ посламъ съ обѣихъ сторонъ съѣхаться и договориться о мирѣ. Царь Михаилъ Ѳедоровичъ послалъ Шеину разрѣшеніе заключить перемиріе на такихъ условіяхъ: 1) король съ войскомъ отойдетъ въ Польшу, 2) поляки позволятъ Шеину соединиться и вспомогательнымъ Московскимъ войскомъ. Въ то же время къ князьямъ Черкасскому и Пожарскому былъ посланъ окольничій князь Григ. Волконскій за совѣтомъ, могутъ ли они выступить къ Вязьмѣ и Дорогобужу. Бояре и воеводы отвѣтили, что они это въ состояніи сдѣлать и получили приказъ готовиться къ выступленію. Но 3-го марта въ Москву пришла вѣсть, что Шеинъ заключилъ перемиріе съ королемъ и идетъ къ Москвѣ.

Къ несчастному боярину и воеводѣ былъ отправленъ запросъ объ условіяхъ перемирія и о состояніи арміи. Оказалось, что лишь четверть войска, т.-е. 8.000 человѣкъ осталось при Шеинѣ. Остальные умерли, были взяты въ плѣнъ, остались за болѣзнью и ранами въ Смоленскѣ, или, наконецъ, „разъѣхались“ по своимъ вотчинамъ и помѣстьямъ. Шеина и Измайлова отдали подъ судъ, обвинены въ разныхъ преступленіяхъ и проступкахъ, главнымъ образомъ въ измѣнѣ Московскому государству, и казнены. И родные ихъ понесли тяжелыя наказанія. При этомъ многіе изъ нихъ поплатились только за вину своихъ отцовъ.

Но такъ ли виновенъ Шеинъ и что было причиной его осужденія? Знаменитый историкъ С. М. Соловьевъ, сочине-

ніемъ котораго мы въ большой мѣрѣ воспользовались для этой главы, объясняетъ все дѣло такимъ образомъ. Видя несостоятельность русскаго войска, призвали наемныхъ иностранныхъ солдатъ и ввели новый строй въ войскахъ. По новизнѣ дѣла хорошихъ результатовъ нельзя было сразу ожидать. Между тѣмъ началась война. Рѣшено было отправить подъ Смоленскъ „воеводу, знаменитаго защитой этого города“; но защищать городъ и осаждать — двѣ вещи разныя; Шеинъ не успѣлъ голодомъ заставить сдаться Смоленскъ, и скоро самъ былъ осажденъ королемъ Владиславомъ; а тутъ положеніе его было иное, чѣмъ прежде въ Смоленскѣ. Во-первыхъ, острогъ его былъ хуже укрѣпленъ, во-вторыхъ, у него было много ненадежнаго элемента въ войскѣ: иностранцы „дерзко нарушали въ его глазахъ дисциплину, не хотѣли признавать надъ собою его власти, не хотѣли переносить голода, холода, требовали соглашеній съ непріятелемъ“. Москва только обѣщала помощь и не давала ее. Поэтому „измѣны со стороны Шеина не видно никакой. Но почему же въ Москвѣ постарались обвинить Шеина? Причина ясна“,—замѣчаетъ С. М. Соловьевъ и такъ представляетъ себѣ ее: Шеинъ своей заносчивостью оскорбилъ многихъ сильныхъ людей и поплатился за это.

Соглашаясь съ покойнымъ историкомъ въ объясненіи причинъ неудачи, постигшей Шеина, и не считая несчастнаго боярина измѣнникомъ, не можемъ принять мнѣнія С. М. Соловьева о томъ, что бывшій защитникъ Смоленска палъ только вслѣдствіе своихъ дурныхъ отношеній къ боярству. Конечно, и они сыграли свою роль. Но почему же тогда пострадали и другіе? Вѣдь помимо Измайлова и ближайшей родни главныхъ воеводъ даже второстепенные военачальники, князья Прозоровскій и Бѣлосельскій, были сосланы въ Сибирь и не подверглись смертной казни лишь потому, что „всѣ ратные люди засвидѣтельствовали о радѣньи Прозоровскаго и болѣзни Бѣлосельскаго“. Мы думаемъ поэтому, что причины были глубже. Московское государство съ большимъ напряженіемъ снарядило сильное войско подъ начальствомъ знаменитаго воеводы. Война началась съ громаднымъ для русскихъ успѣхомъ. Рядъ городовъ былъ взятъ Шеинымъ, „какъ птичьи гнѣзда“ по удачному выраженію современника.

Осажденъ Смоленскъ. Приходятъ радостныя вѣсти о его близкой сдачѣ. Вдругъ полная перемѣна — неудача за неудачей — и, наконецъ, позорный и тяжелый для русскихъ людей исходъ столь блистательно начатаго похода. Невольно въ такихъ случаяхъ ищутъ виновнаго и прежде всего обращаютъ вниманіе на главное лицо. И Шеинъ, какъ и всякій другой, дѣлалъ промахи и не сумѣлъ во время обуздать иноземцевъ. Разгоряченное воображеніе нашихъ предковъ увидало въ этихъ промахахъ измѣну. Шеину поставили въ вину, что онъ, находясь еще въ польскомъ плѣну, „цѣловалъ“ „крестъ литовскому королю Сигизмунду и сыну его Владиславу на всей ихъ волѣ“ и „содержалъ это крестное цѣлованье тайно“, а „будучи подъ Смоленскомъ, измѣною своею къ государю и ко всему Московскому государству, а литовскому королю исполняя свое крестное цѣлованье, во всемъ ему радѣлъ и добра хотѣлъ, а государю измѣнялъ“.

Пока въ Москвѣ разбиралось дѣло Шеина, поляки потерпѣли неудачу подъ Бѣлой. Мужественный воевода этого города нанесъ большой уронъ полякамъ, среди которыхъ вслѣдствіе голода и холода открылись болѣзни и развилась сильная смертность. Тогда, опасаясь турокъ, угрожавшихъ вторгнуться въ предѣлы Рѣчи Посполитой и желая упрочить прежнія пріобрѣтенія за своимъ государствомъ, польскіе паны прислали боярамъ грамоту съ предложеніемъ о мирѣ.

Московское правительство, видѣвшее, какъ тягостна война для русской земли, съ большой охотой приняло предложеніе польскихъ пановъ. Въ мартѣ 1634 года бояре Ѳ. И. Шереметевъ и князь Алексѣй Мих. Львовъ были отправлены на рѣку Поляновку на съѣздъ съ польско-литовскими уполномоченными. Послѣ долгихъ переговоровъ, сопровождавшихся обычными перекорами и ссорами, былъ 17-го мая 1634 года заключенъ вѣчный миръ между Московскимъ государствомъ и Рѣчью Посполитой на такихъ условіяхъ: 1) Польско-Литовское государство отказалось отъ притязаній на русскій престолъ и признало царя Михаила Ѳеодоровича законнымъ государемъ, царемъ, великимъ княземъ всея Руси; 2) Московское государство удержало за собой городъ Серпейскъ и уплатило тайнымъ образомъ 20.000 рублей денегъ королю Владиславу.

Такъ кончилась первая серьезная попытка нашей родины вернуть себѣ Смоленскъ. Война показала намъ, что еще преждевременно думать объ успѣхѣ въ борьбѣ съ Рѣчью Посполитой. Напряженіе силъ страны обошлось ей не дешево. Важнымъ результатомъ борьбы былъ лишь отказъ Владислава отъ притязаній на царскій престолъ. Теперь уже никто не смѣлъ оспаривать правъ нашего государя на титулъ царя и великаго князя всея Руси.

III.

Послѣдніе годы царствованія Михаила Ѳеодоровича были посвящены будничной, повседневной жизни и правительства и страны. Послѣдняя мало-по-малу отдыхала отъ тягостей послѣдней войны. Первое не возбуждало и не разрѣшало новыхъ вопросовъ, довольствуясь исполненіемъ текущихъ дѣлъ. Впрочемъ жизнь ставила иногда новые запросы. Между прочимъ еще при патріархѣ Филаретѣ допустили иностранцевъ къ разрабатыванію естественныхъ богатствъ страны. И въ послѣдніе годы царствованія Михаила Ѳеодоровича отыскиваніемъ такихъ богатствъ интересовалось правительство. Были и другіе случаи, когда правительству перваго царя изъ династіи Романовыхъ приходилось ставить на очередь обсужденіе важнѣйшихъ задачъ государственнаго бытія. Такъ въ 1642 году царь созвалъ земскій соборъ по вопросу о томъ, „взять ли Азовъ“, захваченный Донскими казаками „подъ высокую царскую руку“ и вести ли изъ-за этого города упорную войну съ Турціей. Соборъ разобралъ дѣятельность приказной администраціи и указалъ царю на громадныя злоупотребленія ея и на тягостное положеніе населенія. Поэтому, хотя „совѣтъ всей земли“ и изъявлялъ готовность на веденіе борьбы и на жертвы со стороны населенія, царь отказался отъ мысли удержать за Русью Азовъ тѣмъ болѣе потому, что укрѣпленія этого города были совершенно разрушены.

Годы шли своей чередой. Между тѣмъ добрый и мягкій царь Михаилъ Ѳеодоровичъ, и прежде отличавшійся слабымъ здоровьемъ, все болѣе и болѣе недомогалъ. Потеря нѣсколькихъ дѣтей еще болѣе отозвалась на состояніи его здоровья.

Портретъ XVII вѣка.

Наконецъ, дѣло стало близиться къ развязкѣ. Методы леченья къ тому же были тогда очень несовершенны, что, конечно, ускоряло неизбѣжный смертный исходъ. Несмотря на разныя мѣры царственный больной чувствовалъ себя все хуже и хуже. Въ 1645 году, въ день царскаго Ангела (12-го іюля), у Михаила Ѳеодоровича въ церкви во время заутрени сдѣлался припадокъ. Вечеромъ, страдая отъ смертельныхъ мукъ, царь призвалъ къ себѣ семью и патріарха.

Простившись со всѣми, умирающій государь благословилъ своего 16-ти лѣтняго сына, царевича Алексѣя Михаиловича на царство и сказалъ „дядькѣ“ его, умному и честолюбивому боярину, Борису Ивановичу Морозову: „Тебѣ, боярину нашему, приказываю сына и со слезами говорю: какъ намъ ты служилъ и работалъ съ великимъ веселіемъ и радостію, оставя домъ, имѣніе и покой, пекся о его здоровьи и наученіи страху Божію и всякой премудрости, жилъ въ нашемъ домѣ неотступно въ терпѣніи и безпокойствѣ тринадцать лѣтъ и соблюлъ его, какъ зеницу ока,— такъ и теперь служи“. Во второмъ часу ночи царь исповѣдался и пріобщился св. Таинъ, а въ началѣ 3-го часа тихо скончался, 49 лѣтъ отъ роду.

Такъ умеръ первый государь изъ нынѣ царствующей династіи. Неопытнымъ юношей онъ вступилъ на престолъ и не отличался на немъ особенными дарованіями и широтой ума, хотя, несомнѣнно, обладалъ извѣстными способностями. Но нравственныя свойства царя, даже и тѣ, которыя иногда вредили ему, какъ правителю, упрочивали любовь къ нему народа. Мягкость, ласковость, доброта, кротость и чистота царя невольно влекли къ нему сердца его подданныхъ. Въ единеніи съ народомъ онъ вывелъ свое государство изъ „разрухи“. Затѣмъ въ значительной мѣрѣ благодаря умѣлому руководительству соправителя царя, его отца, патріарха Филарета, страна пошла по пути дальнѣйшаго развитія. Сдѣлана была даже попытка отвоевать у Рѣчи Посполитой Смоленскъ. Въ послѣдніе годы своей жизни царь пріобрѣлъ извѣстный навыкъ и большую опытность въ дѣлахъ. Однако болѣзнь подкосила его физическія силы и свела царя Михаила Ѳеодоровича въ могилу, когда онъ былъ далеко еще не старымъ человѣкомъ.

Его сынъ и наслѣдникъ, царь Алексѣй Михайловичъ, богато одаренный умственно и нравственно, напоминалъ и отца и дѣда. Острый, пытливый, широкій умъ и дѣятельную натуру онъ унаслѣдовалъ отъ патріарха Филарета, мягкостью и добротой „тишайшій“ царь походилъ на своего царственнаго отца. Впрочемъ мягкость его не переходила въ слабость воли. Если въ первые годы своего царствованія государь и находился часто подъ сильнымъ вліяніемъ своихъ любимцевъ, то это надо объяснить главнымъ образомъ его молодостью. Но во время похода въ Польшу, предпринятаго изъ-за присоединенія Малороссіи, царь Алексѣй Михайловичъ, несомнѣнно, возмужалъ и окрѣпъ. Мы не будемъ по причинамъ уже извѣстнымъ намъ излагать событія временъ этого государя. Остановимся лишь на завоеваніи Смоленска у поляковъ. Чтобы понять, почему намъ удалось, наконецъ,взять Смоленскъ, достаточно будетъ знать слѣдующее. Малороссія отпала отъ Польши, но увидѣла, что ей не продержаться своими силами. Тогда рѣшено было на общей „радѣ“ поддаться подъ власть Московскаго царя, единовѣрнаго и единоплеменнаго. Такъ и сдѣлали. Присоединеніе Малороссіи вело за собой войну съ Польшей. Царь Алексѣй это зналъ и заранѣе готовился къ неминуемой борьбѣ. Собрано было сильное войско и двинуто къ польской границѣ. Въ маѣ 1654 года самъ царь отправился въ походъ и въ концѣ іюня осадилъ Смоленскъ. Между тѣмъ силы поляковъ были истощены и отвлечены борьбой съ Малороссіей, а наши войска многому понаучились за истекшія 20-ть лѣтъ со времени мира съ поляками. Русскіе одержали много блестящихъ побѣдъ и заняли цѣлый рядъ городовъ. Но Смоленскъ не сдавался, хотя наши войска 16-го августа и сдѣлали сильный приступъ подъ этотъ городъ. Приступъ, не увѣнчавшійся взятіемъ Смоленска, имѣлъ однако благопріятныя для осаждающихъ слѣдствія. Осажденные понесли сильный уронъ и потеряли охоту къ дальнѣйшему сопротивленію. 23 сентября 1654 года Смоленскъ снова и навсегда отошелъ къ Россіи. Литовскіе воеводы, получившіе право свободнаго выхода изъ города, склонили свои знамена передъ русскимъ царемъ и униженно били ему челомъ. Позоръ 1634 года былъ отомщенъ.

Разсказомъ о взятіи Смоленска кончается наша задача познакомиться съ первыми годами правленія нынѣ царствующей династіи. Благодаря возвращенію Смоленска и прилегающей къ нему области царь Алексѣй Михайловичъ покончилъ однимъ изъ очень тяжкихъ послѣдствій Смутной поры, территоріальнымъ уменьшеніемъ Руси. Слѣдующее изложеніе покажетъ намъ, какъ создалось и совершалось то единеніе царя и „земли“, которое облегчало первымъ государямъ Дома Романовыхъ ихъ высокую и трудную задачу умиротворенія и укрѣпленія нашей родины, потрясенной „разрухой“ „лихолѣтья“.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

„Вся Земля“.

I.

Въ предшествующемъ изложеніи было указано, что Михаила Ѳеодоровича Романова въ 1613 году избрали на царскій престолъ выборные представители населенія всего государства—„вся земля“. Въ свое время—въ 1598 году—по смерти послѣдняго царя московской династіи Ѳеодора Ивановича бояринъ Борисъ Годуновъ занялъ престолъ также по „всенародному“ избранію. Но тотъ соборъ, который избиралъ Бориса, существенно отличался по своему составу отъ „всей земли“ 1613 года.

До Смутнаго времени Московскіе государи имѣли обычай въ важныхъ случаяхъ московской жизни собирать соборы. Къ обычному своему совѣту, „думѣ“ изъ бояръ и думныхъ людей, они присоединяли совѣтъ московскаго митрополита (позднѣе патріарха); это былъ такъ называемый „освященный соборъ“ или „власти“. Совмѣстное засѣданіе бояръ и „властей“ именовалось „соборомъ“ и занималось всякими дѣлами—и церковными, и государственными, какія только государь считалъ нужнымъ передать на сужденіе собора. Иногда, въ случаяхъ чрезвычайной важности, къ „властямъ“ и боярамъ присоединялись совѣтники другихъ общественныхъ состояній. Государь приказывалъ „быти на соборѣ“ своимъ придворнымъ чинамъ, столичнымъ дворянамъ, а также выборнымъ старостамъ и головамъ московскихъ торговыхъ и промышленныхъ „сотенъ“ и „слободъ“. Наконецъ, къ столичнымъ чиновникамъ и жителямъ присоединяли и тѣхъ отборныхъ провинціальныхъ дворянъ, которые бывали за отличіе вызываемы въ Москву для службы въ столицѣ; ихъ въ тѣ времена называли особымъ именемъ „изъ городовъ выборъ“. Итакъ въ особо важныхъ случаяхъ соборъ составлялся: 1) изъ духовенства, приходившаго на

общій совѣтъ въ составѣ особаго „освященнаго собора“, 2) изъ бояръ и думныхъ людей, составлявшихъ особую „думу“, и 3) изъ приглашенныхъ государемъ лицъ разныхъ сословій. Населеніе никого не выбирало отъ себя на эти соборы. Бывали на соборахъ *выборные* „старосты“, „головы“, „сотскіе“; но выбираемы они были не на соборъ, а для цѣлей самоуправленія тѣхъ общинъ, которыя для себя ихъ „излюбили“, избрали. Государь этихъ излюбленныхъ людей звалъ на соборы уже самъ, своимъ произволеніемъ. Бывалъ на соборахъ „изъ городовъ *выборъ*“, но это былъ не выборъ въ нашемъ смыслѣ слова; а „отборъ“, сдѣланный не для соборнаго представительства, и притомъ московскими чиновниками, а не населеніемъ.

Итакъ до Смутнаго времени соборы состояли изъ царскихъ совѣтниковъ разныхъ сословій и мѣстъ и бывали, въ этомъ смыслѣ, „всенародными“. Но на нихъ не было выборныхъ представителей, посланныхъ земщиною, и собирались они властью, а не „землею“. Въ Смутное время дѣло получило совсѣмъ иной видъ.

Когда московскія междоусобія расшатали обычный московскій порядокъ, обнаружилось важное значеніе тѣхъ мѣстныхъ связей, которыя соединяли городское и уѣздное населеніе въ общины и корпораціи. Уже въ 1608 году царь Василій Ивановичъ Шуйскій обращается за помощью къ земскимъ людямъ, прося ихъ дѣйствовать всѣми мѣстными средствами на пользу Москвѣ. Утративъ въ борьбѣ съ Тушинцами свои военныя силы и денежные рессурсы, царь надѣялся на земскую самодѣятельность и ждалъ земской помощи. При этомъ выяснилось, что служилые люди въ уѣздахъ не имѣли возможности сами сплотиться для какихъ либо общихъ дѣйствій. Они обыкновенно ждали призыва на службу и являлись на этотъ призывъ каждый въ мѣру своего усердія, но, предоставленные самимъ себѣ, они разбредались по отдѣльнымъ помѣстьямъ и вотчинамъ и сидѣли въ одиночку по своимъ гнѣздамъ, не имѣя никакой привычки ко взаимному общенію и совмѣстнымъ выступленіямъ. Только рязанское дворянство (по различнымъ причинамъ) отличалось въ этомъ отношеніи отъ дворянства другихъ мѣстъ и умѣло сплачиваться и дѣйствовать согласно и

самостоятельно. Учтя такую слабость помѣстнаго служилаго люда, царь Василій посылаетъ на окраины государства своихъ довѣренныхъ людей князя М. В. Скопина-Шуйскаго и боярина Ѳ. И. Шереметева для систематическаго сбора и привода къ Москвѣ служилыхъ людей, сидѣвшихъ по уѣздамъ и городамъ. Оба воеводы и собрали, кого могли: Скопинъ-Шуйскій на сѣверо-западѣ, а Шереметевъ на востокѣ Московскаго государства.

Иначе дѣло обстояло въ податныхъ общинахъ сѣверной половины государства, тамъ, гдѣ не было крѣпостной зависимости крестьянъ отъ мелкихъ помѣщиковъ и вотчинниковъ и гдѣ города были не только крѣпостями съ гарнизономъ, но и рынками съ торговымъ населеніемъ. Тамъ, на сѣверѣ, крестьяне въ уѣздахъ и посадскіе люди въ городахъ составляли многолюдныя и нерѣдко богатыя „тяглыя“ общины. Податное самоуправленіе такихъ „тяглыхъ“ общинъ въ московской Руси было „исконивѣчнымъ“ явленіемъ. Государь налагалъ на общину общую сумму податныхъ платежей; разнести эту сумму по частямъ на отдѣльныя податныя хозяйства было дѣломъ самой общины. Изъ этого дѣла вытекала необходимость извѣстнаго мірского устройства, такого, которое бы позволило распредѣлить податное бремя равномѣрно и справедливо на всѣхъ членовъ общины и собрать во-время податные взносы отъ отдѣльныхъ плательщиковъ. Дѣлалось это посредствомъ выборныхъ „земскихъ старостъ“, ведшихъ мірское хозяйство. Въ серединѣ XVI вѣка правительство Грознаго нашло возможнымъ передать мѣстнымъ податнымъ мірамъ всѣ дѣла мѣстнаго управленія: и полицію, и судъ, и финансы: если община просила о дарованіи ей самоуправленія, правительство уже не назначало въ данную мѣстность своего намѣстника, а разрѣшало мѣстному населенію самому избрать изъ своей среды административный штатъ и самому вѣдать, какъ податныя дѣла, такъ и судъ и администрацію въ своей волости. Размѣры самоуправлявшихся волостей бывали иногда очень велики. Такъ, Важская „земля“ или Важскій уѣздъ, получившій въ 1552 году право самоуправленія, охватывалъ бассейнъ р. Ваги, большого притока Сѣв. Двины. Этотъ старый „уѣздъ“ соотвѣтствовалъ двумъ нынѣшнимъ—Шен-

курскому и Вельскому, и дѣлился тогда на семь становъ. Обращаясь въ такомъ составѣ въ особый цѣльный округъ самоуправленія, Вага получала право избрать двѣ коллегіи уполномоченныхъ „о всякихъ дѣлахъ земскихъ управа чинить“—одну для Шенкурской, другую для Вельской половины уѣзда. Понятно, что каждый членъ такой коллегіи являлся въ ней выборнымъ представителемъ той части уѣзда (посада, стана, волости), которая его выбрала и уполномочила. Кругъ дѣлъ такихъ коллегій былъ очень широкъ, и „излюбленныя головы“, „судейки“ и „старосты“ иногда превращались въ мѣстное представительное собраніе не только по текущимъ дѣламъ, но и по дѣламъ особымъ. Такъ, въ XVII вѣкѣ извѣстенъ случай, когда въ Великомъ Устюгѣ собрались изъ уѣзда всѣхъ волостей выборные люди и составили челобитье государю о томъ, чтобы отдѣлить ихъ крестьянское самоуправленіе отъ городского и учредить всеуѣздную земскую избу отдѣльно отъ посадской избы города Устюга; челобитье ихъ было удовлетворено, несмотря на противодѣйствіе горожанъ. Такого рода земскія учрежденія существовали на всемъ московскомъ сѣверѣ и не только въ черныхъ (государственныхъ) тяглыхъ общинахъ, но и на частновладѣльческихъ земляхъ, монастырскихъ и боярскихъ. Нельзя поэтому удивляться той роли, какую получили земскія организаціи московскаго сѣвера въ Смутное время. Царь Василій Шуйскій, собирая служилыхъ людей, въ то же время сталъ возбуждать къ дѣятельности тяглое сѣверное населеніе, прося его отстаивать своими силами свои мѣста отъ тушинцевъ, а если будетъ возможно, то итти черезъ Ярославль на помощь Москвѣ. Ясенъ разсчетъ его на дѣйствіе мѣстныхъ организацій; но еще яснѣе сказался этотъ разсчетъ въ мѣропріятіяхъ князя М. В. Скопина-Шуйскаго, посланнаго, какъ мы видѣли, царемъ Василіемъ въ Новгородъ за войскомъ. Изъ Новгорода, черезъ Каргополь и еще чаще черезъ Вологду, Скопинъ входилъ въ сношенія съ сѣверными тяглыми мірами отъ Перми до Соловокъ, посылалъ туда своихъ людей, давалъ руководящія указанія и объединялъ дѣятельность городскихъ и волостныхъ міровъ, направляя ее къ освобожденію Москвы отъ Тушина. Сѣверъ воодушевился. Изъ многихъ мѣстъ земскія рати, собранныя и

снабженныя тяглыми общинами, становились подъ начальство излюбленныхъ міромъ „головъ“, служилыхъ людей и не служилыхъ, даже вдовыхъ поповъ, и шли на югъ, на бой противъ „воровъ“. За ними оставались въ тылу, руководя походомъ и собирая новыя дружины и средства для борьбы, мірскіе совѣты обычнаго состава, изъ старостъ и „лучшихъ людей“; или же составленные особымъ порядкомъ. Въ Вологдѣ, которая по многимъ причинамъ получила значеніе одного изъ главныхъ центровъ земскаго движенія, образовался совсѣмъ особенный совѣтъ. Зимою 1608—1609 года въ Вологдѣ собралось много иностранныхъ купцовъ и „всѣ лучшіе люди, московскіе гости“; они ѣхали съ товарами и казною изъ Архангельска въ Москву и, не попавъ туда по причинѣ смутъ и осады Москвы тушинцами, зазимовали въ Вологдѣ. Узнавъ объ этомъ, царь Василій приказалъ вологодскимъ воеводамъ привлечь къ дѣлу обороны Вологды этихъ иноземцевъ и гостей: выборные отъ нихъ должны были участвовать въ руководствѣ военными дѣйствіями „съ головами и ратными людьми въ думѣ заодинъ“. Въ одной „думѣ“, стало быть, сошлись представители разныхъ слоевъ мѣстнаго населенія, а не одни только тяглые люди мѣстной податной общины. Образовался всесословный мірской совѣтъ для руководства дѣлами города.

Двумя годами позднѣе, когда порядокъ въ государствѣ былъ окончательно разрушенъ и области, не имѣя общаго правительства, были предоставлены самимъ себѣ,—такіе общесословные совѣты сами собою возникли по всѣмъ крупнымъ городамъ Московскаго сѣвера. Они—по ходу дѣлъ—должны были, не ограничиваясь обороною своего города, заботиться о возстановленіи общаго, всѣмъ одинаково необходимаго порядка. Для этой цѣли городскіе совѣты вступали въ письменныя сношенія съ другими городскими мірами, желая достичь общеземскаго согласія и устройства, чтобы „всею Землею“ идти „на очищеніе“ Москвы отъ внѣшнихъ враговъ. Особенно хорошо писалъ въ города ярославскій совѣтъ: прекрасно составленныя ярославскія грамоты 1611 года показываютъ, что ярославскій „міръ“ считалъ себя тогда средоточіемъ всѣхъ вообще сѣверныхъ областей. Изъ этихъ грамотъ, подписанныхъ мірскими совѣтниками, мы видимъ,

что въ Ярославскомъ совѣтѣ участвовали люди всѣхъ сословій: духовенство, дворяне, посадскіе люди. Такъ бывало и въ другихъ городахъ. Въ Нижнемъ-Новгородѣ, всѣмъ міромъ, отъ архимандритовъ и воеводъ до стрѣльцовъ и служилыхъ иноземцевъ, снаряжали гонцовъ къ патріарху Гермогену съ „совѣтными челобитными“.

Отъ всесословныхъ совѣтовъ въ отдѣльныхъ городахъ былъ одинъ шагъ до совѣтовъ нѣсколькихъ городовъ, и этотъ шагъ былъ сдѣланъ. Въ томъ же 1611 году городскіе міры усвоили обычай посылать „для добраго совѣта“ въ другіе города своихъ представителей. Такъ, знаменитый рязанскій воевода Ляпуновъ послалъ въ Нижній „для договора“ дворянина Биркина съ дьякомъ, дворянами и всякихъ чиновъ людьми, а въ Калугу своего племянника съ дворянами. Изъ Казани на Вятку ѣздили послами сынъ боярскій, два стрѣльца и посадскій человѣкъ. Пермь отправила двухъ „посыльщиковъ“ въ Устюгъ „для совѣту о крестномъ цѣлованьѣ и о вѣстехъ“. Изъ Галича на Кострому „для добраго совѣта“ прислали дворяне одного дворянина, а посадскіе люди одного посадскаго человѣка. Изъ Ярославля „отъ всего города“ дворянинъ да посадскій человѣкъ посланы были въ Вологду. Изъ Владиміра въ Суздаль отправили „на совѣтъ“ дворянъ и посадскихъ „лучшихъ“ людей. Словомъ, посылка представителей, выбранныхъ мѣстными обществами, изъ одного города въ другой стала обычаемъ, и соединеніе въ одномъ всесословномъ „совѣтѣ“ представителей нѣсколькихъ областей произошло естественно, вслѣдствіе исключительныхъ событій Смутной эпохи. Мѣстная самоуправляющаяся община съ своей выборной „земской избою“ послужила какъ бы основою, на которой возникалъ сначала все сословный совѣтъ „всего города“, а затѣмъ совѣтъ и нѣсколькихъ городовъ, образуемый выборными изо всѣхъ слоевъ свободнаго населенія, именно духовенства, дворянства и тяглыхъ людей.

На этой же самой основѣ возникъ и выборный „совѣтъ всея земли“—въ тотъ моментъ, когда совѣтные люди изъ городовъ соединились впервые въ общеземскомъ соборѣ и стали считать себя высшею властью въ государствѣ. Это произошло во время наибольшей „разрухи“, когда Московское государство казалось совершенно погибшимъ отъ внѣш-

няго завоеванія и внутренняго междоусобія. Тогда въ отчаянномъ порывѣ „послѣдніе люди“ московскіе поднялись за родину, успѣли соединиться въ общее ополченіе 1612 года и изъ знакомыхъ имъ формъ мѣстнаго выборнаго представительства создали выборный „совѣтъ всея земли“. Не имѣя другой власти, кромѣ выборной, эти „послѣдніе люди“ и передали выборному своему совѣту верховное руководительство всѣми дѣлами страны.

Такъ въ ужасахъ смутъ родилась „вся земля“—полномочный совѣтъ земскихъ выборныхъ людей.

II.

Въ первый разъ слова „совѣтъ всея земли“ и мысль о томъ, что „вся земля“ сама можетъ себя управить и защитить,—появились еще въ 1611 году, въ земскомъ ополченіи противъ поляковъ, душою котораго былъ Прокопій Ляпуновъ. Придя подъ московскія стѣны освобождать Москву отъ враговъ и измѣнниковъ, земская рать осадила въ Москвѣ обычное московское правительство бояръ и „приказныхъ“ людей и лишила его власти надъ страною. Ясно было, что ратнымъ людямъ, взамѣнъ этого московскаго правительства, надобно было создать свое; надобно было устроить не только военное управленіе въ рати, но и общее управленіе въ государствѣ. Воеводы рати и рѣшили общимъ совѣтомъ обдумать ратный и земскій порядокъ; они собрали въ своемъ станѣ „всю землю“—торжественный совѣтъ, который 30 іюня 1611 года постановилъ свой „приговоръ“ о всѣхъ вообще ратныхъ и земскихъ дѣлахъ. По тексту приговора 30 іюня есть возможность судить о томъ, что это былъ за ратный совѣтъ. Въ составъ совѣта вошли представители разныхъ частей подмосковной рати, а не разныхъ городовъ и уѣздовъ государства. Но такъ какъ ратные отряды представляли собою свои города и уѣзды, то ратный совѣтъ почиталъ себя представителемъ не одного ополченія, но всей земли, и дѣйствовалъ за все государство, называя себя „совѣтомъ всея земли“ и дѣлая постановленія общегосударственнаго характера. Онъ установилъ подъ Москвою новыя государственныя учрежденія, „приказы“, и сдѣлалъ

рядъ распоряженій по служилому землевладѣнію и мѣстному управленію. Эти учрежденія и распоряженія упразднняли прежнее московское правительство, запертое въ осажденной Москвѣ, и отмѣняли всѣ признанныя неудобными, ранѣе дѣйствовавшія законоположенія. Очевидно, „совѣтъ всея земли“ считалъ себя въ правѣ распоряжаться судьбами всей страны и видѣлъ въ себѣ самомъ законнаго выразителя народной мысли и воли. Съ этимъ однако трудно согласиться. Совѣтъ состоялъ изъ ратныхъ людей, большинство которыхъ принадлежало къ служилому классу и лишь нѣкоторая часть вышла изъ рядовъ городского и уѣзднаго податного класса, пославшаго подъ Москву свои дружины. Но эти представители городского населенія могли сами не быть горожанами и „мужиками“, а всего вѣрнѣе, что въ огромномъ большинствѣ были тоже служилыми людьми, только „излюбленными“, то-есть, выбранными въ „головы“ къ тяглымъ ратямъ тяглыми людьми. По крайней мѣрѣ, нѣтъ ни одного упоминанія о выборныхъ тяглецахъ въ составѣ ратнаго собора 1611 года, и это даетъ основаніе сказать, что земскіе представители на этомъ соборѣ, если и представляли оба сословія, служилое и тяглое, сами принадлежали только къ первому. О составѣ совѣта 1611 года какъ лѣтопись, такъ и самый приговоръ 30 іюня выражаются такъ: „всякіе служилые люди и дворовые и казаки“; о торговыхъ же и черныхъ людяхъ они ни разу не говорятъ. Стало быть, представительство на совѣтѣ далеко не было полнымъ и нормальнымъ. Кромѣ того, въ составъ „совѣта всея земли“ не вошли ни патріархъ съ „властями“, ни боярская дума: патріархъ и бояре были затворены въ Москвѣ, въ плѣну у польско-литовскаго гарнизона. Такимъ образомъ, если судить строго, совѣтъ 1611 года никакъ не могъ именовать себя „всею землею“ и почитаться за земскій соборъ. Ратное совѣщаніе усвоило себѣ право думать за всю землю и заботиться о всей землѣ, конечно, не потому, что представители рати считали себя земскимъ соборомъ, а потому, что имъ удалось соединить въ своемъ приговорѣ представителей очень многихъ мѣстныхъ всесословныхъ совѣтовъ, отъ которыхъ пришли подъ Москву городскія и волостныя рати. Односословный по составу *ратный* совѣтъ отражалъ

всесословные городскіе міры, дѣйствовалъ по ихъ довѣрію, стремился обезпечить ихъ интересы, наконецъ, преслѣдовалъ общую народную задачу—освобожденіе Москвы. Чувствуя за собою общенародное довѣріе, а предъ собою общенародную цѣль, совѣтъ 1611 года съ увѣренностью въ своей правотѣ называлъ себя „всею землею“ и законодательствовалъ за всю землю.

Иначе посмотрѣли на дѣло въ Нижегородскомъ ополченіи. Тамъ хотѣли создать правильный „совѣтъ всея земли“, съ полномочными представителями всѣхъ вообще сословій. Князь Дм. М. Пожарскій, только что устроивъ въ Нижнемъ-Новгородѣ первые ратные отряды, уже пишетъ въ города просьбу прислать—вмѣстѣ съ денежною и ратною помощью—и выборныхъ людей „для земскаго совѣта“, именно „дворянъ и дѣтей боярскихъ и земскихъ лучшихъ людей, изъ всѣхъ чиновъ по человѣку“. Когда начался походъ изъ Нижняго и войско Пожарскаго избрало для своихъ дѣйствій опорнымъ пунктомъ Ярославль, то въ Ярославлѣ сосредоточились и земскіе выборные. Придя въ Ярославль, Пожарскій просилъ города поскорѣе прислать туда выборныхъ „и съ ними совѣтъ свой отписати“, то есть дать имъ наказы, „какъ бы въ нынѣшнее конечное разореніе быть не безгосударными“. Повидимому земскіе представители съѣхались въ Ярославль вскорѣ, и лѣтомъ 1612 года въ Ярославѣ уже дѣйствовала „вся земля“.

Любопытно то стараніе, съ которымъ ратныя власти въ Ярославлѣ формировали „совѣтъ всея земли“. Этому совѣту желали придать видъ полнаго земскаго собора, съ участіемъ освященнаго собора, бояръ и земскихъ людей. Но гдѣ же было взять правильный освященный соборъ, когда не было патріарха (патріархъ Гермогенъ уже скончался въ Московскомъ кремлѣ), а старѣйшіе митрополиты были въ плѣну, новгородскій — у шведовъ, а ростовскій — у поляковъ? Однако въ Ярославлѣ непремѣнно хотѣли имѣть освященный соборъ и создали его такимъ порядкомъ, что призвали въ Ярославль бывшаго на покоѣ стараго ростовскаго митрополита Кирилла и при немъ составили духовный совѣтъ, который вѣдалъ церковное управленіе и именовалъ себя „освященнымъ соборомъ“. Въ этомъ, по

тогдашнимъ понятіямъ, не было фальши: въ 1563 году, напримѣръ, при взятіи Полоцка, въ рати Грознаго, бывшаго тамъ коломенскаго владыку Варлаама съ состоявшимъ при немъ духовенствомъ тоже называли „освященнымъ соборомъ“. Точно также не могло быть въ Ярославлѣ нормальной боярской думы, „всѣхъ бояръ“, такъ какъ „всѣ бояре“ сидѣли съ поляками въ Москвѣ, но и они уже не считались законнымъ „синклитомъ“. Однако, въ Ярославлѣ хотѣли имѣть и синклитъ. Въ рати Пожарскаго были два лица съ боярскимъ саномъ: В. П. Морозовъ и князь В. Т. Долгорукій. Съ ними вмѣстѣ въ высшемъ административно-военномъ совѣтѣ Пожарскаго дѣйствовали старшіе ратные предводители. Это и былъ „синклитъ“, который называли тогда опредѣленными терминами: „бояре и воеводы“, „начальники“. Начальники и замѣняли собою „бояръ всѣхъ“. Къ этимъ двумъ постояннымъ органамъ ярославскаго правительства, то-есть, къ митрополиту Кириллу со властями (освященный соборъ) и Пожарскому съ начальниками (синклитъ) были присоединены выборные земскіе представители служилаго и тяглаго сословія,—и получился полный земскій соборъ. Онъ самъ считалъ себя „совѣтомъ всея земли“; на его „приговоры“ опиралась исполнительная власть въ ополченіи; его почитали верховнымъ правительствомъ не только русскіе города, но и иностранцы (шведы), сносившіеся съ ярославскимъ правительствомъ.

Такимъ образомъ „вся земля“, стремясь къ своему правильному и авторитетному устройству, приняла форму именно такого земскаго собора, какіе бывали „при прежнихъ великихъ государяхъ“ въ XVI вѣкѣ. „Всю землю составляли: 1) „власти“, 2) „синклитъ“ и 3) „всякихъ чиновъ люди“. При прежнихъ великихъ государяхъ соборы подобнаго состава собирались по царскому произволенію; теперь „вся земля“ собралась самопроизвольно, по народному избранію, потому что люди были „безгосударны“. При государяхъ соборы играли роль совѣщательную; теперь „вся земля“ не только была совѣтомъ при воеводахъ, но и правила всѣмъ государствомъ, „строила“ земскій порядокъ и прежде всего думала о царскомъ избраніи, потому что не хотѣла быть безъ государя „и малое время“. Изъ рѣдкаго

и пассивнаго совѣщанія, какимъ въ сущности были соборы XVI вѣка, „вся земля“ выросла въ органъ верховнаго управленія, который дѣйствовалъ постоянно и руководилъ всѣми дѣлами страны, имѣя главною цѣлью возстановленіе въ странѣ правильнаго порядка и избраніе государя.

III.

Вотъ этой-то „всею землею“ и былъ избранъ на царство Михаилъ Ѳедоровичъ. Отъ „всей земли“ поѣхали къ нему „челобитчики“ просить его принять престолъ и, получивъ его согласіе, 14 марта 1613 года нарекли его царемъ. Молодой государь немедля отправился изъ Костромы, гдѣ онъ тогда жилъ, въ Москву и прибылъ туда 2-го мая. Началось новое царствованіе, главной заботой котораго было возстановленіе старыхъ порядковъ, потрясенныхъ Смутою. Но четырнадцать смутныхъ лѣтъ многое перемѣнили въ коренныхъ условіяхъ Московскаго быта, и возвращеніе къ старымъ порядкамъ не всегда оказывалось возможнымъ. „Вся земля“ была сама однимъ изъ такихъ новшествъ, какихъ въ старину не было.

До Смуты Московское государство понималось и называлось „вотчиною“ московскихъ государей, то есть ихъ частною собственностью, которую они наслѣдовали „отъ прародителей“ своихъ, какъ ихъ семейное добро. Вѣковая династія московская, шедшая отъ великаго князя Іоанна Калиты,—поколѣніе за поколѣніемъ, пріобрѣтала городъ къ городу, волость къ волости, село къ селу и мало-по-малу слагала изъ своихъ „примысловъ“ великое государство. Но какъ ни росло это государство, династія смотрѣла на него неизмѣнно, какъ на „землю великаго государя“, пріобрѣтенную „его государскимъ счастіемъ и промысломъ“ въ личную его собственность. Когда прекратилась династія, тогда вся эта собственность осталась безъ хозяина; но государство тѣмъ не менѣе продолжало существовать и безъ своихъ вѣковыхъ „владыкъ“. Въ этомъ государствѣ оказалось населеніе, сознававшее свое единство и дорожившее своимъ государствомъ, иначе говоря, оказался народъ, связанный племенною и церковною связью. Для спасенія своей вѣры и государства, этотъ народъ послѣ многихъ междо-

усобій сплотился и „всею землею“ избралъ царя. Новому царю царство уже не могло стать просто „вотчиною“, ибо вотчинныхъ правъ на государство у новаго царскаго рода не бывало. Новый царь получалъ власть не надъ частнымъ имуществомъ, а надъ народомъ, который съумѣлъ, какъ мы видѣли, организовать себя и создать свою временную власть во „всей землѣ“. Власти постоянной, возникшей въ лицѣ новаго государя, надлежало опредѣлить свои отношенія ко „всей землѣ“ и править ею и вмѣстѣ съ нею. Старый вотчинно-государственный бытъ уступалъ мѣсто новому, болѣе высокому и сложному,—государственно-національному. Новая власть и должна была дѣйствовать сообразно новымъ условіямъ.

Въ первые дни своего царствованія царь Михаилъ Ѳедоровичъ чувствовалъ себя въ затруднительномъ положеніи; Смута внутри еще продолжалась; внѣшніе враги угрожали по-прежнему; средствъ въ казнѣ не было. Земскій соборъ, избравшій царя, употреблялъ всѣ усилія къ тому, чтобы достичь порядка, собрать силы и средства. Но скоро это не могло сдѣлаться, и молодой государь съ упрекомъ указывалъ собору на „нестроенія“, грозя не принять врученной власти и даже колеблясь, ѣхать ли ему въ столицу. Онъ не видѣлъ возможности править страною и унять „всемірный мятежъ“ безъ содѣйствія собора и требовалъ этого содѣйствія, призывая себѣ на помощь „всю землю“ во всякихъ дѣлахъ управленія. Иначе говоря, на первыхъ же порахъ новый государь хотѣлъ править съ соборомъ и не видѣлъ въ этомъ умаленія своихъ державныхъ правъ и своей власти. Съ своей стороны, и „вся земля“ нисколько не желала умалять власть своего избранника и съ послушнымъ усердіемъ шла ему на помощь во всемъ, въ чемъ могла. Земскій избранникъ и народное собраніе не только не спорили за свои права и за свое первенство, но крѣпко держались другъ за друга въ одинаковой заботѣ о своей общей цѣлости и безопасности. Сознаніе общей пользы и взаимной зависимости приводило власть и ея земскій совѣтъ къ полнѣйшему согласію и обращало царя и „всю землю“ въ одну нераздѣльную политическую силу, боровшуюся съ враждебными ей теченіями внутри государства и внѣ его. Такъ обстоятельства Смутной поры придали государственной

власти московской сложный составъ: эта власть слагалась изъ личнаго авторитета неограниченнаго государя и коллективнаго авторитета собора „всея земли“. Всякое „великое государево и земское дѣло“ дѣлалось тогда „по указу великаго государя и по всея земли приговору“. При этомъ государевъ указъ охотно опирался на земскій приговоръ, а земскій приговоръ получалъ силу только по государеву указу. Не существовало никакихъ хартій, которыми опредѣлялось бы это взаимоотношеніе власти и земскаго представительства, и нѣтъ никакой возможности говорить объ „ограниченіи“ власти Михаила Ѳедоровича, но тѣсная связь царя и всей земли и коллективный характеръ государственной власти при царѣ Михаилѣ стоятъ внѣ сомнѣній.

Въ первые десять лѣтъ царствованія Михаила Ѳедородоровича земскій соборъ повидимому непрерывно дѣйствовалъ въ Москвѣ и „вся земля“ всегда была около своего государя. Въ остальное время жизни царя Михаила соборы созывались чрезвычайно часто, хотя уже нельзя говорить объ ихъ непрерывности. Успокоеніе государства совершилось и замиреніе на границахъ было достигнуто. Смутныя времена кончились и общественная жизнь вошла въ мирную колею. Власти не было уже необходимости постоянно спрашивать мнѣнія „всей земли“ и опираться на ея приговоръ. При сынѣ Михаила Ѳедоровича, царѣ Алексѣѣ, въ порядкахъ управленія брало верхъ,—чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе,—„приказное“ начало, бюрократизмъ; соборы созывались рѣже и рѣже, и „вся земля“ понемногу становилась не управляющей, а управляемой и опекаемой средою. Но долго еще московскіе люди вспоминали подвиги „всей земли“ и вѣрили, что безъ нея нѣтъ спасенія въ опасностяхъ. Какъ только приходило какое-либо экстренное государственное дѣло, они указывали, что „то дѣло великое всего государства всей земли“, „то дѣло всего государства—всѣхъ городовъ и всѣхъ чиновъ“, и у великого государя „милости просили“, чтобы онъ „указалъ для того дѣла взять изо всѣхъ чиновъ на Москвѣ и изъ городовъ лучшихъ людей“... Такъ говорилось, напримѣръ, въ 1662—1663 гг. во время голода и денежныхъ затрудненій въ Московскомъ государствѣ.

IV.

Весьма поучительна исторія о томъ, какъ сложилась въ Смуту „вся земля“ и чего она тогда достигла. Старое Московское государство много требовало отъ своихъ „сыновъ“ и мало имъ давало. Но когда оно пало, когда „сынове рустіи“ увидали надъ собою мечъ поляковъ и шведовъ и испытали ужасы собственныхъ междоусобій, они „понаказались“ и поняли всю необходимость своего единаго государства. Въ имя государственности и встали „послѣдніе люди“ московскіе, соединились „всею землею“ и, олицетворивъ идею государства въ государѣ, не захотѣли быть безгосударны и малое время. Они избрали себѣ царя, еще не успокоивъ страны, и вмѣстѣ съ нимъ взяли на себя подвигъ успокоенія. Любовь къ своему народному государству и сознаніе необходимости жертвъ для него—вотъ что руководило тогда „всею землею“ и давало ей силы на подвигъ. Послѣдующее показало, какъ глубоко жизненно было дѣло, сдѣланное тогда „всею землею“, и какъ много обязаны были „всякихъ чиновъ людямъ Московскаго государства“ ихъ близкіе и далекіе потомки.

Но если мысль о необходимости и цѣнности единаго народнаго государства руководила дѣйствіями народныхъ вождей и „всей земли“, то та же самая мысль владѣла и сознаніемъ новой династіи. Отъ „государева батюшки“ Филарета Никитича до его великаго правнука Петра всѣ первые представители династіи Романовыхъ одинаково были проникнуты стремленіемъ къ государственному и народному благу. Властный патріархъ Филаретъ, отдавшій государственнымъ дѣламъ свою маститую старость; тихій и болѣзненный Михаилъ Ѳеодоровичъ, желавшій, чтобы подъ его державой люди отъ бѣдъ и скорбей своихъ поразживались; живой и жизнерадостный царь Алексѣй, мечтавшій править такъ, чтобы Московскаго государства всякихъ чиновъ людямъ, отъ большаго до меньшаго чину, судъ и расправа была во всякихъ дѣлахъ всѣмъ ровна,—всѣ они были люди старой Руси, чуждые какимъ-бы то ни было теоріямъ властвованія, но всею душою болѣвшіе бѣдами своего народа и всѣми своими инстиктами воспитавшіе въ себѣ потреб-

ность жить въ единеніи „со всей землей“ — для общей пользы и блага. Еще болѣе возможно это сказать про великаго Петра. Онъ зналъ и видѣлъ европейскіе порядки и сочеталъ въ себѣ добрыя семейныя преданія съ европейскимъ знаніемъ и опытомъ. Онъ потому и великъ, что свои громадныя силы и способности безраздѣльно отдалъ, какъ умѣлъ, на служеніе своему народу и царству, слилъ себя со всей землей и создалъ изъ нея великую міровую державу. Всматриваясь во всѣ эти историческія лица, мы видимъ ихъ личныя особенности, отмѣчаемъ ихъ слабости, осуждаемъ ихъ грѣхи; но ни у кого изъ нихъ не замѣчаемъ и тѣни своекорыстнаго эгоизма и пренебреженія обязанностями того высокаго сана, который имъ даровалъ Богъ и вручила „вся земля“. На власть свою всѣ они смотрятъ, какъ на высокій долгъ, влекущій за собой отвѣтственность предъ Богомъ, и мы охотно вѣримъ искренности Петра, когда онъ говоритъ: „Я приставникъ надъ вами отъ Бога, и моя должность, чтобы недостойному не дать, а у достойнаго не отнять. Буде добръ будешь, но не столько мнѣ, сколько себѣ и отечеству добра сдѣлаешь; а буде худъ, то я истецъ буду: ибо Богъ того отъ меня за всѣхъ васъ востребуетъ, чтобъ злому и глупому не дать мѣста вредъ дѣлать“. Подобную же мысль, только иными словами, выражалъ и отецъ Петра царь Алексѣй, говорившій, что самъ Богъ поставилъ его на то, чтобы „разсуждать людей вправду“ и „безпомощнымъ помогать“.

Въ единодушномъ избраніи „всей земли“ крылся чистый и благородный источникъ власти Романовыхъ. Такое избраніе возвысило власть Московскую, прежде вотчинную, до значенія народно-государственнаго и сообщило ей необыкновенную крѣпость и популярность. Въ исключительно благопріятныхъ условіяхъ избранія тяжелая задача возстановленія и укрѣпленія государства стала исполнимой и „племя“ „Никитичей“ Романовыхъ показало себя достойнымъ ее исполнить. При немъ Русь не только ожила и окрѣпла, но достигла и небываланго величія.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Прилагаемые ниже грамоты, а также и отрывки изъ литературно-историческихъ памятниковъ представляютъ собою образцы того многочисленнаго и разнообразнаго матеріала, на которомъ строятся изслѣдованія о событіяхъ и личностяхъ интересующей насъ эпохи Смуты.

Изъ приводимыхъ нами грамотъ одна сохранилась въ Соликамскѣ, другая въ Соловецкомъ монастырѣ, третья въ Стокгольмѣ, куда увезли ее Шведы, и это уже одно показываетъ намъ, какъ разбросаны историческіе памятники и какъ часто одна случайность сохранила ихъ до нашихъ дней. Много напр. памятниковъ Смуты сохранилось въ сибирскихъ городахъ, какъ наиболѣе отдаленныхъ отъ мѣста дѣйствія Московской разрухи.

№ 1 — грамота патріарха Гермогена — знаменитое послѣднее слово его, поднявшее Нижегородское ополченіе. Изъ обращенія безъ упоминанія имени духовныхъ властей и воеводъ Нижняго Новгорода, изъ тона посланія можно судить о поспѣшности, съ какой писалась эта грамота томящимся уже въ „тенетахъ“ Святителемъ. — Грамота игумена Соловецкаго монастыря (№ II) — спокойный отвѣтъ на заискиванія Шведскаго короля съ изложеніемъ хода событій и съ указаніемъ на тѣсный совѣтъ Сѣвера со всею землею не избирать въ Московскіе цари иноземца.—Самая пространная—слѣдующая грамота отъ 15 ноября 1612 г. Въ ней читаемъ уже краткое оффиціальное извѣщеніе объ очищеніи Москвы и о созывѣ выборныхъ для царскаго избранія. Грамота написана отъ имени воеводъ, князей Трубецкаго и Пожарскаго, и отъ земскаго собора, находящагося при ополченіи 1612 г. Несмотря на внѣшнее первенство кн. Трубецкаго, активная роль принадлежитъ кн. Пожарскому. Послана грамота въ Новгородъ, находившійся подъ Шведскою властью; несмотря на это грамота какъ бы замалчиваетъ этотъ вопросъ и толкуетъ, чтобы не было „задору“ отъ нѣмецкихъ людей и чтобы сообща дѣйствовали противъ поляковъ; предложеніе же шведскаго королевича въ Государи отклонено и отложено на рѣшеніе Земли.—Слѣдующая грамота (№ IV) уже показываетъ намъ въ какой формѣ была извѣщена Русская Земля о совершившемся 21 февраля 1613 г. царскомъ избраніи Михаила Ѳедоровича. Въ ней есть указанія на дѣятельность собора и приводятся доказательства благой мысли, вложенной въ сердца всѣхъ людей—избрать М. Ѳ. Романова.—Небольшая грамота (№ V) передаетъ то настроеніе, съ какимъ встрѣчена была вѣсть о царскомъ избраніи.

Изъ литературныхъ памятниковъ, Хронографъ 1617 г. (№ VI) и писанный около 1630 г. Новый Лѣтописецъ (№ VII) являются памятниками, составленными въ царствованіе Михаила Ѳедоровича современниками Смуты. Подъ Хронографами въ нашей исторической литературѣ именуются своды извѣстій библейской, византійской и русской исторіи. Хронографъ 1617 г. въ повѣствованіи о Смутѣ является оригинальнымъ по взглядамъ на событія и по слогу и носитъ слѣды новыхъ пріемовъ историческаго изслѣдованія. — Болѣе лѣтописнымъ

характеромъ отличается Новый Лѣтописецъ. Авторъ пользовался многими источниками и произведеніе его, начинающееся съ покоренія Сибири, отличается фактической полнотой.—Среди памятниковъ народнаго творчества сохранилась пѣсня (№ VIII), и то едва уцѣлѣвшая въ устахъ 70-лѣтней старухи.

Наконецъ, мнѣніе польскаго гетмана Жолкѣвскаго, взятое изъ его записокъ, характерно, какъ указаніе иноземца на вѣроятность избранія въ цари Михаила Ѳедоровича. Русское происхожденіе (Жолкѣвскій былъ изъ западно-русскаго дворянства) автора помогло ему въ вѣрной оцѣнкѣ событій и настроеній времени Смуты.

I.

Грамота отъ Патріарха Гермогена въ Нижній-Новгородъ. (1611 года, въ августѣ). Благословеніе Архимандритомъ, и Игуменомъ, и Протопопомъ и всему Святому Собору, и Воеводамъ, и Дьякомъ, и Дворяномъ, и дѣтемъ Боярскимъ и всему міру отъ Патріарха Ермогена Московскаго и всея Руссіи миръ вамъ и прощеніе и разрѣшеніе. Да писать бы вамъ изъ Нижняго въ Казань къ Митрополиту Ефрему, чтобъ Митрополитъ писалъ въ полки къ Бояромъ учительную Грамоту да и Казацкому войску, чтобъ они стояли крѣпко о вѣрѣ, и Бояромъ бы говорили и Атаманемъ безстрашно, чтобъ они отнюдь на Царство проклятаго Маринка паньина сына не благословляли, и на Вологду ко властемъ пишите жъ, такъ же бы писали въ полки, да и къ Рязанскому пишите жъ, чтобы въ полки такъ же писалъ къ Бояромъ учительную Грамоту, чтобъ унялъ грабежъ, корчму, и имѣли бы чистоту душевную и братство и промышляли бъ, какъ реклись души свои положити за Пречистыя домъ и за Чудотворцовъ и за вѣру, такъ бы и совершилъ. Да и во всѣ городы пишите, чтобъ изъ городовъ писалъ въ полки къ Бояромъ и Атаманемъ, что отнюдь Маринкинъ на Царство ненадобенъ. Проклятъ отъ Святого Собору и отъ насъ.

Да тѣ бы вамъ Грамоты съ городовъ собрати къ себѣ въ Нижней Новъгородъ, да прислати въ полки къ Бояромъ и Атаманемъ, а прислати прежнихъ же, коихъ естя присылали ко мнѣ съ совѣтными челобитными безстрашныхъ людей Свіяжанина Родіона Моисѣева, до Ратмана Пахомова; а имъ бы въ полкѣхъ говорити безстрашно, что проклятый отнюдь ненадобе, а хоти буде и постражете, и вамъ въ томъ Богъ проститъ и разрѣшитъ въ семъ вѣцѣ и въ будущемъ; а въ городы же для Грамотъ посылати ихъ же, а велѣти имъ говорити моимъ словомъ. А вамъ всѣмъ отъ насъ благословенье и разрѣшенье въ семъ вѣцѣ и въ будущемъ, что стоите за вѣру неподвижно, а язъ долженъ за васъ Бога молить.

II.

Листъ игумена Соловецкаго монастыря Антонія къ Шведскому королю Карлу XI о единодушномъ намѣреніи всего Россійскаго народа не избирать на престолъ иноплеменника (1611 года, марта 12).

Божіею великою милостію великія Росія великій святитель, Святѣйшій Гермогенъ Патріархъ Московскій и всеа Русіи, и благовѣрные и великіе князи Владимірскіи, и Московскіи, и Новгородскіи, и Казанскіи, и Псковскіи, и всего Московского государства, и Царьскаго Величества и богомолья Соловецкаго моностыря и Сумскаго острогу богомолецъ игуменъ Антоней съ братьею, тебѣ великому Каролусу девятому, Свейскому, Готскому, Вендейскому, Финскому, Лопьскому, въ сѣверной странѣ Каянскому, Естенскому и Влифлянскому королю. Буди тебѣ вѣдомо: которые Литовскіе люди на Москвѣ великому свя-

тителю святѣйшему Патріарху, и бояромъ, и княземъ, и дворяномъ, и дѣтемъ боярскимъ, и гостемъ, и всѣмъ людемъ всего Московского государьства, крестъ цѣловали, и въ томъ они измѣнили и во всемъ солгали; а которой назывался въ Московскомъ государьствѣ ложнымъ царевичемъ Дмитреемъ Ивановичемъ, воровски, и того нынѣ убили и въ животѣ его нѣтъ: и писалъ съ Москвы великій святитель святѣйшій Гермогенъ, Патріархъ Московскій и всеа Русіи, въ Великій Новгородъ, и во Псковъ, и въ Казань, и въ Нижней Новгородъ, и на Вологду, и въ Ярославль, и въ Сѣверскіе городы, и на Рѣзань, и во всѣ городы Московского государства, и велѣлъ съѣзжаться къ Москвѣ ратнымъ воинскимъ людемъ и стояти и помышляти единомышлено на Литовскихъ людей: и Божіею милостію въ Московскомъ государствѣ у святѣйшаго Патріарха и у бояръ и изовсѣхъ городовъ всего Московского государства ссылаются, и на совѣтъ къ Москвѣ сходятся, и совѣтуютъ, и стоятъ единомышлено на Литовскихъ людей: а хотятъ выбирати на Московское государство Царя и Великого Князя изъ своихъ прироженныхъ бояръ, кого всесильный вседержитель Богъ изволитъ и Пречистая Богородица, а иныхъ земель иновѣрцовъ никого не хотятъ. А у насъ въ Соловецкомъ монастырѣ и въ Сумекомъ острогѣ и во всей Поморской области тотъ же совѣтъ единомышлено: не хотимъ никого иновѣрцовъ на Московское государьство Царемъ и Великимъ Княземъ, опрочѣ своихъ прироженныхъ бояръ Московского государьства. Писанъ въ Сумскомъ острогѣ, лѣта 1119 марта въ 12 день.

III.

Отписка воеводъ князей Димитрія Трубецкаго и Димитрія Пожарскаго и государственной земской думы Новгородскому митрополиту Исидору, о параженіи гетмана Хоткѣвича, объ очищеніи Китая и Кремля города отъ поляковъ и о созваніи въ Москву выборныхъ земскихъ чиновъ, для избранія Государя (1612 года, ноября 15).

Великому господину преосвященному Исидору, Митрополиту Ноугородскому и Великолутцкому, по избранью всѣхъ чиновъ людей Россійского государства, у ратныхъ и у земскихъ дѣлъ бояринъ и воевода Дмитрей Трубетцкой, да стольникъ и воевода Дмитрей Пожарской съ товарыщи, и чашники, и столники, и стряпчіе, и дворяня большіе, и приказные люди, и дворяне изъ городовъ, и дѣти боярскіе, и головы стрѣлецкіе и атаманы и сотники, и стрѣльцы и казаки, и всякихъ чиновъ люди Московскаго государства челомъ бьютъ. Вѣдомо тебѣ великому господину, какъ Россійского государства царствующій градъ Москва отъ Полскихъ и отъ Литовскихъ людей за крестнымъ цѣлованьемъ разоренъ, и сидѣли въ немъ Полскіе и Литовскіе люди многіе; а мы Россійского государства бояре и воеводы, и окольничіе, и чашники, и столники, и дворяня большіе, и дворяня изъ городовъ, и дѣти боярскіе, и всякихъ чиновъ служилые и приказные люди, видя Жигимонта короля и Полскихъ и Литовскихъ людей неправду, что учинили черезъ крестное цѣлованье надъ царствующимъ градомъ, безчисленное множество людей посѣкли, и православной нашей хрестьянской вѣрѣ, и святымъ Божіимъ церквамъ, и многоцѣлебнымъ чудотворнымъ мощемъ многое разоренье и обругателство учинили, съ бояриномъ и воеводою со княземъ Дмитріемъ Тимоѳеевичемъ Трубецкимъ собрався, пришли подъ Москву 119 году Марта съ [1]) числа, и надъ Полскими людми, которые сидѣли на Москвѣ, въ городѣ Кремлѣ и въ Китаѣ и въ Царевѣ въ болшомъ городѣ, промышляли всякимъ промысломъ, и тѣсноту имъ чинили, и на многихъ

[1]) Въ спискѣ, снятомъ съ подлинника, число не выставлено, а оставленъ пробѣлъ.

боѣхъ съ ними бились, не щадя головъ своихъ; а язъ стольникъ и воевода Дмитрій Пожарской, съ бояры жъ и съ воеводы, и съ чашники, и съ стольники, и съ дворяны и съ дѣтми боярскими, и всякихъ чиновъ съ служилыми людми, и со всякими ратными людми, Казанскими и Нижегородскими людми и всѣхъ Понизовыхъ городовъ, со многимъ собраньемъ, пришолъ подъ Москву 120 году, и соединясь межъ себя вмѣстѣ надъ Полскими людми промышляли, единомышленно, заодинъ. И августа въ 21 день приходилъ подъ Москву гетманъ Карло Хоткѣевъ, съ Полскими и съ Литовскими людми, и съ Черкасы, и съ Нѣмцы, со многимъ собраньемъ, и хотѣлъ приходить въ Москву, чтобъ Московскихъ сидѣльцовъ запасы укрѣпити; и мы бояре и воеводы, и всякихъ чиномъ всякіе ратные люди, прося у милосердаго Бога милости, за свою православную хрестьянскую вѣру съ гетманомъ и съ Московскими сидѣльцы билися, и Божіею милостію, и пречистые Богородицы и великихъ Московскихъ чудотворцевъ молитвами, мы гетмана и Полскихъ и Литовскихъ людей, и гайдуковъ и Черкасъ, и Нѣмецъ и Венгровъ побили, и живыхъ многихъ поимали, и отъ Москвы отогнали, и запасы у нихъ у всѣхъ отгромили, и гетманъ съ того побою побѣжалъ въ Польшу съ великимъ страхованьемъ; а послѣ того, сентября (*нужно*: октября) въ 22 день, прося мы у Бога милости, городъ Китай взяли взятьемъ и многихъ Полскихъ и Литовскихъ людей побили и живыхъ многихъ поимали, а къ Кремлю городу пошли были со всѣхъ сторонъ, многими силами, приступомъ же, и Полскіе и Литовскіе люди, которые сидѣли въ Кремлѣ, Миколай Струсъ, и полковники и капитаны, ротмистры, и всякіе ратные люди, видячи свое изнеможенье, что имъ отъ насъ не отсидѣтца, били челомъ намъ и всякимъ ратнымъ людемъ, чтобъ намъ крови ихъ не пролить, побить ихъ не дать; и мы, не хотя кроворозлитья видѣти, Полскихъ и Литовскихъ людей побити не дали и въ городъ вошли октября въ 26 день, а Полскихъ и Литовскихъ людей, которые сидѣли въ городѣ, Николая Струса, и Московского государства бояръ князя Ѳедора Ивановича Мстиславского съ товарыщи, которыхъ Полскіе и Литовскіе люди захватили въ Москвѣ, взяли здоровыхъ, и нынѣ, по милости всемогущаго въ Троицѣ славимаго Бога нашего и пречистые его Матери, царьствующій градъ Москва отъ Полскихъ и отъ Литовскихъ людей очистилось; а въ которыхъ мѣстѣхъ, и въ городѣхъ, и въ острожкѣхъ сидѣли Полскіе и Литовскіе люди, и мы на тѣхъ людей посылали отъ себя ратныхъ людей, и наши ратные люди во многихъ мѣстѣхъ Полскихъ и Литовскихъ людей побили, и городы и острожки отъ Полскихъ и Литовскихъ людей многіе очистили, а нынѣ мы бояре и воеводы, и всякіе ратные люди, посовѣтовавъ со всею землею и прося у Бога милости, укрѣпя на Москвѣ осаду, посылаемъ воеводъ на Литовскихъ людей въ походъ подъ городы, въ которыхъ ещо стоятъ Полскіе и Литовскіе люди, и хотимъ, по Божьей милости, отъ нихъ Московского государства города очищати. И тебѣ бъ, великому господину преосвященному Исидору митрополиту, о томъ порадоватися и всемогущему въ Троицѣ славимому Богу нашему и пречистой его Богоматери хвалу воздати, что всемилостивый Богъ нашъ надъ общими враги нашими, надъ Полскими и Литовскими людми, побѣду и одолѣніе показалъ, царствующій градъ Москву отъ нихъ злодѣевъ очистили, и королевского велеможнѣйшества воеводѣ Якову Пунтосовичю совѣтовати, чтобъ онъ былъ съ нами и со всемъ Московскимъ государствомъ въ совѣтѣ и въ любви, и Ноугородскимъ бы Русскимъ и Нѣмецкимъ людемъ Московского государства никоторымъ городомъ утѣсненья и обидъ никакихъ и насильства чинити не велѣти. Да октября въ 6 день прислали вы къ намъ изъ Великого Новагорода Богдана Дубровского, а съ Богданомъ ты, великій господинъ, къ намъ писалъ, что Ноугородского государства бояринъ

и воевода князь Иванъ Никитичь Одоевскій да королевского величества воевода Яковъ Понтусовичъ Делегардъ послали изъ Великого Новагорода, для обереганья Ноугородцкого уѣзда, воеводъ Рускихъ и Нѣметцкихъ съ Рускими и Нѣметцкими людми, а велѣли имъ стати въ Бѣжетцкой пятинѣ, въ Черенскомъ погостѣ и въ Удомлѣ, и оберегати отъ Полскихъ и Литовскихъ людей и отъ воровъ Ноугородцкой уѣздъ, да приказали тѣмъ Рускимъ и Нѣметцкимъ начальникомъ, чтобъ они Новоторжскому, Тверскому, Устюжскому, Бѣлозерскому уѣздомъ, гдѣ будетъ понадобитца, также отъ Полскихъ и отъ Литовскихъ людей обереганьемъ помогати, а о томъ ратнымъ людемъ и ихъ начальникомъ наказали накрѣпко, чтобъ они тѣмъ уѣздомъ, которые подошли къ Ноугородскому уѣзду, никакихъ обидъ и задоровъ не чинили; а намъ бы также, для обереганья городовъ и уѣздовъ, послати своихъ ратныхъ людей, чтобъ Литовскіе люди межъ насъ войною не проходили и земли не разоряли, и отписати бы намъ въ Торжокъ, и во Тверь, и на Устюжну, и на Бѣлоозеро, и въ иные городы Московского государства, чтобъ тѣхъ городовъ воеводы и приказные люди Ноугородцкаго государства съ ратными людми были въ совѣтѣ и въ любви, безо всякаго сумлѣнья, и велѣли бъ вашимъ ратнымъ людемъ кормъ давати, также какъ имъ даютъ и Ноугородцкого уѣзда, чѣмъ имъ мочно сытымъ быти, чтобъ Нѣметцкимъ ратнымъ людемъ хотнѣе было тѣхъ мѣстъ оберегати, а Нѣметцкіе ратные люди тѣхъ городовъ и уѣздовъ, которые сошлися съ Ноугородцкимъ уѣздомъ, и намъ того, что Нѣметцкіе ратные люди будутъ на рубежѣ, или за неволю съ тѣхъ городовъ, которые подошли къ Ноугородцкому уѣзду, сами учнутъ кормъ имати, въ задоръ не ставити, а опрочѣ кормовъ никакихъ задоровъ и обидъ отъ Нѣметцкихъ людей не будетъ; да и во Тверь, и въ Торжокъ, и на Устюжну, бояре и воеводы князь Иванъ Никитичь Одоевской и Яковъ Пунтусовичь Делегардъ о томъ писали жъ. И тебѣ бъ, великому господину Якову Пунтусовичу совѣтовати, чтобъ ему съ нами и со всѣмъ Московскимъ государствомъ быти въ любви и Московского государства въ городы, которые сошлися съ Ноугородцкимъ уѣздомъ, съ тѣми мѣсты, которые послушны къ Великому Новугороду, ратныхъ своихъ людей не посылати, и кормовъ ратнымъ людемъ тѣхъ городовъ и уѣздовъ, которые къ Московскому государству, на всякихъ людей имати не велѣти, и тѣсноты никоторые и обидъ чинити не велѣти жъ, и никакихъ задоровъ не всчиняти, чтобъ отъ того межъ нами доброму дѣлу поруха не учинилась; а которые Нѣметцкіе ратные люди стоятъ близко Московскаго государства городовъ и уѣздовъ, въ Бѣжетцкой пятинѣ, въ Черенскомъ погостѣ, и тѣмъ бы людемъ велѣти отойти въ Ноугородцкой уѣздъ, чтобъ съ ними въ порубежныхъ мѣстѣхъ отъ насильства ратныхъ людей задоръ не учинился. А что ты, великій господинъ, писалъ къ намъ боярамъ и воеводамъ и ко всей землѣ, чтобъ Московскому государству быти съ вами подъ единымъ кровомъ государя королевича Карлуса Филиппа Карлусовича, и намъ нынѣ такого великого государственного и земского дѣла, не обослався и не учиня совѣту и договору съ Казанскимъ и съ Астраханскимъ и съ Сибирскимъ и съ Нижегородскимъ государствы, и со всѣми городы Россійского царствія, со всякими людми отъ мала и до велика, однимъ учинити нелзя; и мы нынѣ о милости Божьей, что надъ общими врагами нашими, надъ Полскими и Литовскими людми, всемогущій въ Троицѣ славимой Богъ нашъ намъ православнымъ хрестьяномъ побѣду и одолѣніе показалъ, царьствующій градъ Москву отъ нихъ злодѣевъ очистилъ и во многихъ мѣстѣхъ Полскихъ и Литовскихъ людей побили, и о обираньѣ государьскомъ, и о совѣтѣ кому быть на Московскомъ государствѣ, писали въ Сибирь, и въ Астрахань, и въ Казань, и въ Нижней Новгородъ, и на Сѣверу, и во всѣ городы Московского государства, чтобъ изо всѣхъ горо-

довъ Московского гоеударства, изо всякихъ чиновъ людей, по десяти человѣкъ изъ городовъ, для государственныхъ и земскихъ дѣлъ прислали къ намъ къ Москвѣ. А какъ королевичь князь Карло Филиппъ Карловичь придетъ въ Великій Новгородъ и вамъ бы о томъ наскоро тамъ вѣдомо учинити про его государьской приходъ въ Великій Новгородъ: и мы тогды, со всѣми государствы Россійского царьствія совѣтъ учиня, пошлемъ къ королевичу ко князю Карлу Филиппу Карлусовичю пословъ, съ полнымъ договоромъ о государственныхъ и о земскихъ дѣлѣхъ. Писанъ на Москвѣ, лѣта 7121, ноября въ 15 день.

IV.

А въ городы о государскомъ обираньѣ, что на Владимерское, и на Московсковское, (и на всѣ великіе, преславные) государства Російскаго Царствія обрали Государя Царя и Великаго Князя Михаила Ѳедоровича всеа Русіи, съ Москвы власти, и бояре и всякихъ чиновъ люди грамоты писали, за руками, таковы: Въ Володимеръ архимандритомъ. и игуменомъ, и всему освященному собору, и столнику и воеводѣ господину Тимоѳеею Васильевичю Измайлову, и дворяномъ, и дѣтемъ боярскимъ, и стрѣлцомъ, и казакомъ, и гостемъ, и посадскимъ и уѣзднымъ всякимъ людемъ, великаго Московскаго Государства Ростовскій митрополитъ Кирилъ, и архіепископы, и епископы, и архимандриты, и игумены, и великихъ обителей честныхъ монастырей старцы, которые собраны для царскаго обиранія къ Москвѣ, и бояре, и околничіе, и чашники, и столники, и стряпчіе, и дворяне, и приказные люди, и дѣти боярскіе, и головы стрѣлецкіе, и сотники, и атаманы, и казаки, и стрѣлцы, и всякіе служивые люди, и гости Московскіе, и торговые люди всѣхъ городовъ и всякіе жилецкіе люди челомъ бьютъ. Вѣдомо, господа, вамъ всѣмъ, какъ въ Російскомъ Государствѣ царской корень пресѣкся, и послѣ того были избранные Государи, а послѣдней былъ на Московскомъ Государствѣ Царь и Великій Князь Василей Ивановичь всеа Русіи; и по общему земскому грѣху, а по зависти діяволи, многіе люди его Государя возненавидѣли и отъ него отстали, и учинилась въ Московскомъ Государствѣ рознь, [и] Царя Василія отъ Государства отставили. И песлыша то Полской и Литовской король, злымъ своимъ умысломъ сослався съ богоотступники съ Михалкомъ Салтыковымъ съ товарищи, прислалъ подъ Москву гетмана Желтовскаго, а велѣлъ договариваться, будто онъ для успокоенія Московскаго Государства даетъ на Московское Государство царемъ сына своего Владислава; и Московскимъ Государствомъ завладѣлъ обманомъ, а хотѣлъ къ Полшѣ и къ Литвѣ въ подданствѣ учинить, и церкви Божія разорить, и святую нашу непорочную христіянскую вѣру Греческаго закона попрать, и учинить въ Російскомъ Государствѣ свою проклятую латынскую вѣру, и по своему злому умыслу царствующій градъ Москву разорили, и святыя Божія церкви осквернили, и обругали, и разорили, [и] многонародное множество людей безъ числа побили. И по милости Божіи, собрався бояре и воеводы князь Дмитрей Тимоеѣевичь Трубецкой да столникъ [и воевода] князь Дмитрей Михайловичь Пожарской Московскаго Государства со всякими ратными людми, царствующій градъ Москву отъ Полскихъ и отъ Литовскихъ людей очистили, и нынѣ многіе церкви Божія въ прежнюю лѣпоту облеклися, и Божіе имя въ нихъ славится по прежнему, а царской престолъ вдовѣетъ, а безъ Государя намъ всѣмъ быти ни на малое время не мочно; бояре и воеводы всею землею писали, чтобъ къ намъ вы для государскаго обиранія ѣхали къ Москвѣ, и выборные люди для государскаго обиранія изъ Замосковныхъ, и изъ Поморскихъ, и изъ Украинныхъ городовъ всякихъ чиновъ люди для государскаго обиранія къ Москвѣ съѣхались, и живутъ на Москвѣ долгое время, а безъ Государя Московское Го-

сударство ничѣмъ не строится, и воровскими заводы на многіе части раздѣляется и воровство многое множится, а безъ Государя никоторыми дѣлы строить и промышлять и людми Божіими, всѣми православными христіянами, печися некому. И мы со всего собору и всякихъ чиновъ выборные люди о государскомъ обираніи многое время мыслили, чтобы Литовскаго и Свійскаго короля и ихъ дѣтей, и иныхъ Нѣмецкихъ вѣръ и никоторыхъ государствъ иноязычныхъ некрестьянской вѣры Греческаго закона на Владимерское и на Московское Государство не обирати, и Маринки и сына ея на Государство не хотѣти, потому что Полскаго и Нѣмецкаго короля видѣли къ себѣ неправду и крестное преступленіе и мирное нарушеніе, какъ Литовской король Московское Государство разорилъ, Свійской король Великій Новградъ взялъ обманомъ, за крестнымъ же цѣлованіемъ; а обирали на Владимерское и на Московское Государство и на всѣ великія государства Російскаго Царствія Государя изъ Московскихъ родовъ, кого Богъ дастъ; и всѣхъ чиновъ во всякихъ людѣхъ, отъ мала и до велика, вмѣстилося въ сердца, чтобъ обрати на Владимерское и на Московское Государство и на всѣ великія государства Російскаго Царствія отъ племени праведнаго и Великаго Государя Царя и Великаго Князя, блаженные памяти, Ѳедора Ивановича всеа Русіи, чтобъ было вѣчно и постоятельно, такъ же, какъ при немъ Великомъ Государѣ Російское Царство предо всѣми государствы аки солнце сіяло и на всѣ стороны ширилось, и многія окрестныя государства учинилися у него Государя въ подданствѣ и въ послушаніи, и никоторая кровь и война при немъ Государѣ не бывала, всѣ есмя при его царской державѣ жили въ тишинѣ и въ благоденствіи; и о томъ кому благоволитъ Богъ на Владимерскомъ, и на Московскомъ и на всѣхъ государствахъ Російскаго Царствія Государемъ Царемъ и Великимъ Княземъ всеа Русіи быти, многіе соборы у насъ были. И Февраля въ 21 день, на сборное воскресеніе, пришли въ соборную церковь къ пречистой Богородицы честнаго и славнаго Ея Успенія, къ митрополиту и ко всему освященному собору, мы бояре, и околничіе, и чашники, и столники, и стряпчіе, и дворяне Московскіе, и приказные люди, и дворяне изъ городовъ, и дѣти боярскіе всѣхъ городовъ, и головы, и сотники, и атаманы, и казаки, и стрѣльцы, и гости, и черныхъ слободъ и всего Государства Московскаго всякихъ чиновъ люди, и съ сущими младенцы, и молили всемилостиваго Бога, и пречистую Богоматерь, и великихъ Московскихъ чюдотворцовъ, съ великимъ моленіемъ и воплемъ, чтобъ всемилостивый Богъ далъ намъ на Владимерское и на Московское и на всѣ государства Російскаго Царствія Государемъ Царемъ и Великимъ Княземъ всеа Русіи, отъ племени благовѣрнаго и праведнаго Государя Царя и Великаго Князя Ѳедора Ивановича всеа Русіи племянника, Михаила Ѳедоровича Романова-Юрьева, чтобъ, по милости Божіи, впредь царская степень укрѣпилась на вѣки, и всего Государства Московскаго люди были въ покоѣ и въ благоденствѣ, подъ однимъ кровомъ и подъ царскою высокою рукою. И били мы челомъ Великаго Государя Царя и Великаго Князя Ѳедора Ивановича всеа Русіи племяннику Михаилу Ѳедоровичю Романову, чтобъ онъ надъ Московскимъ Государствомъ и надъ всѣми Московскаго Государства людми умилосердился, насъ сирыхъ пожаловалъ, всенароднаго моленія и слезнаго рыданія не презрилъ, былъ на Владимерскомъ и на Московскомъ и на всѣхъ государствахъ Російскаго Царствія Государемъ Царемъ и Великимъ Княземъ всеа Русіи, чтобъ во всемъ Російскомъ Государствѣ всякіе люди подъ однимъ кровомъ и подъ его царскою высокою рукою были, и кровь бы христіянская и межусобство его царскимъ бодроопаснымъ правительствомъ утолилось. И по милости всемогущаго въ Троицѣ славимаго Бога, его Государя Михаила Ѳедоровича на Владимерское, и на Московское и на всѣ государства Російскаго Царствія

обрали Государемъ Царемъ и Великимъ Княземъ всеа Русіи, и крестъ ему Государю цѣловали, что намъ ему Государю Царю и Великому Князю Михаилу Ѳедоровичю всеа Русіи служити, и прямити, и съ недруги его государскими, и съ непріятели Государства Московскаго съ Полскими, и съ Литовскими и съ Нѣмецкими людми, и съ Татары, и съ измѣнники, которые ему Государю служити не учнутъ, битися до смерти. И вамъ бы, господа, прося у всемилостиваго въ Троицѣ славимаго Бога милости и у пречистой Богоматери, за Государево Царево и Великаго Князя Михаила Ѳедоровича всеа Русіи многолѣтіе пѣти молебны съ звономъ, чтобъ Господь Богъ отвратилъ отъ насъ свой праведный гнѣвъ, и подалъ бы Государю Царю и Великому Князю Михаилу Ѳедоровичю всеа Русіи многолѣтное здоровье, и на его государевыхъ недруговъ и на всѣхъ некрестьянскихъ непріятелей побѣду и одолѣніе, и христіянское бъ государство мирно, и въ тишинѣ и во благоденствѣ устроилъ; а пѣвъ молебны и просивъ у Бога милости о государевѣ многолѣтномъ здоровіи и о устроеніи всего міра, быти съ нами подъ однимъ кровомъ и державою и подъ высокою рукою христіянскаго Государя нашего Царя и Великаго Князя Михаила Ѳедоровича всеа Русіи. А мы, съ Божіею помощію, такому великому и неизреченному Божію милосердію всего Государства Московскаго всякіе люди, отъ мала и до велика, и изъ городовъ выборные и не выборные люди, всѣ обрадовалися сердечною радостію, что во всѣхъ человѣцѣхъ прошеніе отъ Бога и едина мысль въ сердца вмѣстилася, что по изволенію Божіею быть на Владимерскомъ и на Московскомъ Государствѣ и на всѣхъ государствахъ Російскаго Царствія Государемъ Царемъ и Великимъ Княземъ всеа Русіи, Великаго Государя Царя и Великаго Князя блаженные памяти Ѳедора Ивановича всеа Русіи племяннику, Михаилу Ѳедоровичю, ни по чьему заводу и крамолѣ; Богъ его Государя на такой великой царскій престолъ изобралъ, мимо всѣхъ людей, по своей неизреченной милости, и всѣмъ людемъ о его царскомъ обираніи Богъ въ сердца вложилъ едину мысль и утвержденіе. Писанъ на Москвѣ, лѣта 7121 году, Февраля въ 25 день.

А въ иные во всѣ городы грамоты писали таковы жъ.

V.

Челобитная Царю Михаилу Ѳеодоровичу бояръ князя Дмитрія Тимоѳеевича Трубецкаго и князя Дмитрія Михайловича Пожарскаго, о дозволеніи имъ, а также и всѣмъ ратнымъ людямъ, которые принимали участіе въ освобожденіи Москвы отъ поляковъ, встрѣтить Государя и видѣть его Царскія очи. (1613 года, въ апрѣлѣ).

Государю Царю и Великому Князю Михаилу Ѳеодоровичю всеа Русіи холопи твои, Мишка Трубецкой да Мишка Пожарской, челомъ бьютъ. Были мы, холопи твои, на твоей государевѣ службѣ подъ Москвою со 119 году, и голодъ и нужу великую терпѣли, и въ приходы гетманскіе въ крѣпкихъ осадѣхъ сидѣли, и съ разорители вѣры крестьянской, съ Полскими и Литовскими людми, бились не щадя головъ своихъ, и всякихъ людей на то приводили, что, не увидя милости Божіей, отъ Москвы не отхаживать. И, милостью всемогущаго въ Троицѣ славимаго Бога и Пречистые Богоматери, а твоимъ Государевымъ Царевымъ и Великаго Князя Михаила Ѳеодоровича всеа Русіи счастіемъ, а дворянъ, и приказныхъ людей, и дѣтей боярскихъ, и атамановъ, казаковъ, и стрѣльцовъ, и всякихъ служивыхъ людей прямою службою и кровью, Московское Государство отъ Полскихъ и отъ Литовскихъ людей очистили, и многихъ людей свободныхъ учинили, и нынѣ, Государь, приходятъ къ намъ столники, и стряпчіе, и дворяне Московскіе, и приказные люди, и жилцы, и изъ городовъ дворяне и дѣти боярскіе, которые съ нами, холопи твои, были подъ Москвою, и бьютъ че-

ломъ тебѣ Государю, чтобъ имъ видѣть твои царскіе очи на встрѣчѣ; и мы, холопи твои, безъ твоего государева указу, на встрѣчю къ тебѣ Государю ѣхать не смѣемъ и ожидаемъ отъ тебя Государя милости и твоего царскаго указу, какъ ты намъ, холопемъ своимъ, повелишь. И милость бы тебѣ Государю надъ нами и надо всѣми ратными людми, которые были съ нами подъ Москвою, показать, велѣти намъ свой государевъ указъ учинить, гдѣ велишь намъ, холопемъ своимъ, и всѣмъ ратнымъ людемъ свои царскіе пресвѣтлые очи видѣть на встрѣчѣ, и въ который день, и въ которомъ мѣстѣ.

VI.

Изъ Хронографа 1617 года.

Царство государя царя и великаго князя Михаила Феодоровича, всеа Русіи самодержца.

Въ лѣто 7121, марта въ 14 день, паки сынове Русстіи пріемлютъ входъ отечества древняго градъ Москву, паки наста весна благодатнаго бытіа и простирается струа свѣтлотекущаго житія, еже нами чаемаго упованія великаго Бога свѣтъ возсія, и Того благоволеніемъ отъ конецъ ея народы православіа маліи и велицыи, богатіи и нищіи, старыя же и юныя богатно разумѣніемъ отъ Иже всѣмъ дающаго жизнь обогатившеся и свѣтомъ добромыслимаго совѣта купно озарившеся. Аще бо убо и разнородными мѣстъ людми, но едиными рекошя усты, и въ далномъ несогласіи житіа разстоятельствѣ бысть аки согласенъ совѣтъ во единоравенствѣ. Изволишя бо смысломъ, избраша же словомъ и учинишя дѣломъ, еже добръ совѣтъ сотвориша. Бѣ бо убо не человѣческымъ составленіемъ, но Божіимъ строеніемъ, Его же молиша и просишя государя себѣ на престолъ царствіа Московскаго государства царя Михаила Феодоровича, иже бысть по сродству племянникъ царя и великаго князя Феодора Ивановича всея Русіи по матери его, царице и великой княгине Анастасіи Романовнѣ, яже бысть супруга царя Иванна Васильевича.

Пріидошя же тогда всея Русскія земля вельможи, князи и боляре и дворяне и всѣ стратизи, иже во храбростѣхъ сіающе, и ратныя лики и всякихъ чиновъ люди приказныя и изо всѣхъ градовъ избранныя роды и вси купно отъ мала и до велика православныя христіяне во градъ, глаголемый Кострома, къ Михаилу Феодоровичю: ту бо тогда ему пребывающу съ матерію своею, съ великою старицею инокою Марѳою. Кь ея же ногама припадающе, и со слезами бишя челомъ и просишя у неа, дабы благословила сына своего на престолъ царствія Московскаго государства, еже бы ему сродственнаго ради союза царсъскыхъ искръ и по благословенію, еже отцу его благовѣрному болярину Феодору Никитичю блаженныа памяти царемъ и великимъ княземъ Феодоромъ Ивановичемъ. Она же едва слезнаго ради великаго народа моленія на се преклонилася: бѣ бо государь младъ, а время тогда обуреваемо и люди строптивы, рекше волнуеми. Но обаче положи упованіе и надежду на Всемогущаго Бога, не презрѣ многыхъ слезъ и проситъ у своего сына Михаила Феодоровича, паче же и благословляетъ его быти государя въ Русстей земли, царя и великаго князя Михаила Феодоровича.

Тогда пріемлетъ богопорученное ему Московскаго господарства скифетродержаніе и нача правити мудрокормный царьствіа корабль и бысть православію глава и богозрачному благочестію начало и государь всѣмъ благовѣрнымъ, иже подъ солнечнымъ теченіемъ, и всему православному христіянству наречеся боговѣнчанный царь и великій князь Михайло Феодоровичь, всея Русіи самодержецъ. Аще бо и отъ прежде царствовавшыхъ держава отечественая его пресечеся, аки

доброрастное и красноцвѣтущее древо, еже тѣснотами лютыа зимы увядши смирися, но нынѣ паки при лѣтнѣй теплотѣ свѣтлостію усмѣхнувшися и процвѣте, преславное же и великое мѣсто и многонароднаго христіянства селеніе, еже есть мати Русскимъ градовомъ Москву, юже отъ невѣрныхъ Латынъ плененіемъ запустошеную и отъ Русскыхъ мятежниковъ тяжкимъ озлобленіемъ состарѣвшуюся и осиротѣвшую, паки младозрачну тогда, аки предобрую отроковицу и преукрашеную невѣсту сотвори. Апостольская же и соборная святая церковь паки пріемлетъ своего украшеніа доброзримую лѣпоту, паки солнце правды свѣтлую лучю благодати своея намъ возсіа, имъ же видѣша вси свѣтъ великъ, сладостныа тишины свободный день. Отъя бо отъ насъ Господь Богъ нашъ укоризну нашу всю и странескъ страхъ и дарова державу во крѣпости достояніа его и побѣды на врагы царьствующему поручи. Ему же буди благопребывателно и многолѣтно здравствовати и во всякомъ благоденьствіи и радости расти и мужествовати.

VII.

Изъ „Новаго Лѣтописца“.

О посылкѣ по городомъ къ государеву избранію. Начальники жъ и вси людіе, видя надъ собою милость Божію, начаша думати, како бы имъ изобрати государя на Московское государство праведна, чтобъ данъ былъ отъ Бога, а не отъ человѣкъ. И послаша во всѣ городы Московского государства, чтобы ѣхали къ Москвѣ на избиранье государя власти и бояре и всякихъ чиновъ людіе.

О присылкѣ изъ Нова города. Приде же изъ Нова города отъ Якова Пунтусова посланникъ Богданъ Дубровской съ тѣмъ, что королевичъ идетъ въ Новъ городъ. Они же ему отказаша сице: „тово у насъ и на умѣ нѣтъ, чтобъ намъ взяти иноземца на Московское государство; а что мы съ вами ссылались изъ Ярославля, и мы ссылалися для тово, чтобы намъ въ тѣ поры не помѣшали, бояся тово, чтобы не пошли въ Поморскіе городы; а нынѣ Богъ Московское государство очистилъ, и мы ради съ вами за помощью Божіею битца, итти на очищенье Новгородцково государства.

Царство государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русіи въ лѣто 7121 году. Придоша же изо всѣхъ городовъ и изъ монастырей къ Москвѣ митрополиты и архіепископы и изо всякихъ чиновъ всякіе люди и начаша избирати государя. И многое было волненіе всякимъ людемъ: койждо хотяше по своей мысли дѣяти, койждо про коево говоряше: не воспомянуша бо писанія, яко „Богъ не токмо царство, но и власть, кому хощетъ, тому даетъ; и кого Богъ призоветъ, того и прославитъ“. Бывшу жъ волненію велію, и никто же смѣяше проглаголати, еже кто и хотяше здѣлати, коли Богу чему не повелѣвшу и не угодно Ему бысть. Богу же призрѣвшу на православную христіянскую вѣру и хотящу утвердити на Росіійскомъ государствѣ благочестивый корень, яко же древле Израильтескому роду царя Саула, тако убо и на наши слезы призрѣ Богъ и даде намъ праведна государя. „Родъ бо праведныхъ благословитца“,—рече пророкъ, — „и сѣмя ихъ во благословеніи будетъ“. Тако благослови Богъ и прослави племя и сродство царское, достославного и святого и блаженныя памяти государя царя и великого князя Федора Ивановича всеа Русіи племянника, благовѣрнаго и Богомъ избраннаго и Богомъ соблюдаемаго отъ всѣхъ скорбей царя государя и великого князя Михаила Федоровича, всеа Русіи самодержца, сына велика боярского роду боярина Федорова сына Никитича Юрьева. И положися во всѣ люди мысль, не токмо въ вельможи или въ служивые люди, но и въ простые во всѣ православные крестьяне и въ сущіе младеньцы, и во-

зопиша всѣ велегласно, что любъ всѣмъ на Московское государство Михайло Федоровичъ Юрьевъ. Въ той же день бысть радость велія на Москвѣ, и поидоша въ Соборную апостольскую церковь Пречистые Богородицы и пѣша молебны з звономъ и со слезами. И бяше радость велія, яко изо тьмы человѣцы выидоша на свѣтъ. И кто можетъ судбы Божія испытати: иные убо подкупахусь и засылаху, хотяше не въ свою степень, Богу же того неизволшу. Онъ же, благочестивый государь, того и въ мысле не имяше и не хотяше: бывшу бо ему въ то время у себя въ вотчинѣ, тово и не вѣдяше, да Богу онъ годенъ бысть. И за очи помаза его Богъ елеемъ святымъ и нарече ево царемъ.

О посланіи на Кострому. Власти же и бояре и всѣ людіе начаша избирати изо всякихъ чиновъ послати бити челомъ къ ево матери, къ великой государынѣ старицѣ инокѣ Маѳѣ Ивановнѣ, чтобъ всѣхъ православныхъ хрестьянъ пожаловала и благословила бы сына, царя государя и великого князя Михаила Федоровича всея Русіи, на Московское государство и на всѣ Російскія царства, и у нево государя милости прошать, чтобы не презрилъ горкихъ слезъ православныхъ крестьянъ. И послаша на Кострому изо властей Резанскова архіепископа Феодорита и съ нимъ многихъ властей черныхъ, а изъ бояръ Федора Ивановича Шереметева и изо всѣхъ чиновъ всякихъ людей многихъ. Они же поидоша и пріидоша на Кострому, ему же государю въ то время бывшу въ Ыпатцкомъ монастырѣ.

О пріѣздѣ на Кострому ко государю. Архіепископъ же Феодоритъ и бояринъ Федоръ Ивановичъ Шереметевъ и всѣ люди придоша въ Соборную церковь Пречистыя Богородицы и пѣша молебны и взяша честныя кресты и мѣсной чюдотворной образъ Пречистыя Богородицы Федоровскія и многія иконы и поидоша въ Ыпацкой монастырь и пѣша молебны у Живоначальные Троицы и придоша къ нему, государю, и къ матери ево, великой государынѣ старицѣ инокѣ Маѳѣ Ивановнѣ, и падоша вси на землю: не токмо что плакаху, но и воплю велію бывшу. И молиша его государя, чтобы шелъ на свой царскій престолъ, на Московское государство. Онъ же, государь, и мать его великая государыня, со слезами имъ отказываше и нарицаше его юна суща. И бывшу же плачю и прошенію на многи часы, и кому убо противу Божья десницы стояти, коли чему Богу повелѣвшу быти, едва ево государя и мати ево, великую государыню, умолиша. И пожаловала она, благословила на Московское государство сына своего, государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русіи. Бысть же въ тотъ день на Костромѣ радость велія, и составиша празднество чюдотворной иконѣ Пречистые Богородицы Федоровской. Къ Москвѣ же къ бояромъ и ко всей землѣ послаша и возвѣстиша имъ всѣмъ. Бысть же радость на Москвѣ велія ноипаче первыя.

О приходѣ государю въ Ярославль. Пойде государь царь и великій князь Михайло Федоровичъ всеа Русіи съ Костромы въ Ярославль. Ярославцы жъ, власти и всѣ людіе, встрѣчаху его государя радостно съ образами и съ хлѣбами и съ великими дары. Отъ радости жъ не можаху промолвити въ слезахъ. Ему же, государю, бывшу въ Ярославлѣ немногое время, и къ Москвѣ писати повелѣ, яко да пошлютъ за Заруцкимъ.

О посылкѣ за Заруцкимъ. Бояре же по государеву указу послаша за Заруцкимъ князь Ивана Никитича Одоевскаго, а съ нимъ изъ городовъ повелѣша итти воеводамъ со всею ратью изъ Суздаля князь Роману Петровичю Пожарскому, съ Тулы князь Григорью Васильевичю Тюфякину, изъ Володимеря Ивану Васильевичю Измайлову, съ Резани Мирону Ондрѣевичю Вельяминову. И повелѣша имъ итти за Заруцкимъ. Заруцкой же пойде въ Украйные городы къ Воронежу. И многіе слышаху у Заруцково въ полку, что государь воцарился, и поидоша отъ нево назадъ ко государю многіе; кои прямые воры, тѣ начаша отъѣзжати. Онъ же съ Маринкою пойде прямо къ Воронежу. Воеводы

же ево снидоша подъ Воронежемъ, и бысть подъ Воронежемъ бой; и ничево же ему не здѣлаша. Онъ же многихъ Воронежцовъ побилъ и перелѣзе черезъ Донъ и съ Маринкою и пойде къ Астрахани степью.

О посылкѣ изъ Ярославля на Тихвину. Царь государь и великій князь Михайло Федоровичъ всеа Русіи изъ Ярославля пойде къ Москвѣ, а подъ Тихвину на Нѣмецъ посла воеводъ своихъ: князя Семена Васильевича Прозоровского, да Леонтья Андрѣевича Вельяминова со многою ратью.

О приходѣ государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русіи къ Москвѣ. Царь же государь и великій князь Михайло Федоровичъ всеа Русіи приде подъ Москву. Людіе же Московского государства встрѣтоша ево съ хлѣбами, а власти и бояре встрѣтоша за городомъ со крестами. И приде государь къ Москвѣ на свой царскій престолъ въ лѣто 7121 году послѣ Велика дни въ другое воскресеніе Святыхъ женъ Мироносицъ. На Москвѣ же паки бысть радость велія, и пѣша молебны.

О вѣнчаніи царскимъ вѣнцемъ государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русіи. Людіе же увидѣша себѣ свѣтъ, не имяху себѣ вѣры, не чаяху такіе себѣ радости. И пріидоша ко государю всею землею со слезами бити челомъ, чтобы государь вѣнчался своимъ царскимъ вѣнцемъ. Онъ же не презри ихъ моленія и вѣнчася своимъ царскимъ вѣнцемъ тово же лѣта, а вѣнчалъ ево государя царскимъ вѣнцомъ Казанской митрополитъ Ефрѣмъ и всѣ власти Московского государства. А въ чинахъ были бояре: съ каруною и осыпалъ бояринъ князь Федоръ Ивановичъ Мстиславской, съ скиѳетромъ боярин князь Дмитрей Тимоѳѣевичъ Трубецкой, съ шапкою—Иванъ Никитичъ Романовъ, съ яблокомъ—Василей Петровичъ Морозовъ. По царское платье ходилъ на Казенной дворъ бояринъ князь Дмитрей Михаиловичъ Пожарской да казначѣй Никифоръ Васильевичъ Траханіотовъ. И какъ платья принесли въ полату въ золотую и въ Соборную церковь платья послаша з бояриномъ Васильемъ Петровичемъ Морозовымъ, да съ казначѣемъ съ Никифоромъ Траханіотовымъ, а съ яблокомъ былъ бояринъ князь Дмитрей Михаиловичъ Пожарской. Въ той же день пожаловалъ государь многихъ въ бояры и въ окольничіе, и были столы у государя по три дни.

VIII.

Народная пѣсня.

Какъ въ старомъ-то было городѣ,
Во славномъ и богатомъ Нижніемъ,
Какъ ужь жилъ тутъ поживалъ богатый мѣщанинъ,
Богатый мѣщанинъ Кузьма Сухорукій сынъ.
Онъ собралъ-то себѣ войско изъ удалыхъ молодцовъ,
Изъ удалыхъ молодцовъ Нижегородскихъ купцовъ;
Собравши ихъ, онъ рѣчь имъ взговорилъ:
„Охъ, вы гой же товарищи Нижегородскіе купцы!
„Оставляйте вы свои домы,
„Покидайте вашихъ женъ, дѣтей,
„Вы продайте все ваше злато-сребро,
„Накупите себѣ вострыихъ копіевъ,
„Вострыихъ копіевъ, булатныхъ ножей,
„Выбирайте себѣ изъ князей и бояръ удалова молодца,
„Удалова молодца, воеводушку;
„Пойдемъ-ко мы сражатися
„За матушку за родну землю,
„За родну землю, за славный городъ Москву:
„Ужь заполонили-то Москву проклятые народы Поляки злы!

„Разобьемъ ихъ, много перевѣшаемъ,
„Самого-то Сузмунда короля ихъ въ полонъ возьмемъ;
„Освободимъ мы матушку Москву отъ нечестивыхъ Жидовъ,
„Нечестивыхъ Жидовъ, Поляковъ злыхъ!“
Ужь какъ выбрали себѣ солдатушки, молодые ратнички,
Молодые ратнички Нижегородскіе купцы,
Выбрали себѣ удалова молодца,
Удалова молодца воеводушку,
Изъ славнаго княжескаго роду,
Князя Димитрія по прозванію Пожарскаго.
Ужь повелъ ихъ славный князь Пожарскій
За славный Москву-городъ сражатися,
Съ нечестивыми Жидами-Поляками войной бранитися.
Ужь привелъ-то славный князь Пожарскій своихъ храбрыхъ воиновъ,
Привелъ ко Московскіимъ стѣнамъ;
Становилъ-то славный князь Пожарскій своихъ добрыхъ воиновъ
У Московскіихъ у крѣпкихъ стѣнъ;
Выходилъ-то славный князь Пожарскій передъ войско свое,
Какъ ужь взговорилъ онъ своимъ храбрымъ воинамъ:
„Охъ, вы гой еси храбрые солдатушки,
„Храбрые солдатушки, Нижегородскіе купцы!
„Помолимся мы на святыя на врата на Спаскія,
„На пречистый образъ Спасителя!“
Помолившись, дѣло начали.
Какъ разбили-проломили святыя врата,
Ужь взошли-то храбрые солдатушки въ бѣлокаменный Кремль,
Какъ и начали солдатушки Поляковъ колоть, рубить,
Колоть, рубить, въ большія кучи валить;
Самого-то Сузмунда въ полонъ взяли,
Въ полонъ взяли, руки-ноги ему вязали,
Руки-ноги вязали, буйну голову рубили.
Собралися всѣ князья, бояре Московскіе,
Собралися думу думати.
Какъ и взговорютъ старшіе бояре, воеводы Московскіе!
„Вы скажите, вы бояре, кому царемъ у насъ быть?“
Какъ и взговорютъ бояре, воеводы Московскіе:
„Выбираемъ мы себѣ въ цари
„Изъ бояръ боярина славнаго
„Князя Дмитрія Пожарскаго сына“.
Какъ взговоритъ къ боярамъ Пожарскій князь:
„Охъ, вы гой еси бояре, воеводы Московскіе!
„Не достоинъ я такой почести отъ васъ,
„Не могу принять я отъ васъ царства Московскаго.
„Ужь скажу же вамъ, бояре, воеводы Московскіе:
„Ужь мы выберемъ себѣ въ православные цари
„Изъ славнаго, изъ богатаго дому Романова—
„Михаила сына Ѳедоровича“.
И выбрали себѣ бояре въ цари Михаила сына Ѳедоровича.

(Пѣла 70-лѣтняя старуха).
(Калужской губ., Боровскаго у.).

IX.

Изъ Записокъ гетмана Жолкѣвскаго.

Гетманъ, сколько мнѣ извѣстно, хотя посылалъ къ е. в. королю тотчасъ послѣ Клушинскаго сраженія, надѣясь, что дѣло дойдетъ до переговоровъ, и просилъ, чтобы е. в. король прислалъ изъ сенаторовъ и другихъ, къ тому способныхъ; ибо онъ не имѣлъ никакого наста-

вленія на подобный случай;—однакожъ за болѣзнью ли е. в. короля, которою онъ въ то время былъ одержимъ, или по какой-нибудь другой причинѣ, не было прислано гетману никакого наставленія. Дѣла же не терпѣли отлагательства, и Москвитяне должны были немедленно принять надлежащія мѣры. Обманщикъ, который былъ близко, своими происками старался о себѣ, и большая часть Московской черни была къ нему весьма хорошо расположена, а патріархъ побуждалъ, чтобы (и представлялъ одного изъ двухъ) избрали или князя Василія Голицына или Никитича Романова, сына Ростовскаго митрополита [1]), это былъ юноша, можетъ быть, пятнадцати лѣтъ. Представлялъ же онъ его потому, что митрополитъ Ростовскій, отецъ его, былъ двоюродный братъ (по матери) царя Ѳеодора: потому что царь Ѳеодоръ родился отъ царя Іоанна тирана и отъ родной сестры Никиты Романовича, Ростовскій же митрополитъ сынъ сего послѣдняго; однакожъ къ патріаршему мнѣнію болѣе склонялся народъ, а все почти духовенство было на сторонѣ Голицына...

Гетманъ, имѣя слѣдовательно тогда опасеніе, чтобы не сдѣлался перевѣсъ на чью-нибудь сторону и чтобы обстоятельства не затруднились, особенно имѣя въ виду то, что не было достаточныхъ средствъ для приведенія дѣлъ къ концу войною, хотя не имѣлъ отъ е. в. короля инструкціи, долженъ былъ объявить, что хочетъ заключить съ ними договоръ, и крестнымъ цѣлованіемъ утвердить сообразно съ статьями, которыя были представлены е. в. королю Салтыковымъ и прочими боярами подъ Смоленскомъ, и въ силу которыхъ заключенъ былъ у нихъ съ сенаторами договоръ, уже подтвержденный подписью и приложеніемъ печати е. в. короля. Поелику же о прочихъ статьяхъ или артикулахъ передъ е. в. королемъ ничего не было упомянуто ни Салтыковымъ, ниже кѣмъ-либо другимъ, а потому-то гетманъ не имѣетъ никакой инструкціи и слѣдовательно не можетъ согласиться на такія дѣла, совѣтовалъ, чтобы лучше чрезъ пословъ своихъ уговаривались съ е. в. королемъ; касательно Русской вѣры и многихъ другихъ несообразностей, гетманъ не хотѣвши удалить ихъ отъ себя отказомъ, обращалъ ихъ къ е. в. королю.

Когда гетману довелось уговариваться о прочихъ дѣлахъ съ боярами, то онъ склонялъ къ тому, чтобы послы къ е. в. королю какъ наискорѣе были высланы. А поелику тѣ лица, которыя имѣли притязаніе на царство (т. е. Никитичъ Романовъ, молодой сынъ митрополита Ростовскаго, и князь Василій Голицынъ), были подозрительны тѣмъ, чтобы, по какому-нибудь случаю, не пріобрѣли вновь прежняго расположенія [народа], то гетманъ старался и уговаривалъ Голицына принять на себя посольство, представляя ему, что великія дѣла должны быть совершаемы великими, какимъ онъ есть, мужами; увѣряя притомъ, что чрезъ это посольство онъ будетъ имѣть первое мѣсто и первый доступъ къ милости е. в. короля и королевича. Это предложеніе понравилось Голицыну и онъ принялъ на себя посольство. Никитичъ Романовъ (какъ упомянуто выше) былъ юноша, а потому никакъ нельзя было включить его въ посольство; но гетманъ постарался, чтобы назначили посломъ отъ духовнаго сословія отца его (дабы имѣть какъ бы залогъ). Онъ представлялъ, что на такое дѣло нуженъ человѣкъ честный, по нашему почтенный, не только по достоинству, но и по происхожденію, а этимъ указывалъ какъ бы пальцемъ на отца Никитича, Филарета, митрополита Ростовскаго; ибо знаменитостію происхожденія никто изъ духовныхъ не былъ ему равенъ, равно какъ и самомъ митрополита, занимающимъ второе мѣсто между митрополитами Московскими [т. е. царства Моск.].

---

[1]) Т. е. Михаила, сына Ѳеодора Никитича Романова, Ростовскаго митрополита (Филарета).

Московская Губернская Центральная Библиотека
СКОПРЕД. УЧ.